

«Целый и невредимый»

Серия «Поворот судьбы» – 2

Люси Леннокс и Слоан Кеннеди

Переводчик/оформитель – Ксения Солнцева

Редактор – Валентина Дейнека

Обложка – Настёна Гунина

Перевод выполнен для группы – https://vk.com/beautiful_translation

Аннотация

Я тонул в течение долгого времени. Никогда не думал, что найду того, кто знает, каково это...

Самопровозглашенный плейбой Эйден Вейл имеет все – красивую внешность, успешную карьеру, много наличных денег в банке и бесконечный запас мужчин, которым известно... одна ночь – это все, на что можно рассчитывать. Так что последнее, чего он хочет, или в чем нуждается, это наладить связь, которая может означать впустить кого-то в свою душу, больше, чем он пока к этому готов. Но когда вмешивается судьба, и Эйден оказывается на пути того, кто угрожает снести все его тщательно выстроенные стены, он быстро понимает, что молодой человек, в которого он влюбился, скрывает болезненную тайну.

У меня наконец-то есть шанс на свободу. Я больше никому и никогда не позволю забрать ее у меня...

Эш Валентайн просто ищет выход, и последнее, чего он хочет, или в чем нуждается, это другой человек, контролирующий каждый аспект его жизни. Отчаянно нуждаясь в деньгах, которые помогут ему сбежать от жестокого бойфренда, Эш соглашается на то, что изначально должно было стать временной работой в местном кафе. Но он не был готов к встрече с роскошным и загадочным Эйденом Вейлом, к небольшим проявлениям доброты, которые постоянно получает, работая в очаровательной кофейне и к новым друзьям, которых начинает постепенно заводить.

Испугавшись, что снова станет слишком зависим от кого-то другого, того, кто станет о нем заботиться, Эш отказывается от неоднократных предложений Эйдена о помощи в любом виде. Но когда становится ясно, что за потребностью Эйдена спасти его кроется нечто большее, Эш начинает задумываться, неужели он встретил того, кто так же сильно нуждается в спасении, как и он сам.

Я знаю, что он хочет спасти меня, но что, если он сам нуждается в спасении...

По мере того, как их робкая дружба превращается в нечто большее, начинают всплывать давно похороненные секреты. Когда потребность Эйдена защищать Эша сталкивается с желанием молодого парня быть независимым, воспоминания о том, кого он не смог спасти, начинают рваться на хрупких нитях души Эйдена, и он вынужден посмотреть в глаза правде, от которой скрывался в течение длительного времени.

Рискуя потерять то, что они только обрели, найдут ли Эйден и Эш способ принять свое прошлое или позволят боли утащить их на самое дно навсегда?

Предупреждение: включает упоминания о домашнем насилии.

Пролог

Эйден

— Эйден!

Я открыл рот, пытаюсь крикнуть ему, что иду, но грохочущая волна обрушилась сверху, накрывая и беспощадно утягивая на дно, а морская вода тут же попыталась заполнить легкие и я захлебнулся. Мышцы горели, но я нырнул поглубже, изо всех сил борясь с течением, которое грозило вынести меня обратно на берег.

— Эйден! — было первое, что я услышал, снова вынырнув за глотком воздуха.

Сделав вдох, и лихорадочно вертя головой по сторонам, я вопреки всему отчаянно надеялся, что мне удастся разглядеть хоть что-нибудь в кромешном мраке и лишь каким-то чудом смог различить очертания машущих рук меж накатывающими одна за другой волнами.

— Я иду! — удалось выкрикнуть. — Не сопротивляйся течению!

Ужас заструился по венам вместе с кровью, придавая больше сил, и я поплыл, решительно рассекая водную толщу. Очередная волна обрушилась, накрывая и заставляя быстро нырнуть поглубже, но стоило вновь вынырнуть на поверхность, как темнота ночи вдруг сменилась дневным светом, а вокруг меня уже бушевало вовсе не открытое море.

— Эйден, помоги!

Я узнал этот голос.

— Беннет? — прокричал я в замешательстве, дернув головой и оглядываясь вокруг в поисках своего лучшего друга.

Меня швыряло из стороны в сторону, пока я сражался с бурлящей горной рекой, в которой оказался. Мутная вода неслась ревущим потоком, нещадно била в лицо, и я отчаянно пытался поддерживать свое равновесие.

— Беннет, где ты?! — крикнул я ему.

Боже, пожалуйста, пусть он будет на берегу. Я не могу потерять и его тоже.

— Эйден... — позвал Беннет, и его голос прозвучал гораздо тише... слабее. Учитывая насколько шумно грохотала вода, я не должен был его услышать, но казалось, что Беннет где-то рядом со мной.

Однако это было не так.

— Я иду, — ответил я, понимая, что это ложь.

Я не смогу добраться к нему, если не найду его.

— Прости, Эйден, мне жаль...

— НЕТ! — закричал я во все горло. Потому что знал, что означают эти слова. Я продолжал слышать их на протяжении пятнадцати гребанных лет. — Держись! — потребовал я.

Я найду его. На этот раз я спасу его.

Адреналин хлынул в кровь и мне удалось ухватиться за ветку одного из тех огромных бревен, что неподвижно лежали вдоль берега реки. Подтянувшись достаточно, чтобы не уйти на дно и лихорадочно оглядываясь по сторонам, я отчаянно искал взглядом Беннета.

А потом я увидел его. Всего в нескольких десятках футов вверх по течению. Его темные волосы мелькали над водой, иногда исчезая под ней, пока он боролся с бурным потоком.

— Беннет, я здесь! — закричал я. Крепко держась за ветку одной рукой, протянул другую так далеко, как только мог. — Хватайся за руку!

Но он проплыл мимо, его ладонь скользнула всего в нескольких футах от моих протянутых к нему пальцев. Время замедлилось, когда глаза Беннета на краткий миг встретились с моими, и я увидел в них отражение тех слов, которые он не мог произнести.

— НЕТ! — закричал я, отпустив ветку и бросаясь к нему. — Останься со мной, Беннет! — умолял я, чувствуя, как сжимается горло.

Отчаяние рвало сердце на куски, когда пальцы коснулись его, но он даже не попытался схватиться за мою руку. Его пустой, безжизненный взгляд задержался на мне всего на мгновение, и потом Беннет ушел под воду.

Я разозлился. На него, на воду, на весь мир... а затем бросился вперед, расходуя каждую оставшуюся каплю своей энергии. Вода царапала кожу и больно была по мне, но я отчаянно боролся с ней. Голос, зазвучавший в моей голове, попросил меня просто отпустить... потому что так будет легче. Стоит мне только это сделать... не будет боли, лишь покой.

Этот голос был мне знаком.

Лучше, чем мой собственный.

И боже, как же я хотел последовать за ним. Как же мне хотелось почувствовать те самые руки, что обнимут меня, окутывая теплом и даря ощущение дома.

— Нет, — прошептал я. — Беннет... нужно спасти Беннета...

Я выкрикнул его имя еще раз и из последних сил ринулся к нему. Когда пальцы нашарили под водой что-то твердое и холодное, и крепко сомкнулись вокруг него, я с усилием потянул Беннета на себя. Пришлось бороться с рекой несколько долгих секунд, прежде чем она все-таки сдалась и отпустила тело, которое с силой врезалось в меня. Обхватив его руками, я быстро перевернул Беннета, не обращая внимание на то, что мы все еще посреди неумолимо бурного течения горной реки.

Это было не важно. Мы вместе. Я добрался до него вовремя. Теперь все будет хорошо.

Но стоило перевернуть неподвижное тело и взглянуть на лицо, как я понял, что оно принадлежит вовсе не Беннету.

Оно было моим собственным...

Я резко дернулся, проснувшись и жадно хватая ртом воздух, как будто мои легкие действительно заполнила вода. Только вместо быстрой бурлящей горной реки где-то в самом сердце Колорадо, я был у себя в кровати, в своей фешенебельной квартире на Манхэттене. Простыни насквозь промокли, потому что я вспотел как ненормальный. Дыхание еще не успело полностью восстановиться и вырывалось шумными рваными выдохами, когда я схватил телефон с тумбочки и, нажав кнопку быстрого набора, поднес его к уху. Пальцы дрожали так сильно, что едва удавалось держать телефон в руке.

Это был всего лишь сон, напомнил я себе.

Просто чертов гребаный сон.

Пока гудки сменялись гудками, с каждой новой секундой мой страх становился все сильнее и сильнее.

— Возьми трубку... — потребовал я. — Возьми трубку!

И когда я уже был уверен, что мой звонок окажется переадресован на голосовую почту, в трубке раздался сонный голос.

— Алло?

— Беннет? — выдохнул я, чувствуя, как облегчение заполняет всего меня разом.

— Эйд? — на том конце слышался шелест и шорох, и я различил на заднем плане еще один голос.

Зендера — бойфренда Беннета.

— Это Эйден, — пояснил ему Беннет, а затем проворчал в трубку, — чувак, сейчас середина ночи.

Я глянул на часы, понимая, что еще только начало четвертого утра. Черт, я даже не подумал о том, который сейчас час. Единственное, что меня волновало, это немедленно убедиться, что с моим лучшим другом все в порядке... что это в самом деле был всего лишь дурацкий сон.

— Что-то случилось? — спросил Беннет. — Ты в порядке?

— Эм, да... — ляпнул я, пытаюсь придумать правдоподобную причину для своего звонка. — Я... я...

— Боже, Эйд, только не говори, что ты опять звонишь мне по пьяни. Кто этот парень?

— Никто, — быстро пробормотал я. — Просто тот вышибала из клуба «Red», — солгал без труда. — Как мы и предполагали, он любит покричать. Превосходный экземпляр.

Я практически видел, как Беннет закатывает глаза в ответ.

— Как думаешь, мы можем перенести шоу «Кто-трахался-с-Эйденом-прошлой-ночью» на другой раз?

В груди все напряженно сдавило, когда я кивнул и пробормотал:

— Можешь не сомневаться. Передай Рейнджеру Риду: пусть в качестве компенсации затрахает тебя до беспамятства.

— Задница, — пробормотал Беннет, но я различил улыбку в его интонации.

— Спокойной ночи, Беннет.

— Хэй, Эйд?

— Да?

— У тебя точно все в порядке?

В глазах зацепало, но я умел держать себя в руках. Слезы для слабаков.

— У меня в ушах до сих пор звенит, но этот крикун действительно умеет сосать член...

Беннет положил трубку до того, как я успел закончить свое предложение. Спустя секунду телефон в ладони ожил коротким жужжанием, оповещая о входящем сообщении.

Беннет: *Задница. Спокойной ночи. Завтра поговорим.*

Я улыбнулся и, отложив телефон, поднялся с кровати. Понимая, что уснуть снова уже не удастся, принял душ, натянул футболку, спортивные штаны и пару беговых кроссовок. Захватив телефон и наушники, через несколько минут я уже выходил из здания, по пути кивнув своему швейцару. Следующие два часа я провел бегая по Центральному парку Нью-Йорка.

Вернувшись с пробежки, еще час потратил на тренажерный зал, что располагался здесь же, в здании, и лишь потом, наконец, почувствовал себя более-менее собранным и спокойным, чтобы приступить к своему рабочему дню. Я не спеша принял душ и оделся, а затем включил компьютер, чтобы просмотреть файл на одного из потенциальных клиентов, с которым встречался этим утром. Парень был перспективным квотербэком «Нью-Йорк Джетс» и контракт с ним стал бы мощным толчком для PR-фирмы, которой я управлял вместе со своим младшим братом Чейзом. Пока что дела шли вполне неплохо, учитывая, что наш бизнес все еще технически находился на начальной стадии, только-только делая свои первые шаги, так что заполучив в клиенты кого-то типа Бомбардира Флинна, мы бы тут же отправились в совершенно новую стратосферу, и потенциал нашего бизнеса, который удалось бы развить, стал бы просто астрономическим.

Весь следующий час я изучал подробный файл, который собрал на этого человека, а затем захватил ноутбук с телефоном, и сунул их в сумку. Чтобы добраться до моей любимой кофейни по оживленным, заполненным спешащими людьми тротуарам города, у меня ушло около получаса. Небольшое тематическое кафе было мне не по пути, но еще как стоило тех лишних двадцати минут, которые я ежедневно тратил, чтобы получить чашку идеального напитка от дружелюбного личика.

Место походило на зоопарк, когда я добрался туда, но в этом не было ничего необычного. Кто-то врезался мне в плечо, столкнувшись со мной в дверях, как раз, когда я входил внутрь. Парень едва внятно пробормотал извинения, но прежде чем я успел ответить, он уже поспешил прочь вдоль тротуара улицы, и все, что мне удалось рассмотреть, была лишь его голова с темными волосами и сгорбленная спина, когда он ссутулился, спрятав руки у себя в карманах.

Оказавшись внутри небольшого пространства, я занял очередь и терпеливо ждал, пока не встретился взглядом с неизменным баристой этой кофейни, занятой у эспрессо-машины. Она ослепительно мне улыбнулась и приветственно кивнула. Пусть я и не мог сократить очередь, но благодаря Эмили все равно знал, что мой кофе уже будет ждать меня, когда подойдет черед. Быстро скользнув глазами по залу, одновременно с этим пытаюсь нашарить рукой телефон у себя в сумке, я наткнулся взглядом на один из пустых столиков неподалеку. Мое внимание привлек оставленный кем-то красный кожаный дневник на нем. По мере того, как очередь медленно продвигалась вперед, я все ждал, когда же объявится хозяин, чтобы забрать его, но когда этого так и не произошло, подхватил дневник сам, проходя мимо столика, чтобы потом отдать его за стойкой на кассе.

Взгляд непроизвольно скользнул по потрепанной обложке, замерев на выпуклых инициалах в правом нижнем углу.

Э. В.

Моих инициалах.

Странное совпадение заинтриговало меня, и я распахнул дневник в поисках полного имени. На переднем форзаце ничего не обнаружилось, поэтому я стал листать дальше, чтобы заглянуть в

конец, но замер, когда взгляд вдруг выхватил небрежный рисунок, от которого по телу прошла холодная колючая дрожь.

Это был океан.

Дикий, бушующий океан с огромными волнами. Мне удалось разглядеть нечто, что походило на крохотную фигуру, нарисованную в основании одной из волн. Это был... это был человек, который изо всех сил пытается держать голову над водой?

Нет, этого не может быть. Вероятно, тот, кто это нарисовал, просто таким образом затенил воду.

Прости, Эйден, мне очень жаль...

Ночной кошмар, который я так старательно пытался забыть все утро, вернулся с удвоенной силой, а взгляд прикипел к словам, написанным под рисунком.

Океанские слезы катятся по моим щекам

Вместо моих собственных,

Которых уже давно во мне нет.

Они высохли, после того как я совершил это погружение

бесчисленное количество раз.

Правда в том, что

это вовсе не погружение.

И никогда им не было.

Это удар, толчок.

Борьба за право обладания.

Предательство.

Снова и снова,

я погружаюсь

в холодную горькую пучину.

Как я мог забыть,

каково это, выйти на берег, купаясь в лучах солнечного света.

Счастливым, легким, свободным...

Забыв про правду.

Когда я достигну края,

облака будут низко нависать надо мной,

сильный ветер обжигать своим дыханием,

кусаться.

Черные глубины.

Страх возвращается,

Напоминая мне...

Навязчивые строки потрясли меня, пробрав до глубины души, и, прежде чем понял, что делаю, я перевернул страницу и прочел другую запись. Мое горло сжалось, пока я читал о боли и страхе, которые были мне хорошо знакомы. Мир вокруг вдруг перестал существовать, когда я потерялся, растворившись на страницах чьего-то дневника.

— Доброе утро, мистер Вейл.

Я поднял глаза, отреагировав на веселый женский голос, понимая, что незаметно добрался до стойки.

— Доброе утро, Дженни, — кивнул я и, вытащив бумажник, отсчитал несколько купюр.

Наличие дневника в руках делало это не совсем удобным процессом, отчетливо напоминая о том, что мне следует отдать его молодой улыбчивой девушке за стойкой, чтобы она смогла вернуть вещь законному владельцу, когда тот объявится. Но, даже протянув ей деньги, я не смог заставить себя отдать ей дневник.

Не знаю, почему.

Хотя, нет... я знал почему, и здесь совершенно нечем было гордиться.

— Хорошего дня, — довольно прошептала Дженни, протягивая мне мой стакан и мелочь в качестве сдачи, которую я тут же бросил в банку для чаевых, в последний раз пытаюсь заставить себя отдать чужой дневник. Но потом взгляд вновь замер на инициалах на обложке.

И я молча отошел от стойки.

Мне просто нужно было еще немного времени наедине с этой вещью. Я могу вернуть его завтра, и владелец никогда не узнает, что я его прочел. Никто ведь не пострадает?

Захотелось фыркнуть от того, как я развернул всю ситуацию. В основном я лгал, зарабатывая этим себе на жизнь, поэтому было довольно патетично, что я решил, что называется, «взять работу на дом» и начал лгать самому себе.

Тем не менее, это не помешало мне уйти из кофейни с дневником в руках.

Всего один день.

Мне просто нужен был еще один день, чтобы ощутить эту необъяснимую связь с безымянной душой, которая каким-то образом смогла облечь в слова то, в чем я никогда не имел смелости признаться... даже себе самому.

Глава 1

Эйден

— Черт, — пробормотал я, стоило открыть дверь в кафе на следующий день и увидеть очередь нетерпеливо переминающихся в ожидании вождельного кофеина людей.

Выскочив из дома на полчаса позже чем обычно этим утром, я, тем не менее, питал огромную надежду на то, что это никак не повлияет на мою обязательную утреннюю остановку в «Телепортируй Меня Латте», однако мне следовало бы догадаться, что меня ждет. Какой бы сумасшедшей не была жизнь на Манхэттене, в ней все же присутствовала особая точность. Час пик в городе походил на тщательно поставленный танец, и, если ты выбивался из ритма даже на самую малость, то в сущности оказывался в полной заднице. Мне действительно нужно было преодолеть свое увлечение небольшой тематической кофейней в стиле «Стар Трек» и просто выбрать какую-нибудь из тех, что находились поблизости от моего офиса.

Продолжая повторять себе это снова и снова, я все равно будто послушный маленький солдат занял свое место в очереди, чувствуя, как холодный воздух с улицы вонзается в голую кожу шеи, когда подпер приоткрытую дверь позади себя. Женщина передо мной хмуро глянула через плечо, но я проигнорировал ее взгляд, потому как не собирался ждать снаружи на зверском холоде, лишь бы она была спокойна. К счастью, не прошло и минуты, как очередь чуть сдвинулась, что позволило двери за моей спиной захлопнуться полностью, и мне пришлось пережить всего несколько некомфортных секунд, когда очередной клиент покидал кофейню, впустив резкий порыв ледяного воздуха, характерный для позднего февраля.

Я вытащил телефон из кармана и набрал быстрое сообщение брату, предупредив его, что немного опоздаю. Как и ожидалось, ответ пришел всего через несколько коротких секунд, в котором содержалась гифка, изображающая Звезду Смерти¹, и текст:

«Я люблю свой кофе, как Звезду Смерти – на темной стороне и настолько мощным, чтобы уничтожить планету»

— Задница, — пробормотал я себе под нос, пока набирал ответ. — *Не тот фильм, говнюк.*

То, что я обратился к нему так же, как делал это, когда мы были помладше, служило отличным доказательством тому, насколько истощенным я себя чувствовал. Чаще всего я был как скала, не реагируя на подобные выпады, но явно не сегодня.

Прошлой ночью я опять отвратительно спал. Мне снова снился тот же сон, хотя на этот раз его концовка оказалось еще более жестокой, чем обычно.

Потому что теперь меня звал не Беннет. Нет, на этот раз в воде был кто-то другой, и он звал меня. Я не узнал его голос, но слова были до жути знакомыми.

Какой смысл всплывать на поверхность, если у меня нет больше сил сделать вдох?

Строчка из дневника навязчиво преследовала меня почти двадцать четыре часа, и я пожалел, что вообще взял эту чертову вещь. Я ненавидел себя за то, что прочитал его от корки до корки уже дважды, и за то, что даже сейчас желание спрятаться у себя в офисе и прочитать его снова было чертовски сильным. Мне нужно было взять себя в руки, сфокусироваться, а не раздумывать над

¹ **Звезда Смерти** - вымышленная боевая космическая станция, астророоружение из вселенной «Звёздных войн». Оснащена сверхмощным энергетическим лазерным оружием чрезвычайной разрушительной силы, способным уничтожать целые планеты.

тем, какую боль должен был пережить таинственный автор дневника, чтобы написать такую цепляющую прозу.

Я не нашел ни единой подсказки, что указала бы на личность владельца, но, казалось, дневник служил ему сразу для нескольких целей. В нем были записаны стихи, случайные мысли, были даже дневниковые записи. А еще имелось несколько строчек с нотами и время от времени попадались рисунки. Я чувствовал себя невыносимо виноватым, особенно читая личные записи в дневнике, адресованные кому-то по имени Билли. В действительности они больше напоминали письма и их содержание указывало на проблемные отношения – автор часто спрашивал себя, что они сделали неправильно. Тот, кто написал это, оплакивал потерю чего-то, и я отчаянно хотел знать, что это было.

Но вместе с тем, и не хотел.

Я мотнул головой, несмотря на то, что пальцы так и чесались вытащить небольшой дневник из кармана пальто, чтобы еще раз внимательно пролистать его и, возможно, все-таки найти полное имя владельца.

Черт, это не имело значения. Пытаясь отвлечься, я зашел в браузер на телефоне и начал просматривать последние спортивные новости в поисках того, кто вскоре, как я надеялся, станет новым клиентом VP Ассошиэйтс. Найти то, что я искал, не составило особого труда. Взгляд скользнул по фотографии молодого человека, на руке которого повисла великолепная женщина, пока он широко улыбался репортерам. Я практически слышал его голос, пропитанный поддельным южным шармом, когда он отвечает на вопросы и позирует журналистам так, как тем хочется.

Бомбардир Флинн — типичная напыщенная задница.

Это просто невозможно было не заметить.

И он отстойно пытался притворяться кем-то другим, вместо того, кем был на самом деле — высокомерным, чрезмерно самонадеянным спортсменом, считающим себя величайшим Божьим подарком футболу и всем женщинам. За период своей очень короткой, хотя и чрезвычайно успешной карьеры, он умудрился оттолкнуть от себя большую часть своих товарищей по команде, разозлить разных тренеров и владельцев команд, и порхать от одной модели или актрисы к другой, пока нес чушь о том, что выведет свою команду к победе в Суперкубке в этом году. Это дерьмо не слишком хорошо выглядело в прессе, и, хотя я и подозревал, что Бомбардир был вовсе не против подобного пиара, поскольку процветал на любом внимании, которое получал — будь оно положительным или отрицательным — его подкованный агент решил, что пора взяться за серьезный контроль всех брешей в репутации, прежде чем Бомбардир ощутит на себе влияние своего языка-помело.

Именно в этот момент и появился я.

Я был экспертом по связям с общественностью и у меня это чертовски отлично получалось. Это отнюдь не высокомерное заявление, а чистейший факт. Доказательством тому стало то, что из всех пиар-фирм Ширли Фрост, агент нескольких наиболее громких имен в мире профессионального спорта, связалась именно со мной, включив VP Ассошиэйтс в свой топ-два, чтобы выяснить, как заставить Бомбардира Флинна выглядеть в глазах общественности слегка переусердствовавшим, таким недопонятым, добрым южным старым малым, который просто живет своей мечтой на полную катушку.

Это было полнейшее дерьмо.

Потому что парень этот был совершенно безнадежен. Я возненавидел его с той самой секунды, как только он вошел в наш конференц-зал вчера, и сжал мою ладонь в типичном рукопожатии «*мой-член-больше-чем-твой*».

Парень был редкостным придурком с высокими запросами, который всерьез меня раздражал. Но, независимо от моего личного мнения, для нашего агентства стало бы мощным прорывом, если бы мы смогли заполучить его в качестве своего клиента. Так что я сыграю свою роль и сделаю все, чтобы этот мудака подписал с нами контракт, а затем просто передам его в распоряжение своего брата, чтобы дальше тот лично имел с ним дело изо дня в день на постоянной основе.

Звук разбившейся посуды заставил меня оторвать взгляд от телефона. Почти все в кофейне последовали моему примеру, отвлекаясь от своих телефонов и компьютеров, чтобы посмотреть на молодого человека за стойкой, который стоял в полном ступоре, шокированно уставившись на пол.

— Прости, — тихо произнес он и перевел взгляд на баристу, — единственного человека, который сегодня находился за стойкой рядом с ним, — Эмили.

Парень, казалось, был в ужасе от произошедшего, и даже несмотря на то, что я находился не настолько близко, чтобы рассмотреть его лицо, я все равно смог ощутить напряжение, что прокатывалось по его телу мощными волнами, пока он застыл на месте.

В ожидании.

И я был без понятия, чего конкретно он ждал.

Но когда все посетители вернулись к тому, чем были заняты перед этим, я все равно не спускал с него глаз. Он же, в свою очередь, не спускал глаз с Эмили, которая казалась совершенно невозмутимой, деловито помешивая чей-то напиток, а затем накрывая высокий стакан крышкой.

— Ничего страшного, милый, — произнесла она. В ее голосе не было ни капли злости или разочарования.

— Извини, — повторил молодой человек, а затем резко дернул головой, оглядываясь по сторонам, как будто что-то искал. Только после того, как внимательно просканировал всю кофейню взглядом, он, казалось, немного расслабился. Даже с того места, где стоял, я видел, как краска залила его щеки. Все внутри сжалось, когда он посмотрел на меня.

Я ожидал, что он продолжит сканировать кафе дальше, или по крайней мере опустится, чтобы убрать то, что упало на пол, но он застыл, не двигаясь и не отводя от меня взгляда. Я не мог понять, какого цвета его глаза, но разглядел темные волосы, что были гораздо темнее, чем мои каштановые, и худощавую комплекцию. Можно было с уверенностью сказать, что он по крайней мере на несколько лет младше меня, где-то чуть больше двадцати. Моя реакция на него была мгновенной и неожиданной.

Нет, в том, что он меня привлек, не было абсолютно ничего неожиданного. Он был прекрасен. Я мог сказать это даже находясь там, где стоял. Неожиданность заключалась в том, что пришло вместе с этим влечением.

Это было чувство, которого я не испытывал уже очень давно... с тех самых пор, как встретил Беннета много лет назад, когда тот был еще желторотым первокурсником с по-детски привлекательным личиком, а я — озадаченным второкурсником, не способным определиться, чего же мне хочется больше: трахнуть своего нового симпатичного соседа по общежитию или стать его лучшим другом.

Я сделал и то, и другое.

Наш секс не продлился долго, но моя потребность защищать мягкую натуру Беннета от суровости окружающего мира была настолько сильной, что таковой осталась и по сей день.

Только это не имело ничего общего с тем, что я хотел сделать для молодого человека, который в данный момент смотрел на меня так, будто разглядел во мне некий спасательный круг. Я непроизвольно улыбнулся и кивнул ему. Это вывело его из оцепенения и, быстро опустив глаза, он поспешно присел. Через мгновение парень появился в поле зрения снова, держа в руках разбитую тарелку и разломившуюся на куски булочку. Выбросив все в большой мусорный бак позади себя, он снова пробормотал извинение, на этот раз пожилому мужчине, что стоял напротив него по другую сторону кассового аппарата. Я не мог рассмотреть клиента или расслышать его ответ, но когда парень нахмурился, а затем направился за новой булочкой к кондитерской витрине, незаметно вытирая глаза, мне едва удалось сдержать себя, чтобы не прошагать к стойке и не надрать задницу этому посетителю.

Когда все вернулось к нормальному ритму, и молодой человек продолжил обслуживать клиентов, я в свою очередь продолжал наблюдать за ним. Он определенно нервничал, и у меня возникло сильное подозрение, что это его первый рабочий день. Я достаточно давно был в числе завсегдатаев *«Телепортируй Меня Латте»*, чтобы знать в лицо всех сотрудников, работающих здесь, и, безусловно, его бы запомнил точно. Когда, наконец, подошел мой черед, меня практически захлестнуло волнующим возбуждением. Мне уже довелось расслышать мягкие мелодичные переливы в его голосе, когда он помогал людям в очереди, но рассмотреть его по-прежнему было сложно из-за высокого дорожного человека, стоявшего передо мной.

Первое, на что я обратил внимание, когда он посмотрел на меня, это его глаза.

От них захватывало дух.

Да, я слегка поэтизировал, но мне еще никогда прежде не доводилось видеть такого поразительного оттенка голубых глаз. Бледный, почти серебристый цвет у зрачка, на краях радужки переходил в более темный, насыщенный серый цвет грозовых облаков.

— Эм-м, что я могу Вам предложить? — поинтересовался он, и его голос прозвучал неуверенно. Он быстро опустил свои красивые глаза, но затем снова поднял их на меня, хотя, казалось, ему пришлось заставить себя сделать это. Вынужденно.

Как будто смотреть кому-то в глаза требовало определенного усилия.

Мне стало интересно, почему.

— Вот его, милый, — произнесла Эмили, поставив мой напиток на стойку рядом с кассовым аппаратом. — Большой американо, до краев, — пояснила она и, уже обращаясь ко мне, заметила: — Ты сегодня поздно. Горячее свидание прошлой ночью?

Я едва уловил, что она говорит со мной, потому что все мое внимание было сосредоточено на молодом человеке, тщательно нажимающем кнопки на планшете перед собой. Его напряженный и сфокусированный на этом процессе взгляд интриговал, и мне вдруг стало интересно, концентрирует ли он так много внимания на всем, что делает. И еще, я заметил, что у него перебинтовано левое запястье.

— Нет, — удалось мне ответить. — Ты же так и не объявилась.

Эмили усмехнулась и покачала головой.

— Тебе со мной не справиться, — парировала она, а затем коснулась руки молодого парня. Он тут же подскочил, отшатнувшись от нее, прежде чем, казалось, смог взять себя в руки.

— Это вот этот, верно? — спросил он, указывая на что-то на экране планшета. Эмили сделала вид, что не обратила внимания на его странную реакцию и кивнула в ответ, а затем бросила на меня взгляд, но ничего не сказала.

Эмили была владелицей кофейни и старшей из двух женщин, которые обычно работали в утреннюю смену, хотя, думаю, она все же была моложе меня. Мы безобидно флиртовали друг с другом с самого первого дня, несмотря на то, что она знала, что я гей. Мне пришлось озвучить этот факт, когда одна из ее сотрудниц, настойчивая и бойкая девица, посчитала своим долгом постоянно демонстрировать мне свой пышный бюст в просвете декольте, умоляя при этом пойти с ней на какую-то вечеринку, которая, она обещала, будет просто «эпической». Девушка продержалась не долго.

— Дженни наконец-то отправилась вслед за большим и лучшим? — поддразнил я.

Эмили покачала головой.

— Ох уж, эта девушка, — вздохнула она. — Ей вдруг что-то стукнуло в голову, и она решила отправиться в поход на три месяца в Непал со своим парнем. Бросив меня на произвол судьбы, пока здесь не появился Эштон...

Она почти дотянулась, чтобы снова прикоснуться к молодому человеку рядом с собой, но прежде чем сделать это, передумала и отдернула руку.

— ...прискакал на своем коне и спас положение. Герой дня. Только вчера взяла его на работу, так что у него что-то вроде ускоренного курса... полегче с ним.

В ее голосе улавливался намек на реальное предупреждение, и я не мог не задаться вопросом, подметила ли она в отношении этого парня то же самое, что и я... что бы ни скрывалось за его красивыми глазами, это был не просто стресс от начала новой работы.

— Эштон, это мистер Вейл... — начала Эмили.

— Эйден, — вмешался я, игнорируя взгляд, которым она меня одарила.

— Эйден, — наконец уступила Эмили, соглашаясь, — Эйден, это Эштон.

Эштон не взглянул на меня, пробормотав приветствие, которое я едва смог разобрать.

— Ты в порядке? — спросила его Эмили.

— Да, прости, — вновь пробормотал парень, кивнув головой. Его взгляд переместился на меня, когда он назвал стоимость моего напитка, а Эмили тем временем вернулась к работе над следующим заказом.

Я как раз протянул пятидолларовую купюру, когда Эштон внезапно развернул планшет, по-видимому решив, что я собираюсь провести кредитную карту через считыватель на нем, как и большинство других клиентов. Я автоматически дернулся назад, когда он практически ударил меня по костяшкам пальцев.

— О боже, простите, — произнес Эштон, развернув планшет обратно, как будто это каким-то образом могло нейтрализовать его предыдущее действие. На этот раз планшет действительно ударил меня, не сильно, но оставив легкое саднящее ощущение после контакта.

Хотя судя по реакции Эштона, я с тем же успехом мог только что лишиться пальца.

— Простите, — скрипнул он, отступая на шаг.

— Все нормально. Ничего такого, что нельзя было бы исправить четырехкратной ампутацией костяшки, — я подмигнул ему в надежде, что это его успокоит, а затем устроил целое шоу, протягивая пятидолларовую купюру снова, только на этот раз подняв руку высоко над планшетом, как будто устройство было открытым измельчителем древесины. Но попытка пошутить, казалось, не произвела на него впечатления, потому что он снова побледнел. Мельком глянув на Эмили, Эштон забрал у меня деньги.

— Я... я сейчас дам сдачу, — пробормотал он.

— Оставь себе, — ответил я, чертовски надеясь, что он посмотрит на меня. Проклятье, я понятия не имел, почему это так важно.

Но он этого не сделал.

— Хэй, Эштон?

Он замер, внося деньги в кассу, а затем поднял на меня взгляд. И выглядел при этом так, будто стоял перед шеренгой расстрельной команды.

— Все в порядке, — я поднял руку, чтобы показать ему свои пальцы. — Видишь? — раздвинув их, изобразил знаменитый жест Спока. — Живи долго и процветай.

Глаза Эштона на миг расширились, и вдруг легкая красивая улыбка коснулась его губ.

И, черт возьми, она осветила весь мой гребаный день, став самым ярким его моментом.

День, который технически еще даже не начался.

Захватив свой кофе, я усилием воли заставил себя отвернуться от Эштона.

— Мистер Вейл?

От звука его голоса по спине прошла дрожь. Я обернулся.

— Да пребудет с Вами Сила, — сказал он с огоньком веселья в глазах.

— Эйден, — напомнил я ему. И, слегка склонившись над стойкой так, чтобы только он мог меня услышать, добавил: — А завтра я подробно расскажу тебе, что не так с этим заявлением.

Лишь когда я снова развернулся, направляясь прочь, мне удалось разобрать, что он прошептал в ответ. Его слова сразу же стали новым ярким моментом моего дня.

— Жду этого с нетерпением.

Глава 2

Эш

Что, черт возьми, я только что сказал?

Я наблюдал, как мужчина — Эйден — уходит и отчетливо ощущал тошноту, прокатывающуюся волной по желудку. Черт, слова просто сами сорвались с языка. Как это вообще произошло? Я собирался полностью его игнорировать, но потом он сделал чертов жест Спока и это тепло... этот удивительный, невероятный жар пробежал по моим венам, успокаивая меня.

Прошло так много времени с тех пор, как я чувствовал нечто подобное.

Не то, чтобы я никогда раньше не замечал красивых парней, вот только в этом высоком мужчине с каштановыми волосами было что-то еще, нечто иное. Его окружала аура уверенности, которую можно было легко принять за высокомерие, но в сапфировых глазах отражалась доброта, и это заставляло меня думать, что уверенности в нем все же больше, чем высокомерия. Тепло постепенно начало исчезать и мой взгляд машинально скользнул к окнам, чтобы посмотреть не идет ли снег снова. После стольких лет жизни в Финиксе я все еще не мог привыкнуть к виду снега, и, хотя мне понравилось мое первое «Белое Рождество», я по-прежнему не определился, каково это, иметь все четыре времени года. По правде говоря, я знал, что погода, вероятно, не имеет особого отношения к тем чувствам, что я испытываю к Нью-Йорку.

Как и к тому факту, что мне всегда холодно.

Я заставил себя сосредоточиться на очередном клиенте, что стоял передо мной, и был рад, когда Эмили повторила его заказ из-за гигантской эспрессо-машины, поэтому мне не пришлось снова тараторить его на одном дыхании. Кофе с пониженным содержанием кофеина, двойными сливками, без пенки... Я не мог снова облажаться. В смысле, мне конечно нравился латте, время от времени, который можно было купить на каждом шагу, но все эти люди были определенно одержимы своими заказываемыми напитками.

Я до сих пор не понимал, как здесь очутился. Двадцать четыре часа назад я вошел в небольшую кофейню, заметив восковую фигуру Капитана Кирка² в натуральную величину, которая привлекла мое внимание в витрине кафе, когда я проходил мимо. Мне хотелось на несколько минут спрятаться от промозглого холода и совершенно не хотелось идти домой, но каким-то образом моя попытка отвлечься привела к тому, что всего через несколько часов у меня неожиданно появилась работа.

Едва успев накануне выпить половину своего латте, я вздрогнул от жужжания телефона и поспешно схватил его, чтобы прочесть зловещее сообщение на экране.

Где ты?

Сами по себе слова не являлись зловещими ни в каком смысле, но я знал Билли достаточно хорошо, чтобы буквально услышать, как он произнес их мне на ухо.

Его вопрос не был продиктован любопытством. Вовсе нет, он хотел знать, где я, потому что меня не было там, где он ожидал меня застать.

Дома.

Послушно ждущим его на случай, если он решит вдруг заскочить.

Быстро набрав ему, что зашел за протеиновым смузи в новую кофейню неподалеку от дома, на которую случайно наткнулся, я предложил захватить еще один коктейль для него. Должно быть, мой ответ его успокоил, потому что следующее сообщение было простым.

Как обычно. Поторапливайся. Мне скоро нужно уходить.

Мне повезло сразу по двум фронтам. Во-первых, рядом с моей квартирой действительно находилось смузи-кафе, а во-вторых, там не оказалось очереди.

Собственно, на этом вся моя удача себя исчерпала, потому что Билли уже ждал меня в квартире, когда я туда добрался, и он не был в настроении разговаривать... или слушать. Он просто

² Джеймс Тибериус Кирк – персонаж научно-фантастического телевизионного сериала «Стар Трек» – «Звёздный путь: Оригинальный сериал» и его многочисленных продолжений.

заехал, чтобы кончить. Мне следовало это предвидеть, потому что в тот день у него была важная встреча, но я был слишком погружен в свои собственные мысли.

Зайдя в квартиру, я мысленно проигрывал некоторые текстовки, которые вертелись в голове, когда на меня внезапно напали со спины и массивная рука крепко обхватила за плечи, впившись пальцами в предплечье. От неожиданности я испуганно подскочил, и, непроизвольно вскрикнув, прижал руку к сердцу. Билли отпустил меня, а затем сложился от смеха.

— Черт возьми, Билли. Ты до смерти меня напугал. Пожалуйста, не делай так больше. Боже... — от глупых слез запекло в глазах, когда из-за выброса адреналина резко зачастил пульс.

Он прекрасно знал, что я ненавижу, когда меня так пугают. Прошло всего несколько лет с тех пор, как я прошел лечение от серьезного сердечного заболевания, и ему было известно, насколько я боялся всего, что могло поставить мое состояние под угрозу. Мне до сих пор было сложно поверить, как он мог быть таким нежным до и после операции, а теперь устраивать подобные дерьмовые приколы, зная при этом, что я ежедневно живу в страхе за свое здоровье, которое может снова ухудшиться.

— Не будь таким педиком, Эштон. Доктор сказал, ты в порядке, — засмеялся он.

— Он не совсем это сказал. Кроме того, мне не нравится, когда меня пугают, и ты это знаешь, — проворчал я. — Вот твой коктейль.

Я давно привык опускать глаза рядом с ним, потому что именно так ему, похоже, нравилось больше всего, поэтому удивился, когда он схватил меня за подбородок, чтобы заставить посмотреть на него. Сильные пальцы впились в кожу, и я приложил все усилия, чтобы не поморщиться от боли, боясь, что он усилит хватку и оставит следы.

Тогда-то я и понял, что потерял бдительность, став чересчур болтливым, и теперь мне придется за это поплатиться.

— Мне не нравится, когда мне читают нотации, как какому-то сраному мудаку. Я пришел сюда, чтобы, блядь, провести немного дурного времени со своим, блядь, парнем, так что избавь меня от своего нытья и перестань вести себя как последняя сучка.

— Прости, — тихо произнес я, уже зная, что будет дальше.

Мне следовало догадаться, что он будет на взводе из-за своей встречи. И следовало предвидеть, что ему захочется секса без разговоров. Забыть об этом было на меня не похоже. Я сделал глубокий вдох, а следом за этим и то, что должен был, чтобы как можно быстрее закончить нашу встречу.

В конечном итоге, все продлилось недолго... редко когда бывало иначе, если я говорил и делал правильные вещи, а у меня было достаточно времени за период наших отношений, чтобы уяснить, что Билли любит, а что нет. Только когда уже уходил, с коктейлем в руке и удовлетворенным выражением на лице, Билли поставил меня перед фактом, что его не будет в городе большую часть месяца. Я прекрасно знал, что жаловаться на изменения в его расписании, сделанные в последний момент, себе дороже, поэтому просто молчал, ответив лишь вежливым кивком, когда он выложил свои ожидания по поводу моего поведения на время его отсутствия.

В этом не было ничего нового. И у меня было много лет, чтобы практиковать подобное поведение тоже.

Несмотря на практику и то, как бы отчаянно я ни старался, мне не всегда удавалось предугадать, что конкретно выведет Билли из себя в следующий момент, и свидетельством этому стало то, что произошло дальше.

Как только Билли вышел из квартиры, я забрался в душ и включил воду, сделав ее настолько горячей, насколько мог вытерпеть, чтобы попытаться смыть его прикосновения со своего тела. Неожиданно Билли вернулся за чем-то, что он забыл, и, вместо того, чтобы застать меня лежащим в постели в посторгазмической дымке наслаждения, где, как он самонадеянно полагал, я должен был все еще находиться, он обнаружил меня под потоками горячей воды, пока я практически стирал свою кожу в кровь.

Вывернув запястье, Билли заломил мне руку за спину, и зарычал на ухо:

— Не знал, что моя сперма настолько отвратна для тебя, Эштон. Ты хоть представляешь, сколько людей готовы убить за то, чтобы оказаться на твоём месте? Чтобы иметь подобную квартиру, оплаченную их мужчиной, так, чтобы единственной заботой было только весь день сидеть на заднице и становиться на колени? Понятия не имел, что для тебя это такое страшное испытание. Что ты едва дождался, пока я уйду, чтобы буквально тут же запрыгнуть в душ и избавиться от запаха моего секса.

Стальная хватка выкручивала мое запястье с каждым произнесенным словом все сильнее, пока я не почувствовал, как из носа начинает течь. Слава богу, из-за воды, льющейся из душа, это было незаметно.

— Нет, Билли, все совсем не так. Извини, я просто... — начал было я, но он с силой меня встряхнул, чтобы заставить заткнуться.

— У меня нет времени задерживаться и вновь затевать с тобой эти дерьмовые пляски, Эштон. Думаю, я попридержу то пособие, которое собирался тебе оставить, чтобы вместо этого ты жрал то, что найдешь в кладовке. Нет необходимости покидать квартиру, когда у тебя совершенно очевидно есть над чем подумать, пока меня не будет. Когда вернусь, то рассчитываю, что твое дерьмовое отношение останется в прошлом. В последнее время ты ведешь себя как форменное дерьмо, и мне это не нравится. Я и так под большим прессингом на работе. И когда прихожу сюда, то хочу расслабиться и быть счастливым. Тебя убьет, что ли, хоть изредка мне улыбнуться? Блядь...

Выйдя из ванной он разочарованно покачал головой, как будто я был каким-то непослушным ребенком, который упорно делал не то, что ему велели.

В действительности же мою душу просто рвало в клочья, когда я осознал, что все, что когда-либо делал, было именно то, и только то, что мне сказали. Давным-давно я понял, что все хорошее, что нас с Билли когда-то связывало, изжило себя много лет назад, но решить уйти от него и уйти на самом деле — было двумя совершенно разными вещами. Я сам допустил это, оказался в этой точке, где на данный момент он практически владел мной. Билли платил за все, а после неприлично больших медицинских счетов у меня закончились все деньги, которые были, включая небольшое наследство, доставшееся от родителей. Я все еще был должен тысячи и тысячи больницам и врачам, и после того, как отказался от стипендии в колледже, чтобы следовать за Билли в развитии его карьеры, я никогда не смогу заработать достаточно, чтобы жить самостоятельно.

Но ничто из вышеперечисленного не сравнится с истинной причиной, по которой я не мог уйти от него. Твою мать, он же просто убьет меня. Билли, в которого я влюбился много лет назад, казалось, больше не существовал, тот Билли, с которым я был теперь, мог избивать меня, пока я буквально не начну истекать кровью, лежа на полу.

Я заставил себя перестать думать о нем и попытался выкинуть из головы всю эту ситуацию. К счастью, у меня было на что отвлечься, и я сосредоточился именно на этом. Быстро закончив принимать душ, в который вернулся после того, как Билли снова ушел, я поспешил записать музыку, что вертелась у меня в голове, чтобы не забыть ее. Но в ту же секунду, как вышел из душевой, мой и без того дерьмовый день стал еще хуже, потому что ко мне пришло внезапное осознание.

Я забыл свой дневник.

В кофейне.

Будь проклята чертова статуя Капитана Кирка.

Быстро натягивая на себя одежду, я практически молился Споку, старому доброму Капитану, а затем и всем остальным персонажам Стар Трек, которых только мог вспомнить, чтобы мой дневник оказался на том же месте, где я его оставил, когда ворвался в дверь кафе.

Но его там уже не было.

И я вдруг сломался.

Заплакал, будто ребенок, прямо там, посреди кофейни, в окружении фотографий с автографами, которые принадлежали Леонарду Нимою, Вильяму Шатнеру и всему остальному актерскому составу, посреди бесконечной атрибутики Стар Трек: пластикового фэйзера, сертификатов из Академии Звездного Флота в рамках и экшн-фигурок Ворфа³. Моим единственным спасением стало временное затишье в кафе, потому что в очереди стояло всего несколько человек. Когда уже знакомая бариста положила руку мне на плечо и спросила, в чем дело, я, не обращая внимания на свой сопливый нос и мокрые глаза, поинтересовался, не возвращал ли кто потерянный дневник. Когда она грустно покачала головой и ответила, что нет, я тяжело опустился на ближайший стул, горько оплакивая утрату одной из последних связующих ниточек с моей прошлой жизнью.

Дневник был подарком родителей... их самым последним подарком. В совокупности с гитарой отца, это был весь мой мир.

Да, жалкое зрелище... в двадцать четыре года вся моя жизнь вращалась вокруг маленькой книги в кожаном переплете, полной бессмысленных каракулей и бесполезных слов, а также музыкального инструмента, который нуждался в гораздо большем количестве любви и внимания, чем я мог позволить себе ему уделять, но сложилось так, как сложилось. Последние несколько лет мой мир постепенно сужался все больше и больше, и потеря дневника сейчас ранила до глубины души.

Бариста, Эмили, пыталась утешить меня, но я был практически безутешен. Вместо того, чтобы проигнорировать или выгнать вон, она приготовила мне восхитительно сладкий латте, провозгласив его рецептуру семейным секретом, который она ни за что, никогда и никому не продаст даже под страхом смертной казни хоть через миллион лет, поклявшись при этом, что дает мне его лишь только попробовать. Пока я пил, она сидела со мной и болтала, рассказывая о том, как Леонард Нимой и Уильям Шетнер заходили в кофейню, в которой она работала в Лос-Анджелесе. Она была «трекки»⁴ сколько себя помнила – супер Трекки, даже больше, чем я сам – и встреча с кумирами побудила Эмили отважиться на самый большой риск в своей жизни – открыть собственную тематическую кофейню. Я слушал ее вполуха, пока она рассказывала мне свою историю, по-видимому, пытаясь отвлечь от потери дневника, напомнив, что это *всего лишь*

³ Ворф (англ. Worf) – офицер Звездного Флота, персонаж вселенной «Звездный путь», герой сериалов «Звездный путь: Следующее поколение» и «Звездный путь: Глубокий Космос 9», а также полнометражных фильмов.

⁴ Треккеры (англ. Trekkers) или трекки (англ. Trekkie) – поклонники научно-фантастической вселенной «Звездный путь» (англ. Star Trek). На сегодняшний день трекеры представляют собой большое движение. Традиционно наиболее многочисленно трек-движение в англоязычных странах – в Англии и на родине сериала, в США.

дневник, в конце концов. Но только когда я наконец заметил, *что* она держит в руках, которые лежали на поверхности стола, я действительно начал вслушиваться в ее слова.

Когда она закончила рассказывать о том, как Спок и Кирк специально приходили сюда, в Нью-Йоркскую кофейню, чтобы одобрить ее, после того, как услышали историю Эмили на каком-то форуме в интернете, посвященном Стар Треку, мой взгляд прикипел к надписи *«Требуется помощь»*, что виднелась на листе бумаги меж ее пальцев, и я поинтересовался, не нужен ли ей работник.

Через двадцать минут я вышел из кофейни с собственным графиком работы, личным фартуком и шансом обрести то, в чем так отчаянно нуждался, сам даже не подозревая об этом до того момента, пока Эмили не постучала короткими ногтями по объявлению *«Требуется помощь»*.

Свобода.

Как только я вышел за дверь, обеднев на один дневник, но при этом обогатившись работой на неполный рабочий день в кофейне «Стар Трек», у меня случилась полномасштабная паническая атака. Закончилось тем, что я нырнул в переулок, где меня вывернуло наизнанку за мусорным баком, когда я наконец осознал, что же натворил, и что со мной сделает Билли, если об этом узнает. А потом я вспомнил, что его не будет в городе почти целый месяц.

Что, если это тот самый шанс, которого я так долго ждал?

Один короткий месяц, чтобы понять, как построить новую жизнь.

Это было полнейшим безумием.

Все, целиком.

Это никогда не сработает.

Билли обязательно как-нибудь узнает, и после этого последние несколько лет покажутся мне гребаными каникулами.

Но мне уже было плевать.

Совершенно.

А потом я заплакал.

И плакал.

И плакал.

Большими, искренними, счастливыми всхлипами, которые истощили меня настолько, что захотелось просто свернуться калачиком на земле прямо там, среди мусора, пустых бутылок из-под алкоголя и выброшенных медикаментов, и уснуть. Я заставил себя подняться на ноги только потому, что существовала вполне реальная вероятность, что Билли вновь появится без предупреждения для очередного раунда траха. К счастью, этого не произошло, и остаток дня и ночи я провел, пытаюсь понять, как осуществить свой Великий Побег. Я позаимствовал название одного из любимых фильмов отца из шестидесятых годов. Мне даже представлять не хотелось, что он подумал бы обо всем этом.

Разумеется, мой грандиозный план накроется медным тазом, если я не soberюсь и не возьму себя в руки. Заставив себя огромным усилием воли забыть про ходячий секс, коим был Эйден Вейл, я сосредоточился на следующем клиенте. К тому времени, как моя смена закончилась в полдень, я разбил четыре тарелки, пролил кофе на двух клиентов, а также на планшет, который Эмили

использовала в качестве кассового аппарата, и потратил впустую еды стоимостью по крайней мере долларов в десять. Уже не говоря о том количестве заказов, которые я перепутал, и которые Эмили пришлось переделывать.

Все тело болело, когда я усталое опустился на один из пластиковых стульев в той маленькой комнате отдыха, что Эмили отвела для сотрудников. Моя смена закончилась и на работу заступили другие ребята. Я непроизвольно выпрямился, когда Эмили вошла в комнату ослепительно мне улыбнувшись.

— Как себя чувствуешь, милый? — поинтересовалась она, машинально наводя порядок в комнатухе. Это я заметил в ней очень быстро — Эмили была одержима порядком.

И это не сулило мне ничего хорошего.

— Прости, — я вытащил из кармана лист бумаги, над которым работал все утро.

— Простить? За что, дорогой?

Нежность Эмили болью отозвалась в груди, и я автоматически коснулся ее рукой, прежде чем понял, что делаю.

— Я не смогу вернуть все деньги сразу, но скоро у меня будет остальное, — я протянул ей листок бумаги вместе с пятнадцатью долларами, которые удалось наскрести в карманах из предыдущего пособия, выданного Билли на прошлой неделе.

— Это что такое? — уточнила она, разглядывая бумагу и не дожидаясь ответа, нахмурилась. — Долговая расписка?

Я кивнул.

— Я в самом деле очень ценю то, что ты дала мне эту возможность...

То, как Эмили внезапно оказалась рядом, плюхнувшись на стул возле меня, испугало, заставив непроизвольно дернуться от нее в сторону, когда она попыталась положить ладонь мне на колено.

Блядь.

— Прости, — автоматически брякнул я в ответ на ее недоуменное выражение.

— Ладно, милый, давай-ка с этим разберемся, — произнесла она и ее голос прозвучал на удивление не терпящим возражений. Не злым, просто... решительным. — Я не знаю, что ты думал, должно произойти, — Эмили показала жестом между нами. — Но этого, — она подняла мою расписку с деньгами, — точно не будет.

Отложив деньги на столик рядом, она вновь повернулась ко мне.

— Ты отлично сегодня справился, Эштон. Тебе пришлось учиться крайне напряженной работе, не имея при этом никакой подготовки. Ты был вежлив с клиентами, даже когда они злились, и ты научился всему быстрее, чем кто-либо, кого я знаю, схватывая все буквально на лету.

Ее слова почти лишили меня дара речи.

Почти.

— Я был ужасен, — прошептал я. — Разбил посуду. Пролил кофе. Все это стоит денег, чтобы возместить...

— Думаешь, ты первый, кто разбил тарелку или уронил выпечку? — отмахнулась Эмили, а затем подалась вперед, слегка прищурившись. — Теперь ты послушай меня. Ты. Был. Сегодня. Замечательным. — она сделала паузу, а затем добавила. — Я не шутила, когда сказала, что ты спас меня, выйдя сегодня на работу, Эштон. Управлять собственным делом, значит работать двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю и не всегда удастся найти наилучших помощников. Ты старательно и тяжело трудился сегодня, и не важно, насколько все было сложно, ты продолжал работать и не подвел меня. Это многое значит. Только не говори этого Дженни, потому что она моя кузина и я люблю ее, но я очень надеюсь, что она сбежит со своим парнем и станет каким-нибудь экологом — гринписовцем, чтобы я смогла предложить тебе больше рабочих часов. Посуда, булочки, разлитый кофе — все это можно заменить. Хороших людей заменить невозможно.

От ее слов сжалось горло, но я сдержал непрошенные слезы. Она действительно... верила в меня?

Я наблюдал, как она полезла в карман и вытащила оттуда небольшую пачку наличных, а затем отсчитала несколько купюр.

— Сегодняшние чаевые, — указала она кивком на деньги. — Каждая смена делит их пятьдесят на пятьдесят.

— Нет, — машинально отказался я, но она все равно сунула их мне. Я не мог не вздрогнуть, когда ее рука чуть коснулась перебинтованного запястья, и мгновенно проклял себя за ту боль, что отразилась у нее в глазах. Она отстранилась, осторожно положив деньги на стол. Мне хотелось извиниться, но, казалось, будто в горло кто насыпал горсть битого стекла.

— Послушай, Эштон, — начала она осторожно, — так тоже не пойдет... — и я понимал, о чем она говорит. — Я не знаю, кто стал причиной этого взгляда в твоих глазах... или причиной всего остального, — ее взгляд на миг скользнул по бинту на моем запястье, — но постарайся помнить, что это была не я. Сейчас, я знаю, это нелегко, но все равно попытайся, потому что вряд ли ты взялся за эту работу только потому, что тебе нужны деньги.

Я был рад, когда она не потребовала у меня подтверждения своим словам. До этой минуты я даже не осознавал, что она абсолютно права. Изначально я взялся за работу именно ради денег и того, что это будет для меня значить, но в тот же миг, как она назвала меня «милый», стоило мне только войти этим утром в кофейню, я ощутил кое-что еще, нечто другое. Теплое чувство дружеской симпатии — то, над чем мне не хотелось слишком сильно задумываться.

Я не мог себе этого позволить.

Потому что уже ошибался в таких вещах прежде, причем чудовищно.

И все еще продолжал за это расплачиваться.

Я не мог быть тем другом, которого она хотела, но, возможно, было кое-что еще, кроме потенциального источника дохода, что я мог бы испытать, пока я здесь. Может, я смогу понять, как много потерял из-за Билли.

— Итак, увидимся завтра? — спросила Эмили, поднимаясь и оставляя на столе чаевые плюс долговую расписку и мои пятнадцать долларов.

Я кивнул, и она развернулась, чтобы уйти.

— Эмили... — прошептал я. Страх сковал все тело, когда я собрался нарушить еще одно правило Билли. — Не могла бы ты... не могла бы ты называть меня Эш, пожалуйста? — попросил я.

Если она и посчитала просьбу странной, то никак не прокомментировала ее. Вместо этого просто улыбнулась.

— Да, Эш, с удовольствием. Увидимся завтра утром.

— Завтра, — пробормотал я, кивнув ей. Слова, сказанные Эйдену, вернулись, преследуя меня.

Черт, я действительно с нетерпением ждал этого... завтра.

Когда подобное происходило со мной в последний раз?

* * *

У меня все еще был шанс. Я не понимал, как такое возможно, но у меня все еще был шанс. Я давно перестал верить в Бога, но все равно продолжал посылать молитвы благодарности тому, кто бы там ни присматривал за мной сверху, за то, что Эмили решила оставить меня... по какой-то только ей известной причине.

И вся эта затея с именем... черт возьми, о чем я только думал? Билли пришел бы в ярость, узнай он об этом. Он терпеть не мог имя «Эш», говорил, что так оно звучит слишком «по-бабски». Поэтому начал называть меня Эштон, хотя никто и никогда не называл меня так, даже когда я был ребенком. Я подозревал, что если бы он смог найти возможность, как это повернуть, то непременно заставил бы меня сменить имя полностью.

Я поглубже закутался в пальто, когда редкие снежинки закружились в воздухе, пролетая рядом со мной. Как только я свернул к пешеходному переходу, мой телефон ожил, оповещая о входящем сообщении своим жужжанием.

Билли: *Где ты сейчас находишься?*

Знакомый нервный спазм скрутил все внутренности узлом, но потом я вспомнил, что он в Калифорнии и вздохнул с облегчением. Поначалу хотелось ответить, что я дома, в квартире. Но что-то удержало меня от этой лжи. Да ради всего святого, у меня было полное право гулять по улице в одиночестве посреди дня.

Эштон: *Гуляю по кварталу, уже возвращаюсь домой. А что?*

Билли: *В квартире есть кое-что для тебя.*

Сердце затрепетало от предательской надежды, что было нелепо и смехотворно. Я уже проходил через это прежде, так много раз, что и не сосчитать, и усваивал этот урок снова и снова, на собственной шкуре и своих же ошибках.

Ни один из его милых жестов не компенсировал причиняемой им боли.

Эштон: *Буду там минут через пять или меньше. Напишу, когда доберусь туда.*

Войдя в здание, я поднялся к себе домой, все еще глядя в телефон. Дверь в квартиру уже была открыта, и никакая доставка меня там не ожидала.

— Привет? — интуитивно обратился я к пустой квартире.

— Хэй, милый, — произнес Билли, выходя из спальни с огромной ухмылкой на лице.

Мое сердце зачастило как ненормальное от неожиданности, когда я увидел его здесь, в Нью-Йорке, в то время, как полагал, что он уже давно на безопасном расстоянии от меня в районе западного побережья.

— Хэй... — начал я медленно, мысленно перебирая любую возможную мелочь, которая могла бы выдать ему мою новую работу или планы. К счастью, фартук остался в кофейне. — Что... что ты здесь делаешь? Я думал, тебе нужно улететь? — я очень надеялся, что мой вопрос прозвучал скорее удивленно, чем обвинительно.

Он торжественно вытащил гигантский букет роз из-за спины.

— Решил сделать тебе сюрприз. Мне стало стыдно за то, что пришлось так быстро уйти вчера и оставить между нами все на такой неприятной ноте. Я был напряжен из-за своей встречи и мне не стоило так на тебе срываться. Простишь меня?

Я стиснул челюсть, все еще с трудом пытаюсь уложить в голове факт его неожиданного присутствия здесь. Какая-то часть меня чувствовала себя абсолютно преданной. Я ощущал себя обманутым, лишившись своего вновь обретенного чувства уверенности и свободы. Успев лишь совсем немного испробовать их вкус, но тем не менее даже этого было достаточно, чтобы понять, что я хочу больше.

— Так ты остаешься? — уточнил я, потянув время в надежде, что смогу справиться с нервами и сказать ему то, что я действительно хотел сказать.

— Нет, все равно улетаю. Просто отправлюсь поздним рейсом сегодня. Лимузин ждет внизу, — он положил цветы на стол и, подойдя ближе, взял мое лицо в ладони. — Ты счастлив меня видеть? Что это за хрень у тебя на запястье?

Я быстро спрятал руку, на запястье которой был бинт, за спину.

— Просто напульсник, — соврал я. Мою челюсть будто свело судорогой. — Если ты не улетел вчера вечером, тогда почему не остался здесь? Где ты был?

Его взгляд потемнел, а хватка на моем лице стала крепче.

— У меня были дела, — уклончиво ответил он.

Много лет назад я бы не заметил лжи в его глазах. Я был в таком отчаянии, что верил всему, что он мне говорил. Но теперь... теперь с меня было достаточно. Понятия не имею, что именно побудило меня это сделать, но я произнес:

— Ты был с Сиенной прошлой ночью?

Сиенна притворялась подружкой Билли, была его «бородой». Он водил ее на работу и выставлял напоказ, пока она всячески висла на нем, чтобы обмануть неандертальцев, с которыми он работал.

Билли отпустил меня, но не отступил.

— Почему ты всегда это делаешь? — вздохнул он, качая головой.

Я проигнорировал его вопрос и надавил. Мне хотелось услышать от него чертову правду хотя бы раз.

— Почему ты не вернулся? — спросил я, становясь напористым и глупым. — Или хотя бы не поехал к себе?

Глаза Билли сузились, а руки сжались в кулаки. Я сделал вдох, стараясь дышать ровно.

— Может, потому, что мне хотелось побыть с тем, кто не достает меня и не наезжает, блядь, всякий раз, когда я прихожу. С кем-то, кто просто заставляет меня чувствовать себя хорошо, не пытаюсь предъявлять претензии, ставить требования и заявлять свои права, усугубляя то гребаное давление, под которым я и без того постоянно нахожусь, — выплюнул он.

— Я знаю, что ты спал с ней, Билли, — тихо сказал я. Мне не понравилось то, насколько израненным прозвучал мой голос, но ничего не мог с этим поделать. Где-то в глубине сознания я понимал, что наши отношения закончились уже давным-давно, но по какой-то причине мое сердце не спешило осознать этот факт.

— Ты в самом деле пытаешься затеять со мной чертову ссору сейчас? После того, как я остался здесь ради того, чтобы увидеться с тобой? После того, как я, блядь, принес тебе цветы? У тебя крыша, что ли, съехала? Почему ты всегда это делаешь? Как будто ты даже не хочешь быть счастливым. Я приехал сюда, чтобы провести время со своим парнем, и что делаешь ты? Провоцируешь меня на скандал из-за какого-то незначительного дерьма?

— Не думаю, что спать с кем-то еще — незначительное дело, — я не стал утруждать себя упоминанием того факта, что давно подозревал, Сиенна всего лишь одна из последних любовниц в длинной веренице его измен. — Но знаешь, что? Это неважно. Похоже, ты готов двигаться дальше, и это нормально. Может, если она сделает тебя счастливым, тебе лучше быть с ней. Все в порядке, Билли. Я согласен, ты постоянно находишься под ужасным прессингом, и думаю, если я уйду, это гораздо облегчит тебе жизнь и ослабит давление, — произнес я, ненавидя себя за то, что даже сейчас не мог выпустить весь свой гнев наружу и сказать ему то, что на самом деле хотел. Что я считал его ублюдочным мудаком, за то, что он без конца изменял мне, снова и снова. Нет, мне следовало быть осторожным и обставить даже это в угоду ему.

Он уставился на меня, а затем расхохотался.

— Да неужели? Ты что, шутишь?

— Нет. Я бы не стал шутить на подобную тему, — заверил я его. — Я серьезно.

— Ты пытаешься порвать со мной, говоря, что мне лучше без тебя? Как будто я сам этого не знаю? — он еще немного посмеялся. — Ты хоть представляешь, насколько проще стала бы моя жизнь, если бы в ней не было тебя, Эштон? — зарычал он, медленно передвигаясь по гостиной и ударяя кулаком по мебели, которая попадалась ему на пути.

Я не ответил, потому что пытался совладать со страхом, чтобы покончить с этим раз и навсегда.

Тем временем Билли продолжил разглагольствовать.

— Как будто бы мне нужно твое разрешение или благословение, чтобы бросить тебя. Забавно...

На него вдруг снизошло внезапное спокойствие, и он решительно направился ко мне. Я машинально опустил глаза. Со взбешенным Билли я мог справиться. С этим Билли — нет. Этот Билли проявлялся редко...

Почему, черт возьми, я не смог вовремя заткнуться и просто придерживаться своего плана?

— Посмотри на меня, Эштон, — угрожающе процедил Билли.

Я послушался и наткнулся на ледяной взгляд зеленых глаз.

— Чего конкретно ты хочешь? — поинтересовался он, хотя судя по тону его голоса, он уже знал мой ответ и просто проверял меня, чтобы посмотреть, действительно ли я пойду на это.

На кончике языка вертелась привычная ложь, которой я мог бы его успокоить, сказав именно то, что он хочет услышать. Что я устал и мне жаль, что я провоцировал его на скандал. Что мне тяжело представить, как я проведу без него целый месяц, и что именно это заставило меня разозлиться на него, потому что я буду очень скучать по нему.

Но потом я вспомнил сегодняшнее утро и ту искреннюю радость, с которой меня встретила Эмили, стоило мне войти в кофейню, а затем очаровательную улыбку Эйдена Вейла, когда он сделал жест Спока, и я вспомнил все те теплые, смутные чувства, которые во мне вызвали эти мелочи. Мелочи, которых я не испытывал так давно, с тех пор, как в моей жизни появился Билли.

— Все кончено, Билли.

Его ответ был мгновенным и предсказуемым в своем намерении. Я даже не пытался избежать руки, что тут же сомкнулась на моем горле, но споткнулся, когда Билли со всей силы толкнул меня назад. Его хватка не ослабла ни на йоту, в то время как он грубо впечатал меня в стену у входной двери, захлопнув ее, потому что я забыл сделать это, когда вошел. Хватка начала сжиматься крепче, и я машинально потянулся, чтобы схватиться за душившую меня руку.

— Хочешь сказать мне это еще раз, Эштон? — спросил он угрожающе спокойным голосом.

Я не смог бы ответить, даже если бы захотел, потому что не собирался тратить ни унции драгоценного кислорода. Хотелось плакать, когда я отрицательно покачал головой, в надежде, что это хоть как-то его успокоит. Мне так отчаянно хотелось быть сильным, чтобы противостоять ему, но сработал мой инстинкт самосохранения.

— Ты хоть представляешь, от чего я отказался, чтобы быть с тобой? — прошептал Билли. — У тебя никого не было, помнишь? Кто единственный приходил в ту больничную палату каждый день на протяжении целого, блядь, гребаного года, чтобы побыть с тобой и сказать, что ты с этим справишься? Кто позаботился обо всем остальном, пока ты лежал на больничной койке? Кто похоронил твоих родителей? Кто оплатил твои счета? Кто заботился о тебе, когда тебя наконец выписали?

У меня имелся целый ряд вопросов, которые я тоже мог бы задать ему.

Кто сломал мне руку, потому что я сделал ошибку, неосмотрительно поблагодарив официанта, обслуживавшего нас в вечер нашей годовщины?

Кто избил меня до потери сознания, так, что я едва мог ходить, когда я настаивал на том, что хочу вернуться в колледж и закончить образование?

Но я держал рот на замке, несмотря на то, что Билли наконец-то ослабил хватку у меня на шее.

— Кто любит тебя больше всего на свете, Эштон? — его интонация смягчилась.

Голос Билли был полон боли, а пальцы начали нежно ласкать мою кожу. Но я больше не поведусь на это, ошибочно приняв жест за то, чем он на самом деле не являлся. В эту долбанную секунду мы с ним застыли прямо в самом сердце бури. Если я неправильно сделаю или скажу то, что должен, меня к чертям сметет безумным ураганом снова, и кто знает, где я после этого приземлюсь.

Придерживайся чертового плана, Эш.

— Ты... — прошептал я. — Ты, Билли. Никто не любит меня так, как ты.

Стеклянный взгляд Билли поблек, и рука скользнула ниже, накрывая мою грудь в области сердца, которое все еще мучительно билось внутри.

— Верно, — пробормотал он.

Его губы нежно коснулись моих. Я чувствовал, как слезы выжигают глаза, но мне удалось сдержать их. Билли углубил поцелуй, и я позволил ему, но через мгновение у него зазвонил телефон, и я в очередной раз мысленно возблагодарил то таинственное божество, что помогало мне. Билли извлек телефон из кармана.

— Да? — бросил в трубку. — Да, хорошо, сейчас спущусь.

Облегчение начало неконтролируемо растекаться по мне, но я не смел ни пошевелиться, ни отреагировать еще каким-либо образом.

— Черт, мне нужно идти, или я пропущу свой рейс, — произнес Билли, погладив подушечкой большого пальца мою нижнюю губу. — Жаль, что приходится это делать. Не хочется оставлять тебя вот так... мне не нравится, когда ты становишься таким эмоциональным, Эштон, — напомнил он мне.

Я кивнул.

— Я знаю. Прости, Билли. Я плохо себя чувствую и действительно устал, — смог выдать, игнорируя желчь, что поднималась к горлу, когда я снова говорил те слова, которые пообещал самому себе больше никогда не произносить.

— Я знаю, милый, — он снова поцеловал меня, а затем отступил. — Я позвоню тебе, когда приземлюсь, и мы еще поговорим, хорошо? Мы что-нибудь придумаем.

Мне удалось кивнуть. Последний поцелуй, и он тихо закрыл за собой дверь. Я прождал добрых две минуты, чтобы убедиться, что он действительно ушел, и лишь после издал душераздирающий крик отчаяния, сползая спиной по стене, пока моя задница не грохнулась на холодный пол. А потом просто отпустил себя, даже не заботясь о том, что Билли может вернуться и застать меня в этом состоянии.

Черт, теперь это уже не имело никакого значения.

Глава 3

Эйден

На следующее утро по пути в кофейню я просто не мог выбросить из головы нового баристу. Я не переставая думал о нем в течение большей части предыдущих двадцати четырех часов. Что такого было в этом парне, который так меня встревожил? И дело тут не только в том, что он чертовски милый, нет, на этот раз было что-то еще. Может, все дело в его страхе или тревоге, или в том, что он выглядел таким потерянным. Что бы это ни было на самом деле, оно вызвало ко мне, требуя успокоить Эштона, заверить, что все в порядке. И, разумеется, это желание было гораздо больше и сложнее, чем мое привычное стремление узнать, как залезть парню в штаны. Это было странное и незнакомое чувство, и хотя мои инстинкты твердили мне не связываться с ним, я не переставал задаваться вопросом, чего он так боится.

И как я могу ему помочь.

Стоило шагнуть с промозглого ледяного ветра улицы в теплую толчею кофейни, как я тут же заметил его у стойки, где он снова работал за кассовым аппаратом. В отличие от прошлого раза, сегодня он периодически демонстрировал небольшую робкую улыбку, когда принимал заказы, как будто проверял почву. Но в моменты, когда он брал деньги и работал с планшетом, внимательно следя за тем, чтобы все сделать правильно, его лицо вновь приобретало нервную сосредоточенность. Затем, как только он вручал клиенту сдачу или напиток, эта легкая улыбка возвращалась обратно вместе с тихой благодарностью и приветствием для следующего человека в очереди.

Я наблюдал, как Эштон повторил это раз пять или шесть, прежде чем настал мой черед. Но вот я шагнул вперед, готовый поприветствовать его своей самой очаровательной улыбкой, и его лицо словно застыло, когда он узнал кто перед ним. Парень явно запомнил меня с прошлого раза, но тут же быстро опустил глаза, моментально закрывшись. Исчезла мягкая улыбка. Исчезла легкая яркость в глазах. Его место занял бесстрастный бот по обслуживанию клиентов, который безэмоционально поинтересовался моим заказом.

Эмили заметила меня и просияла.

— Доброе утро, куколка.

Я улыбнулся и кивнул ей, а затем снова взглянул на Эштона.

— Доброе утро, Эштон.

— Эш, — вмешалась Эмили и я бросил на нее быстрый взгляд. В ее глазах отчетливо читался некий намек, немое послание, призывающее воздержаться от каких-либо комментариев по поводу этой перемены.

Я глянул на бэйджик с именем на фартуке Эша и увидел, что там имя тоже изменено.

— Эш, — негромко пробормотал я, будто пытался распробовать имя на вкус. Да, оно ему определенно подходило. — Доброе утро, Эш. Как ты себя чувствуешь сегодня?

— Хорошо, спасибо, — произнес он, не отрывая взгляда от планшета.

— Опомнился уже?

Я добился своим вопросом того, на что рассчитывал — взгляд Эша мгновенно метнулся ко мне.

— Что? — в его глазах можно было различить отчетливый намек на испуг, что не имело никакого смысла, но при этом заставило меня почувствовать себя плохо, хотя я даже не знал почему.

— Ты понял, какую оплошность допустил, упоминая о том, что связано со Звездой Смерти здесь, на священной земле? — быстро произнес я, обведя жестом интерьер кофейни.

— О, — проронил он, слегка расслабляясь. Его взгляд на несколько секунд задержался на мне, когда он добавил: — Эм... Думаю, мне просто нравится играть в опасные игры, — всего на короткое мгновение крохотный огонек осветил его глаза, прежде чем он, казалось, спохватился и снова опустил их. — Что я могу Вам предложить, мистер Вейл? — переспросил он.

Его голос не был холодным или недружелюбным, скорее просто отстраненным и формальным.

— Большой американо, до краев, — повторил я машинально, даже не задумываясь. — Что посоветуешь сегодня из выпечки?

Эш вдруг оторвался от сосредоточенного вбивания моего заказа в планшет и удивленно поднял глаза.

— Что? О, хм... честно говоря, не знаю.

— Ты уже пробовал булочки? — поинтересовался я, усмехнувшись. — Поверь, они стоят лишнего времени в тренажерном зале.

— Я... больше люблю йогурт и фрукты, — заметил он поколебавшись. — Хотите булочку?

— Да. Собственно, не мог бы ты дать мне две черничные булочки и положи их, пожалуйста, в разные пакеты. Спасибо.

Я наблюдал за ним, когда Эш, кивнув, отправился доставать выпечку из кондитерской витрины. Казалось, сегодня он двигался немного более уверенно, чем накануне, и не был так сильно взволнован. Но я все равно заметил, как он то и дело осматривается вокруг. Всякий раз, когда звенел звоночек на дверях, оповещающий о том, что та открылась, он тут же напрягался, проверяя, кто вошел.

Вскоре он вернулся, вручив мне оба пакета, но один из них я протянул ему обратно. На короткое мгновение наши пальцы соприкоснулись, и я почувствовал, как по руке пробежала искра, будто током ударило. Электрический импульс. Это ощущение меня ничуть не удивило, потому что я практически сразу осознал свое влечение к Эшу, но вот Эш оказался не так подготовлен. Он шумно выдохнул, а его глаза в замешательстве метнулись к моим. До этого момента я не был полностью уверен, гей ли он, но теперь совершенно точно мог сказать, что только что Эш сам ответил мне на этот вопрос.

— Для тебя. Несомненно, у тебя будет свободная минутка. Попробуй ее и завтра расскажешь, как тебе, — предложил я с улыбкой.

Его лицо окрасилось темно-розовым оттенком, взгляд метнулся к Эмили, а потом быстро скользнул по всей кофейне, прежде чем вновь вернуться ко мне.

— С-спасибо. Но в этом нет необходимости. Я не могу принять это, — произнес он, протягивая пакет мне.

Я положил деньги на стойку, что разделяла нас, и взял у Эмили кофе, который она мне передала, а затем подмигнул Эшу.

— Назад пути нет. Если ты ее не хочешь, тогда просто выбрось. И, надеюсь, Эмили не придет за тобой со своей скалкой. Увидимся завтра, Эш.

К тому моменту, как я покидал кофейню, все его лицо пылало, но я заметил, как Эш заглянул в пакет, прежде чем сунуть его под прилавок под кассовым аппаратом, слегка при этом улыбнувшись.

Когда я добрался до офиса, все гудели от волнения по поводу прошедшей встречи со звездой НФЛ и от предвкушения предстоящей встречи с потенциальным клиентом из музыкальной индустрии. Мой помощник бегал туда-сюда, словно курица с отрубленной головой, а три пустых стакана из-под кофе на его столе указывали на то, что он был в этом состоянии уже некоторое время.

— Доброе утро, Томас, в конференц-зале все готово? — поинтересовался я, проходя мимо его стола и направляясь к себе в кабинет. Я уже знал каков будет ответ, но решил все равно спросить. Может, в процессе того, как он будет заверять меня в нашей готовности, он сам это осознает и успокоится.

— Абсолютно. Кроме того, с нами связалась агент Бомбардира. Она сказала, что им понравилось то, что они услышали вчера, и они примут решение в ближайшие пару недель, пока он на этой своей рекламной фотосессии, — произнес он, прежде чем вспомнил еще о чем-то. — О, и я получил подтверждение, что он предпочитает, чтобы его называли Бомбардиром, как ты и говорил, но у Чейза есть вся соответствующая юридическая информация для контрактов. Кроме того, Дельфиния и ее свита должны быть здесь примерно через полчаса. Я узнал, какой кофе она любит, и уже все готово. И, ох, я почти уверен, что описаюсь от восторга, когда она здесь появится. Просто будь к этому готов.

Я рассмеялся.

— Прошу, не надо. Спасибо, что помог все подготовить. Скажи Чейзу, что я встречу с ним там через двадцать минут.

Томас уже почти вышел из кабинета, но вдруг остановился и повернул ко мне голову.

— О, и твой отец звонил снова, — сказал он.

Я на миг замер, оторвавшись от того, чем был занят, и побарабанил пальцами по столу. Знакомая смесь боли и утраты впиалась в меня, но затем я покачал головой.

— Ты знаешь, что делать с его сообщением, — пробормотал вслух.

Томас лишь вздохнул.

— Да, знаю.

Он исчез, оставив меня одного, распаковывать ноутбук и загружать его. Даже несмотря на то, что мы еще не заключили контракт, мне все равно необходимо постоянно быть в курсе последних новостей о Бомбардире Флинне. А это означало регулярный мониторинг всех возможных новостных публикаций и постов в социальных сетях о нем. В отличие от предыдущих моих проверок, на этот раз всплыла фотография Бомбардира и его последней подружки-супермодели на красной ковровой дорожке. Само по себе это не являлось чем-то необычным. Что привлекло внимание, так это заголовок, в котором спрашивалось, были ли Бомбардир и его подружка в натянутых отношениях, поскольку репортер, по-видимому, несколько раз становился свидетелем яростных споров между ними за кулисами на любом мероприятии, где бы они не появлялись. Агент Бомбардира отрицал эту инсинуацию, но при этом не удосужился придать слухам какой-либо окрас.

Я подумал о его девушке. Она была из тех, чьи самые большие чаяния заключались в желании быть у всех на виду благодаря своим связям. Я знал, понаблюдав за ее предыдущими отношениями в средствах массовой информации, что независимо от того, как бы дерьмово Бомбардир к ней не относился, она будет оставаться рядом и выдти из этих отношений все, что сможет. Если он собирался продолжать встречаться с моделью, нам нужно будет придумать план, как сохранить их личные ссоры в тайне.

Я сделал мысленную пометку, чтобы не забыть поговорить об этом с Чейзом и отправить команде Бомбардира предложение, как они могут исправить ситуацию. Это без лишних слов подтвердило бы, почему Бомбардиру и его команде стоило выбрать в качестве своего пиар-агентства именно нас.

Когда я передвинулся, чтобы закрыть сумку для ноутбука и поставить ее на пол за столом, небольшой дневник, который я фактически украл из кофейни, вновь приковал к себе мой взгляд. Яркость мягкой и гладкой кожаной обложки манила, и я коснулся его кончиками пальцев, будто сокровища. Провел подушечкой большого пальца по выпуклым инициалам. *Кто же ты?* — подумал я. Вот уже второй день подряд я забывал вернуть его Эмили на случай, если в кофейне объявится законный владелец в поисках своей пропажи.

И я точно знал, почему именно забывал об этом.

Перед мысленным взором вновь промелькнул взгляд светло-голубых глаз и мягкая улыбка, и я не смог не улыбнуться в ответ на это воспоминание.

Вновь глянул на дневник, и, несмотря на твердое намерение не тратить больше ни секунды на пространные размышления о цепляющих словах неизвестного автора, не смог удержаться, чтобы не пролистнуть страницы еще раз. Бросив быстрый взгляд в сторону входной двери, дабы убедиться, что никто не направляется ко мне в офис, я вновь всмотрелся в потертые страницы. Казалось, здесь было целое собрание поэтических строф или... может быть, песен. Нечто яркое и эмоциональное. Мое сердцебиение непроизвольно ускорялось при виде тех образов, которые рождали слова. Тот, кто их написал, казался одновременно талантливым и отчасти... застенчивым. Едва ли не нежным.

Несмотря на то, что чувствовал себя законченным извращенцем, читая чьи-то сокровенные мысли, я все равно не мог заставить себя отложить дневник в сторону. Одна из записей была нацарапана боком вдоль края страницы.

«На этот раз я собираюсь сделать это. Мне нужно это сделать. Я МОГУ это сделать».

Мне стало интересно, о чем конкретно шла речь. Кто бы это ни написал, он будто бы давал себе какое-то напутствие. Я перевернул еще несколько страниц, они пролистывались словно карты при тасовке. Всякий раз, когда взгляд натыкался на записи, сделанные на полях, мне казалось, что это был способ выговориться, будь то попытка поднять свой боевой дух или просто наставление самому себе.

«Он снова это сделал. А я гребанное ничтожество. Я не могу продолжать так дальше. Не могу притворяться, будто у нас все в порядке... будто я в порядке. Хотелось бы мне, чтобы это была лишь его вина, но я знаю, что это не так. Мы оба виноваты в том, что сейчас происходит...»

Эти слова заставили меня задуматься. Было ли это про парня-подонка или босса-засранца? Почерк казался мне мужским, но опять же, откуда, черт возьми, мне было знать? Я почитал еще немного, пытаюсь определить, кто же все-таки владелец моего таинственного дневника: мужчина или женщина. Однако, прежде чем успел прочесть что-нибудь еще, в дверь просунул голову Томас.

— Чейз ждет тебя.

Я вскинул на него взгляд.

— Я же сказал передать ему, что буду через двадцать минут.

— Прошло уже двадцать пять, Эйден. Дельфиния скоро будет здесь, — ответил Томас, на его лице застыло восторженное выражение девочки-фанатки.

Я глянул на наручные часы. Да, совершенно верно, пора. Быстро засунув украденный дневник обратно в сумку, я собрал все необходимое для презентации. Если все пройдет хорошо, то я смогу

не только сидеть в ложе на игре Джетс, но и иметь доступ за кулисы в Мэдисон-Сквер-Гарден с Дельфинией.

Совсем неплохо для результатов одной рабочей недели.

* * *

Я перечитал чертов дневник снова.

Читал всю ночь напролет.

От корки до корки.

Покачив головой, я ускорил шаг, маневрируя по тротуару между людьми. Совершенно точно верну дневник прямо сегодня. Я хотел, нет... мне нужно было срочно избавиться от этой вещи в моей жизни. То ничтожно малое количество сна, которое у меня в последнее время было, неизменно заполнялось кошмарами.

Ну, не то чтобы кошмарами во множественном числе. Точнее будет сказать, одним и тем же проклятым кошмаром, с главным действующим лицом, которое превратилось в некий симбиоз безликого, безымянного автора дневника и красивого нового баристы из кофейни. Единственным утешением было то, что в моих снах больше не появлялся Беннет. Несмотря на это, я все равно просыпался в холодном поту, потому что хотя ни секунды не колебался, пытаюсь спасти Эша во сне, его пальцы выскользывают из моих через несколько мгновений после того, как я добирался до него. Я выкрикивал его имя, когда Эша затагивало на дно, и он уходил под воду. И я слышал, как он шепчет «*Прости меня...*» мне на ухо спустя несколько секунд после того, как исчезает под мерцающей поверхностью воды.

Напряжение прошло по мне, окатив мощной волной, и не ослабло до тех пор, пока я не вошел в кофейню и не увидел Эша за стойкой.

Боже, у меня вконец съехала крыша.

Я заставил себя расслабиться, очередь тем временем становилась все короче и короче. Сегодня я пришел чуть раньше, чем обычно, потому что не смог снова уснуть, так что кофейня была не сильно забита людьми. Наблюдая за Эшем, пока тот работал, я ощутил прилив гордости, когда он двигался со вновь обретенным чувством уверенности. Эш все еще напрягался каждый раз, когда дверь в кофейню открывалась, но я заметил, что он перестал всякий раз смотреть, кто вошел в нее. Мое чутье подсказывало, что для него это точно задача не из легких, и я снова и снова задавался вопросом, что же с ним случилось, чтобы довести до этой грани. Взгляд скользнул по запястью, на котором все еще виднелся бинт, и все внутри сжалось.

Нет, этого не может быть...

Эта мысль была грубо прервана, потому что подошла моя очередь и я шагнул к стойке. Даже не подняв на меня глаз, Эш произнес:

— Американо, до краев?

Я улыбнулся, когда до меня дошло.

В какой-то момент он все-таки заметил, как я вошел в кофейню. Я просто упустил это.

— Да, пожалуйста... Доброе утро, Эш.

Он непроизвольно улыбнулся, пока царапал ручкой надпись на стакане, прежде чем передать его Эмили.

— Доброе утро. Живете долго и процветаете, мистер Вейл? — спросил он, бросив на меня быстрый взгляд. Его голос был насыщенным и глубоким, он струился по мне, будто теплое молоко.

Тело мгновенно напряглось от желания, но мне удалось усмирить стояк, который грозил выдать неожиданно возникшее затруднительное положение.

— Эйден, — напомнил я ему. — Либо мне придется начать называть тебя мистер... — я вопросительно выгнул бровь, глядя на него в ожидании.

Он мгновение колебался, но поднял на меня взгляд и посмотрел в глаза. Мне захотелось издать победный клич от радости, что он не опустил его снова, как обычно это делал. Это была крохотная победа, но, казалось, будто я выиграл чертово золото на Олимпийских играх.

— Валентайн. Эш Валентайн, — произнес он. Нервно покачиваясь на носках взад-вперед в ожидании пока Эмили приготовит мой кофе, Эш тем не менее не опускал глаз.

Я не забыл улыбнуться Эмили, когда она поставила мой стакан на стойку, но затем вновь перевел взгляд на Эша. Я мог бы сам дотянуться до кофе, но не стал этого делать.

Да, я был в этом уже по уши.

Эш осторожно поднял стакан и протянул мне. Я нарочно взял его так, чтобы наши пальцы соприкоснулись, и он снова судорожно выдохнул. Несколько долгих секунд напряженной тишины он внимательно смотрел на меня и мне не хотелось нарушать этот зрительный контакт, лишь когда очередной клиент за моей спиной откашлялся, Эш быстро отпустил стакан и убрал руку.

Момент был разрушен, но я улыбнулся ему напоследок еще раз.

— Рад видеть, что на тебе не красная рубашка, Эш, — поддразнил я, ссылаясь на персонажей Стар Трек, которые носили красные рубашки и были убиты еще до того, как зрителям выпадал шанс узнать их. — Увидимся завтра.

— Подожди! — окликнул он, когда я уже развернулся, чтобы уйти.

Я обернулся, чувствуя, как мое сердце на миг задохнулось в груди.

— Да?

— Спасибо за вчерашнюю булочку... Эйден, — негромко произнес он, словно пробовал мое имя на вкус.

Тело моментально отреагировало так, будто он коснулся меня, и стало трудно сосредоточиться на его следующих словах.

— Ты оказался прав. Она стояла дополнительной долгой прогулки в парке после работы, которую мне пришлось сделать, чтобы сжечь эти лишние калории.

Я кивнул и подмигнул ему.

— Только держись подальше от ее ирисок. Стоит лишь распахнуть этот ящик Пандоры, как вся твоя зарплата вернется снова к ней.

Улыбка Эша стала шире, явив миру ямочки на его щеках, и я почувствовал, как это моментально отозвалось внизу моего живота.

— Буду иметь в виду. Хорошего тебе дня, Эйден.

— И тебе, мистер Валентайн, — поддразнил я, прежде чем уйти.

Лишь когда я покинул кофейню, наконец, сложив вместе два и два, в моем мозгу все вдруг встало на свои места.

Эштон Валентайн.

Э. В.

* * *

Следующие несколько дней я провел нервничая и не зная, как правильней будет поступить с дневником. Как я мог вернуть его Эшу так, чтобы тот не понял, что я заглянул в него? Я изо всех сил старался придумать выход каждый раз, когда забегал в кафе, чтобы мельком увидеть Эша и с каждым нашим коротким взаимодействием он, казалось, все больше и больше расслаблялся. Было приятно видеть, что Эш прижился в небольшой кофейне, и тайный извращенец, живущий глубоко во мне, находил весьма возбуждающим наблюдать за парнем, одетым в тематический фартук Стар Трек, в котором тот щеголял. Как бы я ни старался, но у нас не складывалось диалога длиннее, чем того требовал необходимый минимум информации для оформления моего заказа. Казалось, парень не был заинтересован в чем-то большем, чем дежурное дружеское подшучивание в течении этих коротких моментов у стойки.

Он был вполне дружелюбным и очень приятным, но как только я включал опцию «флирт», то сразу же замечал, как пропадает его улыбка и возвращается исключительно деловое отношение. Если быть до конца откровенным, подобная дистанция и «отшивание» больно задевали, тем более, что я не был до конца уверен в истинной причине такой разительной перемены. Однажды утром мне удалось отвлечь Эмили в сторону, чтобы попытаться выведать у нее информацию об Эше, но обычно разговорчивая молодая женщина сразу же притихла. А затем удивила еще больше.

— Поосторожнее с ним, Эйден, — предупредила она. — Он не такой, как остальные.

Удивительным было то, как меня при этом захлестнуло стыдом. В то время, как мы с Эмили развлекались, напропалую шутивно флиртуя друг с другом, она четко понимала, что я за парень. Наверняка потому, что в ее кофейне я нашел себе не одно завоевание, стоя в очереди за кофе. Не говоря уже о том, что у одного из этих «завоеваний» случился безобразный публичный всплеск эмоций, когда мы неожиданно столкнулись друг с другом спустя неделю после того, как я склеил его прямо здесь, пока мы оба ждали в очереди, а потом, через полчаса, затрахал до беспамятства в его же квартире. Я бросил парня в блаженной неге у себя в постели, не оставив ни записки, ни номера телефона, а столкнувшись с ним через неделю в «Телепортируй Меня Латте», выслушал в свой адрес огромное количество нелицеприятных цветистых характеристик, следом за тем, как он поведал всем присутствующим в кофейне, что я клялся ему, будто никогда и ни с кем прежде не испытывал такого, как с ним. Разумеется, это была ложь, но я не мог отрицать то, что использовал его для секса. Этот факт он, кстати, благополучно запомнил, потому что я всегда ставил парней, с которыми спал, в известность, чтобы они сразу понимали, что этим у нас все и ограничится.

Я не ответил на предупреждение Эмили, но принял это близко к сердцу, потому что уже успел понять, что Эш совершенно не похож на тех парней, с которыми я обычно заводил интрижки.

Что заставило меня задуматься, почему я продолжаю возвращаться и мучить себя вожделением к парню, которого не мог... нет, не должен был добиваться.

Но я знал ответ на этот вопрос.

Все дело в чертовом дневнике.

И то, что он принадлежал Эшу, полностью изменило правила игры. Его слова преследовали меня и лишь подтверждали то, что я уже сам начал подозревать, наблюдая за поведением Эша в кофейне, учитывая бинт на его запястье, который он наконец-то снял не далее чем только накануне.

Кто-то причинял ему боль.

У меня не было конкретных тому доказательств, но я видел подобное и раньше. Даже если я заблуждался в отношении его запястья, и та травма, которую он получил, произошла вследствие какой-то случайности, его поведение все равно указывало на то, что он подвергается насилию. Может быть, это было психологическое насилие со стороны парня или любимого человека, но по большому счету это не имело принципиального значения.

Я не мог просто уйти.

Но и вернуть дневник тоже пока что не мог. Не мог позволить Эшу понять, что я в курсе происходящего, потому что он закроется от меня в ту же секунду, как только узнает, что я его прочитал. Конечно, я мог бы ему солгать, но, хотя я довольно часто и много лгал по жизни, мысль о том, чтобы сделать это по отношению к Эшу моментально оставляла гадкий привкус во рту. Была еще возможность вернуть дневник в кофейню, когда закончится смена Эша или даже анонимно по почте, но делать этого мне тоже не хотелось.

Я действительно не знал, почему, это ведь спасло бы Эша от неловкости и стыда из-за осознания, что кто-то другой прочел то, чем он явно никогда и ни с кем не собирался делиться.

В любом случае я крупно облажался. Я облажался, не вернув дневник в тот же момент, как нашел его.

На пятое утро, когда я вошел в кофейню значительно позже, чем обычно, ее теплая гостеприимная атмосфера сразу же помогла мне оттаять после холодной февральской погоды. На этот раз очереди не было, так что Эша не оказалось за кассовым аппаратом. Взгляд моментально просканировал все помещение, пока я не нашел его выкладывающим печенье на поднос за стеклянной витриной. Его взгляд метнулся к двери, как и в первые несколько дней работы в кофейне, но, казалось, Эш смотрел сквозь меня, потому что не выказал ни малейшего признака узнавания и тут же снова вернулся к процессу укладывания печенья, а выражение его лица было мрачнее тучи. И у него определенно были проблемы с концентрацией на том, чем он был занят, потому что он продолжал тасовать печенье из кучи в кучу, по-видимому, пытаясь правильно рассортировать его по вкусу. На лбу залегли глубокие морщины беспокойства, а руки, казалось, дрожали, пока он выкладывал каждое печенье на блюдо.

Мой взгляд скользнул к Эмили.

— Как обычно? — поинтересовалась она, хотя в ее голосе было мало веселья. Она тоже не переставая поглядывала в сторону Эша.

Я кивнул и подошел к дальней части стойки, чтобы поговорить с ней наедине.

— Все в порядке? — тихо спросил, кивнув в сторону Эша.

Она оглянулась и нахмурилась, а затем вновь посмотрела на меня и покачала головой.

— Он был в порядке, пока недавно не получил какое-то сообщение. Я спросила у него все ли хорошо, и он сказал да, но...

Ее слова повисли между нами, когда она, не договорив, вновь обернулась, чтобы обеспокоенно взглянуть на него. Эш слишком потерялся в своем маленьком мире, чтобы обратить на это внимание.

Я взял стакан с кофе со стойки, расплатившись с Эмили наличными, сказал ей оставить сдачу себе и переместился туда, где Эш все еще пытался привести гору печенья в некое подобие организованного порядка.

— Доброе утро, Эш, — улыбнулся я ему.

Он подскочил от неожиданности в ту же секунду, как я заговорил, а затем удивленно посмотрел на меня.

Да, он определенно не заметил, когда я вошел.

— Эм... Доброе утро, — пробормотал он, возвращая свое внимание к последнему печенью.

— Эш, у тебя все в порядке? — поинтересовался я.

— Все хорошо. Прости. Хорошего дня, Эйден, — вежливо произнес он, прежде чем направиться в служебное помещение.

— Подожди, — я протянул руку, чтобы коснуться его.

Эш вздрогнул и отшатнулся. Он попытался скрыть свою реакцию, но эта попытка с треском провалилась.

— Эш, ты не выглядишь в порядке. Могу я чем-нибудь помочь? Похоже, тебе не помешал бы друг.

— Просто устал, — пробормотал он. — Плохо спал.

Я не до конца ему поверил, но все равно произнес:

— Плавали — знаем.

Он немного расслабился и вздохнул.

— Посоветуешь что-нибудь?

— Мне обычно помогает физическая активность.

— Ты имеешь в виду тренировки перед сном?

Я не смог сдержать улыбку, которая неконтролируемо расплзлась у меня на лице.

— Эм, конечно... тренировки. Назовем это так.

Мой комментарий сделал свое дело, потому что лицо Эша приобрело восхитительно розоватый оттенок, когда он понял, о чем именно я говорю.

— О-о... — издал он мягкий вздох.

Я усмехнулся и схватил два печенья с подноса на стойке.

— Шоколадная стружка или овсяное с изюмом? — спросил я, указав кивком на два печенья в моей руке.

— С шоколадной стружкой подойдет, — ответил он.

Согласно кивнув, я протянул ему шоколадное печенье.

— Для тебя, — а затем понизил голос и придвинулся чуть ближе к нему. — На случай, если тебе сегодня перед сном потребуется немного наслаждения.

Я готов был поклясться, что уловил, как он слегка вздрогнул, когда забирал у меня печенью.

— Хорошенько выспись, Эш, — я отстранился от него, а затем направился в сторону Эмили, чтобы заплатить за выпечку.

Я чувствовал взгляд Эша на себе даже когда выходил из кофейни. Мне не нужно было оборачиваться, чтобы удостовериться в этом, но я все равно обернулся. Он не сводил с меня глаз, пока я не вышел за дверь.

И это определенно был прогресс.

Глава 4

Эш

Наблюдая, как Эйден выходит из кофейни, часть меня желала броситься следом за ним. Не для того, чтобы сказать ему что-нибудь конкретное. Нет, я просто хотел ощутить еще немного тепла, которое всегда просачивалось в меня, когда он был рядом. Вздыхнув, я вместо этого направился в служебное помещение, чтобы почистить противень после печенья. Я просто до ужаса устал. Чертовски устал чувствовать себя одиноким и на грани нервного срыва из-за того, что делаю. Я мечтал о том, как брошу Билли месяцы и месяцы напролет, но намерение на самом деле сделать это у него за спиной, вызывало у меня чувство тошноты.

За последние несколько дней мне удалось проскользнуть в эту ложную реальность, в которой у меня была работа, что приносила удовольствие и немного наличности в карман, но стоило утром увидеть очередное сообщение от Билли, в котором он спрашивал где я шляюсь, как я тут же запаниковал.

Билли: *Где тебя черти носят? Похоже, я оставил кое-какие документы в квартире и мне нужно, чтобы ты отправил их мне по факсу.*

Эштон: *Я ушел пораньше, чтобы прогуляться по парку. Еще не вернулся.*

Билли: *Вернись в квартиру и найди их.*

Моим первым порывом было тут же сдернуть фартук и броситься к двери, чтобы уладить это. Но затем внутри вдруг прозвучал тот самый голос, что и в день, когда я вернулся в кофейню в поисках своего дневника. Тот самый, который убедил меня спросить Эмили про объявление о требующемся помощнике. Я знал, что Эмили вероятнее всего отпустит меня, если я скажу ей, что дело срочное, но это не имело значения.

Мне это было необходимо.

Мне было необходимо *НЕ бросить* все лишь ради того, чтобы выполнить приказ Билли. И да, если бы он был рядом, я бы ни хрена не смог ему противостоять и сопротивляться, но его здесь не было. У меня оставалось всего три недели, чтобы познать свободу, прежде чем он вернется. Я уже сделал необходимые подсчеты и понял, что денег, которые получу в качестве зарплаты, даже в совокупности с чаевыми, все равно будет недостаточно, чтобы позволить мне сделать то, в чем я так отчаянно нуждался — бросить Билли навсегда, но это было неплохое начало. Если я буду осторожен, то смогу добавить к этой сумме кое-что из своего содержания в ближайшие месяцы. Я

был раздавлен, когда понял, что не смогу уйти до того, как Билли вернется, но цеплялся за то, что у меня все еще есть этот двадцать один день, чтобы побыть тем Эшем, которым я был когда-то, до того, как у нас с Билли все пошло к чертям.

С этой мыслью, что настойчиво звенела в сознании, я набрал Билли ответ.

Эштон: *Окей.*

Билли прислал номер факса, но я проигнорировал его и подождал пятнадцать минут, прежде чем отправить свое сообщение, застыв в предчувствии того, что произойдет, как только Билли прочтет его.

Эштон: *Я вернулся домой. Нигде их не вижу. Все обыскал.*

Билли: *Они должны быть там. Иди поищи еще раз.*

Я подождал еще десять минут, прежде чем отправить следующее сообщение.

Эштон: *Прости, Билли. Я посмотрел везде дважды. Не могу их найти.*

Он был в ярости, но, к счастью, не перезвонил мне, хотя не переставая ругался со мной через СМС, пока, наконец, не написал, что раздобудет новую копию. Переписка закончилась несколькими оскорбительными комментариями, которые еще пару лет назад непременно больно задела бы меня, но теперь были в порядке вещей.

Это был мой секундный акт неповиновения, и он заставил меня ощутить мощный прилив сил, который продлился секунд пять, не дольше, после чего закрались привычные сомнения, и я начал бороться с желанием бегом помчаться домой и посмотреть, действительно ли там были документы Билли, а затем позвонить ему и сказать, что нашел их. Я ненавидел – до жути люто ненавидел – эту внезапную тягу услышать, как Билли звонит мне и благодарит за то, что я их нашел... или получить от него сообщение, в котором он напишет, как признателен мне. Я даже представил, как к нему будет прилагаться милый маленький смайлик эмоджи, посылающий воздушный поцелуй в форме сердечка – тот самый, который он раньше присылал каждый раз, когда писал, что любит меня.

Разрываясь между страхом, что Билли каким-то образом догадается о моей лжи и ворвется в кофейню, несмотря на то, что на самом деле он находился сейчас далеко от Нью-Йорка, и самопроизвольной неконтролируемой злостью, вызванной тем, что я действительно рассматривал вариант бросить смену в кофейне ради поиска его драгоценных документов, я пребывал в дерьмовом настроении и умудрился пропустить появление Эйдена.

Честно говоря, я понятия не имел, что делать с этим человеком. Мне потребовалось гораздо больше времени, чем следовало, чтобы понять, что он флиртует со мной, но я не знал, что и думать по этому поводу. Несколько раз я пытался обрубить любые наши диалоги, стараясь относиться к нему, как к любому другому клиенту, но, боже, он действительно мне в этом не помогал, только значительно все усложняя.

Потому что казалось, что для него это не просто флирт, а нечто большее.

И все же он ни разу не предложил мне встретиться.

Я всю голову себе сломал, пытаюсь понять, чего он от меня хочет. Само собой, у меня не имелось никакой системы ориентиров, с которой я мог бы сверяться, поскольку Билли был моим первым и единственным бойфрендом. Я вырос в маленьком городке в Техасе, в котором мне не попало ни одного парня, чтобы окончательно удостовериться в том, что я гей, когда я был тинэйджером и начал осознавать, что девушки меня в этом смысле не привлекают. И так продолжалось до тех пор, пока я не уехал в колледж, где у меня появилась первая реальная для

этого возможность, но я серьезно заболел до того, как смог ею воспользоваться. Теперь же на меня кто-то обратил внимание, и я вдруг понял, насколько все еще наивен во многих отношениях.

Однако я не был наивен настолько, чтобы не понимать, что Эйден увлечен мной. Зачем еще ему делать для меня все эти милые мелочи, как например, покупать угощения и шутить? Он явно чего-то хотел, и поскольку у меня не было ничего, что я мог бы предложить такому парню как он, можно было догадаться, чего конкретно он хочет.

Но больше всего меня удивила моя собственная реакция на него. Я так переживал из-за новой работы и того, что Билли узнает об этом, что даже не осознавал своего влечения к Эйдену, пока он в первый раз не прикоснулся ко мне, когда вручал булочку и наши пальцы случайно соприкоснулись. Это длилось считанные секунды, но я прочувствовал его прикосновение всем своим существом. И я не был к этому готов.

Ни в каком смысле.

Но я также понимал, что не смогу предпринять какой бы то ни было шаг, даже если ощущения, испытываемые с Эйденем, оказались намного сильнее, чем те, что я когда-либо испытывал с Билли. В некотором роде, это сделало все еще хуже. Потому что в конечном итоге все равно не имело значения – этого просто не могло произойти, точка. Даже если бы я был из тех парней, которые могут просто так переспать со случайным незнакомцем – а я таковым не являлся – я бы ни за что не рискнул позволить Эйдену подобраться ко мне настолько близко. Я больше никому не мог этого позволить, никогда впредь.

Цена была дьявольски высока.

— Ты в порядке, милый? — Эмили вошла в небольшую кухню.

Я все еще стоял над раковиной с грязным противнем в руках. Интересно, как долго я уже находился здесь, замерев вот так и утонув в своих размышлениях.

— В порядке, — я заставил себя ослепительно улыбнуться ей в ответ, надеясь, что это смягчит беспокойство, застывшее в чертах ее лица.

Я не понимал, почему она всегда смотрит на меня с таким искренним беспокойством, но мне становилось неудобно от мысли, что Эмили, казалось, могла без труда видеть меня насквозь. С Эйденем я знал, к чему это все ведет в конечном итоге. А вот с Эмили – нет. Не то, чтобы я являлся лучшим сотрудником, который у нее когда-либо был, и она боялась меня вдруг лишиться. Бог свидетель, она могла меня заменить только щелкнув пальцами.

Я понадеялся, что мое заверение поможет, но выражение, так и не покинувшее ее глаз, было сложно спутать с чем-нибудь еще, когда она слегка кивнула и произнесла:

— Хорошо.

Разочарование.

Я тяжело сглотнул, понимая, что на самом деле она разочарована *не мной*, а скорее, *из-за меня*, и опустил глаза. Чувство вины тяжким грузом придавило плечи, потому что я просто не мог понять, чего она от меня хочет. Приказав себе держать рот на замке, я все-таки не удержался, стоило уловить, что она выходит из комнаты.

— Эмили?

— Да, милый?

Я не мог смотреть на нее, пока говорил, потому что не хотел видеть выражение ее лица, когда она мне ответит. Слышать слова уже само по себе было достаточно нелегко.

— Я... я... — заикаясь начал я. Пришлось сделать глубокий вдох, потому что мне внезапно стало трудно дышать. — Ты ведь не жалеешь, правда? — наконец-то удалось выдать из себя. — Что наняла меня?

Мне хотелось забрать слова назад в ту же секунду, как они сорвались с губ, но было уже слишком поздно, поэтому я просто стоял и ждал ее ответа.

— Нет, милый, не жалею, — негромко произнесла она. — Ты отлично справляешься, Эш. И я действительно очень тобой горжусь.

Я заставил себя взглянуть на нее, потому что непросто было поверить одним лишь словам. Билли всегда говорил много того, что я хотел услышать, но я хорошо усвоил, что правду можно увидеть только в глазах.

Несмотря на то, что я мало знал Эмили, я не заметил в ее взгляде ничего, что указывало бы на ложь, поэтому кивнул ей.

— Спасибо, — это все, что мне удалось произнести. Я надеялся, она поняла, что я благодарю ее не только за похвалу.

А за гораздо большее.

— Всегда пожалуйста, милый. Увидимся там, хорошо?

Я снова кивнул, потому что мой голос был слишком переполнен эмоциями, чтобы произнести что-нибудь еще. После недавнего проявления доброты Эйдена, искренности Эмили и моего маленького акта неповиновения этим утром, я был чертовски истощен. Я скорее услышал, чем увидел, как Эмили вышла из кухни, так что быстро включил воду, чтобы закончить уборку и вернуться к работе.

* * *

Когда в полдень моя смена наконец закончилась, я снял фартук и, накинув на плечи пальто, по привычке похлопал себя по карманам, тут же вспомнив, что потерял свой дневник. Может, стоило сделать небольшую остановку по дороге домой и купить блокнот на спиральке, чтобы заменить пропажу. Я вынужден был смириться с тем, что его больше нет. Еще одна часть моего прошлого, которую я утратил.

Попрощавшись с Эмили и остальными, я толкнул входную дверь кофейни и вышел в холодный погожий февральский день. Если память мне не изменяла, то на углу был магазин, буквально в паре шагов от кофейни, в противоположной стороне от станции метро. Может, там я смогу найти то, что мне нужно. Я развернулся на сто восемьдесят градусов, намереваясь отыскать его, и со всего маху налетел на кого-то, чье плотное шерстяное пальто мягко коснулось моей щеки.

— О, боже. Прошу прощения... — начал я, прежде чем глянуть на незнакомца, которым оказался Эден и от неожиданности выпалил: — Что ты здесь делаешь?

На его красивом лице расплылась улыбка, но в ней улавливался намек на неуверенность, которой я уж точно не ожидал заметить. Он всегда казался необычайно уверенным в себе человеком.

— На самом деле, я хотел поговорить с тобой минутку. Ты не против прогуляться со мной?

Беспокойство свело спазмом все внутренности, когда я задумался об истинных мотивах его приглашения. Он собирался пригласить меня на свидание? Хотел узнать, где я живу? Должно быть, мое секундное колебание не укрылось от него, потому что он отступил, сделав шаг назад, и сжал руки в перчатках перед собой, как будто пытался заверить, что не собирается ко мне прикасаться.

Улыбка Эйдена стала мягче.

— Эш, всего несколько минут, пожалуйста. Видишь тот маленький городской парк через дорогу? Я просто подумал, что мы могли бы пойти туда, чтобы не стоять на оживленном тротуаре.

Я кивнул и последовал за ним на небольшую открытую парковую площадку, что была покрыта грязными остатками снега, на котором лежали изломанные тени голых ветвей деревьев, дрожащие в слабом зимнем солнечном свете. Как только мы миновали улицу и прошли через железные ворота, шум большого города слегка затих. Воркующие голуби обыскивали обледелую землю возле мусорной урны, а пожилая пара стояла в ожидании пока их собаки сделают свое дело на участке, покрытом пучками мертвой травы.

Эйден выглядел так, будто собирается что-то сказать, но звуковой сигнал на моем телефоне перебил его, и я быстро полез в карман в поисках своих таблеток. К счастью, они были достаточно маленькими, чтобы проглотить их без воды, хотя я бы, конечно, предпочел с ней.

— От чего они? — поинтересовался Эйден, когда его взгляд остановился на баночке с рецептом в моей руке, но тут же, кажется, спохватился, потому что покачал головой и добавил: — Извини, это не мое дело.

— Все нормально, — произнес я, а затем пояснил, — у меня сердечное заболевание.

Я не был до конца уверен, почему не стал говорить ему всю правду. Может, потому что мне не хотелось, чтобы он смотрел на меня с жалостью или что-то в этом духе.

— Ты в порядке? — он глянул на меня, сузив глаза от беспокойства.

Я кивнул.

— Да, это... это было тяжело какое-то время, но теперь все нормально, — ушел я от прямого ответа.

Слово «тяжело» даже приблизительно не описывало, каково это было для меня на самом деле, но я вдруг осознал, что не хочу цепляться за прошлое. Мне хотелось сосредоточиться на человеке рядом со мной. Человеке, который внезапно притих, что было ему совершенно не свойственно, насколько я его уже знал.

— У меня есть кое-что, что, по-моему, принадлежит тебе, — наконец, заговорил Эйден тихим, низким голосом.

Я с удивлением взглянул на него, но он не встретился со мной взглядом.

— Что это? — спросил я, потому что показалось, что он передумал продолжать.

Когда Эйден посмотрел на меня, черты его лица исказило беспокойство.

— Я не знал, что это твое. Я понятия не имел чей он, но мне следовало сразу же вернуть его, несмотря ни на что... — начал он бормотать, вытащив знакомый красный дневник из внутреннего кармана своего пальто.

Моей первой реакцией была внезапная радость. Он нашел его! Он нашел ту последнюю связующую ниточку с моими родителями, все мои каракули и мысли за последние несколько лет жизни, фрагменты песен, которым я мечтал найти применение в будущем... Но потом до меня вдруг дошло, что его нашел *ОН*. Именно он нашел полное собрание всех моих самых тайных мыслей и чувств. Записи тех слов, которые я не смел озвучить ни единой живой душе на земле.

Я осуждающе посмотрел на него.

— Скажи мне, что ты его не читал.

Я не в силах был вынести самой мысли о том, что из всех людей в мире именно Эйден Вейл узнал, какой я на самом деле слабак. Что он понял, какое я ничтожество, потому что позволяю людям использовать меня. Что я пишу дерьмовые тексты в жалкой попытке когда-нибудь стать музыкантом.

— Эйден, пожалуйста, — просил я, не до конца понимая, почему это настолько для меня важно. В конце концов, он был обычным незнакомцем. Так какая разница, даже если он и прочел его? Он ведь ничего обо мне не знал. — *Пожалуйста*, скажи мне, что ты его не читал.

Глава 5

Эйден

Было невыносимо видеть на лице Эша это выражение, но еще хуже было слышать мольбу в его голосе, когда он просил меня солгать ему. Я не мог этого сделать.

— Прости, — негромко произнес в ответ. — Я правда не собирался его читать, честное слово. Поначалу...

Не успел я договорить, как Эш резко подался вперед и выхватил дневник из моих рук, но в этот момент его нога поскользнулась на обледенелом тротуаре, и он врезался в меня. Я машинально быстро выставил руки, обнимая его, чтобы не дать нам обоим грохнуться на землю, и мы оказались нос к носу в этих случайных объятиях. От него пахло кофе и выпечкой, и я вдруг поймал себя на том, что наклоняюсь ниже, чтобы прижаться носом к его шее, желая вдохнуть этот дразнящий запах полной грудью... Но тут же спохватился, вспомнив каким пугливым он был, и представив, как Эш запаникует, если я осмелюсь инициировать между нами какой бы то ни было физический контакт. Осторожно, но крепко сжав его за плечи, я поставил Эша, отпустив только тогда, когда удостоверился, что он надежно стоит на ногах.

Все это время он не сводил с меня глаз. Они были широко распахнуты и в них застыло любопытство, что немало меня удивило.

Я был практически уверен, что они будут полны гнева и презрения.

Прижав дневник к одной из рук Эша, я заметил его обветренные и покрасневшие от холода кисти.

— Эш, почему ты не носишь перчатки?

Он растерянно склонил голову.

— Что?

— Вот, возьми мои. У меня есть еще одна пара в офисе, — я начал снимать перчатки до того, как он успеет со мной поспорить. Эш наблюдал за мной, изучая будто аномалию, но потом встряхнулся.

— Что? Нет. Оставь свои чертовы перчатки. Объясни лучше, зачем ты читал мой дневник, — ошетинился он. — У тебя не было на это права. Это личное...

Я выдохнул, прежде чем дотянуться до одной из его рук. Эш выдернул ее и встретил мой взгляд со вспышкой раздражения.

— Позволь мне сначала надеть на тебя перчатки, а потом я все расскажу. Договорились? — мой голос оставался тихим и спокойным, пытаюсь убедить его, что я не собираюсь ругаться с ним или бросать. Не знаю, почему мне казалось, что крайне важно донести это до него, но я все равно это делал.

Я буквально видел, как в его мозгу вращаются колесики, прежде чем он, наконец, протянул мне свою руку.

— Отлично. Начинай говорить.

Я взял его холодную ладонь в свою, усиленно стараясь не обращать внимания на то, насколько чертовски приятно прикоснуться к его обнаженной коже. Он резко втянул в себя воздух, когда моя рука сжала его кисть, и я начал натягивать на нее перчатку, одновременно с этим заговорив.

— Я увидел его на столике в кофейне. Инициалы — мои инициалы — привлекли внимание, и я открыл его, только чтобы посмотреть, есть ли там полное имя. Но увидел рисунок, на котором был океан и слова о... о забвении... о том, как быть счастливым, а потом получить удар под дых, когда вдруг возвращаются мрачные воспоминания о том, что произошло с тобой в прошлом...

Я закончил надевать первую перчатку и потянулся к другой руке, но когда он не отреагировал, поднял на него глаза.

— Не насмехайся над моими словами, — прошипел Эш. Его взгляд был смесью из гнева и страха, и мне больно было это видеть.

— Я не насмехаюсь, Эш. Клянусь. Мне прекрасно известно то чувство, которое ты описал. То же самое произошло и со мной... вообще-то ночью, перед тем как я нашел твой дневник... мне приснился этот сон и...

Мои слова повисли между нами, когда я замолчал, не желая рассказывать ему о своем дурацком сне. Но как объяснить, почему я не перестал читать его дневник после той единственной страницы?

— Я просто... Я думал, что только я знаю каково это, понимаешь? Думал, что я единственный, кто чувствует нечто подобное и... и потом я вижу, что кто-то, у кого оказалось достаточно мужества, чтобы облечь это в слова, написал об этом, высказал это и принял то, что оно реально, и я просто подумал, насколько же чертовски храбр этот человек... — прошептал я, позволив этим словам сорваться с языка, потому что не мог сдержать охватившего меня чувства уязвимости.

Эш медленно поднял вторую руку, будто в знак примирения, и я начал натягивать на нее перчатку, но когда он вдруг заговорил, его слова меня удивили.

— Это похоже на колесо обозрения, с которого невозможно слезть.

Слова прозвучали так тихо, что я склонился ближе, чтобы лучше его расслышать.

— Что ты имеешь в виду? — пробормотал я.

— Успев забыть насколько все плохо, ты вдруг, будто удар по лицу, получаешь очередное проклятое напоминание.

В его голосе было столько искренней печали, что мне захотелось снова сгрести его в охапку. Распахнуть свое плотное зимнее пальто и спрятать Эша, укрыть от мира внутри, пока я не верну его домой, к пылающему огню.

Домой и в безопасность.

Со мной.

Я прикусил щеку изнутри, чтобы очнуться от своих фантазий о теплом и уютном Эше Валентайне дома рядом со мной.

— Эйден?

— Хм? — я как раз закончил натягивать перчатку и взглянул на него.

— Чем было то темное и мрачное из твоего прошлого, что ты хотел бы забыть?

Я понял, что все еще держу его ладонь в своей, и отпустил ее, скрестив собственные руки у себя на груди, пытаюсь спрятать холодные кисти в складках рукавов пальто.

— Я кое-кого потерял давным-давно, — челюсть непроизвольно сжалась крепче, а язык не поворачивался говорить об этом вслух, когда ожила моя память. Но я знал, если мне когда-нибудь выпадет шанс узнать от Эша о его темном прошлом, шанс получить его доверие, то только при условии, что сначала я расскажу ему что-нибудь о себе. — В воде. В океане... этот человек утонул.

У Эша вырвался небольшой сочувствующий стон, и он импульсивно сжал мое плечо.

— Мне так жаль. Господи, Эйден.

Я попытался улыбнуться, чтобы успокоить его.

— Так что теперь понимаешь? Твой рисунок с волнами и словами о воде просто... не знаю. Я не мог не ощутить эту связь с автором дневника. Но разве мог я предположить, что когда-нибудь лично с ним познакомлюсь? Я решил, что просто верну дневник и никогда не узнаю, кто был его владельцем, а он не узнает, что я прочел его, и никто не пострадает. Но потом я понял, что это ты и запаниковал, потому что не хотел, чтобы ты возненавидел меня за то, что я сделал и...

Черт, что за словесный понос я нес?

— Прости, Эш, — наконец сказал я, глядя ему в глаза. — Я искренне сожалею об этом.

Эш с минуту разглядывал землю у своих ног, а потом вновь поднял глаза на меня.

— Спасибо, что вернул его. Это действительно много для меня значит, Эйден.

В течении нескольких долгих секунд мы не отводили друг от друга взгляда, а затем он вновь опустил глаза, и я проклял тот факт, что он все еще чувствовал необходимость делать это рядом со мной.

— Ну... Полагаю, увидимся в кофейне, — произнес он негромко, поворачиваясь, чтобы уйти.

Я окликнул его, вынуждая остановиться, и Эш мгновенно замер, обернувшись ко мне.

— Могу я пригласить тебя на ужин? — выпалил я.

Боже, что, черт возьми со мной не так? Я напоминал отчаявшегося подростка, приглашающего кого-то на выпускной или что-то в этом духе.

Казалось, все тело Эша на миг напряглось, а затем съезжилось.

— Нет, спасибо. Увидимся.

Он развернулся и быстро зашагал прочь, больше ни разу не оглянувшись.

Я с минуту стоял в полнейшем ступоре, наблюдая, как он исчезает на оживленной улице, а потом неожиданно рассмеялся.

Ну, будь я проклят, — подумал я. — Как давно я в последний раз слышал слово «нет»?

Возвращаясь к себе в офис, я прятал холодные руки в карманах и мне хотелось просто смеяться над нелепостью того траура, что я испытывал от потери и дневника, и молодого человека, который что-то сделал со мной при помощи этой чертовой вещи. Чем дольше я держался за дневник, тем сильнее меня изнутри, подобно некоему живому существу, грызло чувство вины, но теперь, когда я поступил правильно и вернул его, я все еще не мог избавиться от тех слов, которые перечитывал в нем снова и снова.

Как не мог я избавиться и от потребности докопаться до сути и выяснить, что именно заставляет Эша замыкаться. Мне необходимо было знать, что заставило его искать утешения на страницах своего дневника. Мне нужно было понять, почему ему так чертовски тяжело смотреть мне в глаза и почему он вздрагивает при малейшем физическом контакте. Мне необходимо было показать ему, что так быть не должно, что какие бы демоны не преследовали его, они не должны победить.

Что нельзя позволить им победить.

Волна напряжения непроизвольно прокатилась по мне с головы до ног, когда я подумал о том, каким иногда отчаявшимся выглядел Эш, будто бы находился в безвыходном положении и у него не осталось никакой надежды. Нет, я не мог этого допустить. Не мог смотреть, как Эш тонет прямо на моих глазах, и ничего не делать. Может, я и не в силах убедить его встречаться со мной, но просто стоять и бездействовать я тоже не стану.

Только не снова.

Нет, пришло время вызывать подкрепление.

* * *

В тот же вечер я оказался перед дверью квартиры моего лучшего друга с парой гигантских пицц в руках. Позвонив Беннету перед тем, как уйти из офиса, я спросил, могу ли принести им семейный ужин, и он тут же согласился, быстро протараторив их предпочтения в пицце. Будто бы я был не в курсе. Они частенько приглашали меня к себе поужинать, и единственный способ, который я нашел, чтобы ответить взаимностью, это захватывать что-нибудь с собой и приносить к ним домой.

Не успев постучать, я расслышал пронзительный лай с другой стороны двери, а через миг сын-подросток Беннета и Зендера, Лаки, распахнул ее и выпустил гигантского черного пса.

— Взять его, Медведь, — смеясь выкрикнул Лаки. — Иди, возьми его, у него есть что-то очень классное.

Медведь толкался мордой в мои ноги, возбужденно подпрыгивая и обнюхивая воздух под коробками с пиццей.

— Отцепись от меня, паршивец, — отругал его я. — Это не для тебя.

Приветственно стукнувшись с Лаки кулаками, я вручил ему коробки и последовал за ним вглубь квартиры. Сложно было поверить в то, насколько сильно он изменился за эти девять месяцев с тех пор, как я впервые встретил его пятнадцатилетним пацаном.

Как все изменилось.

Когда мы вошли на кухню, Зендер и Беннет резко отпрянули друг от друга, прервавшись посреди явно горячего и страстного поцелуя.

— Фу, гадость, — простонал Лаки. — Опять? Боже...

Он поставил коробки в центре стола и убрал с него в стопку свои учебники и тетради.

Беннет шагнул навстречу, заключая меня в объятия.

— Хорошо, что пришел. И спасибо, что захватил нам ужин.

Мне понравилось, как Беннет обнял меня. Не то, чтобы он не обнимал меня раньше, но в прошлом между нами всегда присутствовала некая неопределенность, когда он это делал. Как будто Беннет боялся послать мне смешанный сигнал, который я мог неправильно интерпретировать. Несмотря на то, что инициатором разрыва наших с ним непродолжительных отношений в колледже стал я, именно Беннет никогда по-настоящему не был «в отношениях» со мной. Я сомневался, что он сам это осознавал до недавнего времени, пока не воссоединился с тем единственным человеком, с которым всегда должен был быть. Так что на протяжении многих лет он оставался крайне осторожен, чтобы я не дай Бог не подумал, будто ему хочется попробовать начать все сначала. Короткие объятия, безобидный флирт, никаких разговоров о прошлом — именно так мы оба справлялись с неловкостью наших несложившихся отношений, пытаясь оставить это позади. Но теперь объятия Беннета были полноценными объятиями.

Потому что он был счастлив.

Потому что он наконец-то обрел себя.

Тактичное покашливание заставило Беннета усмехнуться и отпустить меня. Я, правда, не так быстро отреагировал, но мои глаза тут же встретились взглядом с ворчливым бойфрендом Беннета, Зендером, когда он подошел к нам ближе. В его взгляде не было настоящей злости, когда он пожал мою ладонь и машинально прижал Беннета к себе. Он знал, что Беннет целиком и полностью его.

Всегда был и всегда будет.

— Да уж. Иначе нам пришлось бы худо. Сегодня очередь Беннета готовить ужин, и он собирался снова запихнуть кучку овощей в Витамикс⁵, — произнес Зендер, слегка коснувшись губами его виска.

Беннет бросил взгляд на своего бойфренда.

— Это называется суп, и вам он нравится.

⁵ Витамикс (англ. Vitamix) — выпускает мощные, современные блендеры, запрограммированные на выдачу напитков и льда порциями, а также миксеры-блендеры для приготовления пищи и коктейлей.

— Это называется «овощи в блендере», — насмешливо заметил Лаки, — и через десять минут мы все трое снова хотим есть.

Я направился к кухонным шкафчикам, чтобы достать тарелки и столовые приборы, пока Беннет и Зендер занялись напитками для всех. К тому времени, как мы расселись ужинать, Лаки уже зарылся носом в свой смартфон.

Я вопросительно выгнул бровь, глянув на Беннета, а он лишь закатил глаза, произнеся одними губами слово «тинэйджер» в ответ. Беннет совсем недавно законно усыновил Лаки после того, как выяснилось, что его приемная семья плохо обращалась с подростком. Я знал, что у Зендера были планы усыновить Лаки тоже, но подозревал, что он ждет, пока они переедут в Колорадо в конце учебного года, чтобы официально заявить об этом.

Не отрывая взгляда от куска пиццы, Зендер протянул руку в сторону Лаки, держа ее ладонью вверх. Лаки уставился сначала на нее, потом на Зендера, сузив глаза в знак протеста. Не обращая внимания, Зендер невозмутимо продолжал есть пиццу до тех пор, пока Лаки повержено не вздохнул и его телефон шлепнулся в протянутую ладонь. Зендер спрятал его к себе в карман, а затем взъерошил волосы Лаки и повернулся ко мне.

— Так что тебя беспокоит? — поинтересовался он. — Ты выглядишь так, будто только что видел, как Бэтмен проиграл бой с... как там звали злодея? Хан Соло.

— Я... что? В этом утверждении столько ошибок, что я даже не могу... — начал было я, и тут же осекся, заметив, как Зендер подмигнул Беннету. — О, да пошел ты. Это не очень-то красиво.

Я послал лучшему другу красноречивый взгляд, потому что без него тут явно не обошлось, он прекрасно знал, как я терпеть не могу, когда люди путают вселенные супергероев и наверняка рассказал об этом Зендеру. Эта мысль мгновенно напомнила мне о шутливой фразе Эша из «Звездных Войн» про Силу в то первое утро, когда мы с ним познакомились.

Беннет протянул руку и сжал мое плечо.

— Нет, серьезно. Что стряслось?

— Кто сказал, что что-то стряслось? — неуверенно спросил я. Все трое рассмеялись. — Ладно, есть один парень...

Они одновременно начали свистеть и выкрикивать что-то, хлопая друг друга по спине, и лишь когда слегка успокоились, уставились на меня в нетерпении. Я закатил глаза и вздохнул.

— Да-да, можете паясничать сколько влезет. Суть в том, что я пригласил его на свидание, а он отказался.

Гробовая тишина была мне ответом.

— Скажите что-нибудь. Мне нужна помощь, — воззвал я к ним, не углубляясь в то, что меня на самом деле интересует гораздо большее, чем просто свидание с Эшем. Несмотря на то, что я считал Беннета и его парней своей семьей, мне не хотелось вываливать всю правду и делиться с ними своими подозрениями насчет личной жизни Эша.

— Кто этот парень? — поинтересовался Беннет. — Где вы познакомились? Погоди... Это не тот вышибала из...

— Нет, — быстро перебил его я. — Мы с ним познакомились в кофейне.

— И он не станет с тобой спать, — вмешался Зендер, — а ты хочешь понять почему.

— Нет, — раздраженно возразил я, в основном потому, что отчасти он был прав и подобный комментарий казался вполне заслуженным, я отнюдь не отличался пуританской репутацией Белой Лилии⁶, когда дело доходило до свиданий.

В основном, потому что я в действительности не «встречался» с парнями.

Зендер вскинул голову, глянув на меня.

— Естественно, речь не о том, чтобы в самом деле начать встречаться с парнем? Я думал, это не твой стиль.

— Не мой, — пробормотал я, когда слова Зендера прозвучали эхом моих собственных мыслей.

— Тогда чего конкретно ты хочешь добиться? Просто, чтобы парень сказал «да», лишь бы сохранить статистику твоих побед? — насмешливо проронил Зендер.

Моя челюсть плотно сжалась.

— Нет. Он мне нравится. Я хотел бы узнать его получше. На свидании, — настаивал я.

— Ну еще бы, — фыркнул Лаки.

— Хочу. В самом деле хочу. Черт возьми, почему вам так трудно это понять? Этот парень не такой, как остальные, — ошетинился я, в отчаянии вскинув руки.

С секунду в комнате стояла гнетущая тишина, пока три пары глаз внимательно уставились на меня.

Нет, будет точнее сказать четыре пары, потому что даже их пес Медведь наблюдал за мной с тем, что я мог описать только как растерянность. Боже, мне действительно следовало поспать, потому что у меня уже, кажется, к чертям ехала крыша.

Беннет отмер первым. Он медленно дотянулся до рук Лаки и Зендера, что сидели по обеим сторонам от него, и произнес осторожным, сдержанным тоном:

— О мой Бог. Это свершилось.

— Заглохни, — огрызнулся я.

Зендер кивнул, благоговейно сжав руку Беннета в своей ладони.

— Так и есть. Свершилось.

Я глянул на Лаки.

— Помоги мне. Пожалуйста.

Лаки засмеялся.

— Знаете, это действительно серьезно, если он обращается за помощью ко мне. Я же самый старый девственник в мире.

Беннет с Зендером встретились взглядами и дали друг другу пять, в то время, как Лаки показал им средний палец.

⁶ Белая лилия символизирует чистоту, непорочность, невинность.

— Да, обращаюсь. И да, я в отчаянии. И сделаю что угодно. Я просто хочу убедить этого парня, что мне можно доверять, — сказал я.

Теперь настал черед Зендера смеяться.

— Ты не сможешь.

— Это неправда! — возразил я.

Беннет поднялся, чтобы убрать тарелки и потрепал меня по макушке.

— Солнышко, это чистая правда. Прости.

— Черт возьми, — пробормотал я. — Неужели никто здесь не может хоть немного побыть серьезным? Я пришел сюда за помощью.

— Что ему нравится? — поинтересовался Лаки, и я в замешательстве уставился на него. — Я имею в виду, чем он, например, увлекается? Спорт? Книги? Искусство?

Я сделал глоток пива, обдумывая все, что мне уже было известно об Эше.

— Стар Трек, — тихо произнес вслух. — Это у нас с ним общее.

— Аввв... — умиленно вздохнул Беннет. — Как же это охренительно мило.

— Ты должен пригласить его на какую-нибудь тусовку для Трекки, — предложил Зендер. — Соблазнить предложением, от которого он не сможет отказаться.

— Он не поддастся искушению. Думаю, он боится меня, — признался я. — Мне нужно придумать, как сделать это безобидным времяпрепровождением.

Беннет на миг задумался, а затем вдруг щелкнул пальцами.

— Я придумал. Мы знаем кое-кого еще, кто тоже любит Стар Трек и с удовольствием сходил бы на тусовку для Трекки.

— Кто? — поинтересовался я.

Беннет с Зендером одновременно посмотрели на их приемного сына.

— Я не Трекки! — выпалил Лаки, его глаза в панике расширились, как будто это было худшей вещью в мире. — Мне просто нравится новый фильм «Стар Трек», — подчеркнул он, обращаясь к своим отцам. — Закари Куинто очень горяч, а его парень в реальной жизни еще горячее.

Зендер с Беннетом одновременно кивнули, и, хотя было святотатством отдавать должное ремейкам «Стар Трека», я не мог отрицать, что Лаки отчасти прав. Закари Куинто и Крис Пайн на большом экране вместе...

— Кроме того, уверен, я еще не совсем дорос, чтобы быть твоим «вторым пилотом», — добавил Лаки.

— Ну пожалуйста, — изобразил я щенячью мордочку.

— Фу, гадость. Никогда так не делай. Это отвратительно, — сказал он.

— Что мне сделать, чтобы ты согласился пойти с нами? — поинтересовался я.

— Хмм... Сотня баксов? — улыбка Лаки была зловещей.

— По рукам, — согласился я одновременно с тем, как его отцы в один голос запротестовали.

— Категорически нет!

Я посмотрел на Беннета и Зендера.

— Что будет для Лаки лучше? Дядюшка Эйден, встречающийся с милым маленьким баристой или Дядюшка Эйден, трахающий вышибалу? — заведомо зная ответ, поинтересовался я.

Беннет и Зендер глянули на Лаки.

— Половина денег пойдет в твой фонд на колледж, — припечатал Зендер.

Лаки скорчил недовольную гримасу, но мудро не стал спорить и снова обратил внимание на меня.

— Так на какой гикфест⁷ ты собираешься меня тащить?

Мне удалось прикусить язык в ответ на насмешку, улавливаемую в его вопросе.

— Я видел что-то на Facebook про некое благотворительное мероприятие в стиле «Стар Трек», средства от которого пойдут детям с заболеваниями сердца... Не мог бы ты посмотреть, что это, разузнать поподробнее и достать билеты, если они у них все еще имеются? Мне нужно вернуться на работу сегодня, так что не будет времени этим заниматься.

— Да не вопрос, — махнул рукой Лаки, — только это обойдется тебе в еще плюс пять процентов к моему гонорару... считай это платой за обслуживание.

— Лаки, — произнес Беннет, качая головой. Мы с Лаки одновременно повернулись, чтобы посмотреть на него. — Всем известно, что стандарт — это десять процентов.

— Точняк, — Лаки перескочил взглядом на меня. — Десять процентов, — тут же исправился он.

Я бросил на Беннета мрачный взгляд.

— Предатель.

Он рассмеялся и встал, чтобы принести мне еще пива, пока Лаки начал спорить с Зендером, пытаясь вернуть свой телефон. К тому времени, как я ушел оттуда поздно вечером, Лаки был вовсю занят поиском Треки-тусовки в интернете, а я надеялся, что наконец нашел способ пробить брешь в броне Эша.

Глава 6

Эш

Всю оставшуюся неделю, стоило появиться Эйдену утром в кофейне, как у меня начинали сдавать нервы, потому что я был уверен, он станет настаивать на свидании. Я сводил себя с ума, пытаясь придумать правдоподобные отговорки на которые он смог бы купиться, но самая эффективная, к которой я возвращался снова и снова, в действительности была неприемлемой лично для меня. Да, поставь я Эйдена перед фактом, что у меня уже есть бойфренд, это, вероятно, довольно быстро снизило бы его интерес ко мне, но я просто не мог ему солгать.

⁷ Гикфест (англ. Geekfest) — мероприятие, посвященное научной фантастике, комиксам, музыке и многому другому, которое является объединением творческих выставок, соревнований, сценических костюмированных шоу, лекций, мастер-классов, презентаций.

У меня больше не было бойфренда.

Не имело значения, что Билли все еще считал себя таковым.

Для меня все было иначе... и уже очень давно.

Но я не стану снова пытаться объяснять это Билли. До него и так все прекрасно дойдет, четко и ясно, как только у меня будет достаточно наличных, чтобы убраться к чертям из Нью-Йорка, и произойдет это быстрее, чем ожидалось, потому что Эмили начала давать мне больше рабочих часов. Она даже заикнулась о возможности сверхурочных, поскольку один из ее дневных бариста вынуждено взял отпуск по семейным обстоятельствам. Я не был уверен с чем это связано сильнее – с тем, что Эмили действительно остро нуждалась в помощи или же она просто понимала, что я хочу заработать как можно больше денег. Я практически сказал об этом прямым текстом, когда на днях подошел к ней и дал знать, что готов работать дополнительные часы в течении следующих нескольких недель, если нужно. Я был в таком отчаянии, что мне в любом случае было все равно... Каждый вечер, возвращаясь домой и пряча наличные, полученные в качестве чаевых в банку, которую хранил за чистящими средствами под раковиной на кухне, я все острее чувствовал заманчивый вкус маячившей на горизонте свободы. И вчера, обналичив в банке свой первый чек с зарплатой за неделю, мне хотелось буквально бежать по пути домой, чтобы побыстрее опустошить банку, пересчитать все свои деньги и восхититься тем, сколько я уже заработал.

Да, для кого-то вроде Билли это была ничтожная сумма, но для меня это походило на выигрыш в чертову лотерею.

Чего я не ожидал, когда Эмили выделила мне больше рабочих часов, так это угрызений совести, которые пришли вместе с осознанием того, что я брошу ее на произвол судьбы, стоит Билли вернуться. Она уже начала обучать меня готовить некоторые холодные смешанные напитки, намереваясь в конечном итоге поставить работать за огромной эспрессо-машиной в качестве штатного баристы – подобная работа оплачивалась намного выше, чем я получал сейчас – но у меня не хватило духу сказать ей, что она зря тратит время.

Я не смогу остаться, даже если захочу.

А я в самом деле хотел.

И не только из-за Эмили.

Некто конкретный, с кем у нас совпадали инициалы, сводил меня с ума всю неделю... и отнюдь не так, как я ожидал. В конце концов, Эйден больше ни разу не заикнулся о свидании, но вместе с тем и не начал меня игнорировать, к чему я уже был готов после того, как отказал ему. Нет, он по-прежнему был милым, веселым, очаровательным и безобидно флиртовал со мной, продолжая все также угощать вкусными лакомствами, включая те самые злополучные ириски Эмили, насчет которых оказался совершенно прав – я мог бы запросто потратить всю свою зарплату на эти чертовы штуки.

В самое первое утро, когда Эйден не стал снова приглашать меня встретиться, я ощутил непередаваемое облегчение, но уже на следующий день начал испытывать нечто совершенно иное.

Поначалу я был сбит с толку. Потом... разочарован.

А затем потрясен собственной реакцией.

Как, черт возьми, я мог быть разочарован? Я же не хотел, чтобы Эйден снова приглашал меня. Я не хотел с ним встречаться. То есть... черт, он ведь прочел мой дневник. Ему стало известно обо

мне то, что я никогда и никому не собирался рассказывать, то, что я не хотел, чтобы кто-либо узнал. Уже только за то, что без спросу читал мои сокровенные мысли, этот парень был просто редкостным козлом.

Но всякий раз, как подобная мысль появлялась в сознании, я знал, что в действительности это не так.

Потому что видел боль в его глазах, когда Эйден признался, *почему* прочитал его... когда сказал, что почувствовал некое странное родство со мной... с моими словами. А потом назвал меня храбрым.

В тот момент хотелось заплакать и признаться, что это совершенно не так. Что я просто чертов гребаный трус, который не может перестать оглядываться через плечо каждые пять секунд, пока практически бежит утром на работу, а потом обратно домой. Признаться, что я дергаюсь, просыпаясь от каждого звука в своей квартире, ночь за ночью, боясь, что Билли вернулся домой, чтобы закончить то, что начал в тот день, когда ушел. Что каждый раз, когда Эмили называет меня «милый» или Эйден произносит мое имя своим хриловатым тембром, мне хочется свернуться калачиком от тех теплых чувств, что заполняют меня собой изнутри.

Это было полнейшим безумием.

И я становился зависимым от него.

Я начал мечтать о том, как буду работать за этой дурацкой эспрессо-машиной, делая напитки и поднимая взгляд на дверь каждый раз, когда она будет хлопать, но не для того, чтобы убедиться, что это не Билли. Нет, в своих мечтах я смотрел на нее, потому что ожидал увидеть Эйдена, и когда он, наконец, входил в кофейню, то игнорировал посетителей, стоящих в очереди, и направлялся напрямик к стойке, глядя только на меня, а затем склонялся над ней, стирая между нами расстояние, и касался моих губ поцелуем. Не заботясь о том, что на нас кто-то смотрит, он желал мне доброго утра, а затем возвращался в конец вереницы людей, чтобы дожидаться своей очереди и получить вожденный утренний кофе.

Полнейшее безумие.

— Эш, милый, держи, — голос Эмили достиг моего сознания одновременно с тем, как я ощутил прикосновение ее руки к своему плечу. Я вынырнул на поверхность из мыслей, но едва ли не впервые мне удалось не подскочить от неожиданного физического контакта.

Она улыбнулась, вероятно обрадованная тем, что я не испугался, когда она ко мне прикоснулась. На протяжении последней недели она делала это все чаще и чаще.

И к этому я тоже успел пристраститься. Прошло много времени с тех пор, как ко мне кто-то так прикасался. У меня никогда не было старшей сестры; если уж на то пошло, у меня вообще не было ни братьев, ни сестер, но крохотная часть меня задавалась вопросом, была бы она похожа на Эмили?

— Да, спасибо, — кивнул я, а затем протянул стакан клиенту, поблагодарив его за то, что он к нам заглянул.

Была суббота, около четырех часов дня, так что в кофейне царило затишье. До конца моей смены оставался еще час и, поскольку новых клиентов не наблюдалось, я протер стойку, а затем занялся проверкой кондитерской витрины, на случай если там требовалось пополнить запасы какой-нибудь выпечки. Прошло чуть меньше двух недель с тех пор, как я начал работать в «Телепортируй Меня Латте», и я прекрасно понимал, что у меня оставалось всего две недели до возвращения Билли. Он не звонил, как обещал мне в вечер своего отъезда, когда я пытался порвать

с ним, и за исключением той переписки насчет потерянных документов, которая закончилась полным фиаско, мы больше не связывались. Документы в самом деле оказались у меня дома, так что пришлось выбросить их в мусорный бак по дороге на работу, чтобы Билли случайно не обнаружил свою пропажу и не понял, что я солгал ему. Все вернулось в отвратительно привычную колею, и я ненавидел это. Это значило, Билли действительно не услышал меня в тот вечер, когда я сказал ему, что все кончено. Какая-то часть меня надеялась, что он опомнится, придет в себя и поймет, что между нами больше нет того, что было когда-то. И это была еще одна из многих вещей, которых я не понимал в Билли.

Почему он так цеплялся за то, чего уже нет?

Дверь хлопнула, и усилием воли я заставил себя не поднимать глаз. Это был урок самоконтроля, над которым я усердно работал. Я пытался подготовить себя к тому дню, когда наконец смогу сбежать от Билли и, когда этот день настанет, я не хочу тратить больше ни секунды на мысли о нем или выглядывать его за каждым углом.

Я вернулся к кассе и поднял глаза, готовый поприветствовать нового клиента. Бабочки запорхали в животе в ту же секунду, стоило мне встретиться взглядом с глазами Эйдена.

— Привет, — удивленно произнес я, когда он подошел к стойке. Я никогда прежде не видел, чтобы он заглядывал в кофейню кроме как с утра за своей привычной порцией кофеина. Даже в тот день, когда вернул мой дневник, он не заходил внутрь.

— Привет, — ответил он тепло и негромко. Его глаза будто держали меня под гипнозом, от которого я никак не мог очнуться.

Не то, чтобы мне в действительности этого хотелось.

Я чувствовал, как к щекам приливает тепло, когда до меня вдруг дошло, что надо бы отвернуться и разорвать наш зрительный контакт, но, будь я проклят... если бы я только мог это сделать. Какое, черт возьми, заклятье наложил на меня этот человек?

— Привееееет, — произнес кто-то, а затем помахал ладонью перед лицом Эйдена, и я наконец обратил внимание, что он был не один.

Паренек-подросток, лет где-то шестнадцати или около того, стоял рядом с ним. У него были темные волосы и немного более смуглый тон кожи, а в глазах плясало нечто, что можно было назвать озорством, пока он переводил взгляд с Эйдена на меня и обратно.

— Привет, я Лаки, — он протянул мне руку над стойкой.

— Эш, — ответил я, потому что Эйден, казалось, все еще находился в каком-то ступоре.

— Прости, — ожил Эйден, наконец-то, глянув на Лаки.

Они обменялись взглядом, который я не совсем понял, но готов был поклясться, что паренек слегка указал подбородком в мою сторону.

— Точно, да... — неловко заметил Эйден. — Это Лаки. Мой племянник, — объяснил он. — То есть, не то чтобы совсем, но вроде того. Его усыновили. Не я. Не то, чтобы я не хотел...

— Спокойно, — невозмутимо ответил Лаки, покачивая головой.

— Умолкни, — бросил ему Эйден, пытаясь взять себя в руки.

Я не смог не улыбнуться из-за этой неожиданной неловкости. Он всегда был таким собранным и спокойным, что я был без понятия, как реагировать на эту его новую сторону.

Эйден сделал глубокий вдох.

— Это Лаки. Мой лучший друг Беннет вместе со своим бойфрендом усыновили его, так что теперь он мой племянник... полагаю.

Он глянул на Лаки, который только закатил глаза в ответ, а затем обратил свое внимание на меня.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — ответил я, невольно рассмеявшись, и бросил взгляд на Эмили, которая тоже едва сдерживалась, чтобы не засмеяться, делая при этом вид, что чистит эспрессо-машину. — Будете что-нибудь?

Я принял их заказ, записал на стаканах и передал Эмили. Эйден расплатился, но забрав у меня сдачу и не говоря больше ни слова, бросил ее в банку для чаевых, а затем продолжил просто молча стоять. Когда он нервно переступил с ноги на ногу, я заметил, как Лаки ткнул его локтем.

— Эм... Так какие у вас планы, ребята? — поинтересовался я, скорее чтобы слегка снять образовавшееся напряжение, чем с какой-нибудь другой целью.

— Я так рад, что ты об этом спросил, — выдал Лаки, прежде чем Эйден успел открыть рот. — Собственно, именно поэтому мы и здесь...

— Иисусе, Лаки, — вклинился Эйден и покачал головой, а затем глянул на меня. — Он имеет в виду, что мы зашли, чтобы увидеть тебя... чтобы пригласить тебя...

Он умолк, когда мы снова встретились взглядом.

— Seriously, чувак? — растягивая слова, произнес Лаки, обращаясь к Эйдену. — Ты кто такой вообще?

Эйден проигнорировал его.

— Дело в том, что Лаки — огромный поклонник «Стар Трек»...

Тот издал какой-то хрюкающий звук, но Эйден продолжил, не обратив на него внимания.

— ...и он просто умолял меня сводить его на супер-секретное мероприятие в Челси, на котором некоторые актеры из первоначального состава решили собраться вместе, чтобы воспроизвести свои любимые сцены. Все средства от шоу пойдут на благотворительность. В общем, мне удалось достать билеты, но у меня их три, потому что друга Лаки, который действительно очень хотел пойти с нами, неожиданно посадили под домашний арест...

— Домашний арест? — вклинился Лаки. — Кто теперь говорит «домашний арест»? Чувак, тебе сколько, пятьдесят?

— Умолкни, — предупредил Эйден.

Лаки закатил глаза и переключил свое внимание на витрину с выпечкой.

— Так вот, его друг не смог пойти, а мы не хотели, чтобы билет пропал впустую, и я знаю, что ты тоже поклонник шоу, поэтому подумал, что, возможно, ты захочешь сходить с нами или... что-нибудь... еще...

Вся его речь, кроме последних слов, была произнесена в спешке, а затем он просто неподвижно застыл в ожидании моего ответа.

— Я хочу печенье, — объявил Лаки.

Эйден перевел на него взгляд.

— Что?

Лаки постучал по стеклянной витрине.

— Я хочу это печенье... и карамельный батончик.

— Хорошо, — раздраженно бросил Эйден. — Я куплю тебе печенье.

— И карамельный батончик.

— Хорошо! — Эйден вытащил бумажник.

Я улыбнулся про себя, направляясь за печеньем и батончиком. Стоило добраться до кондитерской витрины, как Лаки тут же начал указывать на дополнительные сладости, которые ему хотелось попробовать, и я бросил взгляд на Эйдена, но тот просто смиренно махнул рукой. Приняв это за согласие, я захватил бумажный пакет, чтобы сложить все в него. Когда мы закончили, у Лаки в руках оказалось целых три пакета, заполненных сладостями, а Эйден удвоил пару двадцаток. Он, казалось, в самом деле сильно нервничал, поэтому я решил избавить его от страданий.

— Когда? — спросил я.

— Что когда? — переспросил Эйден.

— Когда это? Мероприятие в Челси.

— О, эм... сегодня вечером. В семь. Мы... — Эйден жестом указал на Лаки, увлеченно уплетающего печенье, — собирались сначала поужинать в небольшой закусочной рядом с театром, где все и будет проходить.

Я знал, что не должен этого делать. Это только откроет тот ящик Пандоры, с содержимым которого я не был готов иметь дело. Но по правде говоря, мне хотелось увидеть больше этого Эйдена. Такого неловкого, странного, забавного, милого Эйдена — парня, который выдумал целую дурацкую историю о том, что у него слишком много билетов и каким-то образом подкупил ребенка, который, как я подозревал, явно не был таким уж заядлым Трекки, как Эйден хотел заставить меня поверить, чтобы тот помог ему. Черт, да паренек едва ли вообще смотрел на всю атрибутику «Стар Трек» в кофейне, разве что не иначе как с нездоровым интересом. Тем не менее присутствие Лаки действительно давало мне ощущение безопасности, в котором я нуждался, чтобы знать, что это не настоящее свидание, во всяком случае, не то, которое должно закончиться какими-либо ожиданиями.

И давайте посмотрим правде в глаза, как часто выпадает возможность увидеть реальных кинозвезд одного из самых лучших телевизионных шоу, которые воспроизводят сцены из этого «одного из самых лучших телевизионных шоу»? Это было просто как вишенка на торте.

— Я работаю до пяти, — предложил я.

Улыбка, осветившая черты Эйдена, заставила мое сердце екнуть и счастливо затрепетать в груди. Неужели он действительно так взволнован от перспективы провести со мной время?

Со мной?

— Мы подождем, — кивнул он.

Эмили появилась, держа в руках их напитки, и бросила на Эйдена лукавый взгляд, который он в свою очередь усиленно старался проигнорировать. Я протянул напиток сначала Лаки, а затем и Эйдену. На этот раз, когда наши пальцы соприкоснулись, я позволил себе насладиться теми

искрами, что покалывая плясали у меня под кожей, пробегая по всей руке и сосредотачиваясь внизу живота... а затем еще ниже.

— Хорошо, — произнес я.

Эйден не отводил от меня взгляда в течении нескольких ударов сердца, и лишь потом отвернулся, схватил Лаки за руку, направляясь мимо него, и потянул следом за собой. Я готов был поклясться, что расслышал, как Лаки ляпнул что-то о повышении своих расценок, а Эйден назвал его вымогателем, но я не был до конца уверен, что понял их правильно. Они сели за столик у окна, и на протяжении следующего часа я ни разу не ощутил привычного холода, просачивающегося в мою кровь.

Как я вообще мог чувствовать хоть что-нибудь помимо теплого взгляда Эйдена, отслеживающего каждое мое движение?

Пока работал, я то и дело поднимал на него глаза, чтобы убедиться, что он действительно за мной наблюдает, и когда вдруг почувствовал, как в кармане завибрировал телефон, то и бровью не повел, хотя прекрасно знал, кто это.

Пошел на хер, Билли. Ты не отнимешь это у меня... не сегодня.

С этой мыслью я продолжал игнорировать жужжание своего телефона, и впервые с тех пор, как начал работать в кофейне, усиленно подгонял стрелки на часах двигаться быстрее.

Глава 7

Эйден

По какой-то причине мои ладони потели не переставая. Когда я в миллионный раз вытер их о джинсы, Лаки фыркнул.

— Что? — бросил я на него взгляд. — У меня с руками что-то не так.

Его глаза сверкнули, когда он, оторвавшись от телефона, поднял их на меня.

— Если под «что-то не так» ты подразумеваешь, что у тебя гипергидроз⁸ из-за повышенного чувства беспокойства, связанного с симпатичным парнем, то да, ты прав.

У меня буквально отвисла челюсть.

— Какого черта? Где ты этого нахватался?

Мы все еще сидели в углу кофейни в ожидании Эша, когда Лаки выгнул бровь, глядя на меня.

— Пфф... YouTube, естественно. Там полно всяких этих медицинских штук, реально впечатляет. Все, кого я знаю, смотрят его. Тебе стоит просвещать себя, Эйден, чтобы лучше шарить в этом дерьме. Я начал смотреть его после того, как мы с тобой разговаривали о медицинском колледже или как там... Помнишь?

Я кивнул и еще раз глянул в сторону стойки, где Эш как раз заканчивал свою смену. Я не мог *не смотреть* на него, и каждый раз, когда он на самое короткое мгновение поднимал глаза, слегка мне улыбаясь, это походило на удар под дых. Да, в том была своя правда. Я чертовски нервничал,

⁸ Гипергидроз – чрезмерное выделение пота экринными потовыми железами.

возле меня, я тут же уловил пьянящий аромат кофе, смешанный с нотками корицы, что исходил от его одежды, и мне захотелось с наслаждением упиться им.

После того, как Эш поинтересовался, что здесь стоит попробовать, мы с Лаки ввязались в ожесточенный спор каждый со своими рекомендациями, пока Эш с интересом наблюдал за нашей горячей перепалкой, которая, судя по всему, немало его позабавила. В конечном итоге Эш выбрал тот же ржаной сэндвич с говядиной и расплавленным сыром, что и я, и мне едва удалось сдержаться, чтобы не покачать головой от радости, что я одержал эту маленькую победу. Как будто он доверял мне или что-то в этом роде. Я знал, что это не так, потому что по-прежнему улавливал некоторое напряжение в его теле, пока он всячески пытался избежать любого физического соприкосновения со мной, сидя рядом в слишком тесном пространстве, но на данном этапе я был согласен на все, что только мог получить от этого человека. Лишь когда я швырнул в Лаки скомканной салфеткой в отместку за то, что он противился моему совету в выборе сэндвича, над столом раздался мелодичный смех Эша. Это был поистине райский звук, и я вдруг осознал насколько редко его слышу.

— Вы двое просто ужасны. Уверены, что точно не родственники? — все еще посмеиваясь спросил Эш.

— Забери свои слова обратно, — Лаки снова швырнул в меня салфеткой. — Этот человек — угроза для общества. Его единственное положительное качество, разве что, отличный вкус в друзьях. О, и еще убийственная плазма с игровой системой.

— Тебе легко угодить, — рассмеялся я.

Лаки переключил внимание на Эша, дружелюбно ему улыбаясь.

— Итак, Эш, из Эйдена ни слова о тебе не вытащишь. Чем ты увлекаешься, когда не работаешь в *«Телепортируй Меня Ламте»*?

Я уставился на своего юного друга, прекрасно понимая, что на этот вопрос его недоумил его отец.

Эш слегка поерзал рядом со мной.

— Ну, я... эм... раньше я играл в футбол, еще в колледже.

— Правда? — заинтересованно выпалил Лаки. — На какой позиции?

— Кикер¹².

— Круто. Так ты хотел стать профи или просто ради удовольствия играл?

Эш слегка напрягся и бросил на меня быстрый взгляд.

— Нет, эм... я определенно хотел стать профи. Играл со средней школы и даже сумел получить стипендию.

— Вау, так ты, значит, был хорош, да? — вмешался Лаки.

— Да, — Эш кивнул и опустил глаза. — Достаточно неплох.

— Что случилось? — осторожно поинтересовался я, надеясь вытащить Эша из его мыслей.

¹² **Кикер** (англ. *Kicker*) — позиция игрока в американском футболе, от которого игровые ситуации требуют пробивать по мячу со специальной подставки на земле, либо из рук холдера.

Он начал бессознательно постукивать пальцами по столешнице из формики¹³, и я легким движением провел по его левой руке кончиками пальцев. Это прикосновение потрясло Эша, и он замер, посмотрев туда, где наши руки соприкасались, а затем поднял глаза на меня, его взгляд немного смягчился.

— Я серьезно заболел, — пробормотал он. — Сердце... я больше не мог играть.

Мгновение он смотрел мне в глаза, а затем слегка отодвинулся.

— Как насчет тебя, Лаки? Тебе нравится футбол?

Я слушал вполуха, пока Лаки объяснял, что ему больше нравится смотреть футбол, чем играть в него. Эш вновь расслабился, и я ощутил исходящее от его тела тепло. В какой-то момент он снова придвинулся настолько, что наши тела практически соприкасались.

Практически, но не совсем.

Его руки лежали на коленях под столом, и я видел, как время от времени он вытирает ладони о штаны. Я с трудом спрятал улыбку, осознав, что он делает то же самое, что делал я в кофейне.

Он нервничал.

Но это был хороший вид нервозности.

Он означал, что Эш понимает, наше «почти свидание» было в большей степени «свиданием» и в меньшей степени «почти».

— А теперь? Чем ты занимаешься ради удовольствия? — Лаки пнул меня ногой под столом, и я машинально глянул на него. Он сделал какое-то едва уловимое движение головой, которое, вероятно, подразумевало, что я должен присоединиться к разговору. Маленький паршивец. Я считал, он прекрасно справляется и без меня.

Эш снова положил руки на стол и начал возиться с оберткой от соломинки, наматывая ее вокруг пальца снова и снова, пока она не стала походить на бумажный штопор.

— Мне нравится играть на гитаре? — прозвучало скорее как вопрос, нежели утверждение.

— Серьезно? — спросил я. — Здорово. Что тебя к этому подтолкнуло? Я всегда жалел, что так и не научился играть ни на одном музыкальном инструменте.

— Мой отец играл на гитаре и научил меня некоторым вещам. После смерти он оставил свою гитару мне. В последнее время я просто возвращаюсь к игре на ней.

Я повернулся, чтобы взглянуть ему в глаза.

— Я бы с удовольствием послушал, как ты играешь.

Щеки Эша покраснели, а шея покрылась пятнами.

— Нет, боже, нет. Я ужасно играю. И если останусь на том же уровне, то никогда не смогу играть для кого-то. Бил... то есть, *кое-кто* однажды сказал мне, что я не очень-то в этом хорош. Думаю, мне нужно гораздо больше практики, прежде чем я смогу что-нибудь сыграть для тебя... для кого-нибудь, я имел в виду, — нервно произнес он.

Я осторожно накрыл ладонью его руку, лежащую на столе.

¹³ Формика (многослойная столешница) – недорогой и прочный слоистый пластик, используемый для кухонных столов.

— Уверен, ты намного лучше, чем сам о себе думаешь. В любом случае, гораздо важнее, чтобы тебе самому нравилось то, что ты делаешь, чем чтобы это звучало идеально.

Эш глянул на мою руку, а затем вновь посмотрел мне в глаза.

— Да, ты прав, — кивнул он. — Хороший способ смотреть на вещи. Я же не пытаюсь стать профессиональным гитаристом или что-то в этом духе.

— Уверен, если бы захотел, то смог бы сделать и это тоже, — заметил Лаки. — По крайней мере, именно так мне сказал Эйден о моем желании стать врачом. Не обязательно быть идеальным совершенством, чтобы следовать за своими мечтами. Верно, Эйд?

— Верно, приятель. Нужно просто хотеть чего-то и быть готовым трудиться ради этого. Верить в себя, — автоматически ответил я, вспомнив тот день, когда Лаки мимоходом выдал, что такому парню, как он, ни за что в жизни не стать кем-то важным, вроде врача.

Эш внимательно изучал меня взглядом.

— Ты действительно в это веришь? — негромко поинтересовался он. — Что кто-то может следовать за своей мечтой, даже если не очень в чем-то хорош?

Его вопрос, казалось, подразумевает под собой нечто более важное, чем просто беседу о выборе карьеры. Я понял, что моя ладонь все еще лежит на его руке, поэтому несильно, но ободряюще сжал ее.

— Да, верю. Думаю, никогда не узнаешь, пока хотя бы не попробуешь. Есть одна банальная фраза, которую мне однажды довелось услышать на уроке по менеджменту. Там было что-то о том, чтобы всегда метить в луну, потому что даже если промажешь, то все равно окажешься среди звезд. Я хотел, чтобы это услышал Лаки. Что даже если ежедневно трудиться ради своей мечты, но так ее и не достичь, твоя жизнь все равно не пройдет напрасно. Лучше потратить ее на достижение мечты, чем впустую, делая что-то другое, что не питает твое сердце, понимаешь?

Эш, казалось, задумался над этим на минуту, внимательно глядя на свои руки, пока продолжал бессознательно скручивать бумажную обертку от соломинки, а затем поднял глаза на меня, пригвоздив своим светло-голубым взглядом к месту.

— А как насчет тебя? Над какой мечтой ежедневно трудишься ты, Эйден Вейл? — тихо спросил он и от его голоса вдоль моего позвоночника пробежала дрожь осознания. Я забыл обо всем на свете, и о Лаки, и о ресторанике... пока смотрел в его глаза.

От необходимости отвечать меня спас официант, который принес наш заказ, но немного позже, когда мы уже вышли из закусочной, Эш несильно толкнул мое плечо своим. Этот жест удивил меня, потому что я не мог вспомнить ни одного раза, когда бы он инициировал какой бы то ни было физический контакт между нами.

— Ты так просто не отделаешься, — заметил он.

— Что ты имеешь в виду? — уточнил я.

Боже, мне в самом деле нравилась эта его сторона. Мне еще ни разу не доводилось видеть Эша более расслабленным, чем он был сейчас, в воздухе вокруг него буквально потрескивало озорство.

— Хочу знать, о чем ты мечтаешь, Эйден.

На долю секунды мне показалось, что он имеет в виду мои кошмары¹⁴, которые продолжали мучить меня каждую ночь, но вовремя сообразил, что речь о том, о чем он спрашивал прямо перед тем, как нам принесли ужин.

— Несколько лет назад я основал бизнес вместе со своим братом Чейзом. Я всегда мечтал иметь собственное дело и видеть, как оно становится успешным. И, отчасти, это еще было желанием помочь построить то, на что мой брат всегда смог бы положиться, чтобы поддержать его, — объяснил я.

— Очень благородно с твоей стороны, — улыбнулся Эш.

— Не совсем, — вставил Лаки. — Он не упомянул, что на самом деле это просто непреодолимое желание быть лучшим во всем, что он делает.

Лаки пригнулся, когда я потянулся, чтобы ущипнуть его плечо в отместку за колкость.

— Шучу, шучу. Быть лучшим для него естественно, Эш. Он один из тех парней, ну, знаешь... для которых все всегда легко и просто.

— Неправда, — нехотя пробормотал я вполголоса, игнорируя боль, что на миг остро пронзила грудь.

Я знал, что Лаки ничего не имел в виду, делая подобный комментарий, он попросту озвучил именно то, что я всегда хотел, чтобы люди думали обо мне, но почему-то позволять Эшу верить, что я «один из таких парней» ощущалось неправильным. Хотя, какова была альтернатива? Разумеется, я не мог сказать ему правду. Снова вздрогнув, я машинально оглянулся и заметил, как Эш с беспокойством наблюдает за мной.

Нет, он ведь не мог знать, о чем я думаю... верно?

Я с трудом заставил себя усмехнуться и наехал на Лаки.

— И переставай уже пытаться меня выбесить, иначе я ничего не куплю тебе на память на этой тусовке.

Эш рассмеялся, когда Лаки отпрыгнул, оказавшись вне пределов моей досягаемости и продолжил дразнить меня уже с расстояния нескольких футов впереди нас.

— Он хороший парень, — заметил Эш достаточно тихо, чтобы Лаки его не услышал.

— Потрясающий. Видел бы ты, откуда он. Та сила, которая потребовалась ему, чтобы выжить... он просто поражает меня.

Я чувствовал взгляд Эша на себе, но продолжал смотреть вперед, когда вдруг понял, что прикусываю кромкой нижних зубов верхнюю губу. Этот мой жест Беннет всегда называл «говорящим» — явный признак того, что я становлюсь эмоциональным. Я быстро закрыл рот и сосредоточился на том, чтобы мы поскорее добрались до нужного нам места.

Когда мы оказались у небольшого концертного зала, где и должно было проходить мероприятие, я заметил на двери табличку, гласившую, что все потерявшиеся дети будут проданы Боргам. Хмыкнув, непроизвольно потянулся к Эшу, чтобы поддеть его локтем и указать на нее. Он дернулся от неожиданного контакта, едва ли не подпрыгнув, и Лаки бросил на меня обеспокоенный взгляд. Я отрицательно покачал головой. *Не спрашивай.*

¹⁴ Игра слов. В английском языке «мечты» и «сны» - это одно и то же слово «dreams».

— Прости, — пробормотал я, мысленно пнув себя за то, что забыл, насколько он нервный и тем самым испортил весь прогресс, которого, казалось, добился с ним сегодня.

Лицо Эша покраснело из-за холодного воздуха, но у меня было чувство, что отчасти это можно списать на неловкость.

— Нет, это ты прости, — произнес он, запоздало ухмыльнувшись в ответ на знак.

Я решил на всякий случай какое-то время поддержать между нами Лаки, чтобы отсутствие непосредственной близости друг к другу помогло немного успокоить разум Эша, заверив тем самым, что я не стану прикасаться к нему снова.

Наконец, мы добрались до билетера, и я передал ему распечатки, которые принес с собой в качестве билетов. Эш склонился ко мне.

— Еще раз, что это конкретно за мероприятие? Уверен, что здесь будут настоящие актеры? По-моему, толпа в таком случае должна быть побольше или что-то вроде того. Даже не знаю... и охрана?

Лаки ответил, прежде чем я успел открыть рот.

— Да, эм... просто смирись с этим, Эш, ладно? — его голос прозвучал немного выше, чем обычно.

Я внимательно взгляделся в Лаки.

— Лаки? Мне казалось, ты говорил, что это будет оригинальный актерский состав, воспроизводящий свои любимые сцены.

— Так и есть... — пожал он плечами, —... в некотором роде.

— И что конкретно это значит? — поинтересовался я, начиная задаваться вопросом, во что я нас втянул. Куда, черт возьми, я притащил Эша?

Прежде чем он успел ответить, скучающий, судя по его виду, билетер потянулся к моим распечаткам.

— Твое здоровье, дружище. Живите долго и все такое.

Я усилием воли подавил острое желание устроить этому парню выволочку за то, что он исковеркал знаменитую реплику и повернулся к Лаки.

— Эм, Лаки? *Анализирую*.

Эш фыркнул, уловив мою отсылку к одному из персонажей «Стар Трек: Следующее поколение», Лейтенант-коммандеру Дейта¹⁵, и я украдкой подмигнул ему.

Лаки съежился, когда миновав двойные двери мы вошли в большое пространство со сводчатым потолком.

— Ну, возможно, я чуточку ввел вас в заблуждение.

Огромный зал, казалось, был предназначен для показа мод, с длинным, широким подиумом, напоминающим взлетно-посадочную полосу, окруженную с трех сторон рядами складных стульев. Повсюду были декорации в стиле «Стар Трек», и многие участники щеголяли разодетыми в полные

¹⁵ **Дейта** (англ. Data, в других переводах – Дата) – персонаж научно-фантастического телесериала «Звёздный путь: Следующее поколение», а также полнометражных фильмов по мотивам «Звёздного пути». **Лейтенант-коммандер Дейта** – первый андроид, состоящий на службе Звёздного флота.

регалии «Энтерпрайза»¹⁶. Вокруг было слишком много шума и суеты, чтобы я мог уточнить у Лаки, что конкретно означало его «чуточку».

После того, как мы нашли наши места, Эш наклонился и прошептал мне на ухо:

— Думаю, мы не одеты подобающим образом. Надо было надеть фартук и захватить парочку фэйзеров Эмили.

Я рассмеялся и слегка расслабился, когда понял, что Эш не злится из-за того, во что нас втянул Лаки. Чем бы оно ни оказалось.

— Это было ужасно непредусмотрительно с твоей стороны, Эш. В следующий раз думай наперед, ладно?

Он улыбнулся мне и, казалось, тоже расслабился. По какой-то причине у меня возникло ощущение, что ему нравится видеть, как я облажался, или, по крайней мере, смотреть, как Лаки дразнит меня по этому поводу.

— Лаки Кроуфорд, не мог бы ты хотя бы просветить тогда, что нас ждет? — произнес я самым строгим родительским тоном.

Он повернул ко мне лицо, сама невинность.

— Это благотворительный сбор средств, помнишь, Эйд? — сказал он многозначительно. — Все ради благого дела, чувак.

— По крайней мере, скажи мне, что это не мероприятие с R-рейтингом¹⁷.

— Эм... уверен, что нет, — произнес он неопределенно. — Но мы увидим много оригинальных костюмов. Это формат фэшн-шоу. Очевидно же.

— Очевидно, — пробормотал я.

Эш наклонился и зашептал на ухо, указывая на интересные сувенирные предметы из шоу, выставленные по всему залу. Видеть, как он возбужден и счастлив было бальзамом для моей души, и я понял, что расслабляюсь.

К тому моменту, как ведущий вышел на сцену, я с нетерпением ждал нашего необычного показа мод в стиле «Стар Трек».

— Леди и джентльмены. Люди, Вулканцы, Ромулане, Клингоны, Ференги¹⁸ и все остальные. Мы приветствуем вас на четвертом ежегодном модном показе — сборе средств для нового поколения стажеров, что посетят этим летом Академию Звездного Флота в Покипси. Как многие из вас знают, наши молодые стажеры прилетают со всей галактики, но у всех у них есть одна общая черта. Они родились с врожденными пороками сердца. Благодаря вашей щедрости каждый стажер Звездного Флота сможет провести неделю с настоящим актерским составом, изучая космическое пространство, межгалактические путешествия и межвидовую дипломатию. Во время их недели в Академии они также будут иметь возможность заниматься разными веселыми детскими вещами, такими как плавание, кемпинг, декоративно-прикладное искусство, и, конечно же, выступят в финальном шоу в конце недели.

¹⁶ **Энтерпрайз** — вымышленный звездолёт Звездного флота класса «Конституция» из сериала «Стар Трек: Оригинальный сериал».

¹⁷ **Рейтинг R** — Restricted. Лица, не достигшие 17-летнего возраста допускаются только в сопровождении одного из родителей, либо законного представителя.

¹⁸ Названия инопланетных рас.

При упоминании о пороках сердца я почувствовал, как Эш моментально выпрямился на стуле рядом со мной, а затем с удивлением посмотрел на меня. Я прочел немой вопрос в его глазах, но он ничего не сказал. Вместо этого перегнулся через меня, чтобы дотянуться до Лаки, который автоматически наклонился к нему, чтобы расслышать, что Эш говорит.

— Лаки, еще раз, откуда ты узнал об этом мероприятии? — спросил он, похоже, уже заранее зная ответ.

Хотелось бы мне, чтобы Лаки придумал какое-нибудь правдоподобное объяснение, но, конечно же, вместо этого он просто взял и толкнул меня под автобус.

— Эм, я... э-э-э... — заикался он, а потом глянул на меня.

— Мило, — произнес я, бросив на него взгляд.

— Хэй, я не могу быть на стрёме все время.

— Я полностью вычту стоимость этих пирожных из твоего гонорара, — пробормотал я.

Лаки демонстративно выхватил из пакета одно печенье и сунул себе в рот, а я переключил все внимание на Эша. Я знал, что он разозлится из-за того, что я рассказал кому-то о его проблемах с сердцем, прежде чем он сделал это сам, но к моему величайшему удивлению, он не был в ярости.

Он выглядел...

Черт, я даже не мог понять, как именно он выглядит.

— Эш, прости...

Я резко умолк, когда его пальцы накрыли мою руку, что лежала на бедре, и слегка сжали ее.

— Спасибо, — произнес он одними губами.

И всё.

Он больше ничего не сказал и отпустил руку уже через несколько секунд, но мне показалось, будто я только что выиграл джек-пот в лотерею.

— Что ты там говорил о моем гонораре? — склонился ко мне Лаки так, чтобы только я смог его услышать.

— Я сказал, что удвою его, — ответил я, не сводя глаз с Эша, который с восхищением осматривал зал.

— Как вы знаете, первый эпизод нашего любимого оригинального сериала назывался «Ловушка для людей». Ну кому же под силу проиллюстрировать ловушку для мужчины лучше, чем стайке великолепных женщин? Мы хотели бы начать сегодняшний показ со сцены соблазнения Звездного Флота, поставленной ни кем иным, как травести-дивами Денобулы, — объявил ведущий.

Когда зал взорвался аплодисментами, мне оставалось только сидеть и смотреть на сцену, осознав, наконец, что я каким-то образом умудрился притащить *парня-с-которым-у-меня-почти-свидание и несовершеннолетнего ребенка* на благотворительный сбор средств в стиле «Стар Трек», организованный Дрэг-квин¹⁹. И если от Эша я, казалось, легко отделался, то вот отцы Лаки точно меня прибьют. Я почувствовал, как кровь отхлынула от лица, когда Лаки потерял руки в

¹⁹ **Дрэг-квин** – сленговое выражение, используемое для обозначения артистов (обычно мужского пола), использующих женские образы, переодеваясь в одежду женского гендера.

возбужденном предвкушении, бормоча что-то о том, что наконец увидит свое первое в жизни дрэг-шоу²⁰. Черт, заставить Лаки держать рот на замке обойдется мне в целое состояние.

Но стоило почувствовать горячее дыхание Эша, коснувшееся моего уха, и услышать самый мелодичный на свете голос, как все тревоги тут же улетучились.

— Спасибо, что привел меня сюда, Эйден. Мне уже очень давно не было так весело.

Глава 8

Эш

Вернулся я домой, в свою квартиру, витая в облаках. Я даже вспомнить не мог, когда в последний раз просто встречался с друзьями и так отлично проводил время. По крайней мере, с тех пор, как мы с Билли переехали в Нью-Йорк прошлой весной точно.

Но еще более особенным сегодняшний вечер стал из-за того, насколько вдумчиво Эйден подошел к выбору мероприятия. Он усиленно пытался сделать вид, будто это Лаки потащил его на тусовку в стиле «Стар Трек», хотя на самом деле сам нашел благотворительное шоу. Осознание факта, что Эйден обратил внимание на мое упоминание о болезни сердца, грело меня изнутри. Если бы кто-нибудь сказал мне в тот раз, когда я впервые увидел большого и успешного бизнесмена, что он будет искренне смеяться и хлопать вместе со всем благотворительным дрэг-шоу «Стар Трек», организованным для сбора средств детям с пороками сердца, я бы рассмеялся ему в лицо. Но именно это он и делал. И весь проведенный с ним вечер заставил меня понять, как сильно я его недооценивал.

Несмотря на то, что я отказался от свидания, Эйден все равно нашел способ провести со мной время в качестве друга. И уже только за это мне просто до одури хотелось расцеловать его. Если бы он только знал, как для меня сейчас важно просто иметь друга. Мне было до отчаяния одиноко. И страшно. Я знал, мое время до возвращения Билли быстро истекает, и осознавать, что в этом огромном городе у меня теперь есть еще кто-то, кого я мог бы назвать другом, несказанно обнадеживало.

Мне хотелось найти способ отблагодарить Эйдена за то, что он пригласил меня сегодня, но я не смел потратить ни доллара на благодарственный подарок, потому что на счету было каждое пенни, которое я только мог заработать, ибо очень скоро деньги потребуются мне на автобусный билет, лекарства и крышу над головой.

Я раздумывал над тем, что еще могу для него сделать, и тут в памяти вспыхнули его слова о записях в моем дневнике. Он потерял кого-то. Кто-то близкий ему утонул. А если кто и понимал, каково это, лишиться близкого человека, так это я.

Автоматически потянувшись под кровать, чтобы достать гитару, я вдруг застыл, когда во мне неожиданно проснулась неуверенность в себе.

Серьезно, Эштон? Ты собираешься написать такому парню, как он, песню? На хрен ему вообще сдалась эта твоя песня?

²⁰ **Дрэг-шоу** – представление, состоящее из песен, монологов или пародий с участием либо одного, либо группы исполнителей, призванное развлечь аудиторию. Дрэг-шоу варьируются от любительских спектаклей в маленьких барах до профессионально отрежиссированных театральных представлений. Исполнители выступают в сложном гриме и костюмах.

Презрительная насмешка Билли была настолько громкой и явственной, что я тут же отдернул руку с гитары. Эйден явно не нуждался в деньгах. Он мог купить все, что угодно.

Я выпрямился и направился прочь из комнаты, но потом резко замер на месте, вспомнив слова Эйдена, сказанные им, когда я признался, что играю на гитаре.

Важнее всего, чтобы тебе нравилось то, что ты делаешь...

Мне действительно это нравилось. Ну и что, даже если я облажаюсь? В худшем случае Эйден вежливо поблагодарит меня и на этом все закончится. Вряд ли он окажется так же жесток, как Билли, чтобы сказать мне в лицо, что я полнейший отстой. И он говорил, что слова из моего дневника задели его за живое...

Приняв окончательное решение, я все-таки вытащил гитару и начал наигрывать кое-какие пассажи. Я так увлекся, что засиделся дольше обычного, записывая тексты и делая заметки до тех пор, пока у меня не получилось то, что мне действительно понравилось. Аккуратно переписав песню на листок бумаги для принтера и бережно сложив ее, прежде чем спрятать в карман пальто, я, наконец, лег спать.

На следующее утро сигнал будильника прозвучал до боли рано, поэтому я сделал то, чего никогда не делал – нажимал кнопку повтора до последнего возможного момента, пока, наконец, не вскочил в панике, отбросив одеяло, и оставляя после себя груды одежды и мокрых полотенец по всей комнате и ванной.

Внутренности болезненно скрутило узлами при мысли о необходимости все это немедленно убрать и застелить постель, пока Билли не увидел, какой беспорядок я устроил, но потом я вспомнил, что Билли нет, и даже более того, между нами все кончено. Его больше никоим образом не касалось, что я оставляю свою одежду в куче на полу. Я вышел из квартиры пружинистой походкой и с улыбкой на лице. Возможно, кому-нибудь другому это и не казалось чем-то особенным, но для меня оставить эти груды одежды на полу было все равно, что водрузить победный флаг на плодородные земли, завоеванные с необычайным трудом. Вернуть самого себя после кардиологического восстановления, за которым последовали долгие годы постепенно усиливающегося тотального контроля Билли над все большей и большей частью моей жизни, было сродни тому, как подняться наконец из темных глубин на поверхность, чтобы полной грудью сделать глубокий вдох свежего воздуха.

* * *

К тому моменту, как Эйден появился в кофейне, у меня так сильно дрожали руки, что, казалось, я могу пролить каждую чашку кофе, к которой прикасался. Тем не менее, я все равно был полон решимости не позволить страху помешать мне отблагодарить его за вчерашний чудесный вечер.

Когда он подошел к стойке, чтобы оплатить свой кофе, я сглотнул и улыбнулся.

— Доброе утро, Эйден.

— Доброе утро, Эш. Надеюсь, ты хорошо спал после нашего безумного вечера, — подмигнул он, а затем провел карточкой через считывающее устройство на планшете и потянулся, чтобы взять свой напиток из протянутой руки Эмили.

Она быстро переключилась на следующего клиента, слегка подтолкнув меня локтем.

— Возьми пять минут, Эш, — в ее глазах сверкнуло понимание.

Чуть раньше этим утром я спросил у нее, можно ли будет уделить минутку, чтобы поговорить с Эйденом, когда он придет, и она в неверии уставилась на меня расширившимися глазами. Даже когда я попытался развеять ее предположение, что между нами что-то есть, она все равно настояла на том, что я могу проводить с ним столько времени, сколько захочу, когда тот здесь появляется.

— Эйден? Могу я... могу я поговорить с тобой минутку? В смысле, я не хочу тебя задерживать...

Лицо Эйдена просияло.

— Конечно, давай сядем за вон тот столик, — произнес он, указав на более тихий уголок в конце зала.

Как только мы сели, я полез в карман за сложенным листком бумаги и, достав, прижал его к бедру под столом, пытаюсь придумать, какими словами объяснить, насколько важным был для меня вчерашний вечер.

Эйден сидел тихо, потягивая горячий кофе и давая мне время собраться с мыслями.

— Я написал тебе песню, — выпалил я наконец.

Его глаза расширились над ободком кофейного стакана.

— Ты ... что? Написал мне песню?

Я так нервничал, что мое сердце начало оглушительно и неистово лупить в грудную клетку.

— Да... то есть, это, конечно, просто дурацкая ерунда. Ничего особенного, на самом деле. Я имею в виду, это довольно глупо, правда... — я сделал паузу, чтобы вдохнуть, и вдруг ладонь Эйдена опустилась на мое плечо.

— Ты серьезно написал мне песню? Я так польщен, Эш. Можно на нее взглянуть? Или послушать?

Я вскинул на него глаза, и мы встретились взглядом.

— Что? *Послушать*? О, нет. Ни за что. Обожаемой... Нет. Никогда... — я чувствовал, как мое лицо запылало от ужаса.

Глаза Эйдена расширились еще больше, пока я нервно бормотал, но потом его черты смягчились.

— Ш-ш-ш... все в порядке. Не обязательно исполнять ее для меня, если тебе от этого неловко. Может быть, когда-нибудь потом. Достаточно просто знать, что ты ее написал.

Я выдохнул и попытался улыбнуться.

— Да, хорошо... Я записал ее для тебя. Просто хотел поблагодарить за вчерашний вечер. То, что ты сделал... это... это очень много значит для меня. Благотворительный сбор средств и все остальное. Ты был очень внимателен. И мне уже очень давно никто не делал ничего настолько приятного...

Я заставил себя поднять сложенный лист бумаги и пододвинуть к нему через стол. Эйден протянул руку, чтобы забрать его у меня, убедившись, что я не против отпустить листок. Я откинулся на спинку стула и уставился на свои сцепленные в замок руки, лежащие на столе. Смотреть, как он читает, было просто выше моих сил.

Я ерзал и мучился до тех пор, пока больше уже не мог сдерживаться.

— Черт, тебе не обязательно читать это здесь. Вообще-то, мне уже нужно вернуться на кассу. Прочтешь позже. Да, просто... — я резко умолк, когда его колено уперлось в мое под столом и до меня дошло, что он внимательно смотрит на меня с самым добрым выражением лица. — Прости... — прошептал я.

— Пожалуйста, останься и позволь мне прочесть ее, Эш. Для меня это будет много значить, — произнес он негромко.

Я кивнул и заставил себя не шевелиться, благодаря Бога, что Эйден не читает вслух, потому что и без того прекрасно помнил слова, которые написал.

На поверхности

Когда отправишься к воде в поисках ответов,

Меня ты там не найдешь.

Просто помни:

Я в облаках и солнечном свете,

Деревьях и ветрах.

Я – твоя тень.

Когда позволишь ты слезам пролиться

Из страха позабыть меня,

Просто помни:

Я в твоём смехе и молчании,

Приветствиях и прощаниях.

Я – твоя душа.

Когда продолжишь жить ты завтра

После многолетней скорби и печали,

Просто помни:

Я в твоих воспоминаниях и прошлом,

Хороших временах и законченных главах.

Пришло время двигаться дальше.

Вновь взглянув на Эйдена спустя несколько мгновений, я заметил его плотно сжавшуюся челюсть. Дерьмо. Это было слишком самонадеянно с моей стороны. Мне не стоило лезть в это. Я

ведь понятия не имел, какова на самом деле его история. Что, если я нечаянно написал текст об утраченном любимом человеке? Что, если он считает, что это не мое дело?

Я прикусил губу, пытаюсь унять дрожащий подбородок. Мне не стоило этого делать. Это уже было слишком. Слишком личное.

— Эш... — хрипло произнес он.

Я поднял на него взгляд. Его глаза были влажными и такими грустными.

— Мне так жаль, — выдохнул я. — Эйден, мне не следовало этого делать. Прости.

Я вскочил и подался вперед, пытаюсь выхватить у него из рук оскорбительный лист бумаги, но Эйден прижал его к груди, прежде чем я успел дотянуться.

— Нет, — прохрипел он. — Пожалуйста.

Я уставился на него.

— *Пожалуйста...* — повторил он.

Мы застыли практически нос к носу, и я отчетливо уловил его чистый запах после утреннего душа и бритья. Его прекрасные глаза умоляли меня, и он выглядел таким уязвимым, как мне никогда не доводилось видеть его прежде. Черт, до этого момента я даже ни в какой самой сумасшедшей фантазии представить себе не мог, что использую слово «уязвимый» по отношению к Эйдену Вейлу.

Его ладонь осторожно легла на мою щеку, и я, прежде чем понял, что делаю, прильнул к ней. Она была такой большой, теплой и сильной. Глаза сами собой прикрылись, и мне не хотелось их открывать. Я боялся сделать хоть что-нибудь, чтобы не разрушить этот поистине совершенный момент, когда ощущал искреннюю признательность и безопасность.

Но рука начала медленно двигаться, ласкать кожу, нежно притягивая к себе, и этого оказалось достаточно, чтобы вывести меня из транса. Я поспешно отстранился, вновь с глухим звуком шлепнувшись на свой стул.

От удивления губы Эйдена на долю секунды сформировали «О», но затем его взгляд вновь замер на листке бумаги.

— Это был мой брат, — наконец, произнес он, прочистив горло. — Мой младший брат Дэнни. Это он утонул. Ему было... ему было двенадцать, когда...

Эйден на миг умолк, пытаюсь взять себя в руки.

— Я... Я просто не могу выразить, как много это для меня значит, Эш. От всего сердца, спасибо тебе, — его голос был хриплым, и я увидел подтверждение правдивости его слов, когда он снова взглянул на меня. Узнать, что Эйден потерял в воде своего брата стало сокрушительной неожиданностью.

— Пожалуйста, — произнес я, пытаюсь удержаться, чтобы не броситься к нему и не стиснуть в крепких объятиях, сказав, как сильно мне жаль. — Я действительно рад, если тебе понравилось. Мне просто хотелось сделать что-нибудь, чтобы отблагодарить тебя. И, пожалуйста, передай Лаки спасибо тоже. Он хороший парень.

Эйден улыбнулся и покачал головой.

— Он сумасшедший. Но, да. Лаки замечательный малый. И у него замечательные отцы. Я бы очень хотел познакомить тебя с Беннетом и Зендером.

Что? Нет, я не мог этого сделать.

Или мог?

Знакомство с его друзьями... Подобное было бы слишком личным. Так ведь делали только парни, которые встречались друг с другом.

Верно?

Боже, я был без малейшего понятия. Совершенно. Взглянув на Эйдена, я заметил, что он терпеливо наблюдает за мной и не сомневался, он точно знает, что творится у меня в голове. Я постучал пальцами по столу и кивнул.

— С удовольствием, — удалось выдать. И это действительно было правдой. Я хотел познакомиться с его друзьями. Может, потому что мне было крайне любопытно узнать побольше о том, что сделало Эйдена таким Эйденом. Или, может быть, я думал, что мне пригодятся любые друзья, которых я мог обрести.

Вероятно, это было и то, и другое.

Я встал из-за стола, понимая, что очередь у кассового аппарата стала значительно длиннее с тех пор, как я сижу здесь.

— Эм... мне уже пора возвращаться к работе. Хорошего тебе дня.

Эйден встал следом и потянулся к моей руке, подняв ее, он коротко коснулся губами костяшек, прежде чем мягко сжать и отпустить. Это ощущение прошло мой позвоночник и разошлось жаром по конечностям.

— И тебе тоже, Эш.

* * *

Закончив работу, я возвращался домой не спеша только потому, что у меня была такая возможность. По пути остановился в магазине с гитарами и приценился к новым струнам, потратил уйму времени, пуская слюни на некоторые высококлассные инструменты, что висели на стене, а затем побродил по книжному магазину, заглянув в раздел научной фантастики, чтобы посмотреть, что там нового. Несмотря на аппетитные запахи из итальянского ресторана рядом с моим многоквартирным домом, я поклялся придерживаться своего плана бережливости и экономии и решил поужинать пастой дома. Убраться из квартиры, за которую платил Билли, было гораздо важнее, чем вкусно поесть.

Вернувшись домой, я первым делом направился к папке, спрятанной под ящиком комода, и вытащил из нее учетную ведомость наличных, которую вел о заработанных деньгах. Записал туда сумму чаевых, полученных за день, спрятал папку обратно в тайник и потом добавил деньги к остальным в банку под раковиной. На краткий миг я позволил себе ощутить гордость от того, что у меня наконец-то, *наконец-то*, есть план, как действительно бросить Билли после стольких лет. Сам факт того, что я вернул себе контроль над своими финансами и будущим был достаточно действенным, чтобы я стал лучше спать и дышать легче. Чувство зависимости от Билли во всем лишило меня гораздо большего, чем просто независимости. Поначалу, когда я только восстанавливался, имело смысл принять его настойчивое требование заботиться обо мне, но теперь это не имело никакого отношения к тому, что он чувствовал себя обязанным. Я даже не мог

понять, когда конкретно это случилось, но многие вещи, за которые поначалу я был благодарен Билли, постепенно превратились в оружие, используемое им против меня.

После переезда в Нью-Йорк в прошлом году, друг Билли, Эрик, единственный, кто знал о наших отношениях, как-то сострил, что я «содержанка». Я ждал, что Билли объяснит, что это скорее вопрос логистики, но вместо этого он просто рассмеялся и пошутил, что я сижу на диване и ем конфеты, пока он надрывает задницу на работе. Это замечание не только сильно задело меня, но и заставило чувствовать себя бесполезным и зависимым в самом худшем смысле из всех.

Наконец, пришло время положить конец эпохе, когда я был обязан другому человеку. Я больше никогда не хотел чувствовать себя так снова.

Пока готовил ужин, я включил музыку достаточно громко, чтобы под нее можно было танцевать и даже не потрудился убрать кухню, прежде чем усесться ужинать. Мне пришлось мысленно произнести вдохновляющую речь, лишь бы убедить себя решиться обойти кухонный стол и поест сидя прямо на диване в гостиной, смотря телевизор, но после этого я до нелепости был горд собой, даже если и подпрыгивал нервно от любого звука, напоминающего скрип отпираемой входной двери. Лишь когда уже убирал посуду, мой телефон издал сигнал, оповестив о входящем сообщении. Страх быстро начал просачиваться в каждую клеточку, когда я потянулся к нему, но вместо сообщения от Билли там оказалось сообщение от Эмили.

Эмили: *Привет, куколка. Мы с Ламонтом планируем игровую вечеринку-битву с друзьями в субботу вечером у меня дома. Присоединись к нам? Будет убийственно, но если ты придешь, будет еще веселее!*

Я уставился на текст. Она действительно пригласила меня на вечеринку со своим парнем и друзьями? Волна тепла прошла сквозь мою грудь.

Но я не мог.

Билли будет в бешенстве.

Я уже набрал сообщение с оправданием, почему не смогу принять приглашение и как раз собирался нажать «Отправить», когда вдруг понял, что делаю. Я взглянул в сторону кухни. Разве не я весь последний час нарушал правила Билли, потому что у меня теперь была такая возможность?

Потому что мне было это позволено?

Потому что между мной и Билли, мать его, все кончено?

Прежде чем смог задуматься над тем, что делаю, я удалил свое сообщение и набрал новое, а затем нажал «Отправить».

Эштон: *Конечно. С удовольствием. Просто дай мне знать, где и когда. Спасибо за приглашение!*

Смесь из нервозности и волнения прошла сквозь меня, пока я ждал ответ. Когда Эмили прислала мне детали и сказала, что с нетерпением ждет у себя, я как идиот прижал телефон к груди.

У меня были планы.

С друзьями.

Той ночью я упал в постель, переполненный облегчением и надеждой – чувствами, которых не испытывал уже очень давно.

На следующий день была пятница. Эйден заглянул в кофейню на обед, хотя всего несколькими часами ранее появлялся ради порции утреннего кофе.

Я находился в служебной комнате на небольшом перерыве, когда он сделал заказ, но вернувшись, сразу заметил его за столиком, где он ел сэндвич, разговаривая по мобильному телефону. Мы встретились взглядом, и он мне подмигнул. Поскольку очереди не было, я подхватил влажное полотенце и начал протирать столы, но мой взгляд то и дело возвращался к Эйдену каждую минуту или две. Я не мог не заикливаться на мышцах его горла, пока он говорил. Мне до одури хотелось попробовать его шею на вкус.

Черт, да кого я обманывал?

Я хотел попробовать его на вкус везде.

Почувствовав, как щеки запылали жаром от одной мысли об этом, я заставил себя сосредоточиться на том, чем занимался. Когда подошел к столику рядом с ним, на губах Эйдена вдруг появилась огромная улыбка, а затем он издал победный клич прямо в телефон и закончил звонок. Вскочив со стула, Эйден внезапно крепко обнял меня, на миг оторвав ноги от пола.

— Да! — зарычал он мне на ухо.

Я знал, что это реакция на то, что произошло только что во время телефонного разговора, но все равно не мог не подумать о том, будет ли он таким же хриплым и рычащим в постели.

Боже правый, мне следовало немедленно взять себя в руки.

Эйден поставил меня на ноги, хотя и не сразу разжал объятия.

В конце концов я все-таки высвободился из крепкой хватки, потому что такая близость к его твердому телу заставляла меня нервничать, создавая бардак в голове... и других местах.

— Хорошие новости? — поинтересовался я, ухмыльнувшись и отступив от него на шаг.

— Самые лучшие! Я только что подписал контракт с новым крупным пиар-клиентом, которого пытался заполучить неделями.

— Это фантастика, — произнес я, смеясь от того, насколько счастливым он сейчас выглядел. Эйден напоминал ребенка, который только что обнаружил, что приходил Санта-Клаус. — Поздравляю.

— Давай отпразднуем это вместе, — вдруг выпалил он, и его глаза загорелись. — Позволь мне пригласить тебя на ужин завтра вечером.

— Не получится. Я уже пообещал Эмили, что приду к ней на вечер игр, — объяснил я.

— Тогда сегодня вечером. Пожалуйста, соглашайся. Ну пожалуйста.

Я не мог не рассмеяться, когда он попытался посмотреть на меня щенячьим взглядом. Его улыбка была такой милой, что я просто не мог отказать. Более того, я не хотел отказываться.

— Ладно. Сегодня вечером.

Его кулак победно взметнулся в воздух.

— Этот день становится все лучше и лучше. Где ты живешь? — выжидательная улыбка Эйдена чуть не заставила меня не думая назвать свой адрес, но в последнюю секунду я одернул себя. Я не мог позволить ему даже близко подойти к моему дому.

— Как насчет того, чтобы ты сказал мне, куда прийти, и мы с тобой встретимся прямо там?

Я готов был поклясться, что на кончике его языка уже вертелась готовая реплика, чтобы поспорить со мной, но, к счастью, он не стал этого делать.

— Какая еда тебе нравится? — спросил он вместо этого. — Есть что-нибудь, чего бы тебе особенно хотелось сейчас? Я угощаю, само собой, так что сделай хороший выбор ресторана.

— Ммм... Определенно итальянский. То есть, если ты не против, конечно?

— Тогда итальянский, — он назвал ресторан, что находился рядом с парком и который я хорошо знал.

Это был тот самый ресторан, из которого Билли иногда приносил еду на вынос, когда был в особенно хорошем настроении, но я никогда не бывал там сам, потому что Билли всегда боялся, что нас увидит кто-нибудь с его работы. Я не мог дожидаться, чтобы лично сходить туда.

— Хорошо, — улыбнулся я. — Заканчивай свой обед, Мистер Большая Шишка. Похоже, тебя ждет много работы по возвращении в офис. Поздравляю. Увидимся вечером.

— Это свидание.

На кончике языка вертелось желание исправить его. Это *не было* свиданием.

Или все-таки было?

* * *

Когда позже вечером я вошел в «Сикуро», желудок свело судорогой из-за охватившей меня нервозности. Я наконец-то смог себя убедить, что это вовсе не свидание, но ровно до того момента, пока не переступил порог уютного ресторана с тусклым освещением и приватными уединенными кабинками. Эйден разговаривал с красивой молодой женщиной у стойки администратора, и я воспользовался моментом, чтобы оценить то, как он выглядит в костюме. Он действительно был великолепен. Высокий, уверенный в себе, обаятельный. Его густые волосы блестели в теплом свете, льющемся из ламп над стойкой администратора, а руки небрежно покоились в карманах брюк.

Я направился к нему, намереваясь обозначить свое присутствие, но нервы взяли верх, стоило приблизиться, и я не смог произнести ни слова. Лишь когда женщина, с которой разговаривал Эйден, скользнула по мне взглядом, он обернулся. И сразу же расплылся в широкой улыбке.

— Привет, очаровашка, — склонившись, Эйден поцеловал меня в щеку.

— Привет, — удалось ответить, пока тепло быстро распространялось в груди и приливало к лицу.

Если Эйден и заметил, что я нервничаю, то никак не акцентировал на этом внимание. Вместо этого нежно провел подушечкой большого пальца по моей щеке.

— Я так рад, что ты пришел. Наш столик уже ждет нас, если ты готов ужинать.

Я кивнул, когда он жестом пригласил меня следовать вместе с ним за администратором в одну из тихих кабинок, что располагались вдоль стены. Как только мы сели, Эйден снял пиджак и ослабил галстук, расстегнув верхнюю пуговицу рубашки.

Я непроизвольно оглядел простой темный свитер и брюки, в которых был, прежде чем снова посмотреть на него.

— Прости, что не нарядился, как следует...

Эйден протянул руку через стол, чтобы сжать мою в успокаивающем и ободряющем жесте.

— Нет, ты выглядишь просто идеально. Мне в конечном итоге пришлось нянчиться с клиентом на пресс-конференции, так что у меня не было времени переодеться. Как прошел твой день? Твоя смена, должно быть, закончилась как раз в то время, когда я ушел, верно?

— Эм... нет. Мне пришлось подстраховать Одри, потому что у нее возникли какие-то неотложные семейные дела, или что-то в этом роде.

— Должно быть, сегодня у тебя выдался долгий день, — заметил он.

— Вроде того. Но это хорошо, потому что сейчас я пытаюсь получить как можно больше рабочих часов.

— Почему это? Копишь на что-нибудь особенное?

— Эм... да, вообще-то. Мне скоро нужно будет съехать из моей квартиры, так что знаешь, как это бывает. Ладно, расскажи о своей пресс-конференции. Похоже, это что-то важное. Что там было?

Я надеялся, что смена темы нашего разговора выторгует для меня немного времени, чтобы подумать, как отвечать на более личные вопросы, если Эйден вдруг решит их мне задать. Не то чтобы я не хотел, чтобы он получше меня узнал, но было кое-что, о чем я не горел желанием ему рассказывать.

И то, как я оказался в ситуации с Билли, в которой сейчас находился, было в самом верху этого списка.

— Это мелкий клиент, он построил новое учреждение для престарелых в Ньюарке. Сегодня днем состоялась церемония перерезания ленточки, а затем мы пригласили представителей СМИ задержаться для пресс-конференции, чтобы объявить о своих планах построить еще одно в Нью-Брансуике. Все прошло хорошо. По крайней мере, клиент счастлив, так что это был бонус, — сказал Эйден. — Мы пытаемся заполучить одного известного клиента-певицу, и мой ассистент Томас весь на нервах. Он пытался уговорить меня прийти завтра на работу, но я сказал, что мне нужен перерыв, разве что не возникнет какой-нибудь чрезвычайной ситуации. Агент этой дамы сообщил, что она примет решение лишь через несколько недель, полагаю, точно не раньше.

— Это захватывающе. Ты, наверное, знаком со множеством знаменитостей, — заметил я, но умолк, когда появилась официантка с бутылкой вина. Учитывая, что я не слышал, как Эйден его заказывал, было понятно, что он упомянул об этом администратору еще до того, как я приехал.

— Нет, не совсем. По крайней мере, пока. Но мы надеемся, что скоро это изменится. Сейчас мы получили большой импульсный толчок, так что это шаг в нужном направлении. Мой брат, Чейз, действительно трудится изо всех сил, чтобы добиться успеха.

Эйден потянулся за бутылкой вина.

— Позволь? — произнес он, указывая бутылкой на мой бокал.

— Нет, не стоит, — пробормотал я. Даже несмотря на то, что мне разрешалось употреблять умеренное количество алкоголя при моем состоянии сердца, Билли уже давно отказался от любых алкогольных напитков, и особенно вина, которое я любил больше остальных. Как правило, я очень легко и быстро пьянел, а Билли терпеть не мог, когда я при этом становился слегка глуповатым.

— Уверен? — переспросил Эйден. — Мы ведь празднуем, помнишь?

Я уже открыл было рот, чтобы снова отказаться, но затем захлопнул его. Что, черт возьми, я делал? Билли здесь нет. И мне позволялось баловать себя время от времени. Я был с хорошим парнем в шикарном ресторане, собирался поужинать несомненно восхитительной едой. С какой стати я вообще беспокоился о том, что подумает Билли? Что со мной не так?

— Эм... ладно, да, — кивнул я и, вспомнив его слова о младшем брате, которого он потерял в результате несчастного случая, осторожно поинтересовался: — Твой брат старше или младше?

— Младше. Чейз на самом деле мой сводный брат. У нас одна мать. Кажется, я упоминал, что мы с ним вместе управляем пиар-агентством.

Подошел официант, чтобы принять наш заказ, и мы отдали ему меню, прежде чем вновь возобновить разговор.

— Ну, довольно обо мне, расскажи немного о себе. Всегда хотел быть баристой? — вопрос был задан вежливо, само собой, он прекрасно понимал, что мало кто мечтает о профессии баристы.

— Нет, по-моему, я уже говорил тебе, что хотел играть в футбол.

Эйден кивнул.

— Я помню, — произнес он низким, глубоким голосом, не отводя от меня своего взгляда.

Мне потребовалась секунда, чтобы вспомнить, о чем мы говорили.

— Эм, да... так что я оказался одним из тех парней, которые полагали, что они из касты неприкасаемых, а это означало, у меня не имелось никакого запасного плана, когда попытка стать профессиональным футбольным игроком с треском провалилась и все планы рухнули. Пересадка сердца подразумевала, что я больше не смогу играть в футбол, и я болел так долго, что пришлось бросить колледж. Я остался лишь с неполной учебной степенью, ради которой пошел учиться, потому что так и не выбрал какую-то определенную специальность.

Глаза Эйдена расширились.

— Ты не говорил мне, что тебе делали пересадку. Черт, Эш. Теперь ты в порядке? Ты, должно быть, был в ужасе. Бедная твоя семья, — он машинально дотянулся до моей руки на столе и накрыл своей ладонью.

Я взглянул на нее, смутно удивившись тому, что не ощущаю потребности разорвать наш контакт. Его прикосновение казалось теплым и успокаивающим — защищающим, но в хорошем смысле этого слова. Оно действительно помогло облегчить ту боль, которая разъедала грудь при упоминании о семье.

— Моя семья... — я сделал вдох прежде, чем продолжить, — эм... нет, я потерял маму и отца через полгода после того, как мне поставили диагноз и еще до трансплантации. Автомобильная авария. Я был единственным ребенком.

Он уставился на меня, крепче сжав мою руку. Я не был уверен, что он вообще отдает себе в этом отчет.

— О боже, Эш. Как ты... Господи, как ты прошел через это? Тети и дяди? Бабушки и дедушки?

Отрицательно покачав головой, я был полон решимости не упоминать Билли. Не хотелось рисковать и испортить наш прекрасный ужин.

— Нет. У меня не осталось семьи. Просто пара друзей, которые помогли. Но теперь все в порядке. Я просто... ну, это помешало мне закончить учебу и получить степень. И сделало жизнь немного сложнее, — я попытался улыбнуться, но вышло неестественно.

— Как ты очутился в Нью-Йорке? Кажется, ты говорил, что переехал сюда всего около года назад?

Я взглянул на наши соединенные руки, разрываясь между инстинктивным желанием открыться ему и осознанием того, что доверять людям иногда опасно.

Казалось, будто по обеим сторонам от меня на плечах сидели ангел и дьявол. Ангел нашептывал сладостные слова о доброте и уважении, уверяя меня, что Эйден был внимательным и милым, и что он добр ко мне, не просто потому что чего-то от меня хочет. Дьявол же злобно гоготал и его голос звучал подозрительно знакомо.

Я ненавидел ту горечь, что охватила меня, когда голос Билли снова попытался отобрать даже эту малую кроху удовольствия.

— Последовал за своим сердцем, — признался я, высвобождая руку из-под ладони Эйдена.
— Никогда, черт возьми, так не делай.

Глава 9

Эйден

Никогда, черт возьми, так не делай.

Меня поразило то, как моментально Эш отстранился, закрывшись от меня, и физически, и эмоционально. Его слова стали неожиданностью, прозвучав из уст столь юного и, казалось бы, невинного парня. Я подумал о мудаке, который не просто разбил сердце этому молодому человеку, а и растоптал его. Тот факт, что Эш переехал сюда из-за другого мужчины, стал для меня новостью, но не особо удивил. И он лишь подтвердил то, о чем я уже и так догадался из записей в его дневнике — эти отношения были нездоровыми. Это объясняло, почему Эш был так замкнут, когда я впервые его встретил, и почему продолжал закрываться от меня, несмотря на свою естественную склонность к открытости. Очевидно, он все еще пытался для себя решить, стоит ли мне доверять или нет.

Ирония заключалась в том, что сам я всегда мыслил схоже в вопросе следования зову сердца, но услышать подобное от Эша, просто... не соответствовало ему.

Я наблюдал, как он прикрывает веки, потягивая вино из бокала.

— Эш, независимо от того, что привело тебя сюда, я очень рад, что ты здесь. Я не... — я поймал себя на том, что неосознанно царапаю кромкой верхних зубов нижнюю губу, и сделал над собой усилие, пытаюсь совладать с этой нервной привычкой. Мне было совершенно несвойственно становиться столь откровенным с кем-либо, особенно с тем, кто был мне настолько интересен, как Эш, но я знал, если хочу, чтобы Эш доверял мне, я должен дать ему для этого основания. — Обычно я не чувствую себя так комфортно с людьми, но с тех пор, как встретил тебя, я просто... просто чувствую себя... хорошо, понимаешь? Может, это прозвучит глупо, но мне нравится проводить с тобой время. Так что просто... спасибо. За то, что переехал сюда, за то, что оказался в тот день в кофейне, за то, что сейчас согласился составить мне компанию за ужином.

Мои слова, казалось, застали его врасплох, но потом он улыбнулся в ответ, и эта великолепная улыбка коснулась даже его глаз. Впервые с тех пор, как мы сели ужинать. Он помедлил, а затем поднес бокал с вином ближе ко мне для тоста.

— За здесь и сейчас, — произнес Эш.

— За новых друзей и хорошую еду, — подхватил я, прежде чем чокнуться с ним своим бокалом и сделать большой глоток.

Я наблюдал за Эшем, пока он пил вино. На его лице расцвело блаженное удовольствие, и я мысленно похвалил себя за то, что выбрал одну из лучших винных марок, которые были в ресторане.

К тому времени, как принесли еду, первая бутылка уже опустела, и в большинстве своем благодаря стараниям Эша. Я подозревал, что в дополнение к тому наслаждению, которое он испытывал от вина, Эш использовал свой бокал, чтобы скрыть нервную дрожь в руках или заполнить неловкое молчание, иногда вспыхивающее за столом. Мы говорили о несущественных вещах, пока ужинали, и я был бесконечно счастлив видеть, что Эш съел абсолютно все, его яркие глаза горели чистой радостью, пока он с аппетитом поглощал сливочную пасту. Мое тело расслабилось, мне было легко и тепло, когда мы начали вторую бутылку после того, как официантка убрала наши тарелки, и я заметил, что Эш стал улыбаться гораздо чаще.

— Я был практически уверен, что ты инвестиционный банкир, — выдал он, а затем прикрыл рот рукой и приглушенно рассмеялся. Его кожа приобрела отчетливый розоватый румянец. Во время ужина мы незаметно придвинулись чуть ближе друг к другу в небольшой кабинке.

— Что? Почему банкир? — поинтересовался я, тоже засмеявшись. — Я выгляжу настолько напряженным и скучным?

— Высокий, симпатичный парень в костюме? Да ладно. Я был в шоке, когда ты продемонстрировал свое знание всей этой *стар-трековской-фигни*. Вулканское приветствие? Я чуть не обделался там.

Я постарался не загордиться от его комплимента.

— Боже, ты действительно думал, что я неудачник. Все, у кого есть хотя бы половина мозга, знают Вулканское приветствие, разве нет?

— Да, задроты знают. А ты самый наименее очевидный задрот, которого я когда-либо встречал, — заметил он, все еще смеясь. — Как Супермен называет свою крепость?

Я уставился на него.

— Ты даже не догадываешься, *что* сейчас затеваешь, правда?

— Скажи мне, давай. Ты ведь без понятия, верно? — бросил Эш мне вызов, его глаза сверкали. Он развернулся всем корпусом, чтобы сосредоточить свое внимание на мне, и я практически почувствовал тепло, исходящее от него.

— Парень, я тебя проучу, ну ладно. Крепость Одиночества. Попробуй-ка еще раз, — победоносно произнес я.

— Если я говорю, что у меня второй завтрак и одиннадцатичасовой перекус, что я имею в виду? — кончик его языка дерзко выглядывал, зажатый меж зубами, и мне захотелось склониться чуть ниже и провести по нему своим языком.

— Это значит, что Хоббиты — прожорливые ублюдки. Следующий.

Удивление на его лице было восхитительным, поэтому я, дразнясь, показал ему язык, что только заставило Эша сузить глаза и постараться сильнее.

— Что может делать Молот Тора? — кончик его языка вновь оказался зажат меж зубов.

Он явно смерти моей добивался. Мой член зашевелился в брюках.

— Милый, если ты о Крисе Хемсворте, то его *Молот* может делать все, что только пожелает. Предпочтительно *со мной*.

Эш фыркнул, а затем пнул меня ногой под столом и толкнул мое плечо своим. Я подмигнул ему. Мы продолжили сыпать шутками и вопросами, затеяв эту неожиданную викторину друг с другом, и к тому времени, как официантка принесла наш счет, Эш в самом деле слегка склонился ко мне, пока медленно допивал вино, которое оставалось в его бокале. Он определенно все еще чувствовал воздействие алкоголя, но глуповатость от легкого опьянения исчезла, и он выглядел просто довольным.

Когда мы покинули ресторан, накинув на плечи пальто, прежде чем выйти в прохладную ночь, я рискнул дотянуться до его руки и был удивлен, когда он позволил мне взять ее в свою. Мы шли вместе по ночным улицам города, держась за руки, обмениваясь вопросами и устраивая друг другу проверку знаний, как последние задроты, пока уже просто не могли больше смеяться. Добравшись до десертного бара, я склонил голову и вопросительно выгнул бровь.

— Хочешь десерт?

Эш посмотрел на меня, его глаза сверкали, а щеки покрывал румянец. У меня сердце сжалось от того насколько расслабленным и счастливым он сейчас выглядел.

— Абсолютно.

Поскольку вечер пятницы был в самом разгаре, неудивительно, что заведение оказалось битком набито народом. Я передвинул Эша вперед себя и обнял его, пытаюсь руками сформировать что-то вроде защитного ограждения вокруг него, пока мы пробирались сквозь толпу к бару. Там оказался всего один свободный стул, поэтому я предложил его ему.

— О, нет. Я не могу. Садись ты, Эйден, — произнес он. — Я постою.

Эш не дал мне настаивать на своем, поэтому я просто плюхнулся на табурет и без слов притянул его к себе, чтобы он присел на мое колено. Губы коснулись его уха и он удивленно повернулся ко мне.

— Так намного лучше, — пробормотал я, прежде чем он успел возразить.

Несмотря на розоватый румянец, который появился на его коже, он все же остался на месте, устроившись на моем колене.

Мы вместе изучили меню и решили разделить на двоих Лава-кейк²¹, заказав себе Ирландский кофе к нему. Эш снова затеял со мной легкий шутливый стеб, в то время как энергия толпы шумно пульсировала вокруг нас. Когда, наконец, принесли нашего шоколадного монстра, нам с Эшем пришлось делить одну ложку на двоих, по очереди пробуя куполообразный десерт.

— У тебя шоколад на губах, — произнес он, указав на уголок моего рта.

Я намеренно провел кончиком языка не с той стороны.

²¹ *Лава-кейк* — известный американский десерт, который родился в результате кулинарной ошибки. Повар не допек шоколадный кекс, и при разрезании из него вытек расплавленный шоколад. Десерт очень понравился гостям и быстро стал популярен.

— Здесь? — от меня не укрылось, как у него при этом перехватило дыхание.

— Нет... с другой стороны, — пробормотал он, слегка придвинув указательный палец чуть ближе к моей нижней губе.

На этот раз я не торопился, скользя кончиком языка в нужную сторону, и слегка облизнув уголок рта, задел верхнюю губу.

— А теперь?

Его взгляд прикипел к моему рту, и я практически слышал, как у Эша в голове вращаются шестеренки. Мне хотелось, чтобы он действовал исключительно по своему желанию, но, подняв глаза и встретившись со мной взглядом, Эш тут же покраснел, а затем поспешно схватил салфетку, чтобы вытереть перепачканное шоколадом место. Когда он склонился надо мной, концентрируясь на том, чем был занят, я обхватил его крепче и подался навстречу для поцелуя.

Это был крохотный, невинный поцелуй — быстрый и целомудренный, чтобы просто отпраздновать ту радость и счастье, которые я испытывал находясь так близко к нему в этот момент, но как только я ощутил удивленный выдох, вырвавшийся сквозь его приоткрытые мягкие губы, мне тут же захотелось большего. Я отстранился и несколько мгновений внимательно изучал его, надеясь, что не зашел слишком далеко. Он был изумлен и ошеломлен, брови слегка нахмурены, но губы чуть выпятились, как будто он желал продолжения. Я снова подался вперед, на этот раз медленно, чтобы у него было достаточно времени отстраниться, если он захочет, но Эш этого не сделал.

Я мягко накрыл его губы, совсем слегка сминая их своими, и он тут же выдохнул, расслабляясь в моих руках. Его ладони опустились мне на плечи, и я почувствовал скользящее прикосновение подушечки большого пальца к чувствительной коже моей шеи. Он отвечал неуверенно, но нетерпеливо, прижимаясь к моим губам, но не раскрывая их и не углубляя поцелуй. Я заставил себя отстраниться, всего на миг уткнувшись носом ему в шею, а затем снова потянулся к ложке с десертом.

— Ммм... слаще, чем пирожное, — пробормотал я.

Эш нерешительно улыбнулся и склонил голову, но я успел заметить его прекрасные, покрасневшие от поцелуя губы, и порозовевшие кончики ушей. Через мгновение он вновь повернулся ко мне.

— О черт, совсем забыл тебе сказать.

— Что?

— После того, как ты вчера ушел из кофейни, Эмили велела мне пригласить тебя к ней на вечер игр завтра.

Лицо Эша было ярким и полыхало румянцем, и я подумал, что он еще никогда прежде не выглядел таким красивым.

— В самом деле? Или ты это только что придумал? — поддразнил я.

— Нет, правда. Она случайно услышала, как ты приглашал меня на завтрашний вечер, и сказала, что мне следовало позвать тебя с собой к ней. Что скажешь? Вечер игр? Мне будет гораздо комфортнее, если ты будешь там. Я не знаю ни ее друзей, ни ее парня.

Мое сердцебиение непроизвольно ускорилось, реагируя на приглашение провести еще один вечер с Эшем, и стало ясно, что мой ответ очевиден.

— Ни за что на свете это не пропущу.

После десерта и простого поцелуя в щеку мы обменялись номерами телефонов и разошлись. Я не мог не оглядываться через плечо на Эша, пока он не скрылся из виду.

Он, будто мое зеркальное отражение, делал то же самое.

И это заставило меня улыбаться всю чертову дорогу домой.

* * *

Я ничего не мог с собой поделаться и, проснувшись утром в субботу, первым делом написал Эшу, что накануне хорошо провел с ним время, еще раз поблагодарив за приглашение присоединиться к нему, чтобы сходить на вечер игр. Он ответил мне, и мы немного пофлиртовали, обмениваясь сообщениями на протяжении дня, пока не пришло время идти к Эмили.

Ее квартира находилась на первом этаже и в большой просторной гостиной оказалось полно удобной мебели, где можно было комфортно расположиться. Мы с Эшем взяли по бутылке пива из переносного холодильника на полу и нашли себе место на одном из диванов. Мне нравилось ощущать себя его полюсом притяжения, к которому он, казалось, совершенно естественно тяготел, сев рядом со мной. Я пытался объяснить себе это тем, что он просто больше никого здесь не знает, но ощущение все равно было потрясающим.

Как только Эмили вытащила мольберт с огромным блокнотом, я начал догадываться во что конкретно мы будем играть.

— «Грязные Ассоциации»! — объявила она.

Эш рядом со мной тут же напрягся, и я не удивился, заметив, как зарделись его щеки. Мне было почти жаль его, он оказался одним из тех бедняг, чья светлая раскрасневшаяся кожа служит барометром для их эмоций.

Почти жаль.

Но не совсем.

Потому что он был просто чертовски очарователен, когда волновался и нервничал.

Эш повернулся ко мне с широко раскрытыми глазами и прошептал:

— Что, черт возьми, это значит? Я думал, мы играем в Покер или Монополию... или еще что.

Эмили перелезла через огромный пуфик и протянула Эшу толстый маркер.

— Нет, глупыш. Мы играем в веселые игры. «Карты против человечества», «Грязные ассоциации», «Голые шарады» ...

— «Голые шарады»? — прохрипел Эш. — Мне явно требуется что-нибудь покрепче пива.

Я рассмеялся и прижался к нему плечом.

— Не волнуйся, Валентайн. Я защищу твою добродетель.

Он насмешливо уставился на меня.

— Ну да, конечно. Как кот, защищающий мышь?

Боже, я не мог вдоволь насытиться этим Эшем. Тем, который не боялся саркастически острить, потому что чувствовал себя совершенно комфортно. Я мог только догадываться насколько легко он найдет общий язык с Беннетом и Зендером.

Сама мысль о том, что со мной рядом будет именно этот человек, когда мы будем проводить время с людьми, которых я считал своей семьей, заставила меня прикипеть взглядом к Эшу, пока он играл с маркером в руке. Он вопросительно глянул на меня, и я покачал головой. Если я озвучу то, о чем сейчас думаю, он наверняка покраснеет, как пожарный гидрант, и с воплями бросится наутек.

Однако меня удивляло другое, почему желания броситься наутек не возникало у *меня*.

Я не смог сдержаться, и провел кончиками пальцев по его нижней челюсти. Только когда в комнате воцарилась неестественная тишина, я понял, что мы с Эшем оказались в центре внимания. Неудивительно, что он тут же склонил голову, а я усмехнулся при виде розовых пятен, появляющихся на его щеках и шее.

— Ну так что, мы играем или как? — кивнул я Эмили.

Она подмигнула мне и стала объяснять правила. Игра началась с непошлой разминки-разогрева. Друг Эмили, Роджер, нарисовал преувеличенно большую Эйфелеву башню, которую, конечно же, все посчитали эрекцией.

— Ну, это действительно эрекция, — пошутил парень Эмили Ламонт, — если говорить технически.

К тому времени, как пошла реально крутая хрень, большинство из нас уже порядком расслабились под действием алкоголя и громко смеялись над каждым предположением. Наконец, настала очередь Эша рисовать. Мы были в одной команде, так что я должен был угадывать его попытки. Когда запустили таймер, он сразу же нарисовал собаку.

— Стель собачки! — выпалил я.

Эш покраснел и покачал головой. Он попытался скрыть улыбку, закусив нижнюю губу, а затем нарисовал что-то похожее на пламя рядом с собакой.

— Сучка. Хот-дог. Подставка для дров²²... — предлагала варианты Эмили.

Он снова покачал головой, пока думал, что еще нарисовать, а затем изобразил на пустой части страницы пламя и другую собаку в огне.

— Черт, Эш. Ты жаришь бедняжку, — сказал я с усмешкой. — Так жестоко.

Он бросил на меня взгляд и ткнул пальцем в рисунок, чтобы я поторопился и продолжил отгадывать.

— Самые жаркие дни лета!²³ — гадала Эмили.

— На вертеле? — подмигнул я ему.

Эш рассмеялся и снова отрицательно покачал головой.

Наконец, сработал таймер.

²² англ. «Fire dog» — дословно «огненный пес» — подставка для дров в камине.

²³ англ. идиома «Dog days of summer» — дословно «собачьи дни лета» — означает самые жаркие дни лета (обычно с начала июля по начало сентября).

— *Как собака в течку*²⁴, — выпалил он. — Вы, ребята, просто отстой²⁵.

Когда Эш вернулся и сел рядом со мной, я склонился так, чтобы только он мог меня услышать.

— Ну, за Эмили не ручаюсь, а вот насчет меня ты совершенно прав. Я действительно могу отсосать²⁶.

Эш резко выдохнул, а его зрачки расширились. Он повернул ко мне голову, и я отчетливо видел, что внутри него идет борьба, пока он решал, как ответить на мою провокацию. Наконец, его рот открылся в акульей зубастой улыбке.

— Обещаешь?

И я просто опешил.

Глава 10

Эш

Я даже сам не понял, что именно заставило меня произнести это, но как только оно сорвалось с языка, все между нами изменилось. Исчезла та путаница и неразбериха, которые я испытывал к Эйдену. Исчез стержневой дьявол на моем плече, предостерегающий меня держаться от него подальше. Мне захотелось поцеловать его снова. Захотелось почувствовать его нежное прикосновение к своей коже и услышать шепот на ухо.

Когда пришла очередь Эйдена рисовать, он изобразил фигурку, стоящую на четвереньках, что, конечно же, побудило Эмили вновь выкрикнуть:

— Стиль собачки!

Но потом он дорисовал другого человечка, что стоял позади первого, с протянутой к нему рукой.

— Отшлепать! — крикнул я.

Его глаза расширились в знак согласия, хотя было ясно, что это не совсем правильный вариант. Эйден пририсовал мультяшный пузырь над головой человечка, что стоял на четвереньках и указал на него.

Он что-то говорил тому, кто его шлепал?

— Отшлепай меня! Отшлепай меня! — выпалил я.

В комнате на долю секунды воцарилась тишина, а затем все разразилось хохотом. Я чувствовал, как пылает лицо, и не смел встретиться взглядом ни с кем из присутствующих.

Эйден снова сел на диван, обнял меня за плечи и притянул к себе. Коснулся теплыми губами вначале моего носа, затем щеки, а потом уха и хрипло прошептал:

²⁴ англ. «Like a dog in heat» — дословно переводится «как собака в жару» — означает период течки у собак.

²⁵ англ. «You guys suck», дальше игра слов.

²⁶ Игра слов во фразах «You guys suck» — с переносным значением «отстой» и «I do suck» дословным «сосать».

— Даже если ты будешь умолять меня вот так снова, не думаю, что смогу навредить хотя бы волоску на твоей голове, ты потрясающий.

Мое сердце выскочило из груди и замертво упало на пол.

* * *

Следующий день снова выдался ясным и спокойным. Я попрактиковался в игре на гитаре, а затем решил, что не мешало бы убраться в квартире. С тех пор, как Билли уехал из города, я стал неаккуратным. Я сознательно позволил себе не застилать постель, и когда бросал грязную одежду на пол, изо всех сил старался прогнать осуждающий голос Билли, звучащий в голове. Поэтому, когда у меня возникло желание отправиться на пробежку, я решил оставить беспорядок и разобраться с ним позже вечером. Яркое солнце слишком манило меня, и я не желал торчать весь день взаперти.

Ближе к концу пробежки по Центральному парку зазвонил телефон. Это был Эйден и мое сердце пропустило удар, а губы дернулись в улыбке от предвкушения услышать его голос.

— Это Эш, — произнес я в трубку.

— Привет, это Эйден. Могу я увидеться с тобой снова?

Я сделал паузу, наслаждаясь самой мыслью, что он желает встретиться со мной.

— Я с радостью. Когда?

— Не знаю... сейчас, или как? — от дразнящего звука его голоса голова пошла кругом.

Я хмыкнул.

— Я только что закончил пробежку в парке. Хочешь встретиться на Готическом мосту у теннисных кортов?

— Дай мне минут двадцать.

Я закончил пробежку и не торопясь направился к мосту, чтобы остыть во время прогулки, а затем сделал несколько растяжек, пока ждал Эйдена.

Выпрямившись после того, как дотянулся до кончиков пальцев на ногах, я увидел его. Эйден был одет в спортивные штаны и куртку на молнии, наверняка, что-то дизайнерское, стоимостью больше, чем я зарабатывал за неделю, но на его мускулистой фигуре смотрелось это потрясающе.

— Хэй, — поздоровался он, склонившись, чтобы коснуться моей щеки губами. — Сегодня ты весь светишься и выглядишь счастливым.

— Это потому что у меня была приятная ночь и хорошая пробежка. Ты как? — улыбнулся я ему. Внутри все трепетало и подрагивало, но в самом хорошем смысле этого слова.

— Так же, за вычетом пробежки. Хотя, возможно, я установил несколько рекордов скорости, пока добирался сюда. Не хотел тебя упустить.

Эйден указал на тропинку перед нами, и мы не спеша побрели прогулочным шагом вдоль водохранилища.

Я шел совсем рядом и, поддавшись острому желанию прикоснуться к нему, обхватил его рукой за бицепс, чувствуя, как округлые мышцы движутся под тканью куртки. Если это и удивило

Эйдена, он никак этого не выказал, и вместо того, чтобы прокомментировать мое прикосновение, лишь посмотрел на меня с улыбкой и, дотянувшись свободной рукой, накрыл мою ладонь, сжав ее.

— Я бы дождался тебя, Эйден. Но ты и так это знаешь.

Он довольно ухмыльнулся мне.

— Очень на это надеюсь. Иначе, кому бы еще ты устроил допрос с пристрастием на тему непонятных комиксов от Marvel?

— Именно, — согласился я. — Кроме того, мне необходима твоя защита на случай если бездомные будут просить у меня денег. Иначе я отдам им все, что у меня есть. Обожаю их слезливые истории.

Он громко рассмеялся.

— О боже, Эш. Скажи мне, что это неправда. Неудивительно, что тебе приходится работать сверхурочно. Ты никогда не накопишь денег, если не научишься игнорировать попрошаек в городе.

Именно в этот момент я кое-что заметил и ткнул Эйдена под ребра. Он охнул от неожиданности и поинтересовался в чем дело.

— Разве это не Седьмая-из-Девяти²⁷? — зашипел я, указав подбородком в сторону женщины, сидящей на скамейке с другом. Я готов был поклясться, что она похожа на Джери Райан, актрису, сыгравшую Седьмую в «Стар Трек: Вояджер».

— Точно, это она. Хочешь попросить фото с ней? — поинтересовался он, удивив меня. Я прекрасно знал, что ни один коренной местный житель никогда не попросит актера сфотографироваться с ним.

Я повернул голову, глядя на Эйдена так, будто у него выросли уши Ференги²⁸.

— Ты спятил? Я не стану ее беспокоить. Иисусе. Это же Джери Райан, ради всего святого. Она снималась во многих фильмах.

Я продолжал исподтишка поглядывать на нее, пока у Эйдена вдруг не возникла идея.

— Достань телефон, я покажу тебе фокус.

Он предложил сделать селфи и вроде как случайно захватить в кадр актрису на заднем плане. Мы склонили головы друг к другу, но в последний момент Эйден повернулся и поцеловал меня в щеку, от чего на моем лице появилось глупое выражение, когда сработала камера на телефоне. Это было мило и смешно, но я все равно ткнул его локтем, настаивая на еще одном кадре. На этот раз он снова повторил свою выходку, только теперь в последнюю минуту уткнулся носом мне в шею. Эйден дразнил меня до тех пор, пока я, совершенно забыв про актрису на скамейке, не понял, что искренне смеюсь, а мое лицо пылает. Когда он вернул мне телефон, я заметил, что одна из наших фотографий теперь установлена для контактной информации Эйдена.

Закончив прогулку вокруг водохранилища, он сослался на необходимость возвращаться домой, чтобы подготовиться к предстоящей важной встрече завтра. Хотя я и понимал, что работа требует внимания, каждая часть меня хотела остаться с ним подольше и пофлиртовать еще немного.

²⁷ Седьмая-из-девят (Седьмая) (англ. *Seven of Nine (Seven)*), полное имя – Седьмая-из-девят, Третичное Дополнение Униматрицы Ноль – Один (*Seven of Nine, Tertiary Adjunct of Unimatrix Zero One*), урождённая Анника Хэнсен (*Annika Hansen*) – персонаж сериала «Звёздный путь: Вояджер», «деассимилированный» представитель псевдо-расы борг. Впервые появляется в 1 серии 4 сезона сериала.

²⁸ Ференги - вымышленная гуманоидная раса во вселенной научно-фантастического сериала «Звёздный путь».

Эйден держал меня за руку все время, пока мы не расстались у входа в парк. Сам факт того, что с ним можно было в открытую проявлять свои чувства, уже был поразительным. Но ему *действительно* хотелось держать меня за руку? Эмоции, атакующие меня, были неописуемы. Даже в наши самые лучшие времена Билли никогда не держал меня за руку. Когда я как-то раз спросил его об этом, он лишь посмеялся надо мной и сказал, чтобы я заканчивал вести себя, как девчонка.

— Спасибо, что позволил испортить тебе пробежку, — улыбнулся Эйден.

— Всегда пожалуйста. Увидимся утром за кофе?

Он коснулся пальцами моего лица и приподнял за подбородок. До сих пор он целовал меня только в щеку. Исключением стали те сладкие, но целомудренные поцелуи в кафе десертов в пятницу вечером. Я не вполне понимал, почему он медлит и чего ждет, когда было совершенно ясно, что ему хотелось большего, но это не имело значения. Я точно знал, что хочу сегодня большего, чем просто поцелуй в щеку от Эйдена.

Не давая себе времени на то, чтобы передумать, я подался вперед и впился в его губы, обхватив ладонями за шею и притягивая к себе, от чего наши тела практически врезались друг в друга. Руки Эйдена инстинктивно обняли меня, прижимая еще сильнее и ближе к себе.

Его рот был теплым, а язык с отчетливым мятым привкусом. Я непроизвольно подумал, специально ли он почистил зубы перед встречей со мной, и эта мысль почему-то заставила меня почувствовать себя особенным. Одна из его рук очутилась у меня в волосах, и я издал удовлетворенный полустон. Наши рты работали в тандеме, знакомясь, узнавая и подстраиваясь друг под друга, находя для этого наилучшие способы. Его язык исследовал мой рот, а мой танцевал вокруг него, пытаясь выпить его всего за раз. Я чувствовал, как колющая щетина бороды терлась о кожу моего лица, а теплые клубы воздуха от его дыхания контрастировали с прохладным воздухом вокруг нас.

Запустив пальцы Эйдену в волосы, я пытался удержать его, не давая отстраниться от меня. Я хотел, чтобы он остался со мной навсегда – прижатым к моему телу, у меня во рту, в моих мыслях... Вскоре до меня дошло, что его губы оторвались от моего рта и переместились ниже по челюсти к шее. Его ладони держали мое лицо, пока грудь вздымалась, тяжело дыша.

— Хочу тебя... — выдохнул я, не задумываясь. — До одури...

Эйден удивленно поднял на меня глаза и до меня дошло, *что* я только что сказал. Ох... твою мать. Я действительно произнес это вслух? Неужели я это серьезно?

Должно быть, мое волнение отразилось у меня на лице, потому что удивление, застывшее в его чертах, смягчилось, превратившись в нежность, и он склонился, чтобы коснуться губами кончика моего носа.

— Эш, ты даже себе не представляешь, как сильно я хочу тебя прямо сейчас. Но нам некуда торопиться. Увидимся завтра.

Казалось, он с трудом заставил себя отступить.

Эйден долго смотрел на меня, потом развернулся и зашагал прочь, но вдруг остановился и бросил взгляд через плечо.

— Кстати, наше следующее свидание... в Ботаническом саду, — улыбнулся он. — Хочу показать тебе одно очень особенное место.

И с этими словами он ушел.

Я практически не помнил, как добрался домой, думая об Эйдене. Свежий старт. Моя работа, новые друзья... Я наконец-то ощутил себя свободным, так, как не ощущал раньше, и мое сердце воспарило. Чувствуя себя по уши влюбленным сентиментальным мальчишкой, я решил приготовить на ужин снова пасту, потому что это напоминало мне о нашем свидании в итальянском ресторане в пятницу вечером.

Вернувшись в квартиру, я первым делом собирался поставить воду на огонь, а потом забраться в душ. Но резко споткнулся, стоило наткнуться взглядом на знакомый чемодан рядом с диваном. Сердце зачастило в груди, как ненормальное, и я непроизвольно прижал к ней руку. Все, о чем я мог думать, это куча одежды и полотенце на полу в спальне, неубранная постель, и тот факт, что на моих губах все еще горели поцелуи Эйдена.

Мозг лихорадочно пытался решить, остаться мне или сбежать. Я не видел Билли с того самого дня, когда сказал, что между нами все кончено. Я уже принял решение, что больше не останусь с ним, несмотря на то, что у меня не было достаточного количества денег, чтобы снять собственную квартиру, так что, даже если он и вернулся раньше, это просто означало, что мне пора уходить. Но я не мог обойтись без денег, которые мне удалось накопить. Не мог уйти без отцовской гитары и дневника. Я сделал несколько осторожных шагов вглубь квартиры, пока мозг перебирал все возможные сценарии развития событий.

Билли вышел из спальни и замер на месте, увидев меня. На его лице застыло осознание правды, а в руках он держал ту самую банку с деньгами и папку, в которой хранились все мои планы.

Я повернулся, чтобы броситься к двери, но он добрался до меня первым.

Глава 11

Эйден

Прошло двадцать четыре часа, а я, все еще будто под кайфом, ощущал губы Эша на своих. По всем стандартам наш поцелуй можно считать относительно невинным, но вместе с тем он, возможно, стал в какой-то мере первым для меня, ибо как я не силился, не смог вспомнить ни единого поцелуя до этого, настолько выбившего меня из равновесия.

В самом лучшем смысле этого слова.

И та улыбка, которой он одарил меня, когда я оставил Эша в парке, его губы... все еще припухшие и влажные от поцелуя... Я знал, что эта картина сохранится в моей памяти на всю оставшуюся жизнь.

Боже, если бы только Беннет видел меня сейчас, он бы не дал мне спуска до конца моих дней, бесконечно напоминая об этом.

Потому что я просто не мог стереть с лица эту чертову улыбку.

Даже когда холодный и промозглый мартовский воздух пробирался под одежду, а раздраженные ньюйоркцы то и дело задевали плечами, проталкиваясь мимо и торопясь добраться туда, куда спешили, я ухмылялся, как идиот, и представлял милую улыбку Эша, стоит ему только увидеть меня этим утром. Будет ли он краснеть, как это бывало раньше, когда он смущался, или в его взгляде теперь будет пылать голод? С нетерпением ожидая узнать ответ на свой вопрос, я ускорил шаг и мысленно вознес молитву небесам, чтобы кофейня каким-то чудом оказалась сегодня не забита народом.

Как и следовало ожидать, моя молитва не была услышана. Очередь тянулась длинной вереницей, как и всегда. Войдя внутрь, я первым делом немного сдвинулся в сторону, чтобы у меня была возможность наблюдать за моим парнем, но тут же нахмурился, когда заметил за кассой не его, а девушку из дневной смены, которую сразу без труда узнал. Я сместился в другую сторону и увидел, что Эмили работает на своем привычном месте за эспрессо-машиной. Я попытался встретиться с ней взглядом, но она была с головой поглощена работой. Я снова вернулся на свое место в очереди, в надежде, что Эш в любой момент появится из служебного помещения, но этого так и не произошло. Во мне неприятно шевельнулась тревога и, покинув очередь, я решительно направился к той стороне стойки, где работала Эмили. Она подняла голову, встретившись со мной взглядом, когда я уже шел к ней, и мой шаг дрогнул, стоило заметить напряжение в ее глазах.

Куда, черт возьми, подевался Эш?

Эмили встретила меня у дальней стороны стойки, где хранились многочисленные бутылки с сиропами.

— Где он? — выпалил я без приветствия.

— Его больше нет, Эйден.

Мое сердце ухнуло в пропасть.

— Больше нет... Что ты имеешь в виду?

Она лишь покачала головой.

— Я не знаю. Он просто взял и уволился сегодня утром.

— Это невозможно, — возразил я и тут же добавил, — он бы этого не сделал.

Пусть я многого еще не знал об Эше, но я был уверен, что он никогда вот так не бросит Эмили в беде.

— Я знаю, — произнесла она, нерешительно подняв руки. Эмили определенно была в такой же растерянности, как и я, из-за сложившейся ситуации. — Я спросила его, что мне сделать с его последним чеком, и он сказал, чтобы я отправила его ему по почте.

— Это просто не имеет смысла, ерунда какая-то... — пробормотал я, вытаскивая телефон и набирая номер Эша. — Возьми трубку... — произнес я себе под нос, отвернувшись от стойки. — Возьми же трубку... — повторял, пока там раздавались долгие гудки и с трудом сдержал ругательство, когда сработала голосовая почта. — Хэй, это я... Эйден. Перезвони мне, хорошо? — оставил я сообщение, прежде чем нажать отбой.

Этому должно было быть какое-то объяснение.

Я отправил Эшу текстовое сообщение и некоторое время гипнотизировал взглядом экран, надеясь увидеть три точки, указывающие на то, что он набирает мне ответ.

Но ничего не было.

— Дозвонился? — поинтересовалась Эмили у меня за спиной.

Я обернулся и увидел, что она снова вернулась к работе, но ее взгляд оставался прикован ко мне. Я отрицательно покачал головой.

— В этом нет никакого смысла... — повторил я снова, глядя на телефон и отчаянно желая, чтобы он зазвонил или завибрировал, или сделал хоть что-нибудь... что угодно, лишь бы облегчить беспокойство, растущее во мне в геометрической прогрессии.

— Хэй... — услышал я снова позади и обернулся, Эмили протягивала мне кофе. — За счет заведения, — кивнула она.

— Спасибо, — благодарно кивнул я в ответ, забрав напиток из ее рук, а затем полез в карман и вытащил визитку. — Ты позвонишь мне, если он появится? — попросил я. — Здесь мой номер телефона.

— Обязательно, милый. Уверена, с ним все в порядке.

Мне удалось кивнуть ей еще раз, но на этом и все. Забрав с собой кофе, я вышел из кофейни, но отойдя чуть дальше, выбросил его, потому что знал, что не смогу к нему сейчас притронуться. Не тогда, когда все мои внутренности были скручены в болезненный и тугой комок нервов.

Вытащив телефон, я снова набрал номер Эша, но ответа по-прежнему не было. Однако, едва я собрался спрятать его обратно в карман, как он внезапно зазвонил, и я ответил, даже не глянув на номер звонившего.

— Эш?

— Нет, это я.

Узнав голос брата, я почувствовал, как меня тут же охватило разочарование.

— Прости, что случилось?

— Ты уже едешь? — голос Чейза прозвучал несколько выше обычного. Явный признак того, что он определенно нервничал.

Если бы я не тревожился за Эша, то непременно улыбнулся тому факту, что мой младший брат все еще фанатеет от Бомбардира Флинна. Я готов был руку дать на отсечение, что Чейз грохнется в обморок еще при нашей первой встрече со звездой НФЛ, на которой мы собирались сделать ему предложение о сотрудничестве. Как бы то ни было, Чейз едва ли произнес пару слов за все время, взвалив всю самую тяжелую работу на меня.

Не то, чтобы я возражал, потому что уж в чем в чем, а в этом я действительно был хорош.

— Да, буду через несколько минут, — я взмахом руки остановил такси.

— Не опаздывай, — настаивал Чейз. — Будет проблематично убедить Бомбардира подписать бумаги, если я не смогу говорить.

Я все-таки рассмеялся.

— Все будет в порядке. Скоро увидимся.

Отключившись, я машинально проверил, не пытался ли Эш связаться со мной, позвонив или прислав сообщение.

Но от него по-прежнему ничего не было.

— Черт, — пробормотал я, убирая телефон и садясь в такси, которое притормозило у обочины.

В офисе я был уже через несколько минут и Томас ожидал меня с кофе в руке. Он взял мое пальто, а затем передал мне папку.

— Здесь все? — уточнил я, распахнув ее, чтобы просканировать содержимое.

Я вполуха слушал, как Томас объяснял, какие документы находятся в папке и что ему позвонили, сообщив, что Бомбардир уже в пути. Я направился в конференц-зал, где меня ожидал Чейз.

— Хэй, — поздоровался я, наклоняясь, чтобы обнять его и похлопать по спине.

— Хэй, — пробормотал он в ответ, откидываясь на спинку стула.

Томас поставил на стол поднос с фруктами и несколько тарелок. Он двигался быстро и оперативно, заканчивая подготавливать зал к встрече, и я кивнул ему в знак благодарности, когда он уходил. Сразу после этого я сосредоточил свое внимание на Чейзе, даже несмотря на то, что беспокойство об Эше продолжало с каждой секундой все сильнее подтачивать меня изнутри.

— У нас все под контролем, — напомнил я, положив руку ему на спину.

Он кивнул, но выражение его лица оставалось напряженным, и я почувствовал укол вины. В свои двадцать четыре года моему младшему брату следовало бы прокладывать себе путь в мир бизнеса посредством работы в компании, где он мог бы набраться достаточно опыта и научиться досконально разбираться во всем, занимая при этом какое-нибудь тепленькое и безопасное местечко. Вместо этого его забросило на самое дно корпоративной среды, как соучредителя нашего бизнеса.

Именно я убедил Чейза начать работать вице-президентом в VP Ассошиэйтс после того, как он окончил колледж, вместо того, чтобы пойти учиться дальше на юриста, как хотел его отец. Это стало большим и серьезным шагом для Чейза, но он выбрал меня вместо моего отчима. Юридический колледж был, что называется, верняк. Открытие пиар-фирмы со своим сводным братом вопреки желанию отца, в городе, который и без того переполнен десятками подобных компаний, соперничающих между собой за одних и тех же клиентов, было огромной авантюрой и весьма рискованным предприятием.

Особенно учитывая, что Чейз потратил большую часть тех денег, которые наша мать оставила ему на юридическое образование, именно на то, чтобы начать наш бизнес.

Я пытался убедить Чейза позволить мне покрыть все обязательства по финансированию фирмы, но он был непреклонен, желая, чтобы мы стали равными партнерами с самого первого дня. Чейз настоял на том, чтобы оплатить свою долю расходов, связанных с попытками поднять наш молодой бизнес на ноги.

У меня было преимущество, поскольку имелся большой трастовый фонд, на который можно было опереться в случае необходимости. Моя бабушка по отцовской линии оставила мне значительную сумму денег после своей смерти. Достаточно для того, чтобы я работал лишь бы было чем скоротать время, а не надрываться ради зарплаты. Чейз тоже унаследовал кое-какие деньги, но он получил их от нашей матери после ее смерти два года назад. Деньги, которые не предназначались конкретно на юридический колледж для Чейза, были вложены в трастовый фонд до того момента, пока ему не исполнится тридцать. И этот траст контролировал его отец.

Несмотря на то, что отцы у нас с Чейзом были разные, мы с ним оба являли собой просто-таки образец неблагополучных отношений с теми мужчинами, которые нас вырастили. Я, по крайней мере, больше не поддерживал связь со своим отцом. Чейз не мог похвастаться тем же.

Не то, чтобы мой младший брат с радостью разорвал любые связи с этим человеком.

Это была бесконечная борьба, в которой мы с Чейзом проигрывали так много раз, что я потерял этому счет, смирившись, наконец, что иного исхода может никогда не случиться.

А это означало, что мне приходится самостоятельно справляться с неуверенностью брата в построении бизнеса, который не только обязан выжить в нашей беспощадной индустрии, но и не пойти прахом ко всем чертям, чтобы отец не смог тыкать его в это лицом до конца своей жизни.

— Да, — Чейз сделал глубокий вдох. — У нас все под контролем.

— Он готов подписать, Чейз, и знаешь почему? — спросил я, и когда Чейз посмотрел на меня, продолжил более пылко: — Потому что у нас получилось.

Чейз улыбнулся, это была мантра, на которую мы привыкли полагаться с тех пор, как начали наш бизнес, и мы повторяли ее себе снова и снова каждый раз, когда перед нашим лицом закрывалась очередная дверь или кто-то говорил нам, что у нас никогда ничего не выйдет. За последние несколько лет нам пришлось иметь дело с большим количеством логистики, поэтому гоняться за крупными клиентами мы начали только пару месяцев назад. Наше агентство подписало контракт с несколькими новичками, но захмутать Бомбардира Флинна оставалось несбыточной мечтой для фирмы нашего размера. Бизнес, который нам удалось развить в большинстве своем только благодаря сарафанному радио, был ошеломляющим.

— У нас получилось, — повторил Чейз и стукнулся со мной кулаком.

Через минуту в дверях появился Томас.

— К вам мистер Флинн.

Мне хотелось рассмеяться от того, насколько официально это прозвучало из его уст, учитывая, что он, вероятно, умирал внутри от восторга. Томас тоже был фанатом Бомбардира, но совсем по иным причинам, чем мой брат.

Мы с Чейзом поднялись, когда вошел Бомбардир Флинн со своим агентом. Я подавил улыбку, заметив, как взгляд Томаса осторожно скользнул, опустившись на задницу Бомбардира, и он одними губами произнес мне слово «аппетитно».

— Бомбардир, Ширли, добро пожаловать, — поприветствовал я их, обходя стол в конференц-зале, чтобы пожать руку.

— Сделаем это быстро, — произнес Флинн, сжав мою ладонь.

А в следующую секунду смерил меня отчетливо оценивающим взглядом.

Дерьмо. Мало того, что я имел дело с парнем, который мог заставить самого дьявола выглядеть лучшим другом Матери Терезы, так он еще, по-видимому, обладал очень большим секретом в напрочь переполненном скелетами шкафу. Вряд ли в НФЛ с радостью примут камин-аут игрока.

Бомбардир стал бы далеко не первым парнем, скрывающим от всего мира тот факт, что он как минимум бисексуален, но это будет первый раз, когда мне придется иметь дело с «прятками в шкафу».

И, судя по голодному взгляду, он был бы совершенно не против, если бы я присоединился к нему, спрятавшись в его шкафу на несколько минут.

В прошлом было время, когда я мог всерьез задуматься о легкой добыче в лице симпатичного спортсмена. Но сейчас? Сейчас мне совершенно не хотелось связываться с мудаком, желающим померяться размером члена при помощи рукопожатия. Я абсолютно ничего не почувствовал, когда Бомбардир заценил меня, а его большой палец слегка поглаживая провел по внутренней стороне моего запястья, прежде чем он отпустил мою руку.

— Разумеется, — спокойно произнес я. — Нам еще нужно доставить Вас на SNN для интервью с Маркусом Тейтом.

Бомбардир, казалось, удивился, что мне было известно о его интервью, которое он запланировал с ведущим спортивной новостной сети.

— Теперь мы Ваша пиар-фирма, Бомбардир. С этого момента и дальше Ваши дела — это наши дела. И наша задача сделать так, чтобы Вы выглядели хорошо, независимо от обстоятельств.

Бомбардир кивнул мне.

— Хорошо выглядеть — это главное для меня, мистер Вейл.

Мужчина продолжал осматривать меня, медленно скользя по телу оценивающим взглядом, что было удивительно, учитывая, что его агент тоже находился здесь. Я не ожидал, что он станет настолько откровенно пожирать меня взглядом в присутствии других.

Мне удалось сохранить улыбку, когда я поприветствовал Ширли и занял свое место за столом напротив них двоих. Пока Чейз объяснял какие именно документы Бомбардир будет сегодня подписывать, тот начал бесцеремонно набирать какое-то сообщение у себя в телефоне. Мой взгляд упал на его припухшие, кое-где стесанные костяшки, и я автоматически напрягся, вспомнив слухи о ссоре между ним и его девушкой. Все, что я слышал, указывало на то, что ссора с ней была исключительно словесной. Бомбардир наговорил ей достаточно всяких гадостей, свидетелем чему и стал репортер, но, насколько мне было известно, Флинн и пальцем ее не тронул. Мысль о том, что в какой-то момент он мог физически навредить ей, привела меня в бешенство.

А затем мои мысли вновь самопроизвольно вернулись к Эшу.

Эш ни разу не признался в том, что подвергается какому бы то ни было насилию и, за исключением бинта, который я видел у него на запястье в первые несколько дней, когда он только начал работать в кофейне, не было никаких признаков того, что его физически травмировали все это время. Но я не мог не обратить внимание на его постоянную нервозность. Он стал лучше и спокойнее реагировать на мои прикосновения, но все равно продолжал напрягаться, когда возле него раздавался громкий шум или вздрагивать, когда кто-то вдруг повышал голос.

Что, если он просто стал старательней прятать от меня подобные вещи?

Мое беспокойство вдруг переросло в панику.

— Прошу меня извинить, я на минутку, — обронил я, поднимаясь из-за стола и вытаскивая телефон из кармана. Три пары глаз посмотрели на меня.

— Эйден... — в замешательстве произнес Чейз.

— Я сейчас вернусь, — успокоил его я. — Продолжай и разберитесь пока со всеми бумагами, хорошо?

Чейз сузил глаза, но согласно кивнул.

Оказавшись за пределами конференц-зала, я быстро набрал номер Эша, но мой звонок снова был перенаправлен на голосовую почту.

— Эш, пожалуйста, перезвони мне. Я... мне просто нужно знать, что ты в порядке. Я... *пожалуйста*, Эш, мне нужно услышать твой голос.

Разочарование с новой силой нахлынуло на меня, когда я отправил сообщение сразу после звонка и прождал несколько долгих мгновений, надеясь, что Эш ответит. Но ответа не последовало.

— Все в порядке? — поинтересовался Томас с озабоченным выражением лица, завернув за угол с чашкой кофе в руках.

— Да, — рассеянно отмахнулся я от него, возвращаясь в конференц-зал.

Бомбардир вместе со своим агентом как раз сосредоточенно просматривали документы, и я мысленно подгонял их читать быстрее, когда вновь занял свое место.

— Что ты творишь? — поинтересовался Чейз, в его голосе угадывался гнев, когда он шептал мне на ухо, чтобы Бомбардир и его агент не услышали.

— Ничего, — чувство вины прошло меня насквозь, пока я размышлял, как мое поведение, должно быть, выглядит в глазах Чейза, не говоря уже о наших клиентах.

Мне следовало немедленно взять себя в руки. Даже если Бомбардир подпишет контракт, мы все еще рискуем своими задницами, в случае если не сможем соответствовать тому имиджу, на который он повелся.

Бомбардир отодвинул бумаги, подробное изучение которых, судя по его виду, вызывало у него только скуку, и вернулся к сообщениям на телефоне, предоставив своему агенту возиться с документами. Я не сводил глаз с его костяшек.

— Вы боксируете? — внезапно сорвалось с языка.

Бомбардир посмотрел на меня одновременно со своим агентом, и я почти физически ощущал на себе взгляд Чейза.

— Что? — переспросил Флинн.

— Ваши руки, — указал я подбородком на его стесанные костяшки. — Мои, как правило, выглядят так после нескольких раундов на ринге или когда я провожу некоторое время один на один с боксерским мешком, — заметил я небрежно.

Бомбардир внимательно изучил свои руки, и я заметил, как в его глазах мелькнула какая-то неясная эмоция.

— Да, разумеется, — с легкостью ответил он, улыбнувшись мне. А затем подождал, пока Чейз и его агент снова отвлекутся на обсуждение какого-то пункта в контракте, и подмигнул.

Он не сводил с меня глаз, пока играл с ручкой, которую достал, чтобы подписать бумаги. Если бы меня не трясло от осознания того, что мы вполне возможно прямо сейчас подписываем контракт с жестоким уродом, который станет нашим первым крупным клиентом, то я бы непременно посмеялся над его попыткой соблазнения, когда он старательно потирал ручку, будто это стратегически важная часть тела его любовника.

— Все в порядке, — произнесла Ширли, пододвигая документы Бомбардиру, и он тут же начал их подписывать.

Я почувствовал, как Чейз расслабляется рядом со мной, даже несмотря на то, что самого меня все сильнее затягивало в трясину замешательства. Последние два месяца я с нетерпением ждал этого момента, потому что он представлял собой большое, жирное «да пошел ты» для всех, кто не верил, что я смогу это сделать.

Что я смогу начать что-то с нуля и добиться успеха в мире, где неудача была нормой.

Но все, о чем я мог думать сейчас, это чертовы костяшки Бомбардира и то, какого на самом деле человека я только что согласился представлять. Какие истории я буду выдумывать ради этого

типа? Придется ли мне стоять перед кучей репортеров, рассказывая им сказки о широко критикуемом со всех сторон игроке НФЛ, которого используют все кому не лень? Будет ли в этот момент какая-нибудь сломленная и избитая им женщина, сидя в тени, наблюдать за тем, как я устраиваю ей разнос по телевизору за ложь, которой она якобы оклеветала Бомбардира, лишь бы поживиться и извлечь выгоду из его славы?

От этой мысли к моему горлу отчетливо подступила желчь. Это была та реальность, с которой, я знал, мне в какой-то момент, рано или поздно, придется иметь дело, но прямо сейчас... сейчас, когда я смотрел на его стесанные костяшки, я вспоминал каждый раз, когда Эш дергался и подсказывал, стоило мне к нему дотронуться поначалу, и то, как он то и дело вскидывал глаза на эту чертову дверь в кофейне, чтобы проверить, кто в нее вошел...

— Спасибо, мистер Флинн ... Бомбардир, — взволнованно произнес Чейз, вставая и протягивая ладонь через стол. Облегчение в его голосе было ощутимым, и я заставил себя подняться, чтобы попрощаться с Бомбардиром и его агентом.

Я смутно осознавал, что Чейз хлопает меня по спине, с восторгом прогремев на ухо, насколько потрясая все это было, а затем покидает зал, вероятно, чтобы сообщить Томасу и другим сотрудникам, что мы только что подписали контракт с Бомбардиром Флинном.

Я просидел там один в полнейшей тишине еще несколько мгновений, а затем снова потянулся к телефону.

При виде пустого экрана у меня сжалось горло.

Что-то было не так.

Я чувствовал это всем своим нутром.

Поднявшись, я начал двигаться к выходу, в очередной раз набрав номер Эша. Он не ответил, и я больше не оставлял голосовых сообщений. Склонив голову, пока набирал ему очередное текстовое сообщение, я не заметил того, в кого на ходу врезался.

— Хэй, постой-ка...

Большие ладони схватили меня за плечи, и волна отвращения прокатилась по мне, потому что я инстинктивно понял, чьи это были руки.

— Бомбардир, — пробормотал я. — Что могу для Вас сделать? — поинтересовался у него, попытавшись выставить между нами определенное расстояние.

— Ручку забыл, — произнес он, указав кивком на свою ручку на столе в конференц-зале. — Недавний подарок друга... вообще-то, это дешевый кусок дерьма, но я храню его по... сентиментальным причинам.

Его голос звучал хрипло, и он все еще не отпустил меня, так что мне потребовалось все мое самообладание, чтобы не оттолкнуть его от себя.

— Рад, что наткнулся на тебя, Эйден, — произнес он. — Хотел еще раз сказать, в каком я восторге от предвкушения поработать с тобой.

Его толстые пальцы скользнули по моей груди, и я почувствовал скрытую в них силу, когда он слегка надавил. Гнев просочился сквозь каждую мою клеточку, пока я изо всех сил боролся с желанием схватить его за одну из рук и выкрутить ее. Это бы наверняка стерло самодовольную ухмылку с лица засранца.

— Видел твоего брата, — пробормотал Бомбардир. — Он крайне взволнован нашим контрактом. И я тут подумал, что теперь, когда мы работаем вместе, у нас с тобой может быть свое собственное соглашение.

Как только Бомбардир схватил мой галстук и потянул к себе, я мгновенно перехватил его за запястье и с силой сжав его, заставил отпустить. А затем резким, решительным движением вынудил отступить назад, так, что он врезался спиной в стену. Как бы сильно мне ни хотелось послать его на хер, я обуздал свой характер. Взгляд Флинна стал тяжелым от удивления, ярости и похоти. Этот человек явно не привык к грубому отпору и проявлению мужской силы по отношению к себе, но, судя по всему, его это неслабо заводило.

Еще месяца два назад я был бы на седьмом небе от перспективы использовать секс, чтобы сбить с него спесь.

Но сейчас...

Сейчас я просто хотел поскорее убраться от него подальше.

И разыскать Эша.

— Я так не думаю. А теперь, если Вы позволите, — произнес я, оттолкнувшись от него и покидая зал.

К тому моменту, как добрался до лифта, где Бомбардира ожидал его агент, я уже успел набрать номер *«Телепортируй Меня Латте»*. Едва глянув на Ширли, когда вошел в лифт, я не мог не заметить раздраженного Бомбардира, направляющегося в нашу сторону.

Я даже не потрудился придержать для него дверь лифта.

Не пришлось слишком стараться, чтобы убедить Эмили дать мне адрес Эша, и спустя двадцать минут я уже стоял перед его дверью. Я ожидал, что он будет жить в каком-нибудь обветшалом здании за пределами Манхэттена, но был поражен, когда выяснилось, что его квартира располагается в шикарной высотке в центре города. Здание было не настолько фешенебельным, как то, в котором жил я, но явно и близко не походило на то, что может позволить бариста на испытательном сроке. Я напомнил себе, что этому может быть миллион объяснений и постучал в его дверь. Пока ждал, сердце билось уже где-то в области горла. Когда никто мне так и не ответил, я достал мобильный и набрал номер Эша. Я услышал, как в квартире зазвонил его телефон, а затем внезапно затих. Мое сердце ухнуло в пропасть, когда я понял, что это значит — он отключил его, увидев, кто звонит.

подавив острое желание заколотить в его дверь, требуя, чтобы он немедленно впустил меня, я вместо этого положил на нее ладонь и прислонился к холодной поверхности лбом.

— Эш, детка, пожалуйста... — произнес я достаточно громко, чтобы он меня услышал. — Мне просто нужно знать, что ты в порядке.

Молчание.

Прошло добрых тридцать секунд в полнейшей тишине.

И лишь затем раздался голос Эша.

— Я в порядке, Эйден. Но я... я не хочу тебя видеть.

Облегчение от одного лишь звука его голоса прошло по мне ошеломительной волной, и я чуть не грохнулся на колени прямо на месте. Но этого было недостаточно. Потому что все внутри

меня буквально кричало, что мне нужно удостовериться в том, что сердце уже и так знало наверняка.

— Я не уйду, пока не увижу тебя, Эш. Я разобью у твоей двери лагерь на весь день, буду ночевать здесь если придется.

Никакой реакции.

— Эш, пожалуйста... — тихо попросил я, не уверенный, что этой громкости достаточно, чтобы проникнуть сквозь запертую дверь, но я не мог преодолеть страх, сжимающий горло, и говорить громче. Слезы выжигали глаза, секунды тикали настолько медленно, что я был уверен, они двигаются в обратном направлении.

Он не отвечал так долго, что я повернулся к двери спиной, готовый сползти по ней, а затем, прислонившись, сел прямо у его порога и ждать столько, сколько потребуется, пока эта проклятая дверь, наконец, не откроется.

Звук отпираемого замка заставил меня застыть на месте. И когда дверь все-таки открылась, я понял, что не хочу оборачиваться.

Не хочу видеть то, что всем своим нутром знал, сейчас увижу.

Необходимость удостовериться, что Эш в порядке, нивелировала желание спрятаться от реальности, с которой я собирался столкнуться, поэтому я повернулся. Я твердил себе, что не стану реагировать на то, что увижу, но не смог остановить соленую влагу, непроизвольно скатившуюся из уголка моих глаз, как и придушенный выдох, вырвавшийся из горла, когда увидел парня передо мной.

Парня, покрытого таким количеством синяков и ссадин, что на нем буквально не осталось живого места, и я едва мог разглядеть ту нежную, трепещущую душу, благодаря которой во мне самом что-то необратимо начало меняться, хотя он даже не догадывался об этом.

— Эш... — прошептал я, а потом толкнул дверь, открывая ее настежь.

Глава 12

Эш

Как ни странно, я ощущал поразительное оцепенение после того, как Билли избил меня, но вид этой единственной слезы, скользнувшей по щеке Эйдена, грозил сделать то, чего не удалось добиться кулакам Билли.

Сломать меня.

Я поспешно отступил назад, когда Эйден вошел в квартиру, хотя это движение отозвалось адской болью во всем теле. Но больно мне было не только физически, потому что я заметил, как короткая мучительная вспышка отразилась в чертах Эйдена, прежде чем он сумел ее подавить.

Я чувствовал его потребность прикоснуться ко мне, однако это было последнее, чего мне сейчас хотелось.

Стыд, разъедающий насквозь подобно серной кислоте, заставил меня съежиться, когда его взгляд скользнул по мне. Я знал, что он видит, потому что не далее чем с утра, уже успел оценить

свои травмы в зеркале ванной. Синяки покрывали обе щеки и левую часть нижней челюсти. Нижняя губа была рассечена посередине, а левый глаз едва открывался, сильно опухнув. На шее чернело несколько темных пятен, оставшихся от пальцев Билли после того, как они впивались в кожу, когда он обхватил рукой мое горло. Не так четко были заметны синяки на одной стороне моих ребер, куда он несколько раз ударил меня, прежде чем его жестокая атака, наконец, прекратилась. В тот же миг он стал тихим и задумчивым, спросив, почему после всего того, что он для меня сделал за эти годы, мне все равно чего-то не доставало.

Я благоразумно держал рот на замке, не шевельнув ни единым мускулом, пока Билли не опустился на колени рядом со мной и не помог мне сесть.

— Зачем ты заставляешь меня это делать? — прошептал он, прижавшись губами к моему лбу.

— Не знаю, Билли. Прости меня, — послушно ответил я, а потом позволил ему помочь мне подняться.

Он отвел меня в ванную, чтобы я смог привести себя в порядок. Я едва стоял на ногах и был не в состоянии принять душ, поэтому уселся на закрытое сидение унитаза, а через несколько минут появился Билли с пакетом льда в руке. Я сидел тихо все время, пока он вытирал мое лицо мочалкой, а затем поднес пакет со льдом к моему опухшему глазу. Мы почти не разговаривали, пока он латал меня, и когда Билли повел меня в кровать, я последовал за ним. Деньги, разбросанные по всему полу после того, как он швырнул банку в стену, были убраны, но у меня хватило ума не спрашивать, где они.

Я ожидал, что Билли уложит меня в постель, а затем уйдет, но он забрался следом, лег позади и обнял, от его хватки мои и без того ноющие от боли ребра запротестовали еще сильнее.

И все же мне удалось не издать ни звука.

Чем тише я себя вел, тем больше Билли расстраивался, и когда он, наконец, наклонился ко мне и напомнил, что это именно я предал его, я лишь тихо ответил:

— Ты прав, Билли. Прости.

Эту же фразу я повторил еще с дюжину раз, прежде чем он, наконец, позволил мне забыться сном, в котором я пытался укрыться от боли. Когда я проснулся утром, он сидел на краю кровати и смотрел на меня. Потом протянул мой телефон и велел позвонить боссу, чтобы сообщить, что я больше не выйду на работу.

Я сделал это. А потом и все остальное, чего он хотел. И когда Билли сказал мне не покидать квартиру, пока он будет на утренней встрече, я покорно кивнул. После этого я быстро отвечал на каждое игривое и флиртующее сообщение от него, и когда он спрашивал все ли у нас в порядке, ложь давалась легче, чем когда-либо прежде до этого.

У нас все хорошо, Билли.

Первый звонок от Эйдена поступил в тот самый момент, когда я набирал Билли, что у нас все в порядке, и при виде нашей с Эйденем фотографии, появившейся на экране, я почувствовал, как у меня перехватило дыхание. Сперва я даже не узнал себя на фото, которое Эйден использовал в качестве фотографии для своего контакта.

Ни смеющихся глаз.

Ни широкой улыбки.

Ни пылающего лица.

Часть меня умерла при виде этой картины.

Сначала.

Но как только я перенаправил звонок Эйдена на голосовую почту, я нашел это фото в галерее и открыл его снова, чтобы рассмотреть поближе. Это был первый и единственный раз, когда я утратил самообладание с тех пор, как прошлым вечером вошел к себе в квартиру и увидел Билли с маленькой банкой денег, ставшей всем моим миром за последние три недели.

Я позволил себе несколько драгоценных минут, чтобы оплакать молодого человека на этой фотографии. Того, которым я должен был быть все это время.

Того, которым я пожертвовал, чтобы быть с Билли.

Того, которого я считал недостаточно хорошим, чтобы соответствовать далеко идущим стандартам Билли.

Того, которого я позволил похоронить под страхом, что не смогу справиться со всем сам, в одиночку.

И тогда мой взгляд переместился на Эйдена. Я послал ему мысленную благодарность за то, что он напомнил мне, что этот Эш все еще существует. Что он не потерян для меня навсегда.

За него все еще стоит бороться.

Я не слушал голосовую почту с оставленными сообщениями от Эйдена, потому что не хотел. Было слишком заманчиво раствориться в звуке его голоса. Позвонить ему и сказать, как сильно он мне нужен.

Я не мог *нуждаться* в Эйдене. Не мог позволить ему исправить все вместо меня. Не мог рисковать потерять себя в нем, так же, как это произошло когда-то с Билли. Нет, я не считал, что Эйден похож на Билли, но, по правде говоря, еще четыре года назад, когда тот обещал позаботиться обо мне, я и подумать не мог, что когда-нибудь он поднимет на меня руку.

Я знал Эйдена всего несколько недель и не мог рисковать снова потерять того настоящего Эша только потому, что Эйден заставлял меня чувствовать себя немного менее сломленным, когда я находился рядом с ним. Я уже успел глубоко привязаться к нему и наши свидания были тому доказательством. Ему каким-то непостижимым образом удалось вернуть того меня, которым я был до встречи с Билли... которым был до того, как порок сердца разрушил мое будущее, а чудовищная автокатастрофа забрала у меня двух самых важных людей в жизни. Но что случится, когда тот самый Эш станет недостаточно хорош для него? Что произойдет, когда тот Эш начнет говорить и делать неправильные вещи?

Я больше никогда не смогу заплатить *такую* высокую цену. Просто не смогу.

Именно эта мысль заставила меня отступить, когда Эйден шагнул ко мне. Он снова закамуфлировал свою боль и неосознанно сделал шаг назад.

— Эш, скажи мне, кто это сделал, и я обещаю, что остановлю это. Я никогда не позволю ему прикоснуться к тебе снова.

Боже, сколько же раз я хотел, чтобы кто-нибудь сказал мне эти слова?

Слишком много... слишком, чтобы возлагать на это надежды.

— Ты сказал, что не уйдешь, пока не увидишь меня, — я машинально обхватил себя за плечи. Мне казалось, я пытаюсь пережить невидимую смертельную рану, которая кровоточит, разрывая меня изнутри. — Я в порядке. Тебе... тебе нужно идти.

— Эш... — начал Эйден, шагнув вперед, но резко остановился, когда я снова попятился от него.

Я видел, как он расстроен из-за того, что я не даю ему приблизиться, но я не собирался объяснять, что если он хотя бы раз прикоснется ко мне, то я тут же поддамся потребности дать ему обнять меня, чтобы забыть, в какое дерьмо позволил превратить свою жизнь.

— Я могу тебе помочь.

— Мне не нужна помощь, — я знал, что подобное заявление звучит нелепо, учитывая мое состояние, но у меня не было ни времени, ни желания объяснять ему это.

Мало того, что я не доверял себе в его присутствии, я понятия не имел, когда вернется Билли. Он сказал, что будет ближе к обеду, но все, о чем я мог думать, что он вполне уже где-то на пути сюда, пока мы тут разговариваем.

Эйден в отчаянии провел рукой по волосам, а затем глубоко вздохнул.

— Позволь мне хотя бы отвезти тебя в больницу. Мы можем позвонить в полицию и попросить встретить нас там.

Мне хотелось громко рассмеяться над этим. Он действительно полагал, что все настолько просто.

— Я не выдвигаю обвинений. Это просто ссора, которая вышла из-под контроля, не более того.

— Ссора... — не веря собственным ушам прошептал Эйден. — Боже, Эш, посмотри, что он с тобой сделал!

Он двинулся ко мне, и я машинально отступил, пока не ударился о стойку, отделяющую гостиную от кухни. Заметив, как я вздрогнул от боли, Эйден застыл на месте.

— Черт, Эш, пожалуйста... *пожалуйста*, скажи мне, что не боишься меня. Я бы никогда...

— Я знаю, — перебил его я.

Беспокойство Эйдена росло, и он начал разминать пальцы, как будто те занемели. Если бы это был Билли, я бы уже перешел в состояние полной боевой готовности. Однако в случае с Эйдемом это лишь заставляло меня чувствовать себя виноватым от того, что я был тому причиной.

— Позволь мне вытащить тебя отсюда, Эш, — произнес он. — Мы можем пойти куда-нибудь и поговорить. Мы можем придумать, как лучше поступить дальше...

— Я же сказал, что это просто ссора, которая зашла слишком далеко. Мы с Билли... у нас были тяжелые времена, но мы в порядке. Это была ошибка, и это больше не повторится...

— Чушь собачья, Эш! — вскинулся Эйден. — И ты, и я, мы оба это знаем.

Он вдруг сократил расстояние между нами, и его пальцы нежно сжали мое лицо.

— Детка, пожалуйста, я могу тебе помочь. Так не должно быть.

Боль в его голосе убивала меня. Подушечка пальца мягко коснулась моего рта, а затем он нежно прижался своим лбом к моему.

— Позволь мне позаботиться о тебе, Эш.

Его слова произвели жуткий эффект, меня будто окатило ведром ледяной воды, и в ту же секунду я сорвался.

— Ты разве не понял, Эйден? Мне не нужна твоя помощь! Я не хочу этого, мне это не нужно!

Я набросился на него, потому что в глубине души знал, что он мне позволит. Знал, что он позволит мне говорить все, что я захочу, и не накажет меня за это.

И от этого мне стало еще дерьмовей.

— Всего пара свиданий! Несколько поцелуев! Это ничего не значит! — вышел из себя я.

Тело адски болело, когда я отошел от Эйдена, потому что не был уверен, что смогу оставаться сильным, если он прикоснется ко мне снова. В кармане завибрировал телефон и страх мгновенно затопил каждую клеточку моего тела.

Боже, что, если это Билли сообщал, что возвращается? Что, если он уже внизу?

Отчаяние и чистая паника заставили меня нести любой бред, который я только мог придумать, лишь бы поскорее избавиться от Эйдена, и я даже не задумывался о том, что говорю.

— Ты действительно думаешь, что я не раскусил тебя с той самой секунды, как ты начал подкатывать ко мне в кофейне? Когда флиртовал, когда привел ребенка своего друга, чтобы заставить меня пойти с тобой на свидание... вся эта чертова благотворительность! Я встречался с тобой, только потому что злился на Билли за то, что он обманул меня. Я не собирался давать тебе трахать себя! Иди, найди кого-нибудь другого, кто достаточно жалок, чтобы повестить на подобное дерьмо.

Желчь поднялась к горлу в ту же секунду, как последние слова сорвались с губ, потому что ни одно из них не было правдой. Но даже то, что я готов был забрать их обратно, уже не имело значения... я отчетливо почувствовал, как Эйден моментально закрылся от меня. А затем он просто развернулся и направился к двери.

Я должен был бы ощутить облегчение, однако все, чего мне хотелось, это крикнуть ему, что сказанное мной — одна большая ложь. Что в действительности мне нравились все его смешные шутки и милые жесты. Что я наслаждался звуком его голоса, когда он хвалил меня или подбадривал. Что я представлял, каково будет чувствовать, как его сильное тело двигается на моем, когда он подарит каждую частичку того удовольствия, которое обещал мне, впервые коснувшись моих губ своими.

Я до крови прикусил разбитую губу, чтобы не произнести вслух его имени, пока смотрел, как он уходит.

Эйден на миг замер у двери, положив ладонь на ручку, но не оборачиваясь ко мне.

— Что бы ни случилось, если я тебе понадобится, Эш, просто позвони. Не важно сколько будет времени или где ты будешь находиться, или что произойдет. Я обязательно приду. Клянусь тебе.

И он ушел.

Я не смог сдержать рыдания, рвущиеся наружу. Все, что я мог сделать, лишь плотно зажать рот ладонью, чтобы заглушить их звук и не дать Эйдену услышать меня, а потом рухнул на колени и, наконец, просто отпустил себя.

Глава 13

Эйден

Блядь.

Единственное слово, пришедшее в голову, после того, как я схватил вибрирующий телефон, чтобы проверить от кого входящий звонок.

После недели ожидания и надежд, что имя Эша появится на экране, мне уже не следовало удивляться или испытывать невероятную боль, когда вместо него там снова высветилось имя Беннета. С одной стороны, я приходил в ужас, стоило задуматься над тем, что в действительности будет означать гипотетический звонок от Эша. Например, что он вновь избит, искалечен и нуждается в помощи. С другой же стороны, мне так отчаянно хотелось услышать его голос, что это стало похоже на болезненную извращенную внутреннюю игру с самим собой — «он-или-не-он».

Покачивая головой, я перенаправил звонок на голосовую почту.

— Ну, вот и ответ.

Голос Беннета резко вырвал меня из мрачных размышлений. Оглянувшись через плечо, я наткнулся взглядом на своего лучшего друга, который стоял на пороге моего кабинета, прислонившись к двери.

— Извини, был кое-чем занят.

— Теперь еще и врет. Это... неожиданно, — пробормотал Беннет, входя в кабинет.

— Понятия не имею, о чем ты, — произнес я как можно мягче.

Беннет вздохнул и опустился в одно из кресел напротив моего стола.

— Как ты сюда попал? — поинтересовался я, щелкая по клавиатуре компьютера и создавая видимость жуткой занятости, в надежде, что смогу тем самым скрыть небольшую дрожь в руках.

— Узнал у Чейза код. И поскольку ты стал настоящим засранцем и здесь тоже, — Беннет жестом обвел офис, — он дал его мне, не задавая лишних вопросов.

— Чего ты хочешь, Беннет? — спросил я, проигнорировав его слова о Чейзе.

Я уже слышал что-то подобное от своего брата несколькими часами ранее, когда тот велел мне поехать домой и немного поспать. По-видимому, мое отношение в последние дни произвело впечатление на всех, раз уж даже невозмутимый Томас неожиданно взял больничный, лишь бы избежать моих гневных тирад.

— Одно дело отшивать и игнорировать меня, но не поступай так с моим ребенком, Эйден. Он же, мать твою, боготворит землю, по которой ты ходишь.

Мне потребовалась минута, чтобы понять, о чем он говорит, а затем я покачал головой и опустил глаза.

— Черт, прости, Беннет, — я откинулся на спинку кресла, положив слегка дрожащие руки на колени. — Я совсем забыл.

Я пообещал Лаки, что приду на День карьеры к нему школу. Он брал у меня интервью в прошлом месяце, чтобы подготовить какой-то доклад для своего класса о том, что из себя представляет карьера в области связей с общественностью, и учитель попросил его взять у меня интервью лично, перед всем классом, чтобы остальные тоже могли задать мне вопросы после.

Не обязательно было проверять телефон, чтобы знать, что я обнаружу там огромное количество пропущенных звонков от Лаки, Беннета и Зендера, потому что я намеренно игнорировал их.

— Что было? — спросил я.

— Зендер занял твое место, — ответил Беннет. — Не то, чтобы они с Лаки мало до этого обсуждали жизнь гида по дикой природе, поэтому практически на ходу симпровизировали все интервью.

— Я позвоню Лаки, — пообещал я. — Объясню и извинюсь.

— Объясни *мне*, потому что я уж точно ни хрена не понимаю.

В его голосе не было настоящей злости, хотя я с полной уверенностью мог сказать, что Беннет расстроен. И он имел на это полное право, поскольку я с завидным постоянством игнорировал все его звонки и сообщения на протяжении целой недели.

Но что, черт возьми, я должен был ему сказать?

Как я должен объяснить, что слова Эша оставили во мне такую зияющую дыру, что я не был уверен, сможет ли что-нибудь в будущем снова заполнить ее? Как я должен объяснить Беннету, тому единственному человеку, который знал лучше остальных, что я никогда не позволяю другим коснуться меня больше чем того требует физическое желание кончить, что я жажду прикосновений Эша в совершенно ином смысле, не имеющем абсолютно никакого отношения к сексу? Что даже если в глубине души я не поверил, когда он сказал, что просто использовал меня, лишь бы отомстить своему бойфренду, его слова все равно больно ранили?

Как, черт возьми, мне объяснить то, что я сам не в состоянии понять?

Я даже и близко не мог описать того страха, который испытывал каждый день, каждую секунду, переживая о его безопасности.

Я перевел взгляд на Беннета. С тех пор, как я встретил Эша, мой лучший друг больше не снился мне в кошмарах. Как не было в них и безымянного, безликого незнакомца с тех пор, как я выяснил, что Эш и таинственный хозяин дневника — одно и то же лицо.

Нет, в воде всегда был именно Эш, именно его голова исчезала под поверхность. Он перестал звать меня на помощь во сне в ту самую ночь, когда выгнал из своей квартиры. Не нужно было быть Фрейдом, чтобы установить связь между реальным Эшем и тем, что мне снился.

— Ерунда, все в порядке, я просто устал, — произнес я, хотя внутри все свело нервными спазмами.

Где Эш сейчас? Лежит где-нибудь сломленный, нуждаясь во мне? Вновь позволил этому ублюдку поднять на него руку, потому что считает, что у него нет иного выбора?

Малейшая мысль о том, что Эш подвергся очередному насилию, заставила меня мгновенно вскочить с кресла. Я щедро потратился, когда проектировали мой офис, и оборудовал его небольшим баром, где мог хранить несколько бутылок дорогого ликера, как для себя в подобные ночи, так и на случай, если придется продолжить встречу с потенциальным клиентом за

причудливой бутылкой импортного скотча или бурбона. Пока наливал нам выпить, физически ощущал на себе взгляд Беннета. Я налил ему и протянул стакан, но он отмахнулся от приглашения. Так что я сначала опрокинул свою, а затем и его порцию, прежде чем снова потянулся к бутылке.

Беннет тут же оказался рядом, чтобы остановить меня.

— Поговори *со мной*, — твердо произнес он, забирая у меня бутылку, — а не с этим дерьмом.

— О чем? — я отчаянно ждал, когда алкоголь наконец ослабит тесноту в груди, изо всех сил сопротивляясь желанию встряхнуть руками или начать вышагивать туда-сюда. Необходимость двигаться была просто неопишуемой, и единственное, что удерживало меня на месте, это исключительно сила воли.

Эйден, помоги мне!

Голос Эша у меня в голове заставил вслух пробормотать:

— Иисус гребаный Христос...

И лишь потом я вспомнил, что не один. Беннет смотрел на меня с огромным беспокойством.

— Эйден, ты меня пугаешь.

— Иди домой, Беннет, — нетерпеливо отмахнулся я от него, чувствуя, как что-то темное и беспокойное поднимается из недр моей души, быстро распространяясь по всему существу. Я понятия не имел, что это, но точно знал, что не хочу, чтобы Беннет стал свидетелем тому, как я попытаюсь утопить это чувство еще в паре порций алкоголя.

Прости, Эйден...

Я отвернулся от Беннета и посмотрел в окно. В какой-то момент резко наступила ночь, а я даже не заметил. Прямо на глазах огни большого города начали гаснуть, им на смену пришли миллионы звезд, рассыпанных на темном небе. Единственным движением на пляже были набегающие волны, целующие песок, белые гребешки прибоя танцевали вдоль пустынной береговой линии.

Нет, не пустынной. Не совсем.

Там был человек, наблюдавший за манящей водой...

— Эйден! — выкрик Беннета заставил меня обернуться. Он стоял всего в нескольких футах от меня, а его глаза были широко открыты, и в них застыла смесь замешательства и страха.

— Прости, — пробормотал я. — Тебе лучше уйти... у меня есть кое-какая работа.

— Господи Иисусе, Эйд, — рявкнул Беннет, схватив меня за руку, чтобы я снова не сел в кресло. — Что, черт возьми, с тобой происходит?

— Ничего! — огрызнулся я в ответ. — Я в порядке. Я же сказал, что извинюсь за то, что подставил Лаки.

— Я говорю не об этом, а обо всем остальном! — Беннет непроизвольно повысил голос. — Ты не отвечаешь ни на звонки, ни на сообщения! Выглядишь, как оживший мертвец. Господи, когда ты в последний раз спал вообще?

Я не ответил, но когда отвернулся, он с нехарактерной силой снова грубо развернул меня к себе.

— Чейз говорит, ты сидишь здесь ночами... что иногда даже не утруждаешь себя поездкой домой. А теперь... теперь ты палишься в одну точку, блядь, просто уставившись в пространство! — сказал он, указав на окно.

Его голос смягчился, и он взял мою руку.

— Поговори со мной, Эйд.

Если бы он не прикоснулся ко мне, я бы возможно так и сделал. Но что-то в его прикосновении вывело меня из себя. Может быть, потому что неделю назад я был точно в таком же положении, только это я предлагал свою помощь.

Чтобы в результате оказаться отвергнутым по более серьезной причине.

— Просто отвали на хрен, ладно? — я вырвал руку из его хватки.

По коже побежали мурашки, и я вдруг понял, что алкоголь мне не поможет. Мне нужно было двигаться.

Чувство вины остро пронзило меня, когда на лице Беннета появилось подавленное выражение.

— Слушай, извини, — поспешно произнес я, снимая пальто с вешалки у двери, а затем быстро нашарил рукой телефон, который все еще лежал на столе. — Мне просто... мне нужно немного побыть одному, — признался я.

— Что-то случилось с Эшем? — спросил Беннет за несколько секунд до того, как я был уже в дверях.

Я застыл на месте, не в силах обернуться и посмотреть на него.

— Что-то... да, кое-что случилось, — наконец признал я. — Но это уже в прошлом.

Ложь.

— Прости, Би, — пробормотал я, прибегнув к его прозвищу в надежде, что смогу хоть как-то загладить ту боль, которую знал, причиняю ему сейчас. — Мне просто нужно немного времени. Все будет хорошо.

Еще большая ложь.

— Я позвоню тебе завтра, идет? — предложил я.

Огромнейшая чертова ложь.

Я не стал дожидаться его ответа. В этом не было необходимости.

Беннет знал меня слишком хорошо, чтобы понять, что я лгу. Но я не собирался оставаться и объяснять ему, что со мной на самом деле происходит.

Потому что сам понятия не имел, что это.

И часть меня была слишком напугана, чтобы попытаться разобраться в себе.

Глава 14

Эш

— Я буду скучать по тебе, — пробормотал Билли, касаясь губ поцелуем.

— Я тоже.

Его палец провел по линии моей челюсти, пока он внимательно изучал меня.

— Я рад, что мы снова на верном пути, Эштон, — сказал он негромко. — Мне не нравится, когда мы ссоримся.

Я кивнул, но не смог заставить себя произнести еще что-нибудь. Он указал кивком в сторону цветов на журнальном столике. Тех самых, что принес четыре дня назад, когда извинялся. Они должны были заменить первый букет, который Билли яростно уничтожил, потому что я не проявил достаточно признательности за его старания и усилия в первый раз.

В тот самый день, когда Эйден ушел из моей жизни навсегда.

Нет, в тот самый день, когда я *вышвырнул* Эйдена из своей жизни.

— Тебе следует полить их, — сказал Билли, играя с моей заживающей губой. — Мы же не хотим, чтобы они умерли, верно?

— Верно, — согласился я. — Да, ты прав. Я полью их.

— Хорошо, — улыбнулся Билли. — Я привезу тебе что-нибудь из Голливуда, ладно?

— Спасибо, — кивнул я ему. — Буду рад.

Роль «степфордской женушки»²⁹ сработала, Билли удовлетворенно поцеловал меня еще раз и вышел за дверь. Я подождал несколько минут, прежде чем позволил себе сделать глубокий вдох. Потом направился к дивану, сел, достал телефон и стал ждать, в то время как взгляд прикипел к двум дюжинам роз на столе. Через час пришло первое сообщение, в котором говорилось, что Билли добрался до аэропорта.

Я набрал: «*Удачного полета*» и отложил телефон.

Еще через полчаса пришло новое сообщение.

Билли: *В самолете. Буду скучать по тебе, милый. Люблю тебя.*

Эштон: *Я тоже.*

Вероятно, это было перебором, но я все равно подождал еще час, а затем проверил информацию о рейсе Билли, чтобы удостовериться, что он взлетел. Стоило увидеть обновление статуса, показывающего, что самолет вылетел вовремя, как я поднялся и направился в свою комнату. У меня ушло меньше трех минут на то, чтобы затолкать несколько предметов одежды и мой дневник в маленький вещевой мешок и достать из-под кровати футляр с гитарой. Страх скрутил в узлы все внутренности, когда я вдруг услышал звук, похожий на открывшуюся входную дверь, но выйдя из комнаты, понял, что это всего лишь игры моего разума.

Это заставило меня двигаться быстрее, я заглянул в ванную и схватил свое лекарство. Тяжесть флакончика с таблетками вселяла уверенность, потому что я только на днях обновил его согласно своему рецепту, а значит, хотя бы об этом не нужно будет беспокоиться. Я сунул баночку в карман,

²⁹ «Степфордские жёны» (англ. The Stepford Wives) — название фантастического триллера 1972 года, написанного известным писателем Айрой Левином. По сюжету мужья заменили своих жен на кукол-роботов с той же внешностью, но послушных, аккуратных, безотказных в сексе, озабоченных только уютом в доме, холодильником, заботой о детях и угождением мужу.

на случай, если мне придется сбежать и бросить все остальные вещи. Лекарство было единственным, без чего я буквально не мог жить.

Из кухни я wygrеб столько протеиновых батончиков и смесей для коктейлей, сколько могло поместиться в моей сумке, вместе с одной из шейкер-бутылок, которые Билли использовал для приготовления своих протеиновых напитков. Я ненавидел вкус этих коктейлей, но знал, что они могут стать жизненно важными, если вторая часть моего плана не сработает.

Как только вещевой мешок оказался забит до отказа, я поставил его вместе с гитарой в футляре у входной двери, а затем вернулся на кухню и вытащил из кармана телефон. Ни секунды не колеблясь, бросил его на пол, наступил ногой и разбивал до тех пор, пока он не превратился в кучку битого стекла и обломков пластика. Пусть уничтожать телефон было и не обязательно, но я не хотел, чтобы у Билли была возможность отследить меня или получить доступ к истории звонков, которую я не смог полностью удалить с телефона. Я знал, что он может попытаться получить эту информацию у моего сотового оператора, но я уже позвонил им несколько дней назад, когда Билли был на одной из своих многочисленных встреч, чтобы подтвердить, что они никому не предоставят информацию без пароля.

Сразу после этого звонка я сменил пароль.

Оставив уничтоженный телефон на полу, я проигнорировал укол сознания, что только что прошел точку невозврата, после которой назад пути не будет.

Это не имело значения.

Я принял окончательное решение немедленно бросить Билли, как только он поднял на меня руку неделю назад. И, в отличие от всех предыдущих раз, никакие извинения, букеты цветов или напоминания обо всем, что он сделал для меня в прошлом, не в состоянии были сбить меня с намеченного курса. Пришлось терпеливо ждать семь мучительно долгих дней, пока Билли снова не уедет из города, потому что я боялся, что он появится на пороге как раз тогда, когда я буду собирать вещи, чтобы уйти. Так что я был вынужден и полон решимости использовать все возможные средства и уловки, лишь бы пережить эти дни, оставшись целым и невредимым. Я оказался практически на волоске, когда выгнал Эйдена, потому что ощущал себя настолько подавленным, что не смог адекватно заверить Билли, что мы с ним снова на верном пути и у нас все в порядке. К счастью, единственное, что пострадало в тот день, это розы, которые он принес с собой.

Мысль о розах заставила меня остановиться на полпути, когда я уже направился к входной двери. Пальцы дрожали, пока я замороженно смотрел на их совершенную красоту.

В отличие от телефона, на этот раз не существовало никакой логической причины для моих действий, но мне было все равно. Это было мое последнее сообщение, оставленное Билли, на случай, если разбитый телефон на полу окажется недостаточно доходчивым.

Я схватил вазу с журнального столика и медленно перевернул ее, заставив цветы и воду затопить собой всю дорожную стеклянную столешницу. Затем осторожно положил вазу на бок, развернулся и направился к выходу, чтобы взять свои вещи. Я даже ни разу не обернулся, когда захлопнул за собой дверь и сбежал вниз по ступенькам.

Мне предстояло сделать еще одну остановку, прежде чем, надеюсь, навсегда оставить Билли и Нью-Йорк в зеркале заднего вида.

* * *

Я дождался, пока Эмили перевернет табличку «Закр~~ы~~то», чтобы приблизиться к двери. Она стояла ко мне спиной, когда я постучал.

— Извините, мы закрыты, — крикнула Эмили через плечо не оборачиваясь.

— Эмили, это я... Эш.

Она быстро повернулась, а затем практически бегом бросилась к двери и щелкнула замком.

— О, слава тебе, Господи, — Эмили обняла меня, крепко сжимая в кольце своих рук.

Мне удалось проглотить стон боли, который практически сорвался с губ, но я постарался ответить на ее объятия, как мог.

— Входи, входи, — она затащила меня внутрь.

Эмили успела выключить один комплект верхнего света, но другой все еще горел, пока она кое-где домывала пол. Из-за тусклого освещения и капюшона толстовки, который был натянут на голову, ей потребовалось добрых десять секунд, чтобы наконец разглядеть мое лицо.

А затем у нее вырвался испуганный вскрик, и она тут же зажала себе рот рукой. Я проигнорировал укол унижения и заставил себя посмотреть на нее, хотя разум твердил мне опустить взгляд. Несмотря на то, что с момента избиения прошла уже неделя, синяки все еще были сильно заметны. Из темных сине-фиолетовых пятен они превратились в болезненные оттенки зеленого и желтого. Рана на разбитой губе покрылась коркой, а левый глаз снова стал нормального размера, хотя все еще был сильно травмирован. К счастью, хотя бы зрение оказалось не повреждено.

— Эш... — прошептала она.

— Я в порядке, — поспешно заверил ее я.

— Давай присядем, — Эмили мягко взяла меня за руку и потянула к ближайшему столику. Быстро составила обратно на пол стулья, которые были сложены на нем, а я осторожно поставил футляр с гитарой рядом со стулом, положив сумку себе на колени, когда сел. — Давай я принесу тебе что-нибудь попить, — голос Эмили был высоким и нервным.

— Нет, спасибо, я в порядке.

Она неловко кивнула и села на второй стул. Ее глаза влажно заблестели.

— О, милый, почему ты мне не сказал?

Я сдался и все-таки опустил взгляд, не ответив на ее вопрос. Потому что не знал, как это сделать. Даже преодолей я стыд, как мне рассказать ей, что я позволил Билли сделать со мной? Я не смог бы признаться Эмили, что у меня не было возможности принять ту помощь, которую она, скорее всего, предложила бы.

— Мне жаль, что я бросил тебя вот так. Это был не мой выбор, — пробормотал я. — Я бы никогда не подставил тебя...

— Все хорошо, милый, — она поглаживающе провела рукой по моим волосам и нежно приподняла за подбородок. — Я так рада, что ты в порядке.

Слезы жгли глаза, поэтому я быстро попытался сменить тему, переключив разговор на причину, по которой сюда и пришел.

— Я знаю, что просил тебя выслать мой последний чек по почте, но не могла бы ты отдать его мне сейчас? Я понимаю, что период оплаты только сегодня закончился... — я умолк, потому что не знал, что еще сказать.

Было очевидно, что я прошу особого отношения. Черт, беря во внимание то, как я обошелся с Эмили, я бы не стал ее винить, если бы она решила оставить мою последнюю зарплату себе в качестве неустойки.

— Конечно, милый, — согласилась Эмили. Ее взгляд скользнул по сумке, а затем по гитаре. — Эш... тебе есть где остановиться? Потому что если нет...

— Есть, — солгал я. — Друг согласился дать мне переночевать у него на диване.

Она скептически посмотрела на меня, но настаивать не стала. Я чувствовал, что ей хотелось сказать мне что-то еще, но, должно быть, она поняла, насколько я уже на грани, потому что просто похлопала меня по колену.

— Я сейчас вернусь, хорошо?

Я кивнул, подтянув сумку ближе к себе, как будто она могла каким-то образом согреть меня.

Эмили вернулась через пару минут и вручила мне чек.

— Тебе нужны наличные? — поинтересовалась она. — Чтобы продержаться, пока не доберешься до банка и не обналичишь чек? Я бы заплатила тебе наличкой, если бы хватило денег от сегодняшней выручки в кассе...

— Нет, все в порядке, — кивнул я. — Меня все устраивает.

Боже, меня просто передергивало, когда я использовал с Эмили те же избитые фразы, что привык говорить Билли.

— Спасибо, — я сложил чек и спрятал его в карман, хотя и ненавидел вынужденную необходимость ждать еще двенадцать часов, прежде чем смогу обналичить его.

Я уже решил, что переночую на автобусной станции, которая находилась всего в нескольких кварталах от банка. У них имелись шкафчики для хранения, достаточно вместительные, чтобы я мог спрятать там свою сумку и гитару за небольшую сумму. Когда у меня появятся наличные, половину денег я собирался потратить на билет, чтобы уехать так далеко от Нью-Йорка, как только смогу, а другую половину на то, чтобы попытаться найти дешевое жилье, пока не устроюсь на работу. В лучшем случае, мне повезет, если у меня будет крыша над головой хотя бы на несколько дней, пока не закончатся деньги.

Но это все равно намного лучше, чем провести еще хоть одну секунду в шикарной квартире, которую Билли называл моей, несмотря на то, что сам платил за нее с самого первого дня.

— Эш, подожди, — остановила меня Эмили, когда я уже поднялся. Ее пальцы нежно сомкнулись вокруг моего запястья, и я снова сел. — Эш, а ты бы... ты бы не хотел вернуться?

— Что? — переспросил я, не веря своим ушам.

— Я могу вернуть тебя обратно в расписание, когда ты захочешь и будешь готов. Думаю, я даже могла бы взять тебя на полный рабочий день через несколько недель... это значит, у тебя появится право на медицинскую страховку и другие льготы, как, например, оплачиваемый отпуск. И я все еще не теряю надежды поставить тебя однажды за эспрессо-машину, как штатного баристу.

— Ты серьезно? — грудь сдавило невыносимым напряжением, и могло показаться, что это из-за проблем с сердцем, но я знал, что причина не в этом. Эмили предлагала мне несбыточную мечту. На протяжении всей недели, планируя свой побег от Билли, я представлял, как приду к Эмили и буду умолять ее вернуть меня на работу, но у меня не хватило на это смелости.

Не после того, как я оставил ее в подвешенном состоянии.

Кроме того, я считал, что будет нечестно по отношению к ней оставаться здесь ровно столько, сколько потребуется, чтобы заработать немного денег, а затем все равно уйти и бросить. Но то, что она мне сейчас предлагала... это было гораздо больше. Одна лишь медицинская страховка может спасти мне жизнь. Но возможность не расставаться при этом с теми немногими друзьями, которых мне удалось завести, несмотря на Билли... была бесценна. Нет, я никогда не планировал строить свою жизнь в Нью-Йорке, но разве это так уж плохо? Билли было известно, что у меня появилась работа, но он не имел ни малейшего понятия, где именно. И существовала практически нулевая вероятность, что он когда-нибудь появится здесь, в кофейне в стиле «Стар Трек».

Но даже если это и произойдет, между нами в любом случае все кончено. Рано или поздно до него это все-таки дойдет. А если нет, тогда я воспользуюсь тем, чего он боится больше всего на свете.

Разоблачение.

Я наконец-то смогу строить настоящую жизнь. Смогу делать все те нормальные вещи, которых не мог из-за Билли, потому что он годами пытался меня убедить, что мне это не нужно.

— Я знаю, что оплата не такая уж большая...

Она больше ничего не успела произнести, потому что я подался вперед и обнял ее, не обращая внимания на адскую боль, когда от этого движения запротестовали мои ребра. Эмили рассмеялась и обняла меня в ответ.

— Это значит «да»?

— Ха, — удалось мне выдать.

— И почему, Эш Валентайн, мне кажется, что в тебе полно секретов.

Прежний я наверняка запаниковал бы от ее комментария, но сейчас я знал, она имела в виду только то, что я ответил «Да» на ее вопрос «по-Вулкански», доказывая тем самым, что я точно такой же задрот и фанат «Стар Трек», как и все остальные здесь.

— У меня есть право хранить молчание.

Когда я сел обратно на стул, чтобы обсудить с Эмили возвращение на работу, то почувствовал, как часть моего мира возвращается на свою ось. И как только я согласился начать уже на следующее утро, мысли тут же обратились к одному постоянному клиенту с великолепными темно-голубыми глазами и широкой улыбкой.

Улыбкой, которую я наполнил горечью, и глазами, что потускнели от моих жестоких слов.

И вот так моя радость угасла, а тревога вернулась.

* * *

Беспокойство по поводу того, как объяснить Эйдену, почему я наговорил ему все те ужасные вещи несколько не уменьшилось на протяжении рабочей недели в кофейне. Я думал, что мне повезло, когда Эйден не появился в самое первое утро, но необходимость поговорить с ним все равно не исчезла только потому, что он не пришел. Так что даже когда я полностью сосредоточился на рутинном обслуживании клиентов, мысленно в это время продолжал подбирать правильные слова, которые скажу Эйдену, когда он появится.

Вот только он так и не пришел.

Ни на следующий день.

Ни после.

Прошло целых восемь дней, шесть из которых я проработал в кофейне, а Эйдена все не было. Я, наконец, проглотил свою гордость и спросил о нем у Эмили, но в ответ узнал только то, что Эйден не возвращался в кофейню с того самого дня, как побывал у меня в квартире. Эмили призналась, что дала ему мой адрес, но меня это не волновало. Я практически поддался искушению самому позвонить первым, но запоздало сообразил, что не догадался записать его номер, прежде чем уничтожил свой телефон. Когда Эмили мимоходом указала на визитку Эйдена, прикрепленную на пробковой доске возле часов в комнате отдыха, я быстро ввел его номер в новый дешевенький мобильный телефон, который себе купил. Я пытался позвонить ему несколько раз, но снова и снова трусил перед тем, как нажать на кнопку вызова после того, как мозг прокручивал все те ужасные вещи, которые я ему наплел.

Я не ожидал, что потеря Эйдена ударит по мне настолько сильно, но не мог отрицать, что без него все вокруг перестало казаться ярким, враз лишившись своих красок. Несмотря на это, я знал, что скорее всего так будет лучше, потому что находиться рядом с ним и при этом *не быть с ним*, стало бы для меня слишком тяжело.

Я повторял себе это как мантру, снова и снова, изо дня в день, но мое сердце все еще не велось на нее.

Я как раз был занят, выставляя чашки, которые Эмили использовала для клиентов, предпочитавших пить кофе непосредственно в самой кофейне, когда прозвенел колокольчик на входной двери. Я мысленно похвалил себя за то, что удержался и не сразу поднял голову, чтобы проверить, кто вошел.

Раньше я всегда делал это, так как боялся, что там окажется Билли.

Начиная с прошлой недели я дергался исключительно в надежде увидеть Эйдена, входящего в двери кофейни, с его заразительной ухмылкой на губах, которая становилась еще шире, как только он замечал меня.

— Что я могу Вам предложить? — поинтересовался я у человека, который остановился перед кассой. Он был немного старше меня, с темными волосами. Напряжение сковало черты его лица, когда он скользнул взглядом по бэйджику с моим именем.

— Ты Эш? — уточнил он.

— Да, — немного нервно кивнул я. Синяки на лице заметно поблекли, но от меня не укрылось, как он их осматривал.

— Я Беннет... Беннет Кроуфорд.

Что-то в этом имени показалось мне знакомым, но я не мог понять, что именно.

— Я друг Эйдена.

Я напрягся, а потом меня вдруг осенило, где я уже слышал это имя раньше.

— Кроуфорд. Отец Лаки.

Легкая улыбка коснулась губ мужчины, но тут же исчезла.

— Да. Лаки сказал мне, что ты здесь работаешь, — Беннет огляделся по сторонам. — У тебя случайно не намечается перерыв в ближайшем времени?

Перерыва не намечалось, но когда я взглянул на Эмили, она быстро мне кивнула.

— У меня есть несколько минут, — произнес я, чувствуя, как меня нервно потряхивает. Он пришел, чтобы устроить мне разнос за то, что я сказал Эйдену? — Принести чего-нибудь? — неловко спросил я, потянувшись к завязкам фартука.

— Нет, спасибо, — отказался Беннет, его голос был напряжен.

Я обошел стойку и последовал за ним к одному из столиков в углу возле окна. День выдался солнечным, поэтому там было тепло, но я ощущал лишь холод. Беннет молчал так долго, что я начал паниковать. Что, если он пришел сюда вовсе не для того, чтобы устроить мне выволочку от имени Эйдена? Что, если он пытался подобрать слова, чтобы сообщить мне плохие новости?

— Он в порядке? — у меня пересохло во рту.

— Нет, он не в порядке, — признался Беннет.

— Что случилось? — удалось просипеть, пока я мысленно молился Богу, в которого больше не верил, чтобы с Эйденем все было хорошо.

— Случился ты, Эш, — тихо сказал он.

— Что? — опешил я.

— Это все, что я могу предположить, — пробормотал Беннет. — Эйд встретил тебя, и... он был так счастлив, и не уверен в себе, и взволнован, и нервничал, и... — он умолк, а затем покачал головой и глянул в окно. — Он был таким... настоящим, — тихо договорил он.

Благоговейный трепет в голосе Беннета заставил меня продолжать молчать. Я видел все то, о чем говорил Беннет, но почему он вел себя так, будто это было необычно и нетипично для Эйдена?

— Он пугает меня, Эш, — внезапно произнес Беннет, и его взгляд вновь скользнул обратно ко мне. — Он просто до усрачки меня пугает.

— Что ты имеешь в виду? — дрожь прошла по телу и необходимость немедленно разыскать Эйдена стала практически непреодолимой.

Но Беннет не ответил мне. Просто покачал головой.

— Он тебе безразличен?

В глазах зацепало в ответ на его вопрос.

— Безразличен, — прохрипел я.

— Не знаю, что между вами двумя произошло, но он мой лучший друг, Эш. Он мой лучший друг и он даже не хочет меня сейчас видеть. Если бы все дело было в том, что вы просто плохо

расстались, я бы отступил и позволил ему пройти через это, но это не так, — он снова покачал головой. — С ним творится что-то еще, и я не знаю, как ему помочь.

— Где он? — спросил я, не желая, чтобы Беннет продолжал. Я и так едва мог дышать, понимая, что причинил Эйдену боль...

— Я не знаю. Его брат сказал, что сегодня он не пришел на работу, и он не отвечает на звонки. Я заходил к нему домой, но его там нет, а швейцар подтвердил, что он ушел утром в обычное время. Я надеялся, что у тебя могут быть какие-то идеи.

Борясь с паникой, которая грозила поглотить меня при мысли, что Эйден действительно пропал, я прикрыл глаза, лихорадочно пытаюсь вспомнить все, о чем мы говорили во время наших встреч.

— Мы гуляли в Центральном парке, — пробормотал я. — Может быть, там...

Стоило произнести эти слова вслух, как мимолетное воспоминание вспыхнуло в сознании.

— Ботанический сад... Эйден хотел сводить меня туда на следующее свидание. Сказал, там есть особое место, которое он хочет мне показать.

Я не дал Беннету шанса ответить, прежде чем вскочил со стула и направился в комнату отдыха. До меня даже не сразу дошло, что я делаю, пока я не встретился взглядом с очень обеспокоенной Эмили.

Черт, до конца моей смены оставалось еще три часа.

— Иди, — произнесла Эмили. — Я позвоню Одри, чтобы она пришла пораньше.

Я кивнул ей в ответ, слишком благодарный, чтобы выразить это словами.

Беннет ждал меня, когда я вернулся, и я понял его неозвученное требование.

Он собирался ехать со мной.

Казалось, вечность уйдет на то, чтобы поймать такси. Я был рад, когда Беннет больше не пытался вовлечь меня в разговор, потому что мысленно неистово проклинал дневное оживленное движение, пока мы медленно ползли к Ботаническому саду. Стоило туда добраться, как я мгновенно выскочил из машины, оставив Беннета расплачиваться с таксистом.

Я едва удержался, чтобы грубо не протолкаться сквозь очередь, лишь бы быстрее добраться до ворот. Как только очутился внутри, сразу перешел на бег, внимательно осматриваясь по сторонам, не замечая ни окружающего пейзажа, ни собственного колотящегося как ненормальное сердца.

В конце концов я нашел его.

Эйден сидел во внутреннем дворике у входа в Оранжерею. Из-за холодного воздуха там было мало посетителей, но если Эйден и замечал холод, то никак не реагировал на него. Он ни на что не реагировал, глядя отсутствующим взглядом на большой сад с фонтанами перед собой.

И я понял, о чем говорил Беннет.

Если бы я прошел мимо Эйдена на улице, я бы его не узнал.

На нем не было пальто, так что я отчетливо видел, как одежда свободно облегает тело, верный признак того, что он похудел за последние пару недель. Кожа была бледной, за

исключением темных теней, что залегли под глазами. Густые волосы растрепаны в беспорядке, как будто он постоянно запускал в них пальцы, не потрудившись привести их в надлежащий вид.

Даже если внешний облик можно было списать на слишком напряженный рабочий график и отсутствие какого бы то ни было отдыха на протяжении последних двух недель, то вот его глаза... ничто не могло объяснить, почему его глаза выглядели настолько пустыми и тусклыми.

И то, как он смотрел на воду... это чертовски напугало меня, хотя я понятия не имел, почему.

— Эйден... — осторожно позвал я, присаживаясь рядом с ним. Лишь когда я заговорил, он, казалось, немного пришел в себя.

Его глаза встретились с моими, и я почувствовал, как меня обдало могильным холодом.

Глаза моего Эйдена всегда были полны жизни и веселья. Эти глаза были мне не знакомы.

— Эш, — тихо произнес он, но не улыбнулся.

Я машинально потянулся, чтобы убрать прядь торчащих непослушных волос ему за ухо, и тайне обрадовался, что он не отстранился в попытке избежать моего прикосновения.

— Ты в порядке, — пробормотал он, его взгляд скользнул по мне.

— Да, — я продолжал легко касаться его волос. Я не мог не касаться его. Казалось, это единственное, что связывало нас сейчас. — Ты выглядишь уставшим, Эйден. Ты не спал?

Он отрицательно покачал головой.

— Откуда ты узнал, где меня найти?

— Ты мне сказал.

Заметив немой вопрос в его взгляде, я поспешно объяснил.

— Ты сказал, что хочешь пригласить меня сюда на наше следующее свидание. Сказал, что хочешь показать мне особое место.

Ему потребовалось некоторое время, но затем он утвердительно кивнул, и мне подумалось, нет ли у него проблем с памятью. Пальцы бессознательно путались в его волосах, поглаживая по задней части шеи. Его кожа казалась мне слишком холодной.

Ненормально холодной.

— Это место было особенным для него, поэтому оно стало особенным для меня, — наконец, произнес он.

— Для кого?

— Дэнни.

Когда я вспомнил, что он мне рассказывал про своего младшего брата, у меня от эмоций сжалось горло.

— Почему оно было для него особенным? — спросил я.

Эйден откинулся на спинку скамейки и глубоко вздохнул. На краткий миг это движение заставило меня почувствовать себя лучше, потому что дало надежду на то, что часть безжизненности, которую я в нем ощутил, начнет исчезать.

— Дэнни был удивительным ребенком, но он был другим.

— В каком смысле?

— Он был более восприимчив и чувствителен ко всему. Ему с трудом давалось общение с людьми. Некоторые условия его расстраивали... когда, например, вокруг было слишком многолюдно. На самом деле ему никогда не ставили этот диагноз, но думаю, у него была некая форма аутизма... возможно, синдром Аспергера³⁰.

Мне не нужно было уточнять, о чем он говорит, потому что один из моих друзей в средней школе страдал аутизмом.

— Люди не понимали его, многие даже не пытались. Родители хорошо с ним ладили и справлялись, но вот отчим... — Эйден умолк, и я заметил, как его челюсть непроизвольно сжалась плотнее. Я знал, что за этим скрывается что-то большее, но молчал, ничего не комментируя.

— Любимой вещью Дэнни была книга, которую ему подарила наша бабушка... «Таинственный сад»³¹. Слышал о ней?

Я улыбнулся, потому что читал эту книгу, когда был ребенком.

— Я обожал ее в детстве.

Эйден кивнул.

— Он тоже. Я читал ее Дэнни каждый вечер. Даже после того, как он научился читать сам, все равно предпочитал, чтобы я читал ему. По выходным, когда родители оставались в городе, вместо того, чтобы поехать в коттедж на побережье, мы с Дэнни приезжали сюда в субботу утром и проводили весь день, исследуя окрестности. Потом мы сидели на этом самом месте, и я читал ему часами, пока он наконец не был готов вернуться домой.

— Бьюсь об заклад, он любил это, — произнес я. — Ты был хорошим старшим братом, Эйден.

Мои слова, казалось, причинили ему боль, а вовсе не утешили. Он покачал головой и замолчал. И молчал так долго, что я был уверен, он больше ничего не скажет. Я едва разобрал его следующие слова.

— Я не смог спасти его, Эш.

Холод прошел сквозь меня, когда я интуитивно понял, о чем он говорит.

— Ты был с ним тогда, в воде?

Эйден кивнул.

— Его подхватило течение. Я... я держал его за руку, но я...

Жизнь вернулась к нему, быстро наполнив глаза острой болью, и я услышал, как он подавил всхлип. Я прижался лбом к его виску, накрыв ладонью затылок.

— Я держал его за руку... пытался вытащить нас из течения... и она просто выскользнула...

— Мне жаль, Эйден, — прошептал я.

Но он продолжал бормотать, как будто не слышал меня.

³⁰ **Синдром Аспергера** – расстройство аутистического спектра, характеризующееся специфическими трудностями социального взаимодействия. Дети с синдромом Аспергера испытывают проблемы с невербальной коммуникацией, установлением и поддержанием дружеских контактов; склонны к одностороннему поведению и действиям; имеют заторможенную моторику, стереотипизированную речь, узконаправленные и, вместе с тем, глубокие интересы.

³¹ «Таинственный сад» (англ. *The Secret Garden*) – детская проза, роман англо-американской писательницы Фрэнсис Элизы Бёрнетт.

— Он начал сниться мне прошлым летом, после того, как Беннет чуть не утонул, когда мы были в Колорадо. С тех пор я вижу этот сон все чаще и чаще. А потом я встретил тебя и...

Он снова покачал головой.

— И что? — подтолкнул я его.

— И теперь это ты. Теперь в воде всегда ты. Ты зовешь меня и говоришь слова из своего дневника, а я не могу добраться до тебя вовремя.

Его голос становился все более хриплым с каждым произнесенным словом, и я чувствовал, что мои собственные слезы все труднее сдерживать.

— Мне нужно спасти тебя, Эш, — произнес он настолько тихо, что я бы не услышал его, если бы не сидел так близко к нему.

— Я в порядке, Эйден. Я выбрался. Я в безопасности, клянусь.

— Пожалуйста, Эш, мне нужно знать, что с тобой все хорошо. Пожалуйста...

Я понимал, дело не в том, что он не услышал меня. Нет, он просил о чем-то другом. О чем-то, что я только сейчас начинал понимать и чувствовать сам.

С той самой секунды, как Беннет сказал мне, что с Эйдемом творится что-то неладное, мой мир заиклился лишь на том, чтобы добраться до него. И теперь, когда я был здесь, теперь, когда увидел, насколько ему плохо, я не мог оставить его. Не зная, где он, что с ним, позаботится ли он о себе... Эти мысли будут преследовать меня.

Болезненный спазм свел внутренности, когда я понял, что провел в этом страхе всего около часа, в то время как Эйден жил в нем две долгие недели.

Я не мог просто сказать, что я в порядке. Ему нужно было удостовериться в этом. Так же, как мне нужно было знать, что он в безопасности от демонов, мучивших его с того момента, как я отвернулся от него.

Я легонько прижался губами к виску Эйдена.

— Эйден, как ты думаешь... как думаешь, мы могли бы позаботиться друг о друге какое-то время? — тихо спросил я.

Эйден задержал дыхание на несколько ударов сердца, прежде чем повернуться ко мне и уткнуться в шею. Он согласно кивнул, но лишь когда его сильные руки обвились вокруг меня, я наконец смог выдохнуть воздух, который тоже задержал в легких, боясь дышать до этого момента.

Глава 15

Эйден

Сначала я не понимал, где нахожусь. Мой затуманенный рассудок не сразу сумел опознать раздвижные двери, попадающие в поле зрения, те самые двери, что вели в мою ванную, а это означало, что я был в своей спальне, но все остальное не имело никакого смысла.

Во-первых, мне наконец-то было тепло.

Даже чрезвычайно тепло.

Во-вторых, эта роскошная мягкость под ухом явно не была моей подушкой.

В-третьих, моя подушка не обладала тихим сердцебиением и не заставляла голову мягко подниматься и опускаться каждые несколько секунд.

И, наконец, если только у меня окончательно не развилось психическое расстройство с полным отрывом от реальности, у моей подушки не было пальцев, которые могли бы путаться в волосах.

А значит, маленькие кусочки воспоминаний, постепенно начинающие возвращаться ко мне, были реальными.

Эш действительно пришел, чтобы найти меня. Он действительно спросил, можем ли мы позаботиться друг о друге. Он действительно лежал в постели со мной, моя голова покоилась у него на груди, а его пальцы то играли с моими волосами, то скользили вверх-вниз вдоль позвоночника. И тот звук, что я слышал у себя под ухом, был сильным и ровным биением его сердца.

Сердца, благодаря которому мой Эш продолжает жить.

Кто-то был достаточно щедр, чтобы преподнести ему такой подарок, в то время как сам пережил мучительную боль и утрату.

Я попытался вспомнить, что именно произошло после того, как Эш нашел меня в Оранжерее, но не смог восстановить картинку в памяти полностью. В голове мелькнул образ крайне обеспокоенного Беннета, пока Эш крепко держал меня за руку, и мы проходили через центральный вход в Ботанический сад. Кто-то пробормотал что-то о ключах от моей квартиры. Я вспомнил увлажнившиеся глаза Беннета и его сокрушительные крепкие объятия, когда он сказал мне, что позже позвонит, чтобы узнать, как я. Я помнил ощущение пальцев Эша, когда он переплел их с моими, и как он привел меня в спальню, а затем помог переодеться в пижамные штаны и футболку. Потом теплое тело Эша прижалось к моему под знакомым одеялом. Он, наверное, много говорил с того момента, как мы покинули Ботанический сад, и до того, как пришли ко мне домой, но все, что я запомнил, это несколько тихих слов, нашептанных мне на ухо.

Я с тобой, Эйден. Просто поспи, хорошо?

Я понятия не имел, отвечал ему или нет, и оставался ли он со мной все то время, пока я спал.

Единственное, что я знал наверняка – мне, наконец, удалось закрыть глаза и при этом не видеть прекрасных глаз Эша, прикованных взглядом к моим, пока океан поглощает его в своих глубинах.

Все тело жутко болело. Это тоже не имело никакого смысла, потому что в последние дни я не делал ничего, что могло бы вызвать такие ощущения. Я даже не утруждал себя привычными физическими тренировками. Самое большее, на что меня хватало – просто ходить пешком.

Без конца.

Иногда в парке, иногда бесцельно слоняться по оживленным тротуарам улиц, никуда конкретно не направляясь. Сон превратился в нечто нежелательное, так что я гулял даже по ночам. В еде не было особой потребности, по крайней мере, не регулярно. И хотя мне удавалось ходить на работу каждый день, я уже не помнил, когда в последний раз вообще чем-то там занимался. Я просто смотрел в окно, думая о том, где Эш и что он делает.

И беспокоился, что нужен ему, но меня нет рядом.

Проблесками сознания я понимал, что недостаток полноценного сна неслабо запудрил мне мозги, превратив в некое подобие зомби, но я знал, что это не единственное, что со мной происходит. И это был не просто постоянный страх за безопасность Эша.

Нет, было кое-что еще.

Навязчивая и мучительная мысль в мозгу, которая подобно какой-то опухоли медленно росла до тех пор, пока я не перестал что-либо адекватно понимать.

Этот шум все еще был там, но он затих достаточно, чтобы я мог сосредоточиться на тихом стаккато сердцебиения Эша. Это было напоминанием, что человек рядом со мной цел и невредим. И наконец-то там, где ему и место.

В безопасности.

Я немного сдвинулся и положил левую руку на грудь Эша, что заставило его пальцы, скользившие по моему позвоночнику, на миг замереть. Но когда я больше не шевельнулся, он возобновил нежные и ласкающие прикосновения.

— Ты и в детстве был таким ребенком, Эйден? — в конце концов поинтересовался он.

Его голос творил забавные вещи со мной, особенно потому что грудь Эша немного утробно вибрировала, когда он говорил.

— Каким?

— Притворялся спящим, надеясь, что родители не станут тебя из-за этого будить.

Я непроизвольно улыбнулся в ответ.

— Мои родители обычно были слишком заняты, чтобы волноваться, просплю я весь день или нет.

Я повернул голову, чтобы посмотреть на Эша. Мое тело лежало перпендикулярно ему, и я заметил, что он опирается спиной на изголовье кровати. Интересно, как долго он уже находится в таком положении? Пришло в голову, что я без понятия сколько времени проспал, но по большому счету мне было все равно. Я был вполне счастлив разделить эти несколько минут с ним, притворившись, что внешнего мира не существует.

— А ты был одним из таких детей?

Из-за смены положения тела он больше не гладил меня по спине, но я едва сдержал вздох удовольствия, когда он начал водить кончиками пальцев вверх-вниз по моей руке.

Эш покачал головой.

— Вот уж точно нет. Я не мог дожидаться, чтобы вскочить с кровати каждое утро. Даже в школьные годы.

— Это так ты пытаешься сказать мне, что был слегка ботаном-задротом?

Он улыбнулся.

— Нет, я не сказал, что любил рано вставать, чтобы ходить в школу, — он легонько постучал пальцем по моей руке. — Нет, просто каждое утро перед школой мы с отцом бросали мяч. Он работал машинистом, в основном по ночам, так что это было единственное время суток, которое мы могли провести вместе. В те дни, когда становилось слишком холодно, мы шли во двор

побросать мяч в корзину. Потом возвращались в дом, и он готовил завтрак для меня и мамы, а затем ложился спать. Мама уходила на работу, а я шел в школу.

— Чем занималась твоя мама?

— Она работала на ресепшене в стоматологической клинике.

— Какими они были?

— Мои родители?

Я кивнул.

Мягкая улыбка коснулась губ Эша, украсив его лицо.

— Не знаю, разными. Добрыми, терпеливыми, дружелюбными, иногда немного странными. Они много работали, но никогда не упускали из виду по-настоящему важных вещей в жизни. Они умели повеселиться. Смеялись, ссорились, любили...

— Они были счастливы?

— Ужасно счастливы, — ответил он, и его глаза наполнились смесью удовольствия и боли. — Мне так повезло, Эйден... — тихо произнес он. — Мне так повезло, что они у меня были столько, сколько это было возможно.

Печаль в голосе Эша разбивала мне сердце, и я потянулся, чтобы нежно коснуться его лица. Я был рад, что синяки начали исчезать, но знал, что воспоминание о том, как он открыл мне дверь две недели назад, весь покрытый черными и синими отметинами, будет преследовать меня всю оставшуюся жизнь.

— Они бы тобой гордились, Эш.

Он опустил глаза и покачал головой.

— Я в этом не уверен.

Я нежно взял его за подбородок и заставил посмотреть на себя.

— Зато я уверен.

Он долго вглядывался в меня, пока его пальцы продолжали нежно касаться моей руки, а затем дотянулся и убрал прядь волос с моего лба.

— Никогда больше не поступай так со мной, хорошо, Эйден? — прошептал он. — Никогда больше не пропадай вот так.

Я вздохнул и кивнул, потому что не знал, что сказать. Трудно было обещать то, чего я сам до сих пор не понимал.

— Ты бросил его, Эш? — мне не нравилось то, что мы вынуждены обсуждать эту тему, но я должен был знать, что между нами происходит.

Он кивнул.

— План всегда был именно таким. Даже когда ты... когда ты пришел ко мне. Мне просто нужно было придумать, как именно это сделать.

На кончике языка вертелся вопрос, почему он не попросил меня о помощи, но он заговорил раньше, чем я успел произнести хоть слово.

— Я не имел ввиду ничего из того, что сказал тебе тогда. Я знал, что с минуты на минуту вернется Билли, и боялся того, что случится, если он застанет тебя там. И мне было так стыдно...

— Тебе нечего стыдиться, Эш. Это не твоя вина.

Он не сразу ответил, но я практически видел в его глазах необходимость оспорить мои слова.

— Мне просто нужно было, чтобы ты ушел, Эйден, — вместо этого сказал он, — поэтому я наговорил тебе все те ужасные вещи. Но это неправда. Мне нравились наши свидания, и я с нетерпением ждал встречи с тобой каждое утро, а потом ты поцеловал меня... и я просто... я начал хотеть того, чего не мог хотеть.

Несмотря на то, что сначала его слова согрели меня, последняя фраза заставила все внутри нервно сжаться.

— Почему ты не мог хотеть этого? — я накрыл ладонью его пальцы, что лежали на моей руке. — Я бы никогда не причинил тебе боли, Эш. Ни разу и за миллион лет.

Он снова опустил глаза.

— Все не так просто, — прошептал он. И когда я уже хотел было ответить, Эш закрыл мой рот пальцами. — Ты можешь просто довериться мне, когда я говорю, что должен сделать это сам?

Я понятия не имел, что «это» такое, и в действительности не хотел этого знать, потому что даже сейчас холод начал пробирать меня до самых костей. Я не мог потерять его снова. Не сейчас, не после того, как наконец вернул его. Слова уже вертелись на кончике языка, я хотел сказать ему об этом, но страх, что он сбежит, заставил проглотить их обратно.

— Что случилось после того, как ты его бросил?

— Эмили вернула мне работу. Я все ждал, когда ты придешь, чтобы я мог извиниться и сказать, как сильно мне жаль...

У Эша сжалось горло, и он умолк. Я дотянулся, чтобы провести кончиками пальцев по его щеке.

— Эш, я верю, что ты не всерьез говорил все те слова. Все в порядке, честно, — казалось, мои заверения помогли ему немного расслабиться. — Где ты остановился?

Тот факт, что он отвел глаза, уже сам по себе являлся красноречивым ответом.

— Недалеко.

Я обхватил его ладонью за шею, чтобы заставить посмотреть на меня.

— Где ты остановился? — повторил я.

— Несколько ночей я спал на автобусной станции. Прошлой ночью закрывал кофейню, так что... вчера я спал на диване в комнате отдыха.

Должен признаться, мне было чертовски трудно подавить гнев и страх, бушующие в душе. Я сильно сомневался, что Эмили позволила бы Эшу спать в кофейне вместо того, чтобы забрать его к себе домой, а это означало, что она, вероятно, ничего не знает. И если в кофейне он был хоть в какой-то безопасности, то на автобусной станции уж точно нет.

— Я не хотел тратить деньги на комнату в отеле, — выпалил Эш. — Я пытаюсь накопить, чтобы снять квартиру, поэтому нет смысла тратить деньги на комнату в...

Эш умолк, когда я резко сел. Ему удалось выдержать мой взгляд не опустив глаз, когда я повернулся к нему лицом. Тот факт, что он не отвел взгляд, заставил меня по-настоящему им гордиться и доказывал, что он не боится меня.

— Я все понимаю, Эш. Правда, — заверил я, прикусив язык, чтобы не ляпнуть, что нет ничего страшного в том, чтобы попросить о помощи. Я вовремя сдержался и тщательно обдумал свои слова. — Ты действительно говорил искренне? — спросил я и, заметив растерянный взгляд, поспешно пояснил: — В Оранжеее... когда сказал, что мы позаботимся друг о друге?

Эш кивнул.

— Но я не имел в виду...

Я прервал его нежным поцелуем. Меня разедало непреодолимое искушение принять молчаливое предложение продолжить наш поцелуй, когда он интуитивно подался мне навстречу, но мне удалось заставить себя оторваться от его губ и слегка отстраниться.

— Я не смогу спокойно жить, зная, что ты где-то там, Эш, — я указал кивком головы в сторону окна, из которого открывался живописный вид на город и Центральный парк. — Зная, что ты там совсем один и спишь на гребаной автобусной станции или в чертовой кофейне... — я усилием воли подавил чувство безысходности и вперился взглядом в пол. — Эш, ты бы не мог, пожалуйста... *пожалуйста*, остаться у меня на какое-то время. Даже если пока просто не встанешь на ноги.

Отчаяние заставило меня поспешно добавить:

— У меня есть гостевая спальня. Это тебя ни к чему не обяжет... никаких обязательств.

Я осмелился взглянуть на него, но теперь он смотрел в окно. Эш молчал так долго, что я был уверен, он пытается найти способ отказать мне. Его глаза встретились с моими.

— Ты не можешь платить за все, Эйден, так не будет.

Я уже собирался ответить, когда он поднял руку, останавливая меня, и я вспомнил его слова, сказанные перед этим. О том, что я должен доверять ему. Что ему нужно делать что-то самостоятельно.

— Если мы сделаем это, то я буду платить за себя сам. Это значит, я буду оплачивать арендную плату, еду и свою долю коммунальных услуг.

Я покачал головой, потому что знал, что это не сработает.

— Эш, тебе не нужно этого делать. Одна арендная плата уже...

— Я знаю, — вмешался он. — Я не смогу заплатить и половины арендной платы. Но я могу платить столько, сколько платил бы, если бы у меня было собственное жилье... где-нибудь в крохотной квартирке, за городом.

— Мне не нужны деньги...

— Не в этом дело, Эйден, — перебил он. — Речь о том, что я наконец смогу жить по-своему и платить сам за себя впервые за очень долгое время. Когда я сказал, что хочу, чтобы мы заботились друг о друге, я имел в виду иное.

Давящая тяжесть сковала грудь, когда я понял, что этот спор ни за что не выиграю. Я не собирался даже и пытаться, потому что ставки были слишком высоки. Я готов был буквально на все, что угодно, лишь бы удержать его здесь, где он будет в безопасности.

— Хорошо, — кивнул я. — Как пожелаешь.

— Спасибо, — произнес Эш, взяв в ладони мое лицо и приподняв, чтобы заглянуть в глаза. — *Спасибо*, — повторил он, и я понял, что Эш благодарит меня не только за крышу над головой.

Удалось кивнуть в ответ, но на этом и все.

Меня убивало то, что я не могу просто взять и все для него исправить. Избавить от необходимости беспокоиться о деньгах и пристанище. Я хотел, чтобы он снова стал тем Эшем, которого я видел лишь мельком во время наших свиданий и прогулок. И я не был уверен, что это возможно, пока он изо всех сил пытается свести концы с концами, переживая последствия разрыва таких тяжелых отношений.

— Эйден, я знаю... я знаю, что между нами вроде как что-то началось, — пробормотал Эш. — Но сейчас все слишком сложно. Думаю, будет лучше, если мы пока сосредоточимся на том, чтобы оставаться просто друзьями.

Я предполагал нечто такое, но проглотить подобную пилюлю все равно оказалось горько. Это заставило меня пожалеть, что я уже испытал вкус Эша, потому что теперь, когда я знал его, мне хотелось большего. Но уберечь его в безопасности было гораздо важнее, чем поддаться невыносимой потребности прикоснуться к нему, или потерять себя в его теле, или показать миру, что я наконец-то получил что-то правильное. Того самого удивительного парня, с которым хотел бы остаться рядом.

— Хорошо, — согласился я. — Все, что пожелаешь, Эш.

— Спасибо, Эйден, — пробормотал он, склонившись к моему лицу и прижавшись лбом ко лбу. — *Спасибо*, — прошептал снова, и коснулся щеки губами.

Мне так сильно хотелось сказать, что это я должен его благодарить, но я будто онемел, поэтому вновь просто кивнул, а затем крепко обнял его.

Эш здесь.

Он остается.

Он в безопасности.

Все остальное не имеет значения.

* * *

На то, чтобы Эш переехал ко мне времени ушло меньше, чем мы потратили на обсуждение его переезда.

Оказалось, я проспал почти двенадцать часов, так что когда проснулся, в действительности уже было пора ложиться спать. Все еще чувствуя себя невероятно истощенным физически, я тем не менее знал, что не смогу расслабиться, пока Эш окончательно не будет под моей крышей. Поэтому пошел вместе с ним в кофейню за гитарой и вещевым мешком, а по дороге домой мы перекусили в пиццерии. Я едва сдержался, чтобы ничего не сказать, когда Эш дал мне денег, пытаясь покрыть половину стоимости заказа. Как только мы вернулись ко мне, я позвонил Беннету, чтобы сообщить, что со мной все в порядке, пока Эш обживался у себя в комнате. Потом позвонил брату, чтобы он знал, что я приступлю к работе завтра, но он сказал, чтобы я даже не смел отвечать на рабочие электронные письма до конца недели, иначе он завалит мой телефон и эмейл таким

количеством гифок и мемов с Джа-Джа Бинксом³², что в кинотеатрах быстрее покажут следующую часть «Звездных войн», чем мне удастся удалить все это кошунство со своего телефона. Должен сознаться, я был слишком измотан, чтобы спорить с ним о необходимости отгулов до конца недели.

Но то, что я был истощен, не значило, что я стал спать лучше в течение следующей недели.

Как, впрочем, и три недели спустя.

Разрываясь между беспокойством за Эша, когда его не было дома, и продолжающимися бессонными ночами, я все еще пытался сосредоточиться на контроле своего психического и умственного состояния.

Видеть Эша каждое утро перед уходом на работу и потом снова, когда я заглядывал в кофейню за порцией утреннего кофе, обычно слегка помогало снять испытываемое мной напряжение. Но сегодня это чувство было очень непродолжительным, потому что в ту же секунду, как я вышел из лифта в офисе, вся моя тревожность вернулась, стоило увидеть человека, сидевшего в вестибюле. Если бы я только мог избежать встречи с ним, то непременно так бы и сделал, но он поднял голову, прореагировав на приветствие администратора, прозвучавшее в мой адрес.

Я выругался про себя, когда услышал, как отчим окликнул меня по имени. И вежливо улыбнулся, когда он подошел ближе.

— Кит, — пробормотал я. — Рад тебя видеть.

Я невзлюбил своего отчима Кита Пэрриша с того момента, как мама познакомила его со мной и Дэнни, и не только потому что из-за него распался брак моих родителей. Нет, я не любил его потому что Кит чересчур старательно притворялся, что он не тот парень, с которым мать изменяла моему отцу в течение нескольких лет. С самого первого дня Кит был полон решимости доказать насколько мужественным мужчиной он являлся. Мне тогда исполнилось всего семь, но он настоял на том, чтобы поиграть со мной в мяч в первый же день, когда мама познакомила его с нами. Вместо того, чтобы несильно бросать друг другу бейсбольный мячик и попытаться завязать диалог, он бросал его в меня с каждым разом все сильнее. Когда я наконец сказал ему, что хочу остановиться, потому что из-за его бросков у меня болит рука, он назвал меня маленьким неженкой и хлопнул по спине так сильно, что я чуть не упал на колени. Именно тогда он решил сообщить, что собирается жениться на моей матери, и что, став мне отцом, воспитает из меня настоящего мужика, показав, как должен вести себя мужчина.

Неприязнь быстро превратилась в ненависть, когда я понял, что мой отчим оказался типичным задиристым мудаком, обожавшим буллинг, травлю и запугивание. Когда мать не слышала, он позволял себе обзывать нас с Дэнни целой кучей унижительных прозвищ, но когда она была рядом, вел себя так, будто стремился, чтобы его причислили к лику святых. Когда я стал постарше, то научился противостоять ему, и он отступил, как большинство подобных засранцев, но при этом нашел себе новую мишень.

К сожалению, этой мишенью стал Дэнни. И, в отличие от меня, у Дэнни не было эмоциональной силы противостоять нашему отчиму. Я изо всех сил старался защитить своего младшего брата, но его слабость была сродни капле крови в воде для такой акулы, как Кит.

Кит пожал мне руку.

— Слышал, ты снова забил голову моего мальчика своей ерундой.

³² Джа-Джа Бинкс (англ. Jar Jar Binks) — Вымышленный персонаж во второй трилогии «Звёздных войн», неуклюжий гунган с планеты Набу. Первый представитель своей расы в Галактическом Сенате. Его неловкость часто приносила неприятности ему, а также друзьям и врагам.

— Понятия не имею, о чем ты, — я кивнул в сторону конференц-зала, желая присутствовать при встрече с Чейзом. — Не хочешь чашечку кофе?

Когда мы вошли в конференц-зал, я поймал взгляд Томаса из другого конца коридора и внимательно посмотрел на него в ответ. Он работал со мной достаточно долго, чтобы точно знать, что означает мой взгляд и тут же приступить к действию.

Я намеренно занял свое обычное место во главе большого стола и жестом пригласил Кита сесть на стул рядом со мной. Он огляделся, оценивая обстановку офиса и вид из больших окон, как будто никогда не бывал здесь прежде. Наконец его взгляд вернулся ко мне.

— Бомбардир Флинн, Эйден. Seriously?

— А что не так с Бомбардиром Флинном? — поинтересовался я в ответ, прежде чем смог сдержаться. Это был машинальный оборонительный вопрос, который я выпалил бы будучи угрюмым подростком, но отнюдь не то, что мне следовало сказать, как уже зрелому взрослому.

— Всегда в новостях, сверкает своим богатством и статусом знаменитости, думает, что он крутой парень, несмотря на тот факт, что его показатели значительно упали в прошлом сезоне. Черт возьми, сынок, я бы очень удивился, сумеет ли он взять это под контроль к следующему сезону, чтобы вписаться своей чертовой короной в дверь раздевалки.

Я заметил, что Чейз направляется к нам, но Томас задержал его, прежде чем тот успел добраться до дверей конференц-зала. Молодчина.

— Кит, Бомбардир Флинн — один из самых горячих игроков в НФЛ на данный момент. Ради всего святого, мы перебили эту сделку у «Перископ Конрад» и «Хайтауэр Ассошиэйтс». Это самая огромная удача в пиар-сфере в городе за последние месяцы, — я слегка повысил голос. Черт, этот человек меня просто выбешивал, заставляя снова почувствовать себя ребенком.

— Попомнишь мои слова, Эйден, — он наставил на меня указательный палец, — этот парень — ходячая беда. Он ввергнет эту фирму в мир боли в предсезонный период, когда не сможет держать рот закрытым, а член в штанах.

Я отчетливо почувствовал, как моя челюсть сжалась до скрежета зубов, но больше не собирался произнести ни слова. Чейз выбрал именно этот момент, чтобы поспешно войти в конференц-зал, и я заметил извиняющееся лицо моего помощника позади него. Я слегка покачал головой, позволив ему сорваться с крючка, а затем попросил принести нам кофе.

— Отец, что ты здесь делаешь? — спросил Чейз с широкой улыбкой на лице. — Не ожидал тебя увидеть. Ты слышал новости о нашем новом клиенте?

Я почувствовал, как сжалось сердце. Несмотря на то, что Чейзу уже двадцать четыре, у него все еще была отчаянная потребность производить впечатление на своего мудака-отца, и мне всегда приходилось всячески сдерживаться, чтобы не напомнить Чейзу, что Кит дает свое одобрение, только когда ему это выгодно.

— Разумеется слышал, — нахмурился Кит. — Видел пресс-релиз. Я как раз только что сказал Эйдену, что...

— Что нам предстоит много работы с таким крупным клиентом, — прервал его я. — И я ответил, что мы с нетерпением ждем этого, не так ли, Чейз?

Кит сузил глаза, но удержал язык за зубами.

Вместо того, чтобы дать ему возможность высказаться, я продолжил:

— Кит, раз уж ты здесь, я хотел бы поставить тебя в известность, что планирую воспользоваться пляжным домиком в эти выходные. Я возьму с собой друга.

Он посмотрел на меня с плохо скрываемым отвращением, а затем пробормотал:

— Прекрасно.

Я совершил камин-аут, когда был еще подростком, так что для него не было ничего нового в том, что я подразумевал под словом «друг».

Я терпеть не мог тот факт, что мне приходилось предупреждать этого человека о такого рода вещах, но по какой-то причине мать оставила пляжный домик мне, Чейзу и Киту, а не только Киту, после того, как умерла два года назад. Я был ошеломлен, узнав, что несмотря на то, что она была замужем за Китом, моя мать сохранила многие физические активы, которыми владела до вступления с ним в брак, не давая отчиму никаких юридических прав на них. Это был урок, который она, вероятно, усвоила во время своего горького развода с моим отцом. Хотя Киту досталось большинство ее финансовых активов, значительная часть ее денег перешла в траст Чейза. Кит в итоге унаследовал квартиру на Манхэттене, в которой жил вместе с моей матерью, но пляжный домик она оставила нам троим. Я как раз находился в изнуряющем процессе, пытаюсь выкупить долю Чейза и Кита, но задача заставить Кита согласиться и сойтись в цене, превратилась в утомительное противостояние. Так что пока документы не были подписаны, нам втроем приходилось делить домик, и я знал, что Кит все еще регулярно им пользовался.

Я был рад, что Кит не поднял шума из-за того, что я тоже решил воспользоваться пляжным домиком. Эш не должен работать в кофейне в эти выходные и мысль о том, чтобы он стал только моим на весь уикенд, казалась слишком соблазнительной, чтобы от нее отказаться. Погода обещала выдаться солнечной и теплой, и я знал, что нам обоим будет полезно выбраться за город и подышать океанским воздухом. В основном, все шло хорошо с тех пор, как Эш начал жить со мной, но деньги продолжали оставаться главным камнем преткновения между нами. Не говоря уже о том, что находиться так близко к Эшу и не иметь возможности прикоснуться к нему сводило меня с ума от желания и потребности. Для меня было просто неслыханно дожидаться возможности улизнуть в ванную, чтобы подрочить в те моменты, когда это тесное соседство становилось слишком невыносимым.

— Я пришел, чтобы узнать, не хочешь ли ты встретиться со мной сегодня за обедом, — обратился Кит уже к Чейзу. — Я ужинаю с кое-какими партнерами в своей фирме, и подумал, что это отличная возможность для тебя возобновить с ними контакты. Прошло уже много времени с тех пор, как ты заглядывал к нам.

— Отец, я встречался с ними около месяца назад, — растерялся Чейз. — Мы вместе ходили выпить.

Как обычно, я хотел вмешаться и спасти Чейза от чувства долга, которое, я был уверен, он испытывает, но не сделал этого. Это лишь вызовет спор, который ни Чейзу, ни мне сейчас не нужен. По какой-то причине у Кита все еще прочно засело в голове, что Чейз рано или поздно осознает свою ошибку и бросит наш бизнес, чтобы пойти в юридический колледж, как хотелось Киту и матери.

— Верно, значит, прошел уже месяц. Я знаю, Дон Шуберт был бы очень рад тебя видеть. Он спрашивал о тебе. Думаю, это как-то связано с его дочерью. Ты знал, что она будет работать в фирме, когда закончит юридический факультет Колумбийского университета?

— Кажется, кто-то упоминал об этом раз или два, — пробормотал Чейз себе под нос. — Но да, конечно. Я присоединюсь к вам за обедом. Просто скажи мне, где и во сколько.

Я абстрагировался от них, пока они с Китом строили планы, даже не потрудившись включить меня в это приглашение. Кит никогда этого не делал. Чейз был его сыном, а я всего лишь пасынком. Это были отношения, которые умерли задолго до смерти моей матери. Черт, да я не мог сказать, что эти отношения вообще когда-либо существовали. «Пасынок» и «отчим» в нашем случае были лишь, как говорится, пустыми названиями, которые никому из нас не были нужны. Я не участвовал в разговоре, пока не понял, что Кит обращается ко мне. Он поднялся, чтобы уйти, и как раз застегивал пиджак.

— Эйден, только удостоверься, что твой друг знает, что нельзя купаться ночью. Последнее, что мне нужно, пока мое имя все еще значится в документах собственности, это еще один человек, который ни черта не умеет плавать, и убьется там, ясно?

Я смотрел ему вслед, не в силах шевельнуться, когда жестокие слова о Дэнни попали четко в цель. Только после того, как он покинул зал, Чейз схватил меня за бицепс и слегка встряхнул.

— Эй, посмотри на меня, — тихо произнес он. Я повернулся, чтобы взглянуть в его напряженное от беспокойства лицо. — Он просто осел. Не слушай его. Он знает, что это был несчастный случай, Эйден. Не принимай близко к сердцу. Это говорит его чувство вины.

— В его теле нет ни одной клеточки, которая чувствовала бы себя виноватой в смерти Дэнни, Чейз. Ни единой. Он винит меня, как и все остальные, — я умолчал о том обстоятельстве, что Киту по большому счету вообще было насрать на смерть Дэнни. — Именно я отпустил руку Дэнни. Это была моя вина, тут все предельно просто и ясно.

— Чушь собачья, — резко возразил он, сжимая мой бицепс крепче, чтобы подчеркнуть свои слова. — Это был несчастный случай. Дэнни унесло течением. Ты был ребенком, Эйден. Даже взрослый мужчина не смог бы вытащить Дэнни из того потока. Это не твоя вина.

Несмотря на все сказанное Чейзом, слова «*твоя вина*» эхом продолжали отдаваться у меня в голове, пока не стали единственными, что я слышал.

К счастью, Томас как раз искал меня с клиентом, ждущим на линии, которому срочно потребовалась помощь. Я ухватился за этот звонок и с головой ушел в тушение клиентских пожаров до конца дня. Когда я, наконец, вечером вернулся домой, Эш уже был там и, свернувшись калачиком на диване, смотрел телевизор. Эшу потребовалось некоторое время, чтобы освоиться в моей квартире, как у себя дома. Первые пару недель он провел беспокоясь о том, что вторгается в мое личное пространство, так что в итоге большую часть времени проводил в своей комнате. Мне приходилось уговаривать его снова и снова, и даже тогда он был неестественно вежлив и одержим тем, чтобы не дай Бог не устроить беспорядка. Как будто пытался стать невидимкой, насколько это возможно. К счастью, за последние пару недель он достаточно расслабился, и я заметил, как истинный Эш начинал проявляться все чаще и чаще.

Тот самый забавный, саркастичный, милый Эш, которого я видел только мельком, когда он все еще был со своим мудаком-бывшим.

— Хэй, — произнес я, войдя в квартиру и бросив сумку рядом с дверью. Сняв пальто, повесил его в шкаф. — Как на работе?

Он повернул голову, чтобы посмотреть на меня через спинку дивана и ухмыльнулся.

— Ты ни за что не поверишь, кто сегодня к нам заходил.

Радостное выражение на его лице походило на моментальную дозу какого-то счастливого наркотика. Я почувствовал, как напряжение начало отпускать от одного взгляда на его улыбающееся лицо.

— Кто?

— Помнишь того парня, который играл Раза в «Железном человеке»? — спросил Эш.

— Ты имеешь в виду Фарана Таира? Он еще играл в фильме «Стар Трек» Капитана Робая.

Эш задумчиво наморщил лоб.

— О, черт. Серьезно?

— Он был Капитаном «USS Kelvin» в начале фильма, помнишь? На нем была синяя униформа.

Я ожидал, когда на его лице появится выражение «о-да-точно!», но вместо этого на нем расплзлось выражение «попался!».

— Черт, — пробормотал я, готовясь к его высмеиванию.

— Ты задрот! Боже, вот прямо сейчас было столько задротства. Покажи нам свой значок задрота, большой умник. Давай же. Давай на него посмотрим. У тебя есть татуировка...

— Нет. И я остановлю тебя прямо сейчас. Признаю, у меня действительно есть татуировки, но они только для тех людей, с которыми я раздеваюсь, — я не мог не поддразнить Эша. Несмотря на то, что я уважал его потребность сохранять между нами исключительно платонические отношения, это заставляло меня лезть на чертовы стены. Я заметил, как его взгляд потемнел от моих слов.

— Я уже знаю о той, что у тебя на предплечье, — его голос стал хриплым. — Она в память о Дэнни, верно?

Мое игривое настроение испарилось, как струйка дыма.

— Да.

Я бросил взгляд на татуировку, что оплетала мою руку — маленькие голубые цветы, усеявшие переплетенные виноградные лозы. Затолкав поглубже беспокойно бушующие мысли, которые тут же наводнили сознание, я развернулся и направился в свою спальню, чтобы переодеться. Не успев дойти до двери, я почувствовал, как на моей руке сомкнулась рука Эша.

— Подожди... — произнес он, стоя за мной. Я не обернулся, и не сказал ни слова. — Прости меня. Я не хотел... поднимать эту тему.

— Все в порядке, — пробормотал я. — Все хорошо.

Эш подошел вплотную, прижавшись грудью к моей спине, и положил подбородок на плечо.

— Эйден... прости, — прошептал он.

Его дыхание щекотало ухо, заставляя даже самые крохотные волоски на шее встать по стойке смирно. Я чувствовал, как колотится мое сердце в груди.

— Мне не следовало упоминать об этом. Что я могу сделать, чтобы загладить свою вину?

— Это не твоя вина. Просто сегодня я виделся с отчимом, и это всколыхнуло немало дерьма.

— Ладно, тогда что я могу сделать, чтобы подбодрить тебя?

Я обернулся, внимательно глядя в его красивое лицо, понимая, что сейчас самое время рассказать ему о планах на уикенд.

— Поедешь со мной на выходные?

Глава 16

Эш

Практически весь путь до побережья мы провели в гневном молчании. И причиной тому стала та же чертова тема, которая стояла между нами со дня моего переезда к Эйдену.

Деньги.

Те самые, что продолжали копиться огромной кучей наличных на кухонной стойке. Я оставлял их Эйдену каждую неделю, чтобы покрыть свою часть арендной платы, стоимости продуктов и коммунальных услуг.

Те самые деньги, прикасаться к которым Эйден категорически отказывался.

И это выводило меня из себя.

Впрочем, не только меня, но и его тоже, судя по тому, с какой силой он каждый раз сжимал челюсть.

Сегодняшняя ссора произошла исключительно по моей вине, потому что я добавил к деньгам на стойке еще немного, не дождавшись пока Эйден выйдет из квартиры с вещами. Он заметил, как я это сделал и, поскольку у меня вошло в привычку платить за свою часть по понедельникам, а сегодня была пятница, он указал кивком на деньги на столе и поинтересовался:

— Для чего это?

— Бензин и продукты... за выходные, — бросил я через плечо.

Эйден тут же сгреб деньги, следуя за мной в спальню, которую я занимал в другом конце квартиры и, войдя в мою комнату, бросил их на кровать.

— Оставь себе. Я пригласил тебя на эти выходные.

Я развернулся к нему, чувствуя вспыхивающее в душе разочарование. Подобные ссоры уже успели стать привычными, потому что случались несколько раз до этого. Особенно, когда мы вместе ходили поужинать или посмотреть фильм, или занимались еще чем-нибудь, и я настаивал на том, чтобы заплатить за себя.

— Нет.

— Черт возьми, Эш. Мне деньги не нужны. А тебе — да. Пожалуйста, оставь их себе.

— Нет. Ты согласился, Эйден. Сказал, понимаешь, *что* это для меня значит, — устало произнес я. — Я не могу продолжать ссориться с тобой из-за этого.

Он не ответил. Просто молча схватил деньги, развернулся на каблуках и исчез. Я выждал несколько минут и взял сумку, не уверенный, что мы все еще куда-то едем. Эйден ожидал в гостиной. Заметив меня, подхватил свои вещи с пола рядом с диваном и, не проронив ни слова, вышел из квартиры.

Я думал, он что-нибудь скажет, когда мы покинем пределы города, но он стоически молчал всю дорогу. Если бы это был Билли, я был бы в ужасе, однако рядом с Эйденем я не испытывал страха. Совершенно. Даже когда у нас время от времени случались жаркие споры, и он пытался

убедить меня оставить деньги себе, я никогда не волновался, что он станет использовать кулаки, чтобы заставить его слушаться.

Но хотя у меня и не возникало страха рядом с ним, зато с избытком хватало чувства вины.

Потому что, несмотря на то, что я переехал к Эйдену, у него по-прежнему продолжались серьезные проблемы, с которыми он безуспешно боролся. И я сомневался, что причиной тому было мое настойчивое желание платить за себя самому. На протяжении последних недель я несколько раз упоминал в разговоре, что он выглядит сильно уставшим, но он каждый раз отмахивался от меня, повторяя, что просто загружен на работе. Я бы, возможно, не обращал на это внимания, но глядя на Эйдена сейчас, все сильнее начинал задумываться, не стоило ли надавить на него в этом вопросе.

Тем более, прекрасно зная, что он лжет.

Я сам лично слышал эти кошмары.

Ночь за ночью.

Несколько раз я вставал, чтобы проверить его, но обычно Эйден умолкал, стоило приблизиться к его комнате. В конечном итоге, я наблюдал за ним в течении нескольких минут, пока его тело беспокойно вздрагивало на большой кровати, а затем возвращался в свою комнату. Кошмары неизбежно повторялись на протяжении всей ночи. Снова и снова.

По мере того, как мы подъезжали все ближе к пункту нашего назначения, Эйден, казалось, взял себя в руки и начал мимоходом указывать на места, родом из своего детства. Рассказал о поездках на велосипеде в магазин мороженого и показал книжный магазин, который любил исследовать Дэнни. К тому моменту, как он остановил машину на подъездной дорожке, ведущей к большому дому Кейп-Код серо-стального цвета в конце тихой улочки, напряжение между нами почти исчезло, и я смог расслабиться, чтобы исследовать все вокруг, пока Эйден заносил сумки в дом.

Тихий дом был красивым. Повсюду росли большие старые деревья, на которых только проклюнулись весенние почки, и откуда-то доносился крик чаек. Соленый воздух заполнил ноздри, и я поглубже втянул его в легкие. Еще оставшаяся во мне малая часть напряжения окончательно рассеялась в этой мирной и спокойной обстановке, когда я обогнул дом, чтобы посмотреть на океан.

Вид, открывающийся за домом, оказался поистине захватывающим. Обветренные серые деревянные перила в конце лужайки выдавали лестницу, ведущую к пляжу, а рядом с ней, среди кустов, спряталась скамейка. Я подошел ближе и сел на нее. Непрозрачные серо-зеленые волны были спокойными и ровными, несмотря на вечерний час. Влажный песок на полпути к кромке воды указывал на отлив, и я непроизвольно задумался, как далеко вода отойдет, прежде чем вернуться на берег.

Закрыв глаза, прислушался. Соленый бриз на коже, ритмичные волны, ласкающие слух, слабый намек на сосновую смолу, бьющий в нос... Казалось, все это успокаивает меня так, как ничто в большом городе не способно. Не знаю, как долго я там просидел, но когда наконец открыл глаза, то понял, что уже не один. Эйден молча сидел на другом конце скамейки, между нами лежал свернутый плед.

— Привет, — тихо сказал я, надеясь, что мой голос не разрушит чары.

— Привет, — его выдох был едва ли не тише моего.

Кобальтовые глаза, казалось, пили меня так же, как мои совсем недавно пытались вобрать вид на океан. Я не мог не раствориться в них. Что-то было в том, как мы с Эйденом Вейлом встречались взглядом, что вводило меня в некое подобие транса, завораживало. Его притяжение, соблазн рук и память о том, насколько мягкими были эти губы... Как и множество раз до этого за последние несколько недель, я задумался, почему все еще так упорно стараюсь держать его на расстоянии. Несмотря на наши непримиримые споры насчет денег, Эйден даже не намекнул на желание контролировать какие-либо аспекты моей жизни. Я знал, что он беспокоится о моей безопасности, когда меня нет, но он никогда не настаивал на том, чтобы повсюду меня сопровождать или отслеживать телефон, регулярно звонить или писать. Он дал мне именно то, чего я хотел.

Свободу.

Тогда чего же я на самом деле жду? Какой именно знак мне нужен, чтобы окончательно понять, что следовать за своими желаниями совершенно нормально? Неужели я действительно позволю Билли и прошлым ошибкам забрать это у меня? Я уже не тот человек, каким был четыре года назад, когда весь мой мир рухнул. Начать что-то с Эйденом сейчас стало бы моим собственным выбором, а не потому что я чувствую себя обязанным или боюсь остаться один.

По напряжению, сковывающему черты Эйдена, я мог сказать, что он все еще переживает по поводу ссоры, предшествующей поездке. Казалось, наше непримиримое противостояние раздирало его изнутри на куски – он был заметно расстроен, и при этом явно не уверен, что ему следует делать дальше. В глубине души я знал, что его аргументы были потребностью защитить меня и дать мне независимость, которой я так жаждал. Весьма иронично, потому что он давал мне именно то, чего я хотел – финансовые средства, чтобы поскорее подыскать себе жилье. Если бы он действительно хотел меня контролировать, то забирал бы каждый пенни, который я ему предлагал, потому что тогда мне потребовалось бы больше времени, чтобы накопить достаточно денег для съема собственной квартиры.

И, как будто тех эмоций, которые мы вызывали друг в друге, было недостаточно, между нами было еще кое-что – тоска. Потребность. Абсолютная, мучительная жажда друг друга. Я чувствовал, как она исходит от него волнами, так же ясно и отчетливо, как ощущал пульсацию во всем своем теле.

Эйден прочистил горло.

— Эш, прости меня, я...

Я отрицательно покачал головой.

— Не здесь, Эйден, хорошо? Давай оставим это в городе и разберемся со всем, когда вернемся. Я просто хочу провести уикенд с тобой.

Я оглядел великолепный пляж, прежде чем вновь посмотреть на него.

— Хочу послушать больше историй о том, как ты приезжал сюда каждые выходные, когда был ребенком. Хочу узнать, что заставило тебя заняться связями с общественностью. Хочу услышать о первом парне, которого ты поцеловал... Я хочу, чтобы наша поездка была именно для этого, хорошо?

Эйден вздохнул с облегчением и кивнул. Я рискнул и подвинулся к нему, чтобы сесть поближе. Мое колено зацепило край пледа, и я взглянул на Эйдена.

— А это для чего?

Он сглотнул, как будто пытался избавиться от оцепенения.

— О, я... я подумал, что, возможно, ты замерз. Собирался накинуть его тебе на плечи, но не захотел беспокоить. Ты выглядел таким умиротворенным, сидя здесь. Я почти решил оставить тебя в одиночестве.

Я взял плед и развернул его.

— Хм... он маленький, — заметил вслух, хотя на самом деле это было не так. — Полагаю, нам придется поделиться, — я притворно нахмурился, и Эйден улыбнулся.

Я придвинулся вплотную и прижался к нему, накинув на нас плед, а Эйден обнял меня за плечи, прижимая еще ближе к себе.

— Ты же не собираешься приставать ко мне, Эш Валентайн?

— И в мыслях не было, — ответил я. — Твоя добродетель со мной в безопасности, Эйден Вейл.

Его смех пророкотал в груди, успокаивая меня. Когда несколько минут спустя дыхание Эйдена выровнялось, а рука, обнимавшая меня, расслабилась, я улыбнулся про себя, осознав, что он заснул.

А потом мысленно послал молитву всем, кто слушал, чтобы хоть раз этот сон оказался без сновидений.

* * *

— Нет! Дэнни, держись, я иду!

Крик Эйдена разбудил меня посреди ночи, и я резко дернулся, поспешно выбираясь из кровати, чтобы найти его. Вскочив на ноги, спросонок поскользнулся на деревянном полу, и пошатываясь заскользил по нему босыми ступнями.

— Дэнни!

Комната Эйдена находилась через коридор от моей, но, казалось, прошла целая вечность, прежде чем я добрался до нее. Он яростно метался в постели. Его кожа блестела от пота, а влажные простыни сбились, прикрывая только нижнюю часть тела. Почти все подушки валялись на полу вместе с одеялом. Страх на пару мгновений сковал меня, пока я наблюдал за его кошмаром. Те, что снились ему в городе, всегда заканчивались быстро и никогда не были такими всепоглощающими.

— Эйден... — позвал я, забираясь на большую кровать и подползая к нему.

Он чуть не ударил меня спросонок, но я вовремя увернулся и положил руки ему на лицо. Эйден стонал, а по щекам текли слезы.

— Дэнни, нет... — шептал он прерывисто.

— Эйден, очнись! — крикнул я.

— Прости...

— Черт возьми, Эйден, проснись, — потребовал я. Его боль разрывала меня на части, поэтому я даже представить не мог, что она делает с ним.

Резкие вздрагивания его тела постепенно замедлились, а еще через какое-то время прекратились полностью, но он не открыл глаз. Только продолжал стонать, пока по лицу текли горячие слезы.

— Эйден, детка, посмотри на меня, — прошептал я. — Это Эш. Ты в безопасности... пожалуйста, мне нужно, чтобы ты просто открыл глаза и посмотрел на меня.

Веки Эйдена дрогнули, а через миг, наконец, приоткрылись, и я вздохнул с облегчением, когда его взгляд сфокусировался на мне. Он резко сел, машинально накрыв мои руки ладонями, пока пытался прийти в себя. Сделав несколько глубоких вдохов, Эйден вытер лицо, а потом его взгляд скользнул по беспорядку, в котором была вся кровать.

— Черт... — резко выдохнув прошептал он, и быстро глянул на меня. — Я же не причинил тебе вреда, правда?

Он начал лихорадочно меня осматривать.

— Нет, — я убрал волосы с его лица. — Нет, Эйден, все в порядке.

— Прости, — он покачал головой. — Я не хотел тебя разбудить.

— Разбудить меня? — не веря переспросил я, и нервно засмеялся. — Эйден, мне плевать, что ты меня разбудил. Я беспокоюсь за тебя. Когда ты в последний раз спал всю ночь не просыпаясь?

Бросив на меня короткий взгляд, он тут же привычно отмахнулся.

— Я в пор...

— В порядке, я знаю... — устало закончил я за него. — Да, ты это уже говорил.

Я понимал, что поступаю несправедливо, но меня задевало то, что Эйден не доверяет мне настолько, чтобы сказать правду.

Что посеешь, то и пожнешь, да?

На этот раз голос в моей голове принадлежал не Билли.

И он не принадлежал Эйдену.

Он был моим собственным.

Я был лицемером. Я удерживал Эйдена на расстоянии, потому что боролся со своими проблемами с доверием, но при этом меня расстраивало, что Эйден поступает точно так же по отношению ко мне.

Я положил ладонь на его влажную щеку. Слезы, наконец, прекратились, и кожа постепенно остывала.

— Постарайся уснуть, — тихо произнес вслух, а затем попытался встать, но он успел схватить меня за запястье.

— Эш... — прошептал он в темноте.

Я снова сел на кровать, но Эйден смотрел не на меня, а куда-то в сторону, что было для него нехарактерно.

— Останься, пожалуйста. Только... можно я просто обниму тебя... ненадолго?

Горло свело спазмом, поэтому вместо ответа я лишь кивнул, а затем забрался к нему под простынь. Эйден потянулся, чтобы поднять для меня одну из подушек, валяющихся на полу, но я проигнорировал ее и положил голову ему на грудь. Его руки тут же обвили меня.

— Так нормально? — спросил я, потому что не был уверен, удобно ли ему будет спать в такой позе.

— Идеально.

Это было единственное слово, которое он произнес. И лишь когда чуть позже Эйден снова задремал, я, наконец, сделал глубокий вдох и закрыл глаза.

* * *

Я понял, что один в кровати, как только проснулся. Отчасти это было совершенно нелепо, учитывая, что я привык спать один с тех пор, как Билли перестал регулярно ночевать дома, стоило его карьере стремительно взлететь пару лет назад. Но осознавать, что Эйдена нет со мной в постели все равно было странно.

Внезапно я отчетливо почувствовал, что смирился и принял неизбежное. Что бы ни являлось движущей силой наших с Эйдемом отношений, я никогда прежде не испытывал ничего подобного. Да, химия была неоспорима, но было и еще кое-что. Что-то, чего у меня никогда не было с Билли, хотя должно было быть, учитывая, что он заботился обо мне, когда я остался совсем один.

С Эйдемом я чувствовал себя в безопасности. И не только физически. Это было гораздо более глубокое ощущение. Как будто мне позволено быть разными версиями себя самого и его это все равно будет полностью устраивать. Он точно так же продолжал бы заботиться обо мне, будь я злым или неуверенным в себе, или глупым.

Для него я просто Эш.

Его Эш.

Точно так же, как он мой Эйден.

Я лежал еще несколько минут в надежде, что он присоединится ко мне, но когда этого не произошло, заставил себя встать. После посещения ванной запах бекона поманил меня на кухню.

Эйден стоял спиной ко мне, колдуя над плитой. На нем были спортивные штаны для бега и белая майка. Я улыбнулся, увидев татуировку, выглядывающую из-под трикотажа. Сложно было сказать, что это, но знание, что у него есть татуировки, помимо той, что на предплечье, заставляло меня с любопытством гадать, где он может скрывать другие. Я понаблюдал за ним пару мгновений, восхищаясь загорелой кожей и рельефом мышц, которые изумительно изгибались и сокращались, когда он двигался. Как и следовало ожидать, мое тело прореагировало незамедлительно и очень не вовремя.

Но на этот раз мне было все равно.

Я устал притворяться, что мне по-прежнему достаточно оставаться с ним друзьями.

Эйден глянул на меня через плечо.

— Нееет... ну зачем ты встал? Возвращайся в постель и притворись удивленным, — он кивнул на поднос, что стоял на кухонном островке позади него. На нем была одна тарелка, столовые приборы, кофейная чашка и стакан апельсинового сока.

А еще там был цветок.

Ромашка.

Единственная, прекрасная, чуть поникшая ромашка.

А не слишком идеальная роза.

Когда я так и не сдвинулся с места, Эйден с любопытством посмотрел на меня.

— Еще пара минут. Пока ждешь, можешь взять свой кофе, если хочешь. Кофе без кофеина вон там, — он кивнул на кофейник, что был поменьше.

— Ты помнишь об этом? — тихо спросил я. — Что я пью без кофеина?

Эйден слегка нахмурил брови.

— Ну да. Ты говорил, что кофеин вреден для тебя из-за трансплантации. Ты в порядке? — поинтересовался он.

Нет, я не был в порядке. Но скоро точно буду.

— Я не хочу кофе, — я сделал шаг вперед. Впервые за очень долгое время мой разум был совершенно ясен. Не было ни страха, ни тревоги, ни сомнений.

— О, ну ладно, — он отвернулся, чтобы перевернуть бекон. — Есть сок.

Я не останавливался, пока не подошел вплотную, практически прижавшись к его спине.

— Я не хочу сок, — пробормотал я. — И этого я тоже не хочу. Во всяком случае, не сейчас, — потянувшись под руку Эйдена, я выключил единственную работающую конфорку на плите.

— Эш, что... — его слова оборвались, когда я прижался к нему, а мой член уперся в его задницу.

— Эйден... — прошептал я.

— Да? — хрипло произнес он, схватившись за края плиты.

Я вытащил вилку, которой он готовил бекон и положил ее на стойку.

— Знаешь, *чего* я хочу?

Он отрицательно покачал головой. Я скользнул ладонями по его груди, чувствуя, как внутри неистово бьется сердце и слыша, как тяжело он дышит.

— Я хочу, чтобы мы с тобой были не *просто* друзьями.

Когда он не ответил, меня на миг пронзила непрощенная тень неуверенности. Но потом его ладонь накрыла мои руки там, где они были прижаты к его груди.

— Ты уверен, Эш? Потому что как только я обернусь...

— Я уверен, Эйден, — я убрал руки и отступил на шаг. — Обернись.

Глава 17

Эйден

Не знаю, кто из нас двоих первым рванул вперед после того, как я обернулся – он или я, и по большому счету мне было все равно. Все, что имело значение, только Эш, который наконец-то находился в моих объятиях. Именно там, где должен был с того самого момента, как я встретил его.

Наши языки сражались за контроль, но я с радостью отдал его Эшу. В отличие от первых несмелых поцелуев, сейчас в том, как он целовал меня не было ничего мягкого, нежного или робкого. Он брал то, что хотел, и мне это дико нравилось.

Но этого все равно было недостаточно.

Скользнув ладонями ниже по его заднице, я подхватил Эша за бедра и приподнял. Он ахнул мне в рот, но не прекратил целовать, когда я сделал несколько шагов, пока мы не достигли гладкой поверхности кухонного островка. Я резко отодвинул в сторону поднос, над которым так усердно трудился, не заботясь о том, что на нем что-то перевернулось. Потому что не мог думать ни о чем, кроме молодого мужчины, жадно поглощающего мои губы голодными поцелуями.

На Эше не было футболки, и ничто не мешало исследовать его мягкую кожу. После переезда ко мне он немного набрал вес, но все равно оставался невероятно худым и подтянутым.

— Сними, — потребовал Эш, схватившись за низ майки. Он практически сорвал ее с меня, а потом скользнул руками по плечам и спине, его ноги обернулись вокруг моей талии, чтобы не дать мне отстраниться.

Как будто это вообще было возможно.

Я не знал, что вызвало эту перемену, но мне было все равно. Мы так много спорили о деньгах, а я все плясал вокруг правды о своих кошмарах, и это продолжалось так долго, что я был уверен, что вбил клин между нами, который разрушил любые шансы вывести наши отношения на новый уровень.

А я очень надеялся, что именно этим мы сейчас и занимаемся. В глубине души я знал, что это может быть просто трах из жалости, потому что Эш сожалеет о ссоре, которая произошла перед отъездом, или из-за ночного инцидента, но я не хотел заикливаться на этом, как на единственно возможной причине. Мне хотелось верить, что он наконец-то начинает понимать, что мы созданы друг для друга.

Хотя не важно, потому что я покажу это ему. Я воспользуюсь моментом, пока мы с ним только вдвоем, и покажу ему, что он мой. Что он уже был моим с того самого момента, как я вошел в двери «Телепортируй Меня Латте» и заметил его дневник.

Оторвавшись от губ Эша, я спустился поцелуями по шее к ключице, пока его руки блуждали по моей спине. В какой-то момент он проник под пояс моих штанов, и накрыл ягодицы ладонями.

Я был уверен, что кончу прямо на месте.

Проложив поцелуями путь вниз, к груди, мои губы коснулись огрубевшей плоти шрама посередине. Эш непроизвольно напрягся, но когда я не стал задерживаться на нем, уделив столько же внимания, как и всем остальным частям тела, расслабился.

— Приподнимись, — выдохнул я, когда добрался до его пижамных штанов.

Он сделал, как я сказал, и я быстро стащил их, а затем немедленно накрыл его член ртом, прежде чем Эш успел среагировать.

А он таки среагировал.

— Черт, Эйден... — шумно вырвалось у него, а затем ловкие пальцы запутались в моих волосах.

Мой собственный член отчаянно требовал внимания, поэтому я спустил штаны и начал ласкать себя кулаком, пока сам иступленно трудился над Эшем. Он всем телом откинулся на гладкую столешницу, все еще держа руки на моей голове, а когда мне удалось ослабить рвотный рефлекс достаточно, чтобы проглотить его глубже, начал трахать мой рот. Предэякулят скользнул по горлу острыми нотками вкуса и если бы я мог сдержать свой оргазм, то непременно заставил бы его кончить именно так.

Но я зашел слишком далеко.

Выпустив член Эша изо рта, дотянулся к нему, чтобы поцеловать и мысленно поблагодарил всех, кто был причастен к тому, что кухонный островок оказался идеальной высоты, потому что понимал, что не смогу остановиться даже чтобы утащить Эша в спальню.

— Не могу больше ждать, — выдохнул я. — Ты нужен мне.

Он отчаянно кивнул.

Мой взгляд лихорадочно скользнул по поверхности островка в поисках бумажника, который я брал с собой утром на пробежку, чтобы купить цветок для Эша. Я нашел его у плиты и схватил, на ходу выуживая презерватив и смазку. Быстро раскатал латекс на себе и добавил немного смазки, а затем встал меж бедер Эша и приподнял их. Одного взгляда на него, лежащего на поверхности стола, открытого и уязвимого, с яркими от возбуждения глазами, наполненными беспрекословным доверием, было достаточно, чтобы меня притормозить.

— Такой красивый... — пробормотал я, вдоволь насытившись видом, и осторожно притянул Эша ближе к себе, так, чтобы его задница чуть свисала с края островка. — Я не дам тебе упасть, — заверил я.

— Я знаю, что не дашь, — он не отрывал от меня взгляда своих светло-голубых глаз.

Пару мгновений ушло на то, чтобы помассировать его вход смазанным пальцем, а затем я толкнулся внутрь. Он был невероятно тугим.

Невыносимо.

Глаза Эша прикрылись, когда мой палец скользнул в него полностью, зубы впились в нижнюю губу, прикусив ее, и я не смог удержаться, чтобы не склониться и не поцеловать его.

— Открой глаза, Эш. Хочу, чтобы ты видел, что со мной делаешь.

Его густые ресницы дрогнули, и он посмотрел на меня. Я наградил его поцелуем, задев при этом простату.

— Черт... — прерывисто выдохнул он в мои губы, пытаясь двинуть бедрами, чтобы повторить ощущение. Я сделал это снова, и он мгновенно схватился за мою руку рядом с ним, крепко сжав ее.

Я еще несколько раз помассировал его одним пальцем, а затем добавил второй. Эш хрипло застонал от усилившегося давления, но принял меня, пальцы оказались глубже. Пот начал

собираться у меня на лбу, когда мой член потребовал большего. Я снова наклонился, чтобы поцеловать Эша и прошептал у его губ:

— Скажи, что ты этого хочешь. Мы все еще можем остановиться. Я могу заставить тебя кончить вот так, — я надавил на его простату.

Он громко застонал, но покачал головой.

— Не останавливайся, Эйден... Пожалуйста, не останавливайся.

Я прильнул к его губам и осторожно высвободил пальцы из плена тела. Руки Эша обвили вокруг моей шеи, когда он прижал меня к себе, и мне не хотелось разрывать этот поцелуй, поэтому я пропустил руку между нашими телами и не глядя направил свой член ко входу Эша. Он оторвался от моих губ только когда я начал проталкиваться в него. Дыхание стало тяжелым, пока он шумно выдыхал мне в рот, а его пальцы впивались в мои руки.

— Все хорошо? — спросил я, когда головка скользнула внутрь.

Эш кивнул, плотно сжав челюсть. Я замер, чтобы его тело смогло приспособиться. Эш, наконец, распахнул глаза и встретился со мной взглядом.

— Продолжай... Ты нужен мне весь, полностью.

Я провел ладонью по его виску, а затем сцепил обе руки в замок у него на затылке, удерживая его голову, и начал не спеша продвигаться вперед. Когда я остановился, наши лбы прижались друг к другу, мы оба с трудом дышали, а руки Эша сильнее сжались на моих плечах.

— Боже, Эйден, как же хорошо... Пожалуйста, двигайся.

Я поцеловал его еще раз, а потом привстал, чтобы наблюдать за ним, пока буду его трахать. Прижав Эша к поверхности стола, я начал медленно покачивать бедрами, скользя внутрь и наружу. Его глаза широко раскрылись, а с губ сорвался невероятный стон. Такая реакция одурманила меня еще сильнее, и все мысли о том, чтобы двигаться медленно, испарились. Не то, чтобы это должно было меня удивить, учитывая, каким красивым он выглядел, лежа передо мной — тело распластано и полностью открыто, а глаза дарят мне то единственное, чего я так долго и страстно жаждал.

Я чувствовал, как мой собственный оргазм нарастает, концентрируясь в яйцах, поэтому обхватил ладонью член Эша. На нем хватало предэякулята, которым можно было воспользоваться, как естественной смазкой. Я отпустил одну из рук Эша, и он тут же положил ее мне на живот, а когда его ноги обернулись вокруг меня, внутренние мышцы сжались на моем члене, и я издал хриплый вскрик от этого усилившегося давления.

— Боже, как же хорошо, Эш... — каким-то образом удалось мне выдохнуть. — Так чертовски хорошо...

Он ответил невнятным стоном, и я начал безудержно трахать его уже без всякой деликатности, пока нарастающий оргазм прошивал мой позвоночник усиливающимися спазмами. Накрыв Эша собой и придавив его своим весом, я не прекращал двигать рукой, лаская его. Мой рот нашел его губы, и я до боли впился в них поцелуем.

— Кончи для меня, детка, — потребовал я.

Эш яростно и судорожно кивнул. Его пальцы впелись мне в спину, чтобы держаться за меня, пока я вколачивался в него так сильно, что покрытое потом тело Эша скользило все дальше и дальше по поверхности кухонного островка.

— Эйден, я... — начал он, а потом мотнул головой.

— Я знаю... — прошептал я ему, потому что действительно знал.

Не существовало таких слов, которым было бы под силу описать совершенство этого момента, и мне хотелось верить, что он тоже так считает.

— Кончи для меня, Эш... Я сразу следом за тобой, детка.

Он всхлипнул, а затем вскрикнул от облегчения, когда оргазм накрыл его. Тело Эша на миг задеревенело от напряжения и через секунду начало неистово содрогаться подо мной, пока сперма выстреливала на его живот и текла по моей руке. Его освобождение подтолкнуло меня к краю, и я зарычал, удовольствие пронзило каждую клеточку, накрывая одной мощной волной наслаждения за другой. Крепко схватив Эша за бедро, чтобы удерживать на месте, пока вонзался в него снова и снова, я изливался внутри его тела в презерватив. Отсутствие самоконтроля одновременно пугало и удивляло меня. Я всегда был так осторожен с тем, что позволял увидеть своим партнерам, но с Эшем не смог бы спрятаться, даже если бы захотел.

Я рухнул на него без сил, как только оргазм, наконец, отпустил меня из своей безжалостной хватки. Я знал, что мой вес тяжеловат для Эша, но не мог заставить себя пошевелиться. Вместо того, чтобы оттолкнуть меня и избавиться от тяжести тела, он прижался ко мне сильнее, крепко обхватив руками и ногами. Его семя остывало на коже между нами, а мой член медленно опадал внутри него, но он, казалось, не спешил меня отпускать, будто не желал разрывать наш контакт.

Я, в свою очередь, боялся его разорвать. Боялся, что он назовет произошедшее ошибкой и скажет, что подобное не должно больше повториться. Боялся, что увижу сожаление в его глазах и доверие, которое я так долго старался заслужить, исчезнет.

Поэтому положил голову ему на грудь, прижавшись ухом к гладкой коже. Его сердце — прекрасное, сильное сердце — быстро колотилось, и я послал безмолвную благодарность человеку, который подарил Эшу второй шанс на жизнь... который дал мне шанс найти его.

Когда пальцы Эша бессознательно запутались в моих волосах, играя с ними, а другая рука обвилась вокруг меня, я, наконец, принял то, что уже знал в глубине сердца, но в чем слишком боялся признаться даже себе самому.

Впервые в жизни — и я интуитивно знал, что этот раз станет последним — я отдал все свое сердце другому человеку.

И я до смерти боялся того, что это значит.

* * *

— Эш, расскажешь мне про Билли?

Неудивительно, что он мгновенно напрягся в моих объятиях.

Мы лежали в кровати. После секса на кухне мы почти не разговаривали. Выскользнув из его тела, я увлек Эша в ванную комнату в своей спальне, и сел на скамейку в душевой, а он оседлал мои колени. Пока вода лилась на наши потные изнуренные тела из нескольких душевых головок, я не прекращал его целовать, оторвавшись лишь ненадолго, чтобы мы смогли вымыться друг друга.

— Ты хочешь знать, почему я оставался с ним так долго, — тихо произнес он.

— Прости, — пробормотал я, потому что именно это мне и хотелось узнать. Эш был таким сильным, что я не представлял, как он мог оказаться в подобной ситуации.

— Все в порядке, — ответил он. — Я сам не раз спрашивал себя об этом. Снова и снова.

Он лежал у меня на груди. Его теплое дыхание скользнуло по соску, когда он заговорил, а пальцы бессознательно погладили мою руку. Эш продолжал переплетать наши пальцы каждые несколько секунд, перед тем как вновь скользнуть кончиками пальцев по руке. Туда-сюда.

— Когда я только заболел, то подумал, что просто слишком давяю на себя. В детстве я всегда был очень целеустремленным и сфокусированным. И когда на чем-то сосредотачивался, больше ничего другого не существовало, понимаешь? — пробормотал Эш.

Я действительно понимал. Потому что сам лично видел доказательство этому в последние несколько недель в каждом споре, где Эш отчаянно цеплялся за свою независимость.

— Были как раз Рождественские каникулы, и хотя я думал, что это обычный грипп, мама сильно беспокоилась и уредила меня пойти к врачу. Когда он отправил меня к специалисту, родители пошли на прием вместе со мной. Было видно, что они волнуются, но я не волновался. То есть, мне только исполнилось двадцать, я находился в отличной физической форме... — он на миг умолк. — Родители плакали, когда доктор сообщил нам эту новость. А я... я просто... просто впал в оцепенение. Думал, что это ошибка. Идиопатическая вирусная кардиомиопатия.

— Что это значит? — спросил я.

— Это значит, что неизвестный вирус поразил мое сердце. Без нового сердца, как сказал доктор, мне оставалось жить несколько месяцев.

Страх прошел каждую клеточку, но мне удалось подавить свою реакцию и продолжить скользить кончиками пальцев по его спине вверх-вниз.

— Все развивалось очень быстро. Я месяцами лежал в больнице, и в живых меня поддерживал только аппарат, вспомогательное устройство для левого желудочка. Это единственное, что заставляло мое сердце биться. Я был вынужден бросить колледж, потому что не мог находиться вне пределов больницы. Друзья поначалу часто проводывали меня, но больница находилась в часе езды от колледжа. Спустя несколько недель их становилось все меньше и меньше. За исключением одного парня.

— Билли, — пробормотал я, и Эш кивнул.

— Знаешь, мы даже не были близкими друзьями. Но он приходил несколько раз в неделю, чтобы составить мне компанию, поиграть в видеоигры. Если я слишком уставал, чтобы что-то делать, он читал мне последнюю футбольную статистику всех игр в колледже и НФЛ, — Эш глубоко вздохнул, прежде чем продолжить. — Примерно через полгода после того, как мне поставили диагноз, мои родители погибли в автокатастрофе. Я был... я был полностью раздавлен после этого. Мне стало все равно, выживу я или умру. Ничего больше не волновало. Уже просто не было разницы.

Его слова окатили меня волной ледяного холода, потому что я не мог представить себе Эша, в котором не бурлит жизнь.

— Билли помог мне пройти через это. Убеждал продолжать бороться. Позаботился о похоронах моих родителей, потому что я не мог пойти на них, не говоря уже о том, чтобы организовать. Он даже привез священника в больницу, чтобы провести в больничной часовне поминальную службу по ним. Когда появилось доступное сердце, именно он сказал мне, что я

переживу операцию и что он будет рядом, чтобы позаботиться обо мне после нее, — голос Эша смягчился, — и он сдержал свое обещание. Мне не нужно было ни о чем беспокоиться. Он оплачивал счета, управлял моим лечением... все, что от меня требовалось, просто сосредоточиться на выздоровлении. Он даже ни разу не пытался поцеловать меня до того дня пока я не выписался.

— Когда все изменилось?

— Точно не знаю. Я не могу назвать какой-то конкретный момент, который стал поворотным, понимаешь? Мы ссорились, как и любая пара, но я объяснял это давлением, под которым он находился. Первый раз он ударил меня только спустя два года после начала отношений, — Эш помолчал, прежде чем продолжить. — Боже, он был так расстроен, Эйден. Я никогда не видел его таким. Поэтому поверил, когда он поклялся, что это больше не повторится.

Мы оба молчали несколько минут, и я был уверен, что Эш закончил свою историю, но он удивил меня, когда заговорил снова.

— Ты хотел знать, почему я оставался с ним так долго.

— Ты не обязан мне рассказывать.

Эш отрицательно покачал головой.

— Я хочу, — ответил он. — Наверное, в какой-то момент вынужденная потребность в заботе Билли переросла в осознанное желание, чтобы он и дальше продолжал это делать. Я провел так много месяцев, думая о смерти, что было трудно мыслить иначе после трансплантации, даже когда врачи сказали, что я вне опасности — вероятность того, что мое тело отторгнет донорское сердце значительно уменьшена, пока я принимаю лекарства, и я четко придерживался плана восстановления. Но я все равно жил в страхе каждый божий день. Боялся, что даже самые простые мелочи заставят сердце остановиться. Так что возможность не беспокоиться о таких вещах как деньги и колледж делала жизнь немного проще и легче... Но теперь я понимаю, что скорее всего это была не совсем удачная идея.

— Что ты имеешь в виду?

— Может быть, если бы мне пришлось вернуться к нормальному ритму жизни, у меня не было бы столько времени, чтобы заикливаться на сердечной недостаточности, — Эш слегка сместился на моей груди. — Так что не только Билли виноват. Я слишком боялся остаться один — остаться наедине с самим собой и своими мыслями — чтобы вовремя признать, что у нас с ним ничего не получится. К тому моменту, как я начал осознавать это, было уже поздно. Билли... он стал просто одержим тотальным контролем, понимаешь? Думаю, он хотел иметь в своей жизни хоть что-то, что мог бы контролировать полностью. Его карьера быстро развивалась, и стремление к успеху было таким неизменным, что думаю, он нуждался во мне так же, как нуждался в нем я, когда заболел. Когда я наконец нашел в себе силы порвать с ним, было уже слишком поздно.

Я поцеловал Эша в макушку и крепко обнял обеими руками.

— Хотел бы я иметь хоть половину твоей силы, Эш, — признался я.

Он повернул голову, чтобы посмотреть на меня. Я видел, что он собирается спорить со мной, поэтому воспользовался моментом и закрыл его рот поцелуем. Поцелуй быстро набрал обороты. Я перекатил нас так, что Эш оказался на спине, и просто упивался ощущениями, чувствуя, как наши члены трутся друг о друга.

— Нам нужно сходить проверить, возможно ли еще спасти завтрак, — напомнил я, втягивая в себя его губы.

— Аха... — согласился он, обхватывая меня ногами и проникая в рот глубоким, одурманивающим поцелуем.

Когда Эш отстранился, я уже бесстыдно терся об него членом, нашей смешавшейся друг с другом естественной смазки было достаточно, чтобы сделать скольжение необычайно приятным.

— Что ты там говорил насчет завтрака? — хрипло спросил Эш, запрокинув голову, чтобы я смог насладиться его шеей.

— Ничего, — удалось мне выдохнуть. — Завтрак — такая глупость. К черту завтрак.

Эш хрипло рассмеялся, а затем его губы снова нашли мои.

Глава 18

Эш

Секс с Эйдемом Вейлом напоминал отдых от реального мира. Вот только это был лучший отдых, который я мог себе представить — жар его тела, запах кожи, ускоряющееся сердцебиение, когда он соблазнял меня своими блуждающими по телу пальцами... Это чувство было всепоглощающим, и я все никак не мог им насытиться. Как только мы заканчивали одну «потную сессию», кто-то из нас проводил пальцем по телу другого или оставлял где-нибудь на коже ленивые поцелуи, и все начиналось сначала. После обеда мне стало казаться, что я могу умереть прямо в этой смятой постели, в объятиях Эйдена, переплетаясь с ним потными и липкими телами, и буду при этом абсолютно счастлив.

Должно быть, я задремал, потому что проснулся от раздававшегося под щекой урчания.

— Ммм? — промычал я.

— Ты убьешь меня, если мы продолжим в том же духе. По-моему, у меня уже онемели яйца, и твоя задница точно не может чувствовать себя хорошо.

— Ошибаешься, — сонно пробормотал я ему в грудь. — Моя задница чувствует себя превосходно. Но если не веришь, можешь засунуть туда пальцы и проверить...

Эйден расхохотался.

— Нет! Господи, Эш. Мы встаем, немедленно. Нужно накормить тебя и вывести на свежий воздух.

Он толкнул меня с груди и сел на край кровати, а я непроизвольно прижался к теплему отпечатку его тела, оставшемуся на постели. Но он тут же поймал меня.

— Ну уж нет. Душ, еда, свежий воздух. А потом мы сможем подумать о том, чтобы испачкаться снова.

Я нехотя встал и последовал за ним в ванную. К сожалению, все попытки убедить Эйдена облизать меня вместо душа, были встречены смехом.

— Ты ненормальный. Повернись и расставь ноги. Только без всяких фантазий. Я просто тебя вымою.

— Своим языком? — с надеждой поинтересовался я, выполнив его требование.

Эйден усмехнулся и несильно шлепнул меня по заднице, но, потеряв спину, через мгновение склонился к уху и сексуально заурчал в него:

— Я без ума от этой твоей стороны.

— Какой именно? Той, где задница? — поинтересовался я, прекрасно понимая, что он имел в виду.

— Нет. От твоей беззаботности... игривости. Тебе идет. Я счастлив видеть тебя таким расслабленным.

Повернувшись, я положил ладони на его шею и притянул к себе, пока наши покрытые пеной тела не заскользили друг по другу.

— Ты расслабляешь меня, Эйден. Заставляешь чувствовать себя в безопасности.

На миг глаза Эйдена с облегчением прикрылись, и я физически ощутил, как все его тело расслабляется.

— Хорошо, — пробормотал он, прежде чем снова посмотреть мне в глаза. — Хочу, чтобы ты всегда чувствовал себя в безопасности.

Уголки губ непроизвольно приподнялись в улыбке, пока внутри меня будто лопались миллионы пузырьков счастья.

— Тогда, наверное, тебе лучше всегда быть рядом, да?

* * *

После душа Эйден сделал несколько сэндвичей, а я упаковал небольшую сумку-холодильник пивом и водой. Мы взяли с собой на пляж кучу вкусных снеков и расстелили огромное покрывало на слежавшийся песок. С воды дул прохладный ветерок, но в весеннем небе ярко светило солнце, так что теплые лучи делали его терпимым.

Пока мы поглощали наш поздний ланч, лежа бок о бок на одеяле, я заметил, как Эйден устался на воду, а на переносице от стресса хмуро сошлись брови. Я догадывался, о чем он думает, но, как бы мне ни хотелось помочь ему справиться с теми эмоциями, с которыми он до сих пор не сумел совладать даже по прошествии стольких лет после смерти своего младшего брата, я не хотел нарушать спокойствие, которое нам удалось обрести друг с другом. Поэтому усиленно искал безопасную тему, в надежде, что она заставит его расслабиться и вынырнуть из мрачных мыслей.

— Кстати... Беннет довольно таки симпатичный, — начал я.

Он повернул голову и удивленно посмотрел на меня.

— Что?

— Твой друг, Беннет. Отец Лаки. Расскажешь о нем?

— Он не симпатичный, — прорычал Эйден, слегка нахмурившись.

Я проигнорировал легкое головокружение от вопиющего проявления его ревности. Ощущать подобное было чертовски восхитительно. Я хотел найти способ вытащить Эйдена из мрачных глубин сознания, и я определенно его нашел.

— Симпатичный. Даже ооочень. Думаешь, он хорош в постели? — я посмотрел на небо, надеясь, что на лице появится мечтательное выражение. — Бьюсь об заклад, так и есть. Интересно, бывает ли он сверху...

— Да пошел ты. Нет, не бывает. И кроме того. Он занят. Беннет по уши влюблен в Зендера и им хорошо вместе.

— Черт... — вздохнул я драматически. — Понятно.

Эйден шлепнул сэндвич обратно на бумажное полотенце и наставил на меня указательный палец, а потом вдруг замер.

— Погоди-ка...

Я не выдержал и рассмеялся, когда на его лице промелькнула целая гамма эмоций, стоило ему понять, что я дразнюсь. Эйден потер лицо руками, а затем явил миру глуповато-skonфуженное выражение.

— Прости, — сказал он. — Ты ведь шутил, да?

Я кивнул и привстал на четвереньки, чтобы подобраться ближе к нему.

— Просто пытался отвлечь тебя от того, из-за чего ты впал в ступор, — признался я тихо, когда дотянулся и потерся с ним носами. — Куда ты уплыл минутой назад?

Его пальцы коснулись моего лица, а взгляд смягчился, когда он посмотрел на меня. Сердце ухнуло в пропасть. Этот мужчина был чертовски красив и смотрел на меня так, будто я был центром Вселенной. Я мог бы запросто привыкнуть к такому взгляду.

— Где бы я ни был, — пробормотал он, — я вернулся. Теперь я с тобой.

— Хорошо, — я не спеша и нежно поцеловал его, а через минуту уселся рядом. — Но я действительно хочу знать, как вы познакомились.

Эйден улыбнулся, прежде чем снова взять свой сэндвич.

— Вообще-то, это довольно забавная история.

Я открыл пакет чипсов, который мы захватили с собой, и сунул несколько штук в рот. За то время, пока мы сидели на пляже, в поле зрения не появилось ни единой живой души, даже собаку никто не выгуливал. Эйден рассказывал, каким сонным бывает этот район в межсезонье, но я не представлял, насколько это правда, пока не понял, что мы провели здесь почти целый день и при этом не видели ни одного человека.

— Мы с Беннетом познакомились в колледже. В то время я жил с парнем по имени Джоуи, который был по уши влюблен в парня по имени Маус.

— Маус? — переспросил я, сделав глоток пива. — Парня так и звали?

— Нет, но я никогда не могу вспомнить его имя, и мне всегда хочется назвать его Маус³³. В общем, Джоуи и Маус были из тех парней, которые почему-то любят истерически-драматические сцены. Они ввязывались в грандиозные ссоры, обычно из-за какого-нибудь глупого незначительного дерьма, а затем компенсировали это фантастически бешеными сексуальными марафонами. В чем, конечно, нет ничего плохого, если ты, разумеется, не делишь комнату с одним из них.

³³ англ. Mouse — дословно значит «мышь».

— Думаю, да, — хмыкнул я.

— Как-то в пятницу вечером Джоуи вернулся в нашу комнату около двух часов ночи, рыдая и разбудив меня от мертвецкого сна, так что мне пришлось встать, чтобы его успокоить. Не прошло и получаса, как к нам ворвался Маус. Помню, он так стenal имя Джоуи, как будто тот умирал от редкой формы рака и у него оставались считанные дни жизни. И вот он я, посреди ночи, прямо в одних трусах, пытаюсь успокоить парочку Королев, кричащих друг на друга в муках романтических разногласий. Они определенно заправились текилой перед этим, насколько я мог судить по запаху и заплетающимся языкам, так что эмоции там были просто на уровне стратосферы.

Эйден усмехнулся, когда на него нахлынули воспоминания.

— Честное слово, хотел бы я, чтобы это было задокументировано на видео. Сейчас Джоуи — ведущий «Вечерних новостей» одной из кабельных новостных сетей. Если бы его преданные зрители только знали, какая он Королева Драмы³⁴.

— Нет, — непроизвольно ахнул я. — Только не Джо Хэмилл. Пожалуйста. Я же больше никогда не смогу смотреть новости.

— Он самый. Единственный и неповторимый. Еще он любил носить такие крошечные стринги и показывал мне свою задницу в тот год чаще, чем я хотел видеть за всю свою жизнь. Подумай об этом в следующий раз, когда услышишь словосочетание «Новость дня». Придает совершенно новый смысл.

К этому моменту я уже умирал от смеха, и едва мог говорить.

— Хэй, не списывай со счетов крошечные стринги. Однажды я видел их на парне в клубе, и это было адски горячо.

— Я вовсе не списываю их со счетов. Если бы они были на тебе, меня бы, наверное, удар хватил, и я трупом упал на месте. Но это был не ты. Это был мой сосед по комнате, который мог быть одет только во взбитые сливки и спортсмена, и я по-прежнему видел в нем исключительно друга.

Эйден умолк и посмотрел на меня потемневшим взглядом, должно быть, представляя меня в стрингах, потому что его зрачки расширились, а ноздри затрепетали.

Я прочистил горло, чтобы сдержаться и не наброситься на него.

— Так что же случилось той ночью? Когда они ссорились.

— Прямо следом за Маусом вошел еще один парень. Он пытался успокоить его и в то же время снова и снова извинялся передо мной за то, что потревожил посреди ночи. И вот, я пытаюсь успокоить Джоуи, а этот незнакомец пытается успокоить Мауса. Джоуи и Маус поочередно то кричат, то целуются, пока, наконец, Маус не заявляет, что они больше не могут быть вместе из-за решения Джоуи.

— Какого решения?

— Отличный вопрос. Я понятия не имел, о чем шла речь. Маус выскакивает в коридор, незнакомец бросает на меня взгляд, потом закатывает глаза и разводит руками. Мы с ним оба неожиданно расхохотались, что, конечно же, снова вывело Джоуи из себя.

— Незнакомцем был Беннет?

³⁴ англ. **Drama queen (Драма Квин)** — английская идиома, описывающая человека, который устраивает скандалы с целью привлечения внимания либо ведет себя с преувеличенным драматизмом и эмоциональностью.

— Да. Он оказался соседом Мауса по комнате. Следующие два часа мы были посредниками между парнями... погоди... Гас. Того парня звали Гас. Почему я никогда не могу вспомнить его имя? Короче, в конце концов оказалось, что Джоуи признался ему, что хочет пойти на медицинский, а Маус... Гас... решил, что из-за этого они с Джоуи больше не будут видеться. Мы с Беннетом убедили их, что иногда планы меняются, и потом вроде Гас тоже решил пойти на медицинский... В общем, не было никаких причин волноваться по этому поводу посреди ночи в начале первого курса.

Я улыбнулся и сделал еще глоток пива.

— В конце концов Джоуи так и не пошел на медицинский?

— В точку. Они расстались на Рождество. Но мы с Беннетом провели так много времени вместе, пытаясь помирить и успокоить их, что нас это крепко связало.

По выражению лица Эйдена и тому, как Беннет переживал за него, я понял, что они важны друг для друга. Меня остро кольнула неожиданно вспыхнувшая ревность, хотя ее почти мгновенно пересилило чувство благодарности, я был искренне рад, что у Эйдена в жизни есть тот, кто заботится о нем. Но тем не менее, не мог не спросить.

— И вы никогда не...

Взгляд Эйдена стал настороженным.

— Мы попробовали.

— О... — тихий выдох сорвался с губ, и я влип взглядом в этикетку своей пивной бутылки.

Его пальцы коснулись моего лица, приподняв за подбородок.

— Детка, это было глупо и недолго. Поверь, нам с Беннетом гораздо комфортней в роли лучших друзей, чем в какой-либо другой.

— Но...

— Нет. Никаких «но». Беннет с самого начала должен был быть с Зендером. Всегда. Я чертовски рад, что они наконец-то разобрались со своим дерьмом и нашли путь друг к другу. Единственное, в чем я завидовал Зендеру, что у него есть тот, к кому он возвращается домой каждый вечер. Но теперь у меня есть ты. Ведь так? — тихо спросил он. — Ты у меня есть?

Сердце дрогнуло в груди от его вопроса, но я не смог найти слов, чтобы ответить. Подтвердить, что все именно так, что теперь у него действительно есть я. Вместо этого просто подался вперед, перебросив через него ногу и седлая бедра, взял его лицо в ладони, а затем впился в губы поцелуем. Я целовал его так, будто дико изголодался и, по правде говоря, именно так оно и было. Я до одури хотел Эйдена и сделал бы что угодно, лишь бы вновь ощутить вкус его языка и почувствовать прикосновения его рук на своей коже. Сердце кричало ему в ответ, как будто я только что распахнул ящик Пандоры и, наконец, позволил всем вокруг узнать правду.

Его губы казались самым идеальным местом в мире — тем самым, где я должен быть и которое всегда будет приветствовать меня дома. Эйден удивленно ахнул и этот выдох врезался мне прямо в грудь, я тут же скользнул ладонями ниже, положил их ему на шею, удерживая крепче, не давая отстраниться.

Поцелуй стал таким же всепоглощающим, как и все предыдущие за последние десять часов. От него перехватывало дыхание. Мы целовались бесконечно долго, иступленно, не отрываясь друг от друга ни на миг — наши языки проникали друг в друга, а руки жадно искали участки обнаженной

кожи на теле. Лицо, шея, руки... не имело значения. Где бы я ни находил теплое и нежное ощущение его, меня это устраивало.

Прежде чем понял, что делаю, я прижался членом к животу Эйдена и начал вращать бедрами, чтобы ощутить задницей его стояк через плотную ткань джинсов. Каждое движение моего тела заставляло дыхание учащаться, а руки Эйдена сжимали меня все сильнее и крепче.

Внезапно он отстранился, зрачки расширились.

— Эш, пойдем в дом... — попытался он.

— Нет. Здесь. Хочу тебя, — выдохнул я, прикусив ему нижнюю губу и притянув обратно к себе.
— Не могу ждать.

Большие руки крепко обвили меня, ладони не останавливаясь путешествовали по спине, разминая мышцы, пока мы целовались, а потом спустились ниже и вытащили футболку из джинсов, чтобы добраться до голой кожи спины.

— Черт... Эш, черт... — задышавшись, выдохнул Эйден мне в рот.

— Мм-хм...

Я проложил дорожку поцелуев по его челюсти к уху и прихватил мочку зубами, покусывая и пробуя на вкус, прежде чем спуститься чуть ниже и всосать нежную кожу под ухом, оставив на ней метку.

— Эш... — застонал Эйден, когда я потянулся к низу его футболки, чтобы пробраться под нее пальцами. — Нам нужно вернуться в дом... — повторил он, быстро просканировав взглядом пустой пляж, но не пытаясь меня при этом остановить.

Я снова положил ладони на его шею и огляделся по сторонам.

— Я хочу, чтобы это было здесь, Эйден. В этом месте. Быть сегодня утром с тобой... быть с тобой здесь сейчас... Я просто... как будто я снова могу дышать. У меня абсолютно ясная голова и я чувствую, что свободен. Когда мы приехали сюда вчера вечером, я понял, что все в порядке. Я в порядке. И я знаю, чего хочу. Я хочу тебя.

Было заметно, что Эйден не ожидал услышать от меня подобное признание и вместе с тем он явно испытывал облегчение. Мы не обсуждали нашу утреннюю близость, как и то, что она в действительности для нас значила, и, судя по всему, Эйдена тревожила мысль, что произошедшее между нами станет случайной и одноразовой связью. Его вопрос — есть ли я у него — был лишним тому подтверждением. Он боялся, что я пожалею обо всем, что произошло, начиная с той минуты, как он впервые взял меня на кухне. Но у меня не было таких оговорок, и мне нужно было, чтобы он это знал. Мне нужно было, чтобы он понял, что все что я чувствую, я чувствую из-за него. Этот пляж и наш побег из шумного мегаполиса лишь усиливали то, насколько хорошо я себя чувствовал, но именно Эйден был первопричиной всех эмоций и ощущений, бушующих во мне и захлестывающих тело.

В этом не могло быть никакой ошибки и никаких сомнений.

— Пусть смотрят, Эйден, — я коснулся его губ быстрым поцелуем. — Мне плевать. Ты нужен мне.

Я слез с него, расчистил наше место для пикника и лег на одеяло, приглашающе протянув к нему руку.

— Иди ко мне.

Как только он откинулся на спину, я в мгновении ока оказался рядом – целовал, прикасался терся... Это не было красиво, на самом деле, это скорее смахивало на гребанное отчаяние, но мне, честно говоря, было все равно. Наш секс сегодня утром лишь слегка сбил оскомину. Я провел долгие недели, сдерживая желание, которое испытывал к Эйдену, пока оно билось во мне, пульсировало в члене и колотилось в сердце.

Большие, теплые руки Эйдена оказались под моей футболкой, скользнули вниз по спине к джинсам, сжали задницу, и вновь пробежали вверх по позвоночнику. Это чувство было всепоглощающим, в самом лучшем смысле этого слова. Внезапно ткань стала невыносимо мешать. Повинуясь непреодолимому желанию, я отстранился и, стянув футболку, отшвырнул ее в сторону, а затем схватился за низ футболки Эйдена.

Как только мы оказались топless, я непроизвольно вздрогнул от прохладного вечернего воздуха, Эйден снова притянул меня к себе, согревая в своих объятиях, а затем, перекатившись и подмяв под себя, прижал к теплоте отпечатку, оставшемуся на одеяле от его тела.

Я потянулся к ширинке на его джинсах и нащупал молнию, чтобы забраться внутрь и высвободить член.

— О боже... — простонал я, обхватив пальцами твердую толщину. — Черт возьми, как же ты хорош...

— Ммм... — промычал он на ухо, когда его губы коснулись моих волос. — И весь твой.

Эйден спустился поцелуями вниз по шее к груди, задержавшись ненадолго, чтобы лизнуть соски, которые тут же затвердели от холода. Я зашипел и выгнулся навстречу, когда он двинулся поцелуями ниже по животу, пока не достиг тазобедренной косточки, а затем поднял на меня глаза, остекленевшие от желания, и в них мелькнуло что-то похожее на немой вопрос. Я провел пальцами по его волосам и улыбнулся. Эйден расслабился, расстегнул ширинку моих джинсов и стянул их, оставив на мне только боксеры. Мой член настолько отвердел, что оттягивал эластичный пояс от кожи в попытке добраться до Эйдена.

— Пожалуйста, — выдохнул я, как будто это могло заставить его действовать быстрее, — сделай уже *что-нибудь*.

Он проложил поцелуями путь обратно вверх по внутренней стороне моих ног, вызывая гусиную кожу, а потом уткнулся в пах и потерся подбородком о член.

Господи, блядь...

Пальцы судорожно сжались в его волосах, и я выгнулся.

— Пожалуйста... — взмолился я. Мне было плевать, что я напоминаю сломанную пластинку. Я хотел, чтобы он прикасался ко мне везде. И *прямо сейчас*.

На его губах появилась удовлетворенная улыбка, когда он потянулся к поясу боксеров, чтобы полностью раздеть меня.

Черт возьми, наконец-то.

Как только одежды на мне не осталось, Эйден склонился и влажно прошелся языком от основания до самой головки, несильно сжимая бедра руками, а затем со стоном вообрал весь член в рот. Вибрации на коже едва не стали моей погибелью, и я зашипел, выгибаясь ему навстречу, пытаясь толкнуться глубже, ощутить больше.

Руки вновь запутались в волосах Эйдена, пока его пальцы то и дело поглаживающе касались моих ног и бедер, периодически лаская ствол или нежно сжимая яйца в такт движениям рта. Я боялся, что не смогу долго продержаться, но хотел, чтобы он разделил это со мной. Я хотел, чтобы мы вместе разделили наслаждение.

— Подожди... — выдохнул я, пытаюсь подтянуть его к своему лицу.

Зарево позднего полуденного солнца коснулось губ Эйдена, они казались темно-красными и блестящими, щеки порозовели, а глаза пылали.

— Скажи мне, чего ты хочешь, Эш, — выдохнул он хрипло. — Все, что захочешь, твое.

Я положил ладонь на его щеку, изумляясь нежности, прозвучавшей в словах.

— Повернись и дай мне тоже тебя попробовать.

На его лице расплылась улыбка, и он наклонился, чтобы поцеловать меня. Во рту Эйдена еще оставался мой собственный привкус, и меня вдруг накрыл дикий нехарактерный приступ собственничества. Внезапно захотелось, чтобы мой вкус был единственным, который когда-либо окажется у него во рту. Я хотел, чтобы мое обнаженное тело было единственным, к которому он когда-либо прикоснется, а я был единственным человеком, о котором он думает, когда его член тверд и пульсирует, жажда разрядки и освобождения. Я быстро перевернулся, ложась с ним в «шестьдесят девять» и вбирая его толстый член в рот, словно одержимый.

Я хотел абсолютно каждую частичку Эйдена. Хотел заявить на него свои права.

— Черт! — вскрикнул он, когда его член толкнулся мне в горло на втором скольжении. Руки Эйдена сжались у меня на заднице, а щека уперлась в бедро, пока он пытался перевести дыхание. — О боже, я сейчас кончу... — выдохнул он.

Эйден определенно хотел, чтобы мы кончили вместе, потому что его рот изо всех сил трудился, отсасывая мне. Мы работали так хорошо и слажено, как только могли, между выдохами, стонами и рычанием, пока я не ощутил, как поджимаются мои яйца, сигнализируя о скором освобождении.

— Эйден... — прошипел я предостерегающе.

Сильные руки еще крепче сжали мою задницу, и я, на миг выпустив его из губ и выкрикивая имя Эйдена от наслаждения, погрузился глубже в рот, изливаясь ему в горло. Оргазм прокатывался по мне волнами экстаза, и я взглянул вверх, в небеса над нами, вспомнив, что мы под открытым вечерним небом, на пляже, где вокруг нас не было никого и ничего, кроме приливов и отливов океанского прилива.

Судорожно вдохнув еще раз, я повернулся, чтобы довести его, вновь вобрав в рот и одновременно с этим ритмично двигая рукой по стволу. Через несколько мгновений Эйден спустил мне в горло, мягко удерживая при этом мою голову и лаская нежными прикосновениями, которые контрастировали с силой его оргазма.

Спустя пару ленивых ласк, я отпустил его. Поглаживая, провел кончиками пальцев вверх-вниз по ногам, а потом повернулся, чтобы лечь рядом. Он приглашающе раскрыл объятия, и я положил голову ему на грудь, слушая, как неистово стучит его сердце, успокаиваясь после такого напряжения.

Пока пальцы Эйдена легонько двигались вдоль моей спины, я ощущал прохладный ветерок, что скользил по нашей блестящей, покрытой испариной коже.

И не мог вспомнить, когда еще в своей жизни, хотя бы раз, чувствовал себя настолько же живым и свободным.

Глава 19

Эйден

— Поверить не могу, что делаю это, — пробормотал Эш, возвращаясь в спальню с гитарой, спрятанной в футляре. Он был полностью обнажен, но, похоже, ему было все равно. Скорее всего потому, что последние двадцать четыре часа мы почти все делали именно в таком виде, и он уже просто этого не замечал.

А вот я, так уж точно замечал это.

Потому что он был потрясающим.

И я никак не мог насытиться им.

Лежащим на спине в моей кровати, склонившимся над подлокотником дивана, прижавшимся спиной к стенке душа — не имело значения где и как мы занимались сексом, каждый раз это было лучше, чем в предыдущий.

Несмотря на то, что погода выдалась идеальной для прогулок и поездок на велосипедах, мы с Эшем буквально не выходили из дому, начиная с субботнего вечера, то есть того самого пикника... и небольшой шалости на пляже. После взаимных минетов и слов Эша о том, что со мной он будто снова начал дышать, я все равно нервничал, потому что не знал, что между нами будет дальше и к чему мы с ним движемся. Как бы прекрасны ни были его слова, это еще не значило, что он заинтересован продолжать отношения со мной. Все его эмоции и чувства могли быть вызваны лишь сменой обстановки и тем обстоятельством, что он выбрался за город. И я не знал, как попросить его снова провести ночь в моей постели, даже если это означало обычный сон.

Но он избавил меня от этой проблемы.

Стоило нам закончить ужинать, как Эш схватил меня за руку и увлек в ванную, чтобы смыть песок, что остался на нас после того, как мы катались на покрывале днем, а потом, уже вытираясь после душа, обнял меня и между ленивыми поцелуями спросил не против ли я, если он будет спать со мной.

По правде говоря, именно этим мы с ним и занимались ночью.

Просто спали.

И хотя мне не удалось спокойно проспать всю ночь, тем не менее, жуткие кошмары меня не мучили. Во сне я просто стоял на пляже и смотрел, как мой брат входит в воду, а затем исчезает под чернильной поверхностью. Я даже не пытался идти за ним. Проснулся с отвратным ощущением, будто меня сейчас вырвет, но, к счастью, смог взять себя в руки, как только осознал, что на мою грудь давит чья-то тяжесть.

Эш.

Мой прекрасный, идеальный, сильный Эш.

Мне удалось заснуть снова, и в следующий раз, когда я проснулся, пробуждение оказалось куда более приятным. А именно с ощущением восхитительного рта Эша, обхватившего мой член. После того, как выстрелил ему в горло, испытав оргазм длиною, кажется, в вечность, я предложил отплатить тем же, но Эш лишь застенчиво улыбнулся. А когда он сказал, что все в порядке, но нам, вероятно, следует сменить простыни, я рассмеялся и подтащил его к себе, чтобы крепко поцеловать.

Мы поменяли постельное белье, но не упустили возможности заняться сексом во второй раз за утро прямо в прачечной. Поскольку у меня не было с собой презерватива, на этот раз пришлось довести нас обоих фроттом³⁵ прямо на твердом полу.

Эшу очень понравилось.

Нам обоим очень понравилось.

Весь оставшийся день, что бы мы ни делали, достаточно было лишь одного взгляда, чтобы понять друг друга. Я знал, что Эш должен испытывать болезненную чувствительность в определенной части тела, но он ни разу не пожаловался, наоборот, умолял меня взять его снова.

К концу дня я упомянул, что скоро придется возвращаться в город. Рабочая смена в кофейне начиналась только во вторник, но у меня была запланирована ранняя утренняя встреча с потенциальным клиентом. Всего один взгляд на слегка разочарованное выражение на лице Эша, как я понял, что уже пишу Чейзу, чтобы попросить его провести встречу вместо меня. А когда сообщил об этом Эшу, он повалил меня обратно на диван и таки добился своего. Я взял его, нагнув над подлокотником и толкаясь в него до тех пор, пока он не начал выкрикивать мое имя снова и снова, моля о разрядке и облегчении.

Нам удалось перестать трахаться только чтобы приготовить ужин и посмотреть фильм, и хотя я не мог отрицать, что секс с Эшем до одури мне нравится, простой просмотр телевизора с ним, пока он тесно прижимался к моему боку, запечатлелся в моей памяти на всю оставшуюся жизнь.

Сексуальные Олимпийские игры продолжились ночью, и, несмотря на то, что нам нужно было немного поспать, мне наконец удалось убедить Эша сделать для меня кое-что, к чему я мягко, но настойчиво подталкивал его довольно длительное время.

Я попросил его сыграть мне на гитаре.

Точнее, попросил сыграть ту самую песню, которую он написал для меня после нашего первого свидания.

Эш несколько раз отказывался, бормоча какие-то самоуничижительные замечания о том, что недостаточно хорош – замечания, которые я намеренно игнорировал, чтобы избежать спора – пока, наконец, неохотно согласился и вылез из кровати, чтобы взять гитару.

По пути Эш пробормотал себе под нос что-то о том, что если бы очарование было силой супергероя, то я бы точно правил миром.

— Правда, я полный отстой, — вздохнул Эш, забравшись на кровать и поставив футляр с гитарой рядом с собой.

³⁵ **Фроттаж** (Фрот) — вид непроникающего секса, в частности между мужчинами, заключающегося во взаимном трении партнёров друг о друга членами и яичками.

— Точно лучше всех, кого я знаю, детка, — сказал я с дерзкой усмешкой, которая заставила Эша покачать головой.

И улыбнуться.

Боже, я жил ради его улыбки.

— У меня нет песни, — он щелкнул защелками на футляре. — Не уверен, что все помню.

— Проблема решена, — ответил я, потянувшись к тумбочке, чтобы вытащить из бумажника листок с текстом.

Эш взял потрепанную бумагу и долго изучал ее. Потом перевел взгляд на меня, и без слов стало ясно, он понял, *что* означают все эти мелкие помятости и несовершенства.

Что я читал ее много раз.

Он даже себе не представлял, *как много*.

Я стал так же одержим песней, как и дневником Эша, когда впервые прочел его. Но по совершенно иным причинам. С одной стороны, мне хотелось знать, что для наших отношений значит настолько личный подарок, как написанная для меня песня. Но с другой, Эш тем самым позволил мне почувствовать нечто, чего мне раньше никогда не позволяли. Что отпустить моего младшего брата — нормально. Потому что спустя столько лет я все еще не мог этого сделать. И хотя это никоим образом не облегчило кошмары, читать слова песни, цепляясь за них каждый раз после очередного жуткого сна, походило на то, будто Эш рядом со мной и нашептывает их мне на ухо.

Просит меня отпустить. Говорит, что это нормально.

Что где бы Дэнни теперь ни был, он в безопасности.

Эш положил листок на кровать перед собой и открыл футляр с гитарой, но застыл, когда взглянул на инструмент, улыбка моментально сползла с лица. Я проследил за его взглядом, чтобы понять, что на него так повлияло, и заметил на гитаре светло-голубой конверт. Эш смотрел на него так, словно никогда раньше не видел.

— Эш? — тихо позвал я.

Он оторвал взгляд от конверта, но ничего не сказал. Только побледнел.

— Что это? — я указал кивком на конверт.

Может, письмо от его бывшего? От этой мысли мои внутренности будто вмиг разъело серной кислотой.

— Это от Билли?

— Что? — пробормотал Эш, снова взглянув на конверт, а затем потянулся к нему слегка дрожащими пальцами. — Нет, это не... нет, ничего такого. Я забыл, что положил его сюда. Должно быть, выпало из внутреннего кармана.

Он перевернул конверт, на обратной стороне оказалось его имя и незнакомый адрес. Было трудно разобрать обратный адрес, однако я заметил слова «*Распределение органов*». Любопытство убивало меня, но я молчал. Если Эш захочет чем-нибудь поделиться со мной, он это сделает.

Эш молчал так долго, что я был уверен, он просто замнет всю эту ситуацию. Я уже пытался придумать, как заставить его забыть о грустном моменте и уговорить сыграть для меня, когда он вдруг вздохнул.

— Это от семьи моего донора.

Мой взгляд упал на конверт снова.

— Они прислали тебе письмо?

— Они отправили его в ОСОО³⁶, это организация, которая осуществляет надзор за распределением органов для трансплантации, а те переслали его мне. Я... я не был готов позволить им назвать мое имя семье донора, но сказал, что не против письма.

— Ты читал его?

Эш кивнул.

— Один раз. Когда оно пришло чуть больше года назад.

— Как это было? — я дотянулся до его руки и начал водить по ней кончиками пальцев. Вверх-вниз.

— Тяжело, — признался он. — Очень тяжело.

Эш положил конверт между нами и уставился на него, как будто пытался что-то для себя решить.

— Я не смог его дочитать... потому что начал плакать.

Если бы Эш не смотрел на письмо так, как он это делал, я бы мягко переключил его внимание обратно на нашу первоначальную цель, пошутив о том, что собираюсь вознаградить его любыми сексуальными услугами, если он все-таки сыграет на гитаре для меня.

Но я чувствовал, что в душе у Эша происходит что-то очень серьезное, поэтому приподнял его лицо за подбородок и подождал, пока он сосредоточит внимание на мне.

— Хочешь попробовать прочитать его снова?

Он отрицательно покачал головой.

— Не могу, — тихо прошептал. — Слишком тяжело.

— Хорошо, — негромко произнес я, а затем потянулся к письму, намереваясь вернуть его обратно во внутренний карман футляра. Но Эш вдруг перехватил мою руку, его взгляд снова остановился на конверте.

— Эйден, — он сделал глубокий вдох, — ты бы не мог прочесть его? Вслух?

Его просьба застала меня врасплох, но я быстро кивнул.

— Конечно, как пожелаешь, Эш.

— Только... возможно, я захочу, чтобы ты остановился, — его голос буквально вибрировал от эмоций, а все тело напряглось.

Пару коротких мгновений я спорил с самим собой, стоит ли притянуть его ближе, но что-то в том, как Эш держался, подсказывало мне, что ему необходимо пережить этот момент самостоятельно. Да, я нужен ему рядом, но он не хотел, чтобы я лишил его этой возможности. Ему не нужно, чтобы я защищал его своими объятиями от того, что написано в письме. Как и привык делать по жизни, Эш хотел справиться со всем сам, в лоб.

³⁶ Объединенная сеть обмена органами.

И все же он позволял мне быть частью этого.

Я взял письмо и, не торопясь, вытащил его из конверта, а затем развернул исписанные страницы. Почерк оказался аккуратным и разборчивым, определенно мужским. Я не дал Эшу шанса передумать, потому что знал, что он остановит меня в любой момент, если это станет для него слишком тяжело.

«Человеку, которому доверено заботиться о сердце моей Энни, меня зовут Роберт Колдуэлл, и я живу в Чатеме, штат Нью-Джерси. Надеюсь, это письмо застанет Вас в добром здравии, и Вы не станете возражать, если я обращусь к Вам по, должен признаться, слегка эгоистичным причинам. Видите ли, я хочу рассказать о моей маленькой девочке, моей Энни. Только сейчас, спустя более трех лет после утраты, я принял то, что она больше не возвратится домой. Не бросит небрежно свою куртку на спинку одного из кухонных стульев, не стащит печенье из новой партии, которую только испекла ее мать, не положит руки мне на плечи и не ответит «Лучший день в жизни», когда я спрошу, как прошел ее день.

Я хочу, чтобы Вы знали, что сердце, которое бьется внутри Вас, было одним из самых добрых в этом мире. Что душа, которую оно питало, была щедрой и великодушной. Энни была похожа на солнце – она сияла так ярко, что иногда находиться рядом с ней было почти больно. Не поймите меня неправильно, у нее были свои недостатки, хотя в действительности я не воспринимаю их как недостатки. Она была ужасно упряма и вспыльчива, когда сталкивалась с любой несправедливостью.

Когда она была маленькой, то постоянно спасала животных с улицы. Став старше, Энни решила, что должна спасать и людей тоже. К тому времени, как ей исполнилось тринадцать, она уже определилась, какую программу для выпускников ей нужно будет посещать, чтобы поступить в медицинский колледж. Она надеялась стать педиатром. В день, когда получила письмо из Джона Хопкинса, она спасла свою первую жизнь... ну, если быть точным, девять жизней. Видите ли, Энни ехала на велосипеде в офис к своей маме, чтобы показать ей письмо о приеме. Ее сбила машина...»

С губ Эша сорвался сдавленный звук, и он накрыл рот ладонью. Слезы покатались по его лицу.

Я взял его за руку.

— Хочешь, чтобы я остановился?

Он покачал головой и крепко сжал мою ладонь в ответ.

— Не останавливайся.

Кивнув, я заставил свои увлажнившиеся глаза снова вернуться к письму в руке. Я не отпускал руку Эша, пока читал дальше.

«Энни была малышкой в нашей семье, и учитывая ее четверых старших братьев, не удивительно, что ей часто приходилось сталкиваться с нашей чрезмерной опекой, пока мы пытались оградить ее от суровости мира. Но наша девочка знала, как несправедлива может быть жизнь... и как она драгоценна. Я знаю, Вы думаете, что это мы подарили Вам сердце Энни, но это сделала она сама. Это она приняла решение дать жизнь после смерти с того момента, как узнала, что такое возможно, и она позаботилась о том, чтобы часто напоминать нам о своем желании, потому что хотела быть уверенной, что если когда-нибудь придет время, ее решение не будет омрачено нашим горем. Именно это делало ее сердцем нашей семьи.

Энни была искрой, которая мерцала слишком ярко для этого мира и недостаточно долго. Мне приносит радость знать, что частичка этой искры живет в Вас и восьми других людях,

которых Энни коснулась своей щедростью перед тем, как покинуть нас. Я не собираюсь давить на Вас этим письмом, прося об ответной переписке или встрече. Я понимаю, что возможно Вы к этому не готовы, будь то сейчас или когда-либо в будущем. Мать Энни тоже этого не хотела. Только после смерти Виктории несколько месяцев назад я понял, что пришло время и Энни почтить с миром.

Должен признаться, бывают дни, когда мне трудно передвигать ноги, но у меня есть мои мальчишки, чтобы помочь пройти через это. Просто зная, что Вы и другие люди, которых Энни коснулась своим даром, есть в этом мире, что вы проживаете каждый свой день, радуясь жизни и наслаждаясь ею на полную катушку, приносит мне покой. И хотя мне хотелось бы когда-нибудь снова услышать, как бьется сердце моей дочери, достаточно знать, что она все еще продолжает жить. Пусть искра, которую она оставила, поможет Вам найти путь к выздоровлению и даже больше, и знайте, что моя Энни присматривает за Вами, сейчас и всегда. С уважением, Роберт П. Колдуэлл».

Закончив читать, я потянулся к диспенсеру на тумбочке за несколькими бумажными салфетками и протянул их Эшу. Мне самому тоже требовалась салфетка. Какое-то время мы сидели в задумчивом молчании, а потом я нарушил его.

— Детка, поговори со мной.

Эш глубоко вздохнул и вытер лицо смятыми салфетками, прежде чем посмотреть на меня.

— Он хочет со мной встретиться.

В действительности это не было вопросом, но я все равно кивнул.

— Да, похоже на то.

— Вот почему я больше никогда не пытался читать это письмо, — пробормотал он, забирая его у меня, и осторожно складывая обратно. — Я знал, что он захочет встретиться со мной.

— И тебя это пугает?

Эш кивнул. Он мгновение молчал, а затем прошептал:

— Что, если он узнает, Эйден?

— Узнает что, детка?

— Что я сделал после... с сердцем его дочери, — по лицу Эша вновь побежали слезы. — Я жив, потому что его дочь мертва. Но вместо того, чтобы жить на полную, благодаря этому подарку — этому удивительному, невероятному подарку — я позволил Билли...

Когда он умолк, я придвинулся и обхватил ладонями его лицо.

— Хэй... — негромко позвал я. — Ты не сделал ничего плохого. Ты не прожигал жизнь и не растрачивал впустую то, что тебе подарили. И речь никогда не шла о том, кто заслуживает жить больше — ты или эта бедная девушка. Назови это судьбой, предназначением или Богом, чем угодно, ее смерть была неизбежна с момента появления на свет. Единственное, что она и ее родители, или те люди, которые любили ее, могли сделать — это решить подарить возможность жить другим после.

— Она собиралась стать врачом...

— Перестань, — решительно перебил его я, потому что знал, что он скажет и просто не мог этого вынести. — Знаешь, что я слышал, когда этот человек говорил о своем ребенке? Я слышал, как

он описывает тебя. Твою доброту, твою силу и упорство, твою щедрость, эта искра... это все ты, Эш. Сердце Энни – твое сердце. Возможно, я не знал тебя до трансплантации, но уверен, что и тогда ты был таким же. В мире не существует лучшего человека, чтобы позаботиться о сердце Энни, чем ты.

Эш с болью кивнул и позволил мне привлечь его к груди. Письмо оказалось зажато меж пальцев, как некое утраченное сокровище. Он цеплялся за меня в течение нескольких минут, даже после того, как соленая влага его слез перестала падать на кожу моей руки.

— Пойдем спать, хорошо? — предложил я.

Он покачал головой и осторожно высвободился из моих объятий.

— Нет, я хочу это сделать, — произнес Эш, глубоко вдохнув и потянувшись за гитарой.

Я ощутил в нем какую-то перемену и в моей груди тут же завибрировало чувство гордости. Его неуверенность исчезла, как и стыдливое смущение из-за своих способностей, а их место заняла твердая решимость, и не потому что он пытался мне доказать, что может это сделать. Нет.

Он хотел доказать это самому себе.

Я наблюдал, как он осторожно спрятал письмо обратно во внутренний карман футляра, а затем развернул листок с текстом песни. Когда он потянулся к своему инструменту, это выглядело настолько естественно – то, как он держал гитару на коленях, как пальцы искали струны... Если бы я не знал о том, что связывает его с этой гитарой, гитарой его отца, я бы понял это уже только по тому, как он ее держал. Эш сыграл несколько аккордов, настраивая ее, и я вдруг поймал себя на том, что непроизвольно придвинулся чуть ближе, замерев в предвкушении. Когда он, наконец, остался доволен звучанием, его глаза на мгновение встретились с моими, и он нерешительно мне улыбнулся.

В тот же миг я понял, что это его. Он был рожден именно для этого. Я чувствовал это просто всем своим существом. Мои инстинкты подтвердились уже через мгновение, когда он начал играть цепляющую мелодию, от которой у меня по спине побежали мурашки. И еще до того, как Эш закончил петь первую строчку песни, я знал, что должен сделать.

Я должен найти способ подарить ему его мечту.

Глава 20

Эш

Не знаю, что меня разбудило, но я сразу понял, что в кровати один. В этом не было ничего необычного, особенно учитывая последние два утра, поскольку Эйден оказался жаворонком, если не сказать больше. Впрочем, я не был уверен, что это связано с привычкой рано вставать, скорее с тем, что он просто не в состоянии уснуть после своих бесконечных кошмаров.

Которые преследовали его снова и снова, стоило нам лечь спать.

Взглянув на часы, я понял, что технически все еще ночь, только начало третьего, а значит, проспали мы меньше трех часов.

Мы занимались любовью, а потом я уснул, лежа на его груди. Спустя примерно полчаса как мы вырубались, Эйдену приснился первый кошмар. Он не проснулся, потребовалось всего несколько слов, тихо нашептанных на ухо, чтобы заверить его, что все в порядке, прежде чем он

затих и задремал. Не прошло и часа, как последовал второй кошмар, но Эйден опять не проснулся. Третий кошмар оказался настолько сильным, что во сне он нечаянно столкнулся со мной с груди. Простыни взмокли от пота, он брыкался, пока звал Дэнни, пытаясь сказать ему, что идет. Мне удалось разбудить Эйдена, но он наотрез отказался говорить о своем кошмаре. Вместо этого беспокоился лишь о том, не причинил ли мне случайно вреда. Я принес ему воды, пока он менял простыни, и убедил принять со мной быстрый душ, чтобы смыть пот, в надежде, что теплая вода расслабит его. Эйден был неестественно спокоен, пока я его мыл. Тело отреагировало на мои прикосновения, но мыслями он находился где-то очень далеко.

Когда мы вернулись в постель, он по-прежнему оставался отстраненным, несмотря на мои попытки вовлечь его в разговор, и в конце концов я сдался, положив голову ему на грудь. Моим единственным утешением были его руки, крепко обнимающие меня, пока мы с ним молча лежали. Это последнее, что я помню, перед тем как проснуться в одиночестве.

Я провел ладонью по той стороне кровати, где спал Эйден.

Она была холодной.

Оглянувшись через плечо, проверил, не горит ли в ванной свет, но там было темно. Откинув одеяло, я поспешно выбрался из постели и натянул пижамные штаны с футболкой. Быстро обыскав дом в надежде, что Эйден просто решил спать в другой комнате, чтобы не разбудить меня снова, я понял, что его нигде нет. Мое беспокойство начало расти в геометрической прогрессии, когда я добрался до кухни. На холодильнике не оказалось записки, как в первые пару дней, когда Эйден рано утром уходил на пробежку, и я уже собирался заглянуть в гараж, чтобы посмотреть на месте ли машина, когда мой взгляд вдруг наткнулся на то, что лежало на кухонном столе.

Книга в твердом кожаном переплете.

Книга, которой там не было, когда мы ложились спать.

От одного взгляда на нее мурашки побежали по коже, потому что я уже знал, что это за книга.

Непроизвольно подойдя ближе, провел кончиками пальцев по рельефной надписи на корешке. Она выглядела старой, похоже, раннее издание. Страницы оказались изрядно потрепанными, хотя я не был уверен из-за чего больше – из-за того, что ее часто читали или она в самом деле была настолько раритетной.

Открыв ее, пробежал взглядом по заголовку.

«Таинственный сад».

Книга Эйдена и Дэнни.

Под заголовком имелась короткая надпись, сделанная от руки: *«Дэнни, ты и я против всего мира, приятель. Всегда. Эйден».*

Горло сжалось, когда я провел кончиками пальцев по имени Эйдена.

Мой Эйден.

Мой прекрасный, сломленный Эйден, который тонул на протяжении каждого дня своей жизни с той ночи, когда не смог спасти младшего брата, которого любил больше всего на свете.

Осторожно закрыв книгу, я взял ее в руки, а затем подошел к раздвижной двери, ведущей на пляж. Мне больше не нужно было гадать, где Эйден, потому что я уже это знал. Он был там же, где провел последние пятнадцать долгих лет своей жизни.

Света от полной луны и одинокого фонаря в конце деревянного настила вполне хватало, чтобы я смог отыскать его, стоило только выйти из дома. Ночной воздух окутывал свежей прохладой, пока я спускался на пляж. Заметив, что на Эйдене лишь пижамные штаны, я на миг притормозил, решая, стоит ли вернуться обратно, чтобы захватить плед, но отчаянная потребность немедленно добраться до него пересилила. Я сомневался, что он сейчас вообще ощущает холод.

Книга в руке была невообразимо тяжелой, пока я шел по скользкому песку. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем я добрался до Эйдена, но на самом деле это заняло не больше минуты. Подойдя ближе, я присел рядом и положил руку ему на спину. Его кожа была холодной, и я невольно задумался, как долго он тут уже сидит. Эйден никак не отреагировал на мое прикосновение, даже не взглянул на меня. Его глаза были устремлены на воду. Он подтянул колени к себе и положил на них руки, крепко сжав ладони в кулаки.

Вместо того, чтобы сесть рядом, я немного сместился, чтобы оказаться лицом к нему, а затем опустился на колени меж его слегка расставленных ног. Эйден машинально освободил для меня место и, наконец, посмотрел на меня, но лишь на краткий миг, а потом вновь перевел взгляд на воду. Его лицо находилось в тени, из-за чего было невозможно разглядеть эмоции во взгляде, но это не имело значения. Я и так знал, что увижу. Боль исходила от него практически осязаемыми волнами. Я коснулся его предплечья и устроился на слегка влажном песке. Как бы мне ни хотелось забрать его обратно в дом, я знал, что сначала нам нужно кое-что с чем разобраться.

Когда я уведу Эйдена с этого пляжа, я должен увести его целиком и полностью, и это должно быть окончательно и навсегда.

— Эйден, мне очень нужно, чтобы ты вернулся ко мне, хорошо? — прошептал я, когда он так ничего и не сказал.

Эйден не ответил, и я придвинулся ближе, взяв его лицо в ладони. Прижавшись к его лбу своим, прикрыл глаза.

— Эйден, пожалуйста, детка, вернись ко мне.

Он сделал глубокий вдох, а затем обхватил мое запястье левой рукой.

— Эш... — удалось ему произнести, и это единственное слово порвало меня в клочья. Оно было сказано с такой агонией в голосе, что я ничего не мог с собой поделать.

Книга упала на песок, и я обнял его. Эйден не издал ни звука, когда я прижался к нему. Единственным доказательством того, что он вообще знал о моем присутствии, было прикосновение ладони, которая легла мне на спину. Я держал его в объятиях добрую минуту, молясь всем, кто мог меня услышать, о силе, которая ему понадобится, чтобы пройти через это.

Чтобы мы с ним оба прошли через это.

Заставив себя отстраниться, я снова сел напротив и положил руку ему на щеку. Провел подушечкой большого пальца по скуле, что значительно заострилась с тех пор, как я впервые его встретил. Это был лишь один из множества признаков, служивших доказательством физического истощения Эйдена, стоило кошмарам за последние несколько недель украсть то небольшое успокоение и отдых, которые он еще мог найти во сне.

— Эйден, он не хотел бы для тебя этого, — тихо произнес я и вздохнул с облегчением, когда его взгляд наконец встретился с моим.

— Нет, не хотел бы, — пробормотал он.

— Ты должен отпустить его, детка...

— Я этого не делал, Эш, — перебил он, и его голос слегка дрогнул. — Я не отпускал его. Это сделал он сам.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я в замешательстве.

Руки Эйдена оказались между нами и мое сердце забилося где-то в области горла, когда в одной из сжатых ладоней я заметил смятый лист бумаги. Дрожащими пальцами он принялся разглаживать складки на скомканном тетрадном листе. Но вместо того, чтобы развернуть его, так и протянул мне.

Пришлось отпустить Эйдена, а, когда я пробежал взглядом по тщательно выведенным словам в записке, у меня перехватило дыхание.

Всего два слова.

Два простых, но невероятно мощных слова.

«Прости, Эйден».

— Он оставил это в книге, — пробормотал Эйден, а затем взял книгу в руки. — Вот здесь... — он пролистал ее почти до конца и указал на страницу. — Это была его любимая часть... он всегда заставлял меня перечитывать это место по нескольку раз, когда я читал ему.

Я глянул на абзац, а потом вновь на Эйдена. Казалось, он понял мой неозвученный вопрос, потому что коротко кивнул. Лунного света было достаточно, чтобы я мог разобрать слова в книге и прочитать их вслух.

В отрывке речь шла о том, как один из главных героев, отец, оказался среди голубых цветов у ручья. Когда он осознал, насколько это место удивительное, что-то внутри него начало незаметно высвобождаться на волю, и впервые за долгое время он снова почувствовал себя живым.

Когда я закончил читать, последние слова прозвучали необычайно тихо, повиснув в тишине между нами, что нарушалась лишь ритмичным грохотом набегающих волн.

— Он хотел знать, настоящее ли это место... где растут голубые цветы. Он любил магию таинственного сада, но знал, что она ненастоящая. А вот место с ручьем и незабудками... ему хотелось, чтобы это было реально существующее место, куда он когда-нибудь сможет отправиться, — объяснил Эйден, его голос был тихим и низким. — Я никогда не понимал, через что ему приходилось в действительности проходить. Я думал, что знаю, но это не так.

— Что на самом деле случилось в тот день, Эйден? — спросил я, когда он замолчал.

Учитывая отрывок из книги и записку, которую я все еще сжимал в руке, у меня было ужасное подозрение, что я уже знаю ответ на этот вопрос, но я не мог поверить в это.

Я не хотел в это верить.

— Это произошло через несколько дней после того, как мне исполнилось шестнадцать. Отец подарил мне машину на день рождения, что разозлило маму и отчима, но мне было плевать. В те выходные мы приехали сюда, и я не мог дожидаться, чтобы показать машину друзьям. Я планировал встретиться с ними в субботу днем. Дэнни был очень расстроен и не хотел, чтобы я уходил. Хотел, чтобы я отвез его обратно в город, в Ботанический сад. Он продолжал умолять меня... — Эйден резко умолк и яростно потер глаза.

— Почему он был расстроен? Что-то случилось?

Эйден кивнул. Несколько минут помолчал, а когда заговорил снова, его голос звучал настолько тихо, что мне пришлось склониться ближе, чтобы расслышать слова.

— Дэнни часто дразнили в школе, потому что он был не таким, как все. В ту пятницу какие-то ребята испортили его шкафчик, и один из них сбил его с ног, по-моему. Он не много рассказал о произошедшем. Какой-то засранец порвал экземпляр «Таинственного сада», который нам подарила бабушка, тот самый, который я всегда читал ему. Он был так расстроен из-за этого. Мать пыталась успокоить его, но отчим продолжал повторять Дэнни, что это его вина... сказал, что он должен был постоять за себя. Что если бы он не был таким чертовски странным, другие дети не цеплялись бы к нему все время. Я как раз вернулся домой, когда услышал, как отчим говорит Дэнни все это дерьмо. Я сказал Киту отвалить, а потом отвел Дэнни в свою комнату, пообещав, что все будет хорошо.

Эйден покачал головой и вновь потер глаза. Мне не нужен был свет, чтобы понять, что по его лицу текут слезы.

— Он был так сильно расстроен, что никакие мои слова не смогли его успокоить. В конце концов он уснул прямо в моей постели. На следующее утро мы отправились на побережье. Дэнни ехал с мамой и отчимом. Я ехал один и остановился у книжного магазина, в котором продавалось множество ранних изданий. Я потратил те деньги, что мать подарила мне на день рождения и часть своих сбережений, чтобы купить ему это, — объяснил Эйден, указывая на книгу, которая теперь лежала у меня на коленях. — И подарил ее ему, когда приехал в пляжный домик. Думал, это сделает его счастливым, но он продолжал умолять меня отвезти его в Ботанический сад, — сдавленный всхлип вырвался у него после этих слов. — Я пообещал, что свожу его на следующий день. Он плакал и твердил, что нужно прямо сейчас... а я был таким чертовым эгоистом, Эш... Таким гребаным эгоистом...

Неожиданно Эйден гневно ударил кулаком по песку рядом с собой и, прежде чем я успел что-либо произнести, сорвался.

— Чертова машина! Я предпочел чертову машину брату! — он покачал головой и со злостью сунул пальцы в песок. — Мне хотелось только одного — увидеть лица своих друзей, когда я покажу им ее. Я знал, что всегда смогу загладить вину перед Дэнни на следующий день.

От эмоций сжалось горло, потому что я понял, что мои инстинкты оказались правы.

Пальцы сомкнулись на другой руке Эйдена, той, что была сжата в кулак и бессознательно стучала по бедру, пока он говорил. Не знаю, было ли все дело в моем прикосновении, или в чем-то еще, но Эйден немного успокоился и продолжил.

— Я вернулся домой поздно ночью, было уже за полночь, поэтому прокрался через боковую дверь, чтобы не пришлось выслушивать крики и ругань Кита за то, что я нарушил комендантский час. Тогда я и увидел Дэнни. Он стоял прямо здесь, — пробормотал Эйден, просеивая песок сквозь пальцы рядом с собой. — Просто стоял и смотрел на океан. На нем были только пижамные штаны. Я спросил, что он здесь делает, но он не ответил. Лишь посмотрел... как будто сквозь меня. Он был таким... спокойным. Я сказал, что сожалею о том, что ушел. Он ответил, что все в порядке. И все. *«Все в порядке, Эйден»* ... — Эйден покачал головой. — Я думал, у нас все хорошо. Мы иногда ходили купаться по ночам, хотя и не должны были, так что я решил, что он хочет поплавать. Сказал ему подождать меня, пока я переоденусь. Но он не...

Я прижал кулак Эйдена к своей груди и вцепился в него обеими руками. Поцеловал крепко сжатые пальцы, но говорить ничего не стал. Я уже знал, что Эйден собирается сказать мне, и понимал, что ему необходимо произнести это вслух.

Чтобы признать эту реальность.

— Сны начали сниться в прошлом году. Они снились мне и раньше, сразу после того, как Дэнни... сразу после, — пробормотал он. — Но прошлым летом Беннет чуть не утонул в реке, когда мы были в Колорадо, и кошмары начались снова. Сначала в воде был Дэнни, потом Беннет, потом ты... Однако заканчивались они всегда одним и тем же. Я успевал добраться до вас, но не мог удержать. Не мог спасти. Оказывался недостаточно силен.

— Но что-то изменилось, — предположил я, когда он резко замолчал.

Эйден кивнул.

— Теперь мне снова снится только Дэнни. Уже некоторое время. Во сне он говорит, что ему жаль прямо перед тем, как его рука выскальзывает из моей хватки, и он уходит под воду.

— В действительности все было не так, верно? — тихо спросил я.

Эйден покачал головой и опустил глаза.

— Я все кричал ему, чтобы он подождал меня, что он заплыв слишком далеко... Мы довольно часто здесь купались, чтобы знать, где обычно проходит течение. Дэнни не был хорошим пловцом, но получалось у него неплохо. Я окликнул его, велел плыть обратно, вернуться ко мне, но он не послушался. Я подумал, что он, возможно, меня не слышит. Я плыл, как бешеный, чтобы добраться до него. Но оказался недостаточно быстр. Течение подхватило его, потом меня... Я кричал, чтобы он держался. Но он не издал ни звука... ни единого. Он не звал меня на помощь. Ничего. Я добрался до него как раз, когда он начал уходить под воду, — Эйден глубоко вздохнул, по его щекам текли слезы, и он уже даже не пытался их стирать. — Мне удалось схватить его за руку. Я сказал, что держу его и не отпущу. А потом начал тянуть за собой, следуя по течению, а не против него. Было легче не бороться с ним, и я знал, что мне просто нужно продержаться, пока мы не доберемся до его конца. Я так чертовски устал, Эш... — прошептал он.

— Я знаю, детка, — произнес я, прижимаясь губами к его пальцам.

— Я крикнул Дэнни через плечо, что все будет хорошо. Что ему просто нужно продержаться еще немного, — Эйден покачал головой, а потом накрыл глаза свободной рукой и всхлипнул. — Я продолжал твердить себе, что его пальцы выскользнули. Но это не так. Он их отпустил. Черт возьми, он сам отпустил меня...

Я не смог сдержать собственных слез, когда подался к Эйдену и крепко обнял его.

— Он отпустил... он отпустил...

Эйден повторял эту фразу снова и снова, прижимая руки к лицу. Его тело сотрясала крупная дрожь, пока он плакал.

— Это не твоя вина, — беспомощно прошептал я, хотя не был уверен, что он вообще меня слышит. Любые слова сейчас были настолько несущественны, что я перестал пытаться подобрать правильные фразы и просто держал его в объятиях. Спустя пару минут Эйден затих, и я не настаивал на продолжении, но был рад, когда он заговорил снова.

— Я искал его, как мне казалось, несколько часов, хотя на самом деле это заняло всего минуту или две. Потом поплыл к берегу так быстро, как только мог, и побежал в дом за помощью. Мать кричала на меня, спрашивала, что произошло. Мы стояли на пляже, и я умолял Кита помочь мне найти Дэнни, но он сказал, что уже слишком поздно. Я попытался вернуться в воду, и тогда соседка, услышавшая крики матери, остановила меня. Власти искали его несколько часов, но так и не нашли.

Приехал мой отец, тоже начал кричать на меня, затем плакать. Спрашивал, о чем я вообще думал и как мог быть таким идиотом...

Эйден судорожно вдохнул, втянув в себя необходимый воздух и немного отстранился от меня. Я нерешительно вытер ему лицо, потому что не знал, что еще сделать.

— Что они сказали, когда ты объяснил, что это не был несчастный случай? — спросил я.

— Я не сказал им, — прошептал Эйден. — Я не смог.

— Что... что ты имеешь в виду? — тяжело сглотнул я.

— Я был уверен, что ошибся... что он не отпускал меня. В памяти все было так размыто, что я просто не мог поверить, что он... что он сделал это нарочно. Я убедил себя, что это несчастный случай. Даже после того, как нашел записку в книге, которую он оставил на столе у меня в комнате, я отказывался верить, что это была не случайность. Так было проще.

— Проще поверить, что ты не смог удержать его, вместо того, чтобы думать, что подвел?

Эйден кивнул.

— Но ты ведь знаешь, что это не так, правда? — спросил я, хотя и знал ответ.

— Я бросил его, Эш. Он нуждался во мне, а я бросил его.

— Эйден, это не твоя вина...

— Кроме меня у него никого не было! — гневно рявкнул Эйден. — Я был единственным, на кого он мог рассчитывать в своей жизни.

Он схватил книгу, лежавшую между нами, и чуть не сорвал с нее обложку, открывая ее.

— Всегда были только мы с ним! — ткнул он пальцем в надпись. — Против всего мира! И я, блядь, бросил его! Я не смог его спасти!

У Эйдена вырвался агонический хрип, который был смесью крика и рычания, а затем он гневно швырнул книгу в воду за моей спиной. Я схватил его лицо в ладони, чтобы заставить посмотреть на меня.

— Это не твоя вина! Слышишь меня?!

Он попытался отшатнуться, но я не собирался отпускать его. Я практически заполз к нему на колени, чтобы он не двигался. Это был грязный прием, потому что я знал, что он никогда не сделает ничего, что могло бы навредить мне, не толкнет и не ударит. Его пальцы впились в мои бедра, но он не пытался сбросить меня.

— Эйден, боль, которую он должен был испытывать той ночью, не могла возникнуть из-за одного события. Вероятно, он жил с ней очень долгое время. Даже если бы ты остался с ним, она все равно продолжала в нем расти, и он попробовал бы сделать это, как только перестал справляться. И не важно, оказался бы ты рядом или нет. Он видел для себя только один выход, он видел только один способ обрести тот покой, который нашел герой в его любимой книге. Ты сказал, что он неплохо ладил с отцом и матерью, верно?

Эйден кивнул.

— Они не предполагали, что он может сделать что-нибудь подобное?

— Нет, — тихо произнес Эйден.

— Потому что они этого не замечали. Они были его родителями... взрослыми, но они этого тоже не замечали. Как мог ты увидеть то, чего не смогли они? Тебе было шестнадцать, Эйден. Ты был еще ребенком, — я скользнул пальцами по влажным следам, что остались на его коже. — Ты не подводил его, Эйден.

Он снова начал качать головой, но я положил ладони на его шею и надавил большими пальцами на линию нижней челюсти, останавливая это движение.

— Эйден, ты веришь в Бога?

— Верил когда-то... — пробормотал он уклончиво.

— Я перестал верить после того, как потерял родителей, потому что не мог понять, как Он посмел забрать их именно тогда, когда я больше всего в них нуждался. Но я не переставал верить, что мои родители каким-то образом продолжают присматривать за мной... я должен был за это цепляться. В этом есть какой-нибудь смысл?

Эйден кивнул.

— Если Дэнни где-то там, присматривает за тобой, как мои родители присматривают за мной, думаешь, он нашел тот покой, который искал? Зная, через что ты проходишь?

— Нет, — тяжело вздохнул он.

Боже, он казался таким смертельно уставшим и истощенным, что мне хотелось просто обнять его и никогда не отпускать.

— Это нормально — злиться на него, Эйден. И желать, чтобы все было иначе, тоже нормально. Но не носи больше весь этот груз в себе. Неправильно это или нет, но если есть такое место, как Рай, тогда Дэнни там, и у него есть шанс обрести покой, которого он так сильно хотел. И ты должен обрести его тоже, потому что ты выполнил свое обещание, которое дал ему. Ты был рядом с ним. Ты схватил его за руку и держал изо всех сил. Это все, что ты мог сделать.

Я склонился, чтобы прижаться лбом к его лбу.

— Отпусти его, Эйден. Ты должен смириться и дать ему обрести покой. *Мне* нужно, чтобы ты смирился с этим.

— Я не знаю, как это сделать, Эш. Я не знаю, как отпустить его, — прошептал он и голос был полон слез.

— Я понимаю, детка. Но мы что-нибудь придумаем. Мы разберемся с этим вместе, хорошо?

Он не ответил. Во всяком случае, не словами.

Но когда Эйден кивнул и крепко обнял меня, я понял, что он наконец-то нашел дорогу обратно ко мне.

— Я не отпущу, Эйден, — пообещал я. — Никогда не отпущу тебя.

Он промолчал, лишь снова кивнул в ответ, но мне было все равно.

Этого было достаточно.

Более чем достаточно.

Глава 21

Эйден

Когда мы вернулись домой с побережья, Эш автоматически начал спать в моей спальне, как будто так всегда и было. И пока его теплое тело обнимало меня на протяжении ночи, мне удавалось высыпаться намного лучше, чем до нашей поездки. Не то, чтобы кошмары исчезли – нет, они по-прежнему снились мне каждую ночь – но теперь они отчасти утратили свою реалистичность, став менее долгими и жестокими. Будто бы мое подсознание наконец-то смогло дать мне короткий таймаут.

Тем временем, делить дни и ночи с Эшем тоже было похоже на сон. Я видел, как он расслабляется все больше и больше, постепенно приходит в себя. После того, как он впервые сыграл на гитаре в пляжном домике, Эш обрел уверенность в себе и начал потакать мне, играя всякий раз, когда я просил его, что обычно происходило после ужина, когда мы с ним удобно устраивались на диване.

И он был в этом хорош.

Действительно необычайно хорош.

Конечно, он мне не верил. Но каждый раз, когда Эш играл для меня, я чувствовал отклик глубоко в душе. Это была такая музыка, которая заставляет вас остановиться и ощутить с ней внутреннюю связь, задаваясь вопросом, кто, черт возьми, поет и играет.

Как-то вечером, после того, как он расслабился и дал себе волю, я застал его за восхитительной импровизацией, заметив, как он весь прямо светится. Черт, он просто сиял изнутри.

— Тебе стоит сыграть на каком-нибудь вечере для любителей или типа того, — предложил я.

Я только вошел в гостиную после душа и как раз натягивал чистую футболку.

Эш глянул на меня с огромной улыбкой.

— Нет, я никогда не буду настолько хорош, чтобы выступать на публике, но мне чертовски нравится играть снова. Поверить не могу, что столько времени избегал этого. Возможно, когда-нибудь наберусь смелости и сыграю для небольшой компании. Это может быть даже весело.

В любом случае, это определенно был прогресс, поэтому я решил не давить и не настаивать. Просто подошел к дивану и перегнулся через спинку, чтобы поцеловать его.

— Хэй, — тихо произнес я, захваченный ощущением его теплых губ на своих и уловив запах кофе, пропитавший его кожу.

Глаза Эша прикрылись от удовольствия, но единственным ответом стало мычание в мои губы. После нескольких дразнящих поцелуев, я убрал волосы с его лица и спросил, что он хочет на ужин.

Эш моргнул и снова широко улыбнулся мне.

— Я сделал лазанью. Можно садиться, как только будешь готов ужинать.

— О боже мой, серьезно? А я предположил, что этот изумительный запах идет из соседней квартиры и меня просто разъедала зависть. Пахнет фантастически. Ты готов поужинать прямо сейчас? Не против?

Эш поставил гитару и перелез через спинку дивана, чтобы запрыгнуть мне на спину, как только я развернулся в сторону кухни. Я рассмеялся и инстинктивно обхватил его за ноги, когда он зашептал мне на ухо.

— Только если ты понесешь меня. На полу раскаленная лава.

Кто, черт возьми, этот игривый парень? Кем бы он ни был, я хотел видеть его как можно чаще.

— Раскаленная лава, ха? Мне бы не хотелось, чтобы твои красивые ноги обгорели.

— Именно. Так что до конца дня тебе придется таскать меня повсюду, куда мне будет нужно, — поддразнил он.

— Ну, я планировал пригласить тебя на мороженое попозже, но не уверен, что смогу дотащить твою мужественную задницу до «Big Scoops».

Он крепче обнял меня за шею и провел кончиком языка по краю уха. Мой член тут же оживился, когда дрожь прокатилась волной по всему телу.

— Кто-то в восторге от идеи про мороженое, — провоцирующе прошептал он у моего уха.

Я повернул голову, чтобы поймать его губы своими.

— Кто-то в восторге от горячего парня, который цепляется за его тело.

Эш прижался бедрами к моей пояснице, упираясь в меня своим стояком.

— Черт, детка. Нет. Я не могу. Я умираю с голоду. Пожалуйста, — последнее слово больше смахивало на скулеж.

— Я не предлагаю ничего, кроме еды. Просто разминаю спину после того, как скрючившись сидел над гитарой, вот и все, — солгал он, ощутивее двигая бедрами, потираясь об меня и постанывая. Этот парень точно хотел моей смерти. — Кроме того, ты уже измотал меня, когда вернулся с работы.

— Чувшь собачья, — проворчал я, опуская его на кухонный стул, чтобы достать из духовки лазанью. — Измотать тебя невозможно. Ты как... я не знаю, что. Я слишком устал, чтобы думать. Я еле закончил свою пробежку. У меня ноги были, будто вареные макароны.

— В следующий раз вспомни об этом до того, как решишь трахнуть меня у стены. Я не нежный цветок.

Я поставил нам обоим тарелки с божественно пахнущей пастой, прежде чем вытащить из холодильника уже початую бутылку вина.

— В тот день, когда я окажусь не в состоянии трахать тебя у стены, ты должен будешь вывести меня куда-нибудь и всадить пулю в лоб, — сообщил я ему. — Я лучше брошу бегать.

Эш искренне и мелодично рассмеялся, вонзившись вилкой в свой ужин.

— Как дела на работе? Ты говорил, какая-то знаменитость была близка к принятию решения. Есть новости?

— О, послушай-ка вот что. Томас каким-то образом подружился с одним из помощников, работающих в агентстве талантов, и она сказала, что мы их топ-выбор. И, очевидно, агента так впечатлила наша презентация, что они планируют пригласить к сотрудничеству еще нескольких знаменитостей и подписать с нами контракт.

Лицо Эша просияло.

— Черт, Эйден! Это фантастика, — он подался вперед и схватил меня за шею, чтобы притянуть к себе и поцеловать. На его губах чувствовался вкус вина, а его великолепные глаза оказались прямо передо мной. И в них сверкало что-то вроде гордости.

Эш гордится мной? Эта мысль согрела всего меня изнутри.

— Да, — признался я. — Это захватывающе. Знаешь, я особенно рад за Чейза. Это настоящая победа для него.

— Что ты имеешь в виду? Она его клиентка? В смысле, это он ее нашел?

Я покачал головой и прожевал, прежде чем ответить.

— Нет. Но я чувствую, что он беспокоится, будто его считают неспособным для такой работы. Он молод и, думаю, легко позволяет подобным мыслям пускать ростки у себя в сознании. Поэтому подписание контракта с серьезным клиентом в определенном смысле придаст ему некий деловой авторитет.

— Как вы, ребята, оказались в бизнесе вместе?

— На Чейза постоянно давил его отец, желая, чтобы он связал свою жизнь с законом, но сам Чейз этого в действительности не хотел. Он всегда был очарован коммуникациями и связями с общественностью. Летом, после второго курса колледжа, он прошел стажировку в рекламном агентстве, в котором работал я. Я тогда занимал там должность директора по работе с клиентами, курировал маркетинг и PR для нескольких крупных клиентов, и мой босс позволил Чейзу помочь мне с PR-проектом во время его стажировки. Чейз по уши влюбился в эту работу. В тот момент, когда он набрался смелости внести свой вклад во время мозгового штурма команды, я с уверенностью мог сказать, что у него к этому страсть. И именно она все решила. Он вернулся в колледж и сосредоточился на степени в области коммуникаций и PR. Как только Чейз его закончил, мы решили открыть свое собственное агентство вместе.

Губы Эша растянулись в милой улыбке.

— Почему ты решил начать новое дело вместе с ним, а не просто устроить его в то же рекламное агентство, в котором работал сам?

Я сделал глубокий вдох и шумно выдохнул.

— Это прозвучит так банально и необъективно, — слегка смущенно признался я.

Мы как раз закончили есть и отодвинули тарелки на другую сторону стола. Эш перебрался ко мне, не касаясь пола ногами, и оседлал мои колени, положив ладони на шею.

— Ты его брат, Эйд. Тебе позволительно быть банальным и необъективным.

Я забрался под его футболку, поглаживая вдоль спины, чтобы ощутить как можно больше обнаженной кожи. Эш был просто потрясающим, все чертово время.

— Если бы Чейз начал работать в рекламном агентстве, ему потребовалось бы несколько лет, чтобы начать заниматься самым интересным. В своем собственном агентстве он может приступить к веселью прямо сейчас, — объяснил я. — Я не хотел, чтобы ему пришлось долго ждать. Жизнь слишком коротка.

Эш склонился ближе, его глаза искрились пониманием.

— Ты хотел, чтобы он полюбил это.

— Да, — улыбнулся я в ответ.

— Ты хотел, чтобы он добился успеха, — ласково продолжил Эш.

— Конечно.

— Ты хороший человек, Эйден Вейл, — его губы накрыли мои в поцелуе, и я знал, что если не остановлю его в ближайшее время, мы никогда не покинем квартиру.

— Мороженое, — пробормотал я в его губы. — Оно точно поможет охладить ожог.

— Какой ожог? — спросил он недоуменно.

Я столкнул Эша с колен, так что ему пришлось встать ногами на пол, чтобы не упасть.

— Лава. Шевели задницей, или превратишься в...

— Не говори этого, — засмеялся он.

Я схватил ключи и туфли, прежде чем повернуться к нему.

— ...Пепел³⁷.

Он продолжал закатывать глаза, даже когда мы вышли из квартиры.

* * *

Через неделю после того разговора я решил действовать у Эша за спиной и тайно сговорился с Эмили, предложив ей провести в кофейне квази-аматорский музыкальный вечер. Ее парень, Ламонт, играл на контрабасе вместе со своим другом, который аккомпанировал ему на саксофоне, а сама Эмили обладала потрясающе классным вокалом и иногда присоединялась к ним. Я надеялся, что небольшая компания знакомых лиц станет хорошей аудиторией для первого публичного выступления Эша.

Эмили была в восторге от идеи о музыкальном вечере и рекламировала его всю неделю, хотя никто из нас и словом не обмолвился о том, что Эш примет в нем участие. Когда наступил вечер пятницы, Эш помогал расставлять подносы с закусками, которые приготовила Эмили, а я появился в кофейне с его гитарой в футляре.

Как только он увидел с чем я пришел, то моментально застыл на месте, глаза его расширились, и он непроизвольно замотал головой в ответ на мой незаданный вопрос.

Я быстро подошел к нему и, поставив футляр рядом, обнял Эша, привлекая ближе, пока мои губы не коснулись его уха. Я знал, что он не сможет этому сопротивляться. Эмили подмигнула мне из другого конца зала, а Ламонт, сидевший возле широких окон, показал поднятые вверх большие пальцы.

— Грязно играешь, — тихо пробормотал Эш мне в волосы. — Не честно.

— Пожалуйста, детка. Всего одну песню. Для меня.

— Ненавижу тебя, — упрямо сказал он.

³⁷ Игра слов. Имя Эш (англ. Ash) переводится, как пепел, зола.

— Неправда, — я слегка втянул губами мочку его уха и почувствовал, как колени Эша подогнулись. — Уверен, ты просто не можешь быть хуже той маленькой старушки, которая только что вошла сюда с гармошкой.

Эш резко повернул голову к двери, в которую действительно вошла пожилая дама с гармошкой, бубном и какими-то текстурированными палочками в руках.

— Чувак, если даже она может подняться на сцену, то ты уж точно тоже сможешь это сделать, — бросил я ему вызов. — Разве кое-кто не говорил мне недавно, что он не нежный цветок?

— Отлично. Но когда меня освистают, и никто не захлопает, ты будешь должен мне пятьдесят ирисок Эмили, чтобы утолить мои печали, — он становился таким чертовски милым, когда насупливался.

— А если они полюбят тебя и будут умолять исполнить еще одну песню? — поинтересовался я.

— Пфф... Если это произойдет, то я буду делать тебе минет два раза в день в течение следующего месяца.

Он ушел, чтобы проверить не нужна ли помощь Эмили, бормоча себе под нос что-то про настойчивых, вмешивающихся бойфрендах, но все, о чем я мог думать, это обещанные им двойные минеты, которые, я точно знал, выиграю к концу вечера. Я нашел себе место и стал ждать.

Разумеется, я оказался прав, все пришли в восторг от Эша. В ту же минуту, когда его дрожащие, вспотевшие руки соприкоснулись с гитарными струнами, Эш, казалось, обрел внутреннее спокойствие, перестав замечать все вокруг. Музыка просто лилась из него, и в ней было столько же души, как и когда мы были с ним одни.

Ламонт в неверии уставился на меня, распахнув от изумления рот. Эмили тут же разрыдалась, и еще несколько их друзей, с которыми мы иногда общались, посмотрели на меня с приятным удивлением во взгляде.

Я даже выразить не мог, как сильно горжусь Эшем. Когда он продолжал играть песню за песней по просьбе аудитории, я не мог не думать о том, насколько он изменился с тех пор, как я впервые увидел его в этой самой кофейне. К тому моменту, как он сыграл свой последний аккорд, я был так счастлив и горд, что понял, — вероятно, это именно я буду делать ему двойные минеты каждый день в течение месяца.

Эш вышел из своего транса, пока прятал гитару обратно в футляр, и первое, что он сделал потом, это обвел комнату взглядом, чтобы найти меня. Его глаза сияли от счастья. Эш коснулся ладонью вначале сердца, потом поднес пальцы к губам и послал мне поцелуй.

У меня перехватило дыхание.

Иисус-гребаный-Христос.

Я люблю его.

* * *

После того, как мы задержались, чтобы помочь Эмили прибраться, Эш согласился сходить со мной на поздний ужин и отпраздновать свой музыкальный дебют. Гитару мы оставили в служебной комнате кофейни и отправились оттуда сразу в ресторан.

Я повел его в стейк-хаус под названием «У Карло», который был одним из любимых заведений моей матери. Я не был там уже как минимум год, но знал, что это место понравится Эшу.

Мы как раз устраивались в кабинке, сделав по глотку принесенных официантом напитков, когда я поднял глаза и увидел человека, нерешительно приближавшегося к нашему столику. Сердце сжалось в груди.

— Эйден, — поздоровался мужчина, переводя взгляд с Эша на меня и обратно, прежде чем отступить на полшага, явив женщину рядом с собой.

Я не узнал даму в годах, которая была его спутницей, но сам мужчина был мне знаком так же, как мое собственное отражение в зеркале.

Мой отец.

Эдвард Вейл.

Глава 22

Эш

Перемена, произошедшая с Эйденем, казалась мгновенной. Очевидно, он был знаком с этим человеком, и, взглянув на него лишь мельком, я безошибочно мог сказать, что их связывает.

— Эш, — произнес Эйден, жестко контролируя свой голос. — Это мой отец, Эдвард Вейл. Папа, это Эш Валентайн.

Лицо мистера Вейла расплылось в дружеской улыбке, когда он повернулся, чтобы пожать мне руку.

— Приятно познакомиться, мистер Вейл, — вежливо поздоровался я, подвинув ногу под столом и прижавшись ею к ноге Эйдена, чтобы напомнить ему, что он не один.

Я знал, что Эйден не особо близок со своим биологическим отцом, но никогда не настаивал на подробностях. Вспомнив, как он рассказывал мне о том, насколько зол был на него отец после смерти Дэнни, я задумался, не стала ли боль из прошлого причиной той дистанции, которая до сих пор разделяла их.

— Взаимно, — негромко ответил Эдвард, не сводя глаз с Эйдена.

В воздухе повисло неловкое молчание, когда пожилой мужчина уставился на своего сына, ощутимо при этом нервничая, в то время как Эйден, в свою очередь, отказывался смотреть ему в глаза. Эдвард наконец вспомнил о женщине, стоявшей рядом с ним, и виновато взглянул на нее.

— Это моя жена, Лоретта, — он обнял женщину за талию и ласково улыбнулся. — Лоретта, это мой сын, Эйден, и его друг... — лицо Эдварда слегка осунулось, когда он понял, что забыл мое имя.

На самом деле мне было жаль этого человека, потому что я подозревал, что неожиданная встреча с сыном основательно выбила у него почву из-под ног. Уже только по тому, насколько

старательно он пытался держать себя в руках, создавалось впечатление, что подобное поведение для него не характерно.

— Эш, — напомнил я, дружелюбно улыбнувшись женщине в тусклом освещении ресторана.
— Приятно познакомиться, миссис Вейл.

Стоило этим словам сорваться с языка, как Эйден сразу же напрягся. Я отчетливо ощущал напряжение, исходившее от него мощными волнами, но это была его единственная реакция на происходящее.

— Приятно познакомиться, Лоретта, — поздоровался Эйден и сделал глубокий вдох, прежде чем подняться и обнять ее. Разумеется, не самые нежные объятия в мире, но поступок был правильным.

Эдвард выдохнул, и я заметил, что Лоретта тоже расслабилась. Можно было догадаться, что я единственный из всех присутствующих не знаю, что здесь на самом деле происходит. Лоретта заговорила первой.

— Эйден, очень приятно наконец-то с тобой познакомиться. Я так много слышала о тебе от твоего отца.

Эйден бросил взгляд на Эдварда, но промолчал, а когда снова сел, то вытянул ногу, чтобы прижаться к моей под столом.

Эдвард несколько долгих секунд вглядывался в сына, в его глазах застыла боль, но Эйден продолжал упрямо избегать любого зрительного контакта с ним. Пожилой мужчина, казалось, уловил молчаливое послание, потому что откашлялся и пробормотал:

— Я пытался связаться с тобой, Эйден. Надеюсь, что мы сможем поговорить.

— Был занят, — коротко произнес Эйден, хотя его взгляд по-прежнему был прикован ко мне, а в словах отчетливо сквозил безудержный гнев.

Я бросил взгляд на Эдварда и заметил, как он опустил глаза. Жена похлопала его по руке. Не думал, что такое возможно, но мужчина будто съезжился прямо у меня на глазах, уменьшившись в размерах.

— Милый, — тихо произнесла Лоретта. — Нам не стоит мешать им ужинать, — предложила она.

Эдвард кивнул и усилием воли заставил себя чуть расправить плечи.

— Да, конечно, — он снова взглянул на Эйдена. — Было очень приятно увидеть тебя, сынок. Я слышал много хорошего о вашем агентстве. Вы с Чейзом, кажется, неплохо справляетесь. Видел, даже подписали контракт с Бомбардиром Флинном. Это большое достижение...

Я не слышал, что он говорил дальше, потому что в ушах у меня зашумело, и этот глухой рев продолжал расти и расти.

Бомбардир Флинн. Суперзвезда НФЛ, отчаянный защитник, Нью-Йоркский реактивный Бомбардир Флинн. Крупный клиент Эйдена.

И мой бывший бойфренд.

Уильям «Бомбардир» Флинн.

Билли.

Белый шум искажал все звуки реального мира до неузнаваемости, и я чувствовал, как цепенею. Я едва осознавал, что Эдвард и его жена уходят, оставляя нас наедине, а Эйден продолжает молчать. Лишь когда спустя несколько мгновений ощутил его руку на своей, я понял, что он пытается привлечь мое внимание.

— А?

— Ты в порядке? — с беспокойством поинтересовался Эйден.

— Да... да. Все хорошо. Что? — я прищурился, как будто это могло помочь мне понять, что я пропустил. — Прости... Что? — повторил я еще раз.

— Детка, ты точно в порядке? — снова спросил он, беря меня за руку и растирая ее, будто пытался согреть. Я отчаянно надеялся, что он не заметит, насколько липкой и потной стала моя ладонь и, если уж на то пошло, весь я.

— Да, нет... все нормально. Извини, — выдавил я. — Ты в порядке?

Эйден проследил за моим взглядом. Эдварда и его жены уже давно не было.

— Да, — негромко сказал он. — Я не хотел, чтобы это оказалось настолько странно для тебя. Мне правда очень жаль.

— Хочешь поговорить об этом? — спросил я.

Я с уверенностью мог сказать, что он не горит желанием это обсуждать, но вместо того, чтобы отмахнуться от меня, Эйден кивнул, затем собрался с духом и сделал глоток вина из бокала.

— Он обвинил меня в том, что случилось с Дэнни. В смысле, я знал, что он это сделает, потому что я никому не рассказывал, что на самом деле произошло, но...

— Но тебе все равно было важно, чтобы он заверил тебя, что это не твоя вина, — предположил я.

Эйден неприятно рассмеялся.

— Это просто пиздец, верно? Пусть даже я сам чувствовал, что это моя вина, мне не хотелось, чтобы отец думал так же.

Я уловил, как он упомянул о своей вине в прошедшем времени и втайне порадовался этому, но придержал эту мысль при себе.

— Нет, Эйден, это нормально, — я переплел наши пальцы. — Вы никогда не говорили о том, что случилось той ночью?

— Мы вообще больше не разговаривали.

— Что?

— Он задержался после похорон только чтобы сказать мне, что Дэнни погиб по моей вине, а потом ушел. Больше я его не видел, разве что на страницах светской хроники, когда он нашел очередную трофейную жену взамен предыдущей модели.

— Между вами всегда было так?

Эйден покачал головой. Он молчал, когда официантка появилась с нашим заказом. Затем поковырялся в тарелке, но так и не притронулся к еде.

— Мы были очень близки, когда я был ребенком. То есть, он, конечно, постоянно был чрезвычайно занят и все в таком духе, но при этом старался делать все возможное, чтобы находить время для меня и Дэнни. А после того как узнал, что моя мать ему изменяет, все пошло под откос.

— Он не задержался в вашей жизни?

— Он пытался, но мне кажется, ему было трудно находиться рядом с мамой и Китом — парнем, ради которого она бросила моего отца. Он просто все больше и больше погружался в работу. Когда мы виделись с ним по выходным, все было в порядке, но он уже не был прежним. Потом Дэнни умер и... — Эйден покачал головой, но так и не договорил.

— Он сказал, что пытался связаться с тобой... — тихо напомнил я.

Эйден воткнул вилку в картофелину.

— Да, это началось около года назад. В основном, звонки в офис. Просьбы встретиться, оставленные сообщения, что он хочет мне что-то сказать.

— Но ты так и не перезвонил ему.

— Ради чего? Чтобы еще раз выслушать, как я облажался?

— Может быть, он хочет все исправить.

Эйден принялся яростно пилить свой бифштекс.

— Немного поздноватое, — пробормотал он. Затем перестал возиться с едой, отложил приборы и тихо выдохнул: — Прости.

— Не извиняйся, — остановил его я. — Я понимаю.

Я мысленно вернулся к Билли и вспомнил все те разы, когда мне отчаянно хотелось, чтобы он сказал, что сожалеет и при этом действительно имел это в виду. Если бы каким-то чудом Билли появился передо мной сейчас, искренне извиняясь и раскаиваясь, да даже если бы он встал передо мной на колени, не уверен, что смог бы простить. Так что я определенно не мог осуждать Эйдена за его гнев. Он прошел через то, через что не должен проходить ни один ребенок, и, несмотря на свою утрату, его родители должны были понимать, что им нужно обнять своего единственного сына, вместо того, чтобы жестоко отталкивать за то, в чем в действительности не было его вины. Несмотря на сложившиеся обстоятельства. Отец Эйдена поступил даже хуже. Он обвинил одного сына в смерти другого, прежде чем полностью изгнать его из своей жизни. Неудивительно, что Эйден нес на плечах не только тяжкий груз гибели Дэнни.

Меня не удивило, когда Эйден вновь сменил тему, осыпая похвалами сегодняшнее выступление в кофейне. Я заставил себя забыть про Билли и сосредоточился на человеке передо мной. Остаток ужина прошел в непринужденной беседе и, когда пришло время уходить из ресторана, Эйден обнял меня за плечи и наклонился, касаясь уха губами.

— Как считаешь, сейчас самое время напомнить, что ты должен мне сегодня не один, а два минута?

По телу пробежала дрожь предвкушения, я повернул голову и нашел его губы.

— Как будто мне требуется напоминание, умник. Думаешь, почему я отказался от десерта?

Глава 23

Эйден

Следующие несколько недель пролетели как в тумане. На работе творился полнейший завал, поскольку наше агентство готовилось взять на себя четырех именитых клиентов из музыкальной индустрии благодаря стараниям агента Дельфинии, так что мы были по уши заняты подготовкой пиар-кампании и заключением юридических контрактов с каждым из них.

За это время мне каким-то удивительным образом удалось убедить Эша выступить еще на двух публичных мероприятиях. Одним из них стал вечер в местном пабе, что находился в конце улицы неподалеку от нашего дома, а другим – музыкальный фестиваль, на котором каждому желающему предоставлялась возможность сыграть любую композицию в течении нескольких минут.

Собравшаяся толпа одинаково боготворила его и там, и там. И я даже не в силах описать, каково это – стоять в зрительном зале и смотреть, как Эш играет перед всеми этими людьми. Каждый раз, прежде чем начать, он говорил одно и то же.

— Я хочу поблагодарить Эйдена Вейла за то, что он обманом втянул меня в это. И для ровного счета посвятить ему цитату из «Стар Трек».

В толпе обычно раздавались негромкие смешки, прежде чем он продолжал, и каждый раз его цитата была другой.

В самый первый вечер в кофейне он выпалил цитату Доктора Бойса: «Человек либо проживает жизнь как она есть, глядя в лицо трудностям и наслаждаясь моментом, либо отворачивается и начинает чахнуть».

В тот вечер, когда он играл в местном пабе, это были слова Спока: «Похоже, случайность сработала в нашу пользу».

И, наконец, на музыкальном фестивале в парке он смотрел прямо на меня, когда произнес строки Жан-Люка Пикара: «Живи сейчас, пусть настоящее всегда будет самым драгоценным временем. «Сейчас» не повторится больше никогда».

В тот момент я понял, что никогда и ни за что не забуду это чувство. Ощущение правильности, своевременности, ощущение восторга от того, что мне в обладание достался самый ценный дар – его талант и его дружба.

Восторга от того, что люблю его всей душой.

Я будто жил в счастливом пузыре, пока через пару часов после выступления Эша на музыкальном фестивале мы не встретились с Беннетом, Зендером и Лаки. Зендер и Лаки бросали фрисби в поросшей травой части парка, а Беннет лежал на покрывале вместе с их псом Медведем. Был конец мая, день выдался великолепно теплым и солнечным, и я действительно думал, что ничто не сможет испортить мне настроение.

Я ошибался.

Эш положил футляр с гитарой на покрывало и присоединился к игре во фрисби, а я сел рядом с Беннетом и потрепал Медведя за ухом.

— В пятницу вечером у нас прощальная вечеринка, — произнес Беннет.

Я резко повернул голову и уставился на него.

— Что?

Он закатил глаза, но я заметил, как в них мелькнуло сочувствие.

— Ты слышал. Ты все время знал, что мы здесь ненадолго, Эйден. Мы уезжаем в Колорадо, как только закончатся занятия. Зендеру предстоит еще подготовить все для похода первой туристической группы.

— Черт, — пробормотал я. — Я думал, у меня будет больше времени. Этот год пролетел слишком быстро.

Беннет поерзал на покрывале, а затем сел напротив, скрестив ноги.

— Слушай. Я совершенно не горю желанием прощаться с тобой, Эйден, и я больше чем уверен, что Лаки расстроится из-за этого тоже. Так что, я хотел бы, чтобы ты подумал и приехал к нам на вечеринку в честь выхода Гэри на пенсию через пару недель. Тогда мы оба будем знать, что это не прощание, хорошо?

Я вспомнил Гэри, человека, который продал Беннету и Зендеру свой бизнес, связанный с походами по дикой природе. Он невероятно помог мне в ту ночь, когда я узнал, что Беннет чуть не утонул в реке. Гэри застучал меня с бутылкой скотча у себя на туристической базе и точно определил, чем я планирую заниматься всю ночь — пить, пока не перестану представлять Беннета в горной реке, борющимся за свою жизнь. Даже знать, что Беннет выжил, оказалось недостаточно. Воображение все равно живо рисовало голову Беннета, погружающуюся в бурлящий водный поток, да еще и так реалистично, что мне казалось, я могу услышать его крики за миг до того, как он умолкнет, навсегда исчезнув под бушующей водой.

Гэри появился практически из ниоткуда и мягко отобрал у меня бутылку, вместо этого предложив свою компанию в качестве собеседника. А потом два часа слушал, пока я невнятно бормотал о том, как много для меня значит Беннет и его дружба.

Мне хотелось поблагодарить его лично, и даже больше того, хотелось познакомить его с Эшем.

— Хорошо, — улыбнулся я. — Звучит, как план. А теперь расскажи мне об этой вашей прощальной вечеринке. Что мне принести?

На лице Беннета моментально отразилось облегчение. Он рассказал, что они планируют собраться у них дома и напомнил, чтобы я обязательно привел с собой Чейза и Эша. К моменту, когда все детали касательно вечеринки мы обсудили, Беннет поймал меня не сводящим взгляда с Эша.

Тот подпрыгнул, чтобы поймать фрисби, и ткань его футболки задралась, обнажив нижнюю часть живота и восхитительную дорожку волос, ведущую вниз, под пояс. Не далее, чем этим утром, я исследовал ее своим языком, но по какой-то причине временно забыл какова кожа Эша на вкус. Мне срочно нужно было освежить это в памяти. При помощи языка и рук.

— Серьезно? — поддразнил Беннет. — Дай пареньку передохнуть. Его бедная задница, вероятно, уже...

Я резко повернул голову и глянул на него.

— Почему ты пялишься на его задницу?

Беннет так расхохотался, что Медведь тут же поднял голову, желая посмотреть, что происходит. Но как только рука Беннета коснулась его густой черной шерсти и несколько раз погладила, Медведь вернулся к своей полудреме, ворчливо при этом фыркнув.

Выражение лица Беннета смягчилось.

— Расскажи мне. Ты и Эш, да?

Я выдохнул, вновь взглянув на парня, о котором мы говорили.

— Да.

— Ты любишь его?

— Да.

Какое-то время мы сидели молча, просто наблюдая за тем, как мужчины, которых мы любим, веселятся в парке в прекрасный весенний день. Спустя пару минут Беннет все же не удержался.

— Что ты собираешься с этим делать?

Я повернул к нему голову и наткнулся на внимательный изучающий взгляд.

— Хочу ему об этом сказать. Хочу попросить его остаться со мной. Переехать ко мне.

— Разве он уже и так не живет с тобой? — усмехнулся Беннет.

— Да, но тогда это будет по-настоящему. Не потому что у него нет денег или крыши над головой. А потому что мы хотим быть вместе.

Фрисби приземлилось у моих ног, и я поднялся, чтобы бросить тарелку обратно в их сторону, а затем снова сел на одеяло. Зендер крикнул мне «спасибо», а Эш встретился со мной взглядом и послал воздушный поцелуй.

Боже, я становился таким глупым влюбленным дураком из-за него.

— Думаешь, он тоже любит тебя? — смеясь спросил Беннет. — Подожди, подожди. Я даже не могу спросить об этом с серьезным лицом.

Из меня как будто выкачали весь воздух.

— Что ты имеешь в виду? Думаешь, он не может любить меня?

— Что? Нет. Господи, Эйден, — схватил он меня за руку. — Я смеюсь, потому что это глупый вопрос. Конечно же, он любит тебя. Любой, у кого есть глаза, способен это увидеть. Разве ты сам не видишь этого?

— Думаю, да. Но боюсь, что в какой-то момент его мозг прикажет сердцу. Скажет, что любить меня — неудачная мысль.

— Это не так.

— Ему причинили такую боль, Би... То есть, в самом деле сильную боль. Я бы очень удивился, если бы Эш после подобного опыта решился на новые серьезные отношения, — признался я.

— Не узнаешь, пока не поговоришь с ним об этом. Дай ему шанс, ладно?

Лаки налетел на Эша во время игры и толкнул его сильнее, чем ожидалось, отчего тот упал на землю. Не успев сообразить, что делаю, я вскочил на ноги и бросился к нему. А когда оказался рядом, то понял, что он искренне смеется.

— Ты в порядке? — выдохнул я.

— Да. Мы просто играем, — Эш подмигнул мне, и я заметил, как он раскраснелся от игры. Он выглядел настолько счастливым, что это заставило мое сердце биться в груди сильнее и быстрее.

Лаки хлопнул меня по плечу.

— Авв... как мило. Рыцарь Эша в сияющей футболке.

Зендер и Беннет, что стояли позади нас, одновременно рассмеялись в ответ на замечание Лаки, а я сгреб Эша, перекинув его через плечо.

— Черт! Поставь меня, — не прекращая смеялся Эш. — Какого черта ты делаешь?

— Ну, раз уж я рыцарь, тогда ты будешь дева. Я заберу тебя обратно в свой замок и запру в башне, чтобы предаться с тобой греху.

Я дотасил его до покрывала и опустил на него. Медведь возбужденно таявкал и подпрыгивал, пытаясь подобраться поближе, чтобы лизнуть Эша в лицо, а Эш все хохотал, стараясь оттолкнуть морду настырного зверя. Когда они наконец успокоились, я наклонился и поцеловал его в губы.

— Тебе весело? — негромко поинтересовался я между поцелуями, краем уха расслышав, как Лаки на заднем фоне привычно стонет и ноет о противных взрослых поцелуях.

— Очень, — выдохнул Эш. — Еще поцелуев, пожалуйста.

— Всегда с радостью, — я склонился, чтобы снова поцеловать его.

Медведь тут же протиснулся между нами, настаивая на своих собственных поцелуях, а через миг Беннет, Зендер и Лаки присоединились к нам и, рассевшись на одеяле, вытащили несколько бутылок с водой из портативного холодильника.

Зендер повернулся к Беннету.

— Так они приедут к нам?

— Эйден, да, — кивнул Беннет. — Эш, а ты? Не хочешь навестить нас через несколько недель в Колорадо? Там будет вечеринка по случаю выхода на пенсию, которая также будет для нас своеобразной вечеринкой по поводу возвращения, и мы бы очень хотели, чтобы ты познакомился с некоторыми из наших друзей и членами семьи.

Эш знал, что они переезжают, и знал, как я нервничаю из-за предстоящего прощания с Беннетом. Он посмотрел на меня, изогнув бровь.

— Прошу, поехали со мной, — позвал я.

Он, улыбаясь, повернулся к ним.

— Похоже, я еду в Колорадо. Звучит весело. Никогда там не был.

Пока Лаки подробно описывал великолепие Скалистых гор, Зендер встретился со мной взглядом и склонил голову набок, словно желая поговорить наедине.

— Схожу-ка я в уборную, — произнес я.

— Я с тобой, — тут же подхватил Зендер.

На полпути туда он нарушил молчание.

— В общем... э-э... слушай, — нерешительно начал он.

На него было совсем не похоже говорить так неуверенно, особенно со мной. В прошлом году наша дружба началась не очень удачно, но с каждым месяцем мы становились ближе. Зендер согласился переехать в Нью-Йорк на год, пока Лаки не будет окончательно усыновлен Беннетом. Теперь же, когда они переезжали в Колорадо, я был искренне рад за него. Даже несмотря на то, что мне при этом было эгоистично грустно за себя самого.

— Выкладывай, чувак, — засмеялся я.

— Да, ну в общем... Нелегко говорить об этом вслух... дело в том, что... — он глубоко вздохнул и фыркнул, запустив руку в длинные волосы. — В общем, я собираюсь сделать предложение.

Мой рот расплылся в широкой ухмылке, как только он произнес эти слова.

— Да неужто, не шутишь?

— Не шучу. Так что я надеялся сделать это, когда ты будешь рядом, чтобы отпраздновать вместе с нами. Хотел убедиться, что могу рассчитывать на тебя в выходные в Колорадо.

Я остановил поток его речи, положив руку ему на плечо.

— Да. Само собой. Ни за что на свете не пропущу это, Зендер. Я так рад за вас.

— Ну, Беннет еще не сказал «Да», — произнес он, вперившись взглядом в землю у наших ног.

— Ты полный идиот, если думаешь, что он может сказать тебе «нет».

Зендер глянул на меня со слегка застенчивой улыбкой.

— Возможно. В любом случае, я очень на это надеюсь.

Я обнял его и похлопал по спине.

— Я чертовски рад за вас, Зендер. Я серьезно, — заверил я его.

Мы разорвали объятия, широко улыбаясь друг другу, и возобновили движение в сторону туалетов, когда он вдруг вновь повернулся ко мне.

— А как насчет тебя? Когда ты собираешься сделать предложение своему любимому мужчине?

Он кивнул в ту сторону, где сидел человек, которого я любил всем сердцем.

— Хороший вопрос, — сказал я. — Когда-нибудь. Когда-нибудь обязательно.

Глава 24

Эш

Прошло две недели после прощальной вечеринки Беннета, Зендера и Лаки, и мне стало искренне жаль Эйдена. Все трое собрали вещи и уехали в прошлую пятницу, и, несмотря на то, что мы планировали навестить их в предстоящие выходные в Колорадо, я знал, что Эйден скучает по ощущению той близости, когда они с Беннетом жили в одном городе. Так что, я убедил его снова съездить на выходные в пляжный домик, чтобы отвлечь от мыслей об их отъезде. Но теперь мы вернулись в город посреди рабочей недели, и все вновь начало возвращаться в привычное русло.

Я как раз на автопилоте домывал пол в кофейне, потому что согласился взять на себя вечернюю смену Эмили, чтобы она могла пораньше уехать на север штата, где ее бойфренд снял номер в гостинице для празднования их двухлетней годовщины. Когда я поинтересовался, какую годовщину они отмечают – знакомства, первого свидания, или поцелуя – щеки Эмили зарделись, и она нахально заявила мне, что я еще маленький, чтобы знать, что именно они празднуют. Я рассмеялся и поблагодарил ее за множество мысленных образов, вызванных подобным заявлением, а затем обнял и сказал, чтобы она отлично повеселилась.

Пока работал, я не мог не думать о том, что когда-нибудь мы с Эйденем тоже начнем отмечать определенные вехи в наших отношениях – от стандартных юбилеев до мелочей, которые будут только нашими, запомнившимися и дорогими сердцу моментами. У меня уже вошло в привычку записывать эти события в свой дневник, включая наш первый поцелуй с Эйденем и тот удивительный первый раз в пляжном домике, когда мы занимались сексом после того, как он принес мне цветок и приготовил завтрак в постель (который мы, к слову, так и не успели съесть). Я даже сохранил на память такую сентиментальную деталь, как программку с модного показа в стиле «Стар Трек», ставшего нашим первым «не-свиданием», и флаер с музыкального вечера любителей, который Эйден убедил Эмили провести в кофейне, чтобы помочь вернуть мне еще одну утраченную часть меня. Даже ромашка, подаренная Эйденем, навсегда стала гербарием, бережно зажатым меж страниц моего дневника.

Я улыбнулся про себя, когда понял, что такими темпами мне скоро понадобится новый дневник, чтобы отслеживать все то хорошее, что Эйден для меня делает.

Но стоило этой мысли прийти в голову, как реальность тут же грубо вторглась в жизнь.

Какого черта я творю?

Я не могу планировать годовщины. Я не должен сохранять программки и цветы, которые будут напоминать мне о той идеальной жизни, которую я обрел рядом с Эйденем Вейлом.

Это не соответствовало действительности.

Потому что жизнь со мной означала, что Эйден потеряет все. Его брат потеряет все.

Я мог притворяться сколько угодно, но придет время, когда мое прошлое вторгнется в настоящее.

Кого я обманываю? Это уже произошло.

Не далее, чем вчера вечером.

Пока мы смотрели телевизор, Эйден переключал каналы, а затем вдруг остановился на рекламе популярной линейки дорогих наручных часов.

Меня чуть не вывернуло наизнанку, когда лицо Билли мелькнуло на экране, его сверкающие глаза, казалось, смотрели прямо на меня. Я едва слышал произносимые им реплики, пока он рекламировал дорогие часы на запястье, потому что все, на чем мог сосредоточиться, были его руки. Меня прошиб холодный пот, но только когда Эйден упомянул о том, что мы приглашены на вечеринку, которую устраивала компания-производитель часов, чтобы отпраздновать то, что Бомбардир Флинн теперь новое лицо их брэнда, я вышел из оцепенения и практически сорвался, резко выпалив, что буду занят. Эйден глянул так, будто у меня выросла вторая голова, поэтому я высвободился из его объятий и поспешил из комнаты под предлогом, что мне нужно в туалет.

В ванной я потратил добрых десять минут, пытаюсь взять себя в руки, снова и снова плеская в лицо холодной водой. Мне едва удалось сдержать слезы, когда я понял, что просто не смогу

остаться с Эйденом и рисковать тем, что он потеряет свой бизнес из-за меня, потому что именно это и произойдет, если Билли узнает, что я с ним встречаюсь. Он найдет способ, как его уничтожить.

Эйден ждал меня возле дверей ванной и без труда поверил, пока я оправдывался, ссылаясь на головную боль. Я едва не лишился самообладания, когда он обнял меня и коснулся губами лба, а потом велел идти ложиться, а он, тем временем, принесет мне что-нибудь от головы. Я сделал, как он сказал, но все мои благие намерения пошли прахом, стоило Эйдену забраться ко мне в постель и обнять меня, уговаривая поспать.

Я пообещал себе, что прямо с утра начну поиск собственного жилья. Из-за высокой стоимости лекарств и того, что я по-прежнему отдавал Эйдену определенную сумму денег каждую неделю, мне удалось накопить не очень много, но этого должно хватить на дешевую комнату где-нибудь. Правда, стоило мне проснуться в сильном кольце рук Эйдена, крепко обнимающих меня, как я тут же забыл обо всем, кроме того, как хорошо ощущать его объятия.

Я тяжело оперся на швабру и почувствовал ноющую боль в груди.

Сегодня вечером.

Я скажу Эйдену, что мне пора обзавестись собственным жильем сегодня вечером. Может, если я скажу ему, что все развивается слишком быстро, он...

Он что?

Отпустит меня?

Согласится сделать перерыв?

Притормозить?

Я покачал головой в ответ на свои невеселые мысли, несмотря на то, что был один. Нет, Эйден только взглянет на меня и сразу же поймет, что я лгу. За последние несколько недель он стал идеально настроен на мою волну, как и я на его.

Я мог бы просто уйти. Мог бы попрощаться с ним как-нибудь утром, как всегда, только поцелуй был бы чуть слаще, и я обнимал бы его чуть дольше. И еще раз оглянулся бы на него через плечо. Потом взял бы такси до ближайшей автобусной станции и уехал задолго до того, как он придет в кофейню за своей утренней порцией кофе.

— Нет, — прошептал я себе под нос и почувствовал, как запекло в глазах. Непроизвольно крепче сжал кулаки от боли, разрастающейся внутри, представляя лицо Эйдена, когда Эмили скажет ему, что я не пришел на работу.

Он запаникует.

Будет искать меня.

Сойдет с ума от беспокойства.

Даже если я напишу ему, что больше не вернусь, это не остановит его от попыток меня найти.

Потому что он любит меня.

Пусть он ни разу не сказал этого вслух, я знал, что это правда. Я чувствовал это в каждом прикосновении, видел в каждой улыбке, слышал каждый раз, когда он произносил мое имя.

Отчаяние нахлынуло на меня оглушительной волной, но прежде чем я успел придумать, что делать дальше, в кармане зазвонил телефон. Я вытащил его и увидел, что Эйден прислал мне

сообщение. Открыв его, я не мог не улыбнуться, когда на экране появилось изображение журнального столика. Фото было подписано «Вечер кино», и на нем была видна бутылка вина, несколько пищевых контейнеров с едой на вынос из моего любимого тайского ресторана и три DVD «Стар Трек», разложенные веером на журнальном столике.

Вместе с большими босыми ногами Эйдена.

Невольно рассмеявшись, я вытер все еще влажные глаза. С того момента, как я признался ему, что считаю, будто у него самые сексуальные ноги, которые я когда-либо видел, он на протяжении недели начал присылать мне случайные фото своих ног в различной степени оголенности. Эйден называл это «фут порно».

И черт побери, будь я проклят, если это не срабатывало каждый раз.

Я быстро напечатал: *«Буду дома через двадцать минут»* и сунул телефон обратно в карман. Мне еще нужно было убрать стойку, но я решил, что поскольку завтра сам открываю кофейню, то могу прийти немного пораньше и заняться этим с утра.

Я все еще глупо улыбался, потянувшись за шваброй, которую прислонил к одному из столов, когда за моей спиной раздался привычный звон колокольчика, просигналив об открывшейся входной двери, и я понял, что Эмили забыла запереть ее на ключ. Я повернулся, чтобы сказать клиенту, что мы уже закрыты, но за те несколько секунд, которые потребовались мне, чтобы обернуться и открыть рот, я полностью утратил способность говорить. Глядя прямо в ледяные глаза, что только недавно перестали преследовать меня во сне.

— Помню, были времена, когда ты улыбался так только мне, — пробормотал Билли, медленно закрывая за собой дверь.

В этот момент мне хотелось сделать много чего.

Хотелось бежать.

Хотелось решительно стоять на своем.

Хотелось позвонить Эйдену.

Хотелось сказать Билли, чтобы он ушел.

Хотелось приказать себе сделать хоть что-нибудь... что угодно, лишь бы выйти из этого жуткого ступора, оказавшись застигнутым врасплох, будто олень в свете фар.

Но именно так я себя и чувствовал.

Ужас быстро расползался по всем нервным окончаниям вдоль позвоночника, посылая в мозг безмолвные сигналы кричать, бежать, молить о пощаде... но я не мог пошевелиться.

Не мог дышать.

Не мог думать.

Я тупо смотрел, как Билли щелкнул замком на двери, а потом не спеша опустил жалюзи. Он поворачивал планки до тех пор, пока внешний мир не оказался заблокирован, унося с собой тени людей, спешащих куда-то мимо кофейни. Эмили уже закрыла жалюзи на двух больших окнах, так что Билли больше ничего не мешало повернуться ко мне лицом и наслаждаться своей охотой.

А я уже знал, что меня ждет именно это.

Он был тем котом, который готовится вдоволь позабавиться с мышью, что оказалась слишком глупа, чтобы сбежать, когда ей давали такой шанс.

Понятия не имею, где нашел в себе силы, но я открыл рот и смог произнести несколько слов.

— Мы закрыты, Билли.

Это было не совсем то, что мне на самом деле хотелось ему сказать, но, хотя еще пару секунд назад мой мозг медленно реагировал на происходящее, теперь он перешел в полную боевую готовность, активировав режим выживания.

— Мой босс вернется с минуты на минуту, и ей это не понравится...

— Да неужели, Эштон? — пробормотал он, сделав несколько шагов ко мне, а затем вдруг остановился и обвел взглядом кофейню. — Решил разыграть карту «кто-нибудь вернется сюда в любую секунду»? — Билли щелкнул языком. — Если бы ты сказал, что тебя ждет твой бойфренд, я бы поверил охотнее.

Он сделал еще шаг ко мне и снова остановился.

Определенно играя со мной.

— Я помню, каким горячим и возбужденным ты был со мной в самом начале, — легко заметил он. — Практически набрасывался на меня каждый раз, стоило мне войти в дверь.

Понятия не имею, что заставило меня это сделать, но я не стал молчать.

— Я помню все несколько иначе.

В глазах Билли что-то блеснуло, но он сумел подавить это. Он все еще оставался холодным смертоносным Билли, а не тем разъяренным, ослепленным яростью, которого мне нужно было спровоцировать и во что бы то ни стало вытащить наружу. Потому что тот Билли любил громко поорать, и прямо сейчас, по иронии судьбы, именно это казалось мне единственным шансом выбраться из сложившейся ситуации целым и невредимым. Достаточно было, чтобы хоть один человек снаружи услышал гнев и ярость в его голосе, и их беспокойство могло бы трансформироваться в спасительный телефонный звонок или стук в дверь кофейни.

— Как ты меня нашел? — спросил я, небрежно потянувшись за шваброй, которую в какой-то момент выронил. Может быть, если я притворюсь, что раздражен, а не напуган до смерти, то смогу, по крайней мере, достать что-нибудь, что сойдет в качестве оружия...

— Не трожь, — отрезал Билли, прежде чем я успел схватиться за деревянную ручку швабры.

Я замер и заставил себя выпрямиться.

Он был спокоен.

Черт, *слишком* спокоен.

Страх дрожью пробежал у меня по спине. Я машинально сделал шаг назад... и сразу понял свою ошибку, потому что лицо Билли озарила вспышка удовлетворения.

Боже, я был тупой гребаной мышью.

— Эрик, — только и сказал Билли, делая шаг ко мне, потом еще один.

Поскольку я уже продемонстрировал свою слабость, то все, что мне оставалось, это продолжать отступать. Если я сумею сделать так, что нас с Билли будет разделять стойка, то смогу незаметно набрать девять-один-один со своего телефона, пока он все еще у меня в кармане. Если

это не сработает, я смогу рвануть к запасному выходу в задней части кофейни. Кроме этих двух вариантов было еще множество предметов, которые я мог бы использовать в качестве оружия, если понадобится.

Сервировочные подносы.

Кружки.

Черт, я бы даже ложкой придумал как воспользоваться максимально эффективно, если бы пришлось.

— Эрик? — спросил я и покачал головой. — Я бы узнал его, если бы он вошел сюда.

— Поскольку в тот момент какой-то парень увлеченно засовывал тебе в глотку свой язык, подозреваю, ты мало что замечал вокруг.

Черт, только что все стало еще хуже. Единственным положительным моментом из всего этого было то, что он не использовал имя Эйдена, а значит, он, вероятно, не знал, что у меня отношения с его личным PR-агентом.

— Где? — спросил я. — Где он меня видел?

На самом деле мне было абсолютно все равно, где Эрик видел нас с Эйденем, поскольку список мест мог быть достаточно длинным. А Эйден не из тех, кто избегает публичного проявления чувств.

Боже, Эйден. Мне нужно выбраться из этой задницы ради Эйдена.

Я врезался спиной в стойку позади. Оставалось сделать несколько шагов влево, и у меня был бы идеальный шанс...

— Слушай, Билли... — и это было единственное что я успел произнести.

Я даже не успел среагировать, как его рука сомкнулась на моем горле, а потом он приложил меня головой об витрину с выпечкой, стоящую сзади. Я бы закричал, если бы только мне хватило для этого кислорода. Вместо этого вцепился в его запястье, затем попытался добраться до глаз, но он воспользовался свободной рукой, чтобы ударить меня в челюсть. От силы этого удара показалось, что моя голова взорвалась к чертям, и я подозревал, что Билли добивался именно этого. Я был слаб по сравнению с ним, и не мог сопротивляться, когда он потащил меня за стойку, а затем через дверь, ведущую в заднюю часть кофейни. Я пытался нащупать опору под ногами, но Билли был слишком силен. Я попытался закричать, но он грубо схватил меня за горло, так что я не смог издать ни звука.

Я понятия не имел, где мы, пока не уперся спиной в стену рядом с часами в комнате отдыха.

— Вот как все будет, Эштон, — холодно процедил Билли. — Ты соберешь свои вещи, а потом...

— Нет, — оборвал его я, прежде чем он успел закончить. Я медленно покачал головой. — Нет, Билли. Больше нет.

Я попытался подготовиться к следующему удару, но это оказалось нереально. Я отчаянно старался защитить лицо, потом ребра, когда упал на пол. Невозможно было предугадать, куда он нанесет следующий удар. Боль пронзила тело, пока я умолял тьму поглотить меня, но она все не наступала.

Мощные пальцы вцепились мне в волосы, грубо заставляя встать на колени. Я больше не в состоянии был разглядеть багровое от ярости лицо Билли, нависшее надо мной, и не мог понять, о

чем он спрашивает. Но я знал, какие слова он хочет от меня услышать... два слова, которые положат этому конец. Два слова, которые столько раз спасали меня в прошлом.

Прости меня.

Вот только даже если бы я все еще был в состоянии говорить, я все равно не произнес бы их. Этих слов от меня Билли больше никогда не услышит.

Вместо этого я мысленно повторял их Эйдену, а затем и те слова, которые у меня не хватило смелости озвучить ему вслух. Я больше не слышал Билли... все, что я слышал, это как Эйден отвечает мне, что тоже любит меня.

А затем была лишь мучительная агония, мою руку вывернули и выкручивали до тех пор, пока тошнотворный щелчок не прошел все тело. Я закричал от боли и кричал, пока тьма, которую я так ждал, наконец, не поглотила меня, окутав собой полностью.

Разум.

Тело.

И душу.

Глава 25

Эйден

Эш никогда не опаздывал, на него это было не похоже. Он написал мне час назад, что будет дома через двадцать минут, так что я ума не мог приложить, что, черт возьми, его задержало. В начале наших отношений я пытался притормаживать себя всякий раз, когда мое поведение становилось излишне удушающим или контролирующим. Я не хотел, чтобы он сравнивал меня со своим жестоким бывшим или думал, что я каким-то образом слежу за ним. Но как я мог примирить это с необходимостью убедиться, что с ним все в порядке?

Я написал Эшу, стараясь как можно небрежнее поинтересоваться, когда стоит доставать еду из духовки, но ответа не последовало.

Еще через десять минут я не выдержал и позвонил ему. Он не ответил. Тогда я начал беспокоиться по-настоящему. Как долго, по его мнению, я должен ждать, прежде чем сойти с ума?

Наконец, я не удержался и написал Эмили, чтобы спросить, не в курсе ли она, что задержало Эша.

Эмили: *Мы с Ламонтом едем на север. Эш должен был уйти из кофейни самое позднее час назад.*

Я совсем забыл об их планах отпраздновать годовщину, поэтому быстро набрал ответ.

Эйден: *Не волнуйся. Уверен, все в порядке. Повеселитесь!*

А потом еще какое-то время вышагивал по комнате из угла в угол.

Все это время я не выпускал из рук телефон, поэтому попытался занять себя, просматривая и проверяя аккаунты всех моих клиентов в социальных сетях. Когда добрался до аккаунта Бомбардира Флинна, то заметил повышенную активность на его странице.

Бомбардир в больнице!

Бомбардир Флинн не появится в следующем сезоне?

Что случилось с Бомбардиром?!

#МолимсязаБомбардира

Дальше прилагалось нечеткое фото из приемного покоя, на котором Бомбардира запечатлели в заляпанной кровью рубашке. Мое сердце ёкнуло. Блядь. Независимо от того, что задержало Эша, мне срочно нужно было в больницу, чтобы выяснить, что, черт возьми, случилось с нашим самым крупным клиентом.

Я быстро набрал номер Чейза, выключил духовку и выскочил из квартиры. Мой брат как раз должен был вылетать из Лос-Анджелеса, поэтому, как только включилась его голосовая почта, я начал обрисовывать ситуацию односложными предложениями.

— Бомбардир в приемном покое «Маунт Синай». Направляюсь туда. Нам нужно разрулить это. Пока не знаю, что происходит. Сейчас позвоню ему.

Нажав на отбой, я сразу же набрал номер Бомбардира. Ответа не было.

Я снова попытался дозвониться до Эша. Безрезультатно. Оставалось надеяться, что он задержался в кофейне или заскочил куда-то по дороге домой и не слышал своего телефона. Я знал, что он ставит его на беззвучный во время рабочих смен.

К тому моменту, как добрался до больницы, я уже полностью перешел в рабочее собранное состояние, готовый справиться с любой кризисной ситуацией, чем бы это ни было. Я решительно направился в приемный покой в поисках следов присутствия Бомбардира, но не смог отыскать его сразу. Поэтому прошел в отделение чуть дальше, туда, где располагалось большое открытое пространство с лечебными отсеками.

Не переставая внимательно сканировать взглядом оживленное отделение скорой помощи в поисках Бомбардира, я неожиданно заметил знакомое красное пятно, торчащее между занавесками одного из лазаретов. Сердце замерло, а затем подскочило к горлу при виде эмблемы «Стар Трек» на яркой ткани, и я резко остановился. Я едва обратил внимание, как кто-то раздраженно велел мне смотреть, куда я иду, прежде чем они двинулись мимо, вынужденные обходить меня.

Я не ответил.

Потому что не мог оторвать взгляда от этого куска красной материи.

Это просто обман зрения. И никак иначе.

Я не в состоянии был принять реальность того, что вижу.

Но когда усилием воли заставил себя подойти ближе к занавескам отсека, я уже знал, что это правда. И я знал, кому принадлежит этот красный фартук из «Стар Трек». Мне не обязательно было видеть прикрепленную к нему пластиковую табличку с именем.

Ужас сковал по рукам и ногам, когда я дотянулся до шторы.

— Пожалуйста... — прошептал я.

Сначала я не сообразил, кого вижу. Мне отчаянно хотелось верить: то, что в бледной фигуре, неподвижно лежащей на больничной койке, нет ничего знакомого — это добрый знак, но нутром я

чувствовал, что это не так. Это не изменит того, что я уже понял. Что это никакая не чертова ошибка, я *знал* кто лежит на той кровати.

Не помня себя, сделал еще несколько шагов вперед.

Всего мгновение назад я застыл, будто прирос к месту, а теперь стоял рядом с избитым до неузнаваемости телом, что принадлежало человеку, которого я люблю.

Человеку, которому я боялся признаться, что люблю его и всегда буду любить.

— Эш? — прохрипел я, склонившись, чтобы накрыть его правую руку своей, но замер, увидев шину, идущую от кисти к локтю. Я едва заметил, как у меня из рук выпал телефон, пока отчаянно пытался найти на теле Эша хоть одно место, к которому смог бы прикоснуться, лишь бы убедиться, что его кожа теплая.

Если он теплый, все будет хорошо.

Но, как ни старался, оказалось трудно отыскать хотя бы крохотный участок неповрежденной кожи. Руки Эша сплошь покрывали раны и синяки, которые исчезали под короткими рукавами больничной рубашки. Вокруг горла виднелись яркие красные пятна. Его красивое лицо было настолько опухшим, все в синяках и ссадинах, что я по-прежнему не мог найти ни одной знакомой черты, подтверждающей, что это действительно он.

Я слегка коснулся его волос кончиками пальцев. Они казались чуть липкими на ощупь, и я понял, что это скорее всего из-за крови.

В глазах запекло и затуманилось.

— Эш, детка, ты меня слышишь?

Он не ответил, и меня вдруг захлестнула паника. Лишь монотонный звук аппарата, отслеживающего его сердцебиение, не дал мне окончательно сорваться.

Он спал.

Должно быть, он просто спал.

В любую секунду он проснется и все будет в порядке.

— Эш, — прошептал я, склонившись к его уху. — Теперь я здесь, хорошо? Я знаю, ты устал, детка, и тебе не обязательно говорить... но мне нужно, чтобы ты открыл свои красивые глаза. Ради меня. Только на минутку, ладно? А потом сможешь снова заснуть...

Когда он не ответил и не шевельнулся, я крепко зажмурился и прохрипел:

— Пожалуйста, Эш... *Пожалуйста*, не делай этого со мной.

Позади меня послышалось легкое шарканье, и я заставил себя выпрямиться. Молодая женщина в халате слегка нахмурилась.

— Чем я могу Вам помочь?

— Пожалуйста, он... он...

Я не мог заставить себя произнести это вслух. Я даже не был уверен, о чем именно спрашиваю.

Хмурый взгляд медсестры сменился выражением жалости, когда она подошла ближе. В ее руках была капельница.

— Вы член семьи?

Мне удалось покачать головой.

— Он спит, — произнесла она.

Облегчение было мгновенным и ошеломительным, мои колени подогнулись, так что едва удалось ухватиться за поручень кровати, чтобы не рухнуть.

— Почему он не просыпается?

— Сэр, — мягко настаивала медсестра. — Боюсь, если Вы не член семьи...

— Я люблю его, — перебил я. — Я люблю его и должен сказать ему об этом... Мне нужно, чтобы он очнулся и узнал...

Я понимал, что несу бессвязную околесицу, но, казалось, мой разум все еще в ступоре пытается догнать происходящее. Он просто завис на том стоп-кадре, когда я стоял в коридоре, глядя на этот чертов фартук, пытаюсь придумать хоть какой-нибудь предлог, чтобы объяснить, почему эта вещь оказалась здесь, в этом ужасном месте.

— Вы его муж или жених? — поинтересовалась медсестра медленно растягивая слова.

Нет, не медленно.

Намекая.

Я тут же кивнул.

— Его жених, — быстро ответил я.

Медсестра кивнула, удовлетворившись моим ответом.

— Он на сильных успокоительных, мистер...

— Вейл.

— Мистер Вейл. Болеутоляющие, которые он принимает, продержат его какое-то время в состоянии близком к наркозу.

— Что случилось? — я, наконец, отыскал место на его теле, к которому мог прикоснуться. Подушечки моих пальцев легонько черкнули по кончикам пальцев Эша на его сломанной руке.

— Насколько я поняла, кофейню, в которой он работает, сегодня вечером ограбили, когда он как раз запирал входную дверь. Я знаю, что повреждения выглядят пугающе, мистер Вейл, но, к счастью, ни одно из них не угрожает жизни. У него сломана рука, однако операция не потребуется. Врачи подождут пару дней, пока спадет припухлость, а затем наложат гипс. В остальном, это лишь вопрос времени и поддержания его комфорта до тех пор, пока тело само себя не исцелит.

— Ограбили? — качая головой переспросил я.

В этом не было никакого смысла. Какой грабитель станет тратить столько времени, чтобы до полусмерти избить кого-то, не говоря уже о том, чтобы сломать руку жертве? Произошедшему с Эшем существовало только одно объяснение, но прежде чем я успел что-либо произнести, женщина продолжила говорить дальше.

— Все могло быть гораздо хуже, если бы не появился его кузен и не вспугнул грабителя.

— Кузен? — повторил я совершенно ошеломленно.

— Между нами говоря, у грабителя не было ни единого шанса против футболиста НФЛ, не так ли? — произнесла она с легкой улыбкой. — Вашему жениху очень повезло. Мистер Флинн сказал, что ему удалось неслабо отделать того парня, прежде чем он сбежал, так что копы надеются, что нападавший рано или поздно объявится в больнице, потому что ему потребуются медицинская помощь. Возможно, даже здесь...

Из-за глухого рева в ушах я больше ничего не слышал. В меня будто врезался товарный поезд, и я все еще пытался вспомнить как нужно дышать, когда штора внезапно отъехала в сторону и знакомое тело заполнило собой небольшое пространство лазарета.

— Ах, мистер Флинн, а я как раз рассказывала жениху вашего кузена о том, как Вы спасли положение...

— Эйден?

При звуке дрожащего голоса Эша меня захлестнула волна эмоций. Понятия не имею, как мне это удалось, но я смог оторвать взгляд от Бомбардира и посмотреть на Эша. Его глаза заволокло болью, когда они встретились с моими, потом ненадолго переключились на Бомбардира — нет, *Билли*, — а потом он закрыл их и отвернулся.

Но я успел заметить.

Одинокую слезу, скатившуюся из уголка его глаз. Кожа была настолько опухшей и сплошь покрытой синяками, что разглядеть это казалось практически невозможно, но она походила на чертов сигнал маяка. И в ту же секунду все встало на свои места.

Я отпустил пальцы Эша и выпрямился. Медсестра все еще продолжала что-то мило щебетать, слегка смущенно посвящая дифирамбы Бомбардиру, когда я, миновав ее, со всей силы ударил его так, что он отлетел назад, а огромный букет рубиново-красных роз, что он держал в руке, взметнулся в воздух, осыпаясь на пол. Медсестра истошно закричала, пока Бомбардир усиленно пытался устоять на ногах, но я не обращал на нее внимания.

Я игнорировал все вокруг себя.

Потому что в эту секунду мир перестал существовать.

В этот момент я забыл даже об Эше.

Один на один, только я и человек, укравший так много всего у молодого парня, которого, по его словам, любил.

Этот ублюдок понятия не имел о любви.

Эш, которого он якобы лелеял, не существовал. Он был продуктом жестокости этого человека.

Мой Эш был настоящим. Тот самый Эш, который лежал сейчас на больничной койке до полусмерти избитый, был настоящим.

— Какого хера? — заорал Бомбардир, когда из его разбитого носа хлынула кровь, но это было единственное, что он успел сказать, прежде чем я снова ударил его. Мой кулак прошелся по его лицу, Флинн споткнулся, успев схватиться за занавес, окружавший лечебный отсек, и воспользоваться им, чтобы остаться на ногах.

Ровно до тех пор, пока я не ударил его по колену. Он заорал от боли и грохнулся на пол.

Но этого было недостаточно.

Этого было ничтожно мало.

Я жаждал крови... много крови.

Столько же, сколько пролил Эш за последние четыре года. Черт, даже больше. За каждое слово, которым он унижал Эша, за каждый удар, который он наносил, за каждое бессмысленное извинение, которое предлагал после – я хотел его крови, его боли, его страха. Я хотел, чтобы он понял, каково это – не знать, что грядет, не знать, когда прекратятся удары.

И прекратятся ли они вообще.

С этой мыслью я схватил его за шиворот, поднял на ноги и ударил опять. Бомбардир попытался отреагировать слабым ответным ударом, но все было именно так, как я и предполагал.

Этот мудака умел только бить, но не драться.

Я снова и снова наносил удары один за другим, пока он тяжело не рухнул на пол. Прежде чем я успел вновь поднять его, на меня неожиданно навалилось крупное тело. Вес намертво пригвоздил к полу, а затем усилился вдвое, надавливая мне на спину. Вокруг кричали какие-то люди, а через несколько секунд мои руки заломили за спину, и я почувствовал, как вокруг запястий защелкнулись металлические наручники.

Один из полицейских, нависнув надо мной, что-то говорил, но я его не слышал.

Потому что все мое внимание было сосредоточено на Эше.

В какой-то момент ему удалось выбраться из больничной койки, но далеко он не ушел, потому что обессиленно упал на колени прямо возле кровати. Рядом с ним, тоже на коленях и обняв его за плечи, стояла медсестра. Я видел, что она отчаянно зовет на помощь, но, как и копов, не слышал ее.

Потрясенный взгляд Эша встретился с моим на долю секунды, и я понятия не имел, о чем он думает. Меня охватило болезненное отчаяние, когда я понял, что, возможно, теперь он боится меня после того, что я сделал с Бомбардиром – нет, *Билли* – но я не жалел о содеянном.

Я просто не мог об этом пожалеть.

— Помогите ему! — крикнул я медсестре в тот момент, когда копы начали тащить меня прочь из приемного покоя. — Не подпускайте к нему этого больного ублюдка, слышите? Даже близко не подпускайте его!

Я попытался высвободиться из крепкой хватки копов.

— Подождите, прошу, мне нужно убедиться, что с ним все в порядке!

Но полицейские проигнорировали меня, и последнее, что я увидел, когда они выволокли меня, как несколько человек поспешно окружили Эша, чтобы помочь ему вернуться в постель. Я отчаянно пытался поймать его взгляд, встретиться с ним глазами в последний раз, но его глаза были закрыты.

И именно это больше всего на свете пугало меня до смерти.

* * *

Двадцать четыре гребаных часа.

Двадцать четыре гребаных часа Эш предоставлен на милость этому больному ублюдку.

Двадцать четыре часа я расхаживал взад и вперед по тесной тюремной камере, а Билли «Бомбардир» чертов-мать-его-Флинн плел какую угодно историю.

Я был таким конченным идиотом.

Несмотря на приказ офицера полиции сидеть на месте, я поднялся и принялся нетерпеливо мерить шагами комнату, в которой провел последние пятнадцать минут. По какой-то причине на меня не надели наручники, но я знал, что не могу уйти отсюда.

Господи Иисусе, как же я этого не заметил? Как я раньше не догадался? Я чувствовал, что-то странное начало твориться с Эшем с тех пор, как он узнал, что Бомбардир – мой крупный клиент, но списал это просто на нервозность, связанную с новизной наших отношений.

— Черт, — пробормотал я, в отчаянии ударив кулаком по стене.

В этот момент дверь открылась, но на пороге оказался не полицейский. Человек, стоявший в дверях, смотрел на меня со смесью растерянности и праведного гнева.

Мой брат.

Чейз на миг задержал на мне взгляд, затем вошел в комнату и закрыл за собой дверь. В руке он держал два конверта, один был меньшего размера. Я знал, что копы собрали в него мои личные вещи, когда меня оформляли. Чейз молча сел и положил этот конверт на стол. Я нечасто видел брата в ярости, но сейчас сложно было ошибиться. Я опустился на стул напротив него.

— Пока что давай опустим тот факт, что ты воспользовался своим правом единственного телефонного звонка, чтобы позвонить в больницу, вместо того, чтобы связаться со мной, и сосредоточимся на том, что ты только что собственноручно потопил наш бизнес, выбив дерьмо из нашего самого известного и крупного клиента.

— Как ты узнал, что я здесь? — поинтересовался я, чувствуя за собой вину. Я даже не задумывался над тем, как мои действия повлияют на наш бизнес, а ведь мы с Чейзом столько работали, чтобы построить его. Но вместе с тем понимал, что это ничего не изменило бы. Будь у меня шанс, я бы выбивал дерьмо из этого ублюдка каждый чертов раз.

— Ты имеешь в виду, кроме того, что это во всех гребаных новостях? — спросил Чейз. — Мой друг Сэм – полицейский. Он узнал о твоём аресте и позвонил мне. Рассказал какую-то дикую историю о том, как мой брат напал на кузена своего парня, Бомбардира Флинна...

— Он ему не кузен, — вмешался я.

— Мне плевать, кто он такой, — отрезал Чейз. — Единственное, что меня сейчас волнует, это наш бизнес, который вот-вот сгорит синим пламенем, и у нас есть всего один шанс спасти его.

— Что ты имеешь в виду?

Чейз положил на стол второй конверт.

— Это копии. Тебе вручат официальные бумаги, как только оформят все документы.

— Копии чего? — спросил я, открывая конверт.

— Судебный запрет. Два, если быть более точным.

Мои руки на мгновение замерли, перестав возиться с маленькой металлической застёжкой.

— Нет... — тихо произнес я больше самому себе, чем Чейзу. А потом практически разорвал конверт. Вытащив бумаги, бегло просмотрел первую часть, на которой, что совсем неудивительно,

значилось настоящее имя Бомбардира – Уильям Флинн. Я отбросил их в сторону и отыскал имя, указанное на второй.

Эштон Валентайн.

— Нет, — повторил я и пролистал все страницы еще раз, пока не добрался до подписи. Это должна быть подделка, подделка... Но, пробежав взглядом текст вплоть до подписи внизу, я понял, что это не так. Я видел подпись Эша достаточное количество раз, чтобы знать, как она выглядит.

— Его заставили подписать это, — гневно произнес я, отодвигая оскорбительную бумагу.

— Эйден... — вздохнул Чейз.

— Нет, Чейз! — рявкнул я. — Он бы этого не подписал. Ты не видел, что этот ублюдок с ним сделал!

— Я видел его, Эйден.

— Что? — задохнулся я. — Ты видел Эша? Он в порядке? Он очнулся?

— Я видел его и разговаривал с ним.

— Что он сказал? Мне нужен мой телефон, — я нетерпеливо схватил второй конверт с моими личными вещами и поспешно разорвал его, чтобы найти свой мобильный телефон.

Рука Чейза накрыла мою прежде чем я успел включить его.

— Он не хочет говорить с тобой, Эйден.

— Что? — тупо переспросил я, уверенный, что ослышался. — Нет... — не веря затряс я головой.

Чейз выхватил у меня телефон.

— Черт побери, Эйден, ты, блядь, можешь хоть секундочку послушать, что я тебе говорю? Ты как минимум задолжал мне это!

Я кивнул, потому что в конце концов он был прав.

— Бомбардир согласился снять с тебя обвинения, но ты должен держаться подальше от него и от Эша. Никаких контактов.

Я начал снова качать головой, но Чейз проигнорировал меня и продолжил.

— Он также согласился обыграть то, что произошло в больнице. Он скажет, что это были разногласия по поводу лечения его кузена...

— Господи Иисусе, мать твою, — рявкнул я, поднимаясь снова на ноги и принимаясь рассказывать по комнате.

— Он скажет, что расторг контракт с нашим агентством из-за конфликта интересов, но был доволен нашими услугами, несмотря на личные разногласия по поводу лечения его кузена Эша.

— Нет! — огрызнулся я. — Это шантаж! Он пытается любой ценой удержать меня вдали от Эша.

— Эйден... — сказал Чейз так тихо, что я остановился, чтобы посмотреть на него. — Именно Эш и отдал мне копии запретов. Сам. Он сказал, что это его идея. Он также подтвердил, что его травмы и побои – результат ограбления.

Я почувствовал, будто из моих легких выкачали весь воздух, но яростно покачал головой, все еще застряв на мысли, что Эш принял решение вручить мне судебный запрет.

— Он бы этого не сделал. Он не стал бы. Это Билли...

— Билли даже не было в комнате! Он вышел, чтобы принести Эшу воды. Если Эша вынуждали сделать это, то у него был прекрасный шанс что-нибудь мне сказать. Я спрашивал, не нужна ли ему помощь, Эйден!

Я не мог перестать качать головой, но отрицать слова Чейза вслух тоже больше был не в состоянии.

— Мне нужно с ним поговорить, — пробормотал я.

— Сделаешь это и окажешься за решеткой снова. Бомбардир снял все обвинения, но это не значит, что ты не сядешь в тюрьму за нарушение запретительного ордера. Не говоря уже о том, что он может подать в суд на тебя, меня и агентство, — Чейз замолчал и полез в карман. — Эш знал, что ты подумаешь, будто его заставляют, поэтому дал мне вот это. Он сказал, ты узнаешь его почерк.

Чейз достал простой белый конверт и протянул его мне.

Я не хотел брать его.

Когда я не потянулся к нему, Чейз сам распечатал конверт, но стоило вытащить из него листок бумаги, как на стол со звоном выпал ключ.

Ключ Эша.

От моей квартиры.

Я, все еще не веря во все это, потрясенно качал головой.

Какого черта здесь происходит?

Слезы навернулись на глаза, когда Чейз тихо поинтересовался:

— Хочешь, чтобы я прочел его тебе?

Я отрицательно мотнул головой. Это было унижение, которого я просто не мог вынести. Протянув руку, забрал у него письмо, затем опустился на стул и развернул листок. Внизу было нацарапано имя Эша.

Это определенно был его почерк.

Я заставил себя поднять глаза и начал читать.

«Дорогой Эйден!

Я знаю, ты не захочешь верить ничему в этом письме, но это действительно мои слова, и это действительно то, что я чувствую. То, что у нас было, казалось особенным, но я был глупцом, полагая, что смогу так легко отпустить свои чувства к Билли. После всего, что мы с ним пережили. Я знаю, ты просто хотел спасти меня, Эйден, но Билли сделал это давным-давно. Нам с ним еще многое нужно обсудить, но я знаю, что его чувства ко мне настоящие. Он простил меня за то, что я не был достаточно силен, чтобы остаться и бороться за то, чего хочу. Он даже заговорил о том, чтобы сделать камин аут, так что мы наконец-то сможем быть вместе, как и должны были быть всегда.

Прости, что обманул тебя, Эйден. Надеюсь, когда-нибудь ты простишь меня. Пожалуйста, оставь мои вещи у своего швейцара, а Билли позаботится о том, чтобы их забрали.

Я знаю, у тебя будет искушение связаться со мной, потому что трудно принять это, но если я тебе когда-нибудь был небезразличен, то прошу не делать этого. Я видел, что ты сделал с Билли прошлым вечером, это напугало меня.

Действительно напугало.

Я не хочу тебя бояться, так что, пожалуйста, не давай мне повода.

Желаю тебе всего наилучшего, Эйден. Искренне.

Эш»

Перевернув письмо, чтобы не поддаваться искушению перечитать его еще раз, я почувствовал, как к горлу подступает желчь. У меня так тряслись руки, что пришлось положить их на колени. Этого не может быть. Просто не может. Много в письме звучало неправдой, но именно то, чего там не хватало, заставило мое сердце сжаться.

Не было никакого тайного послания.

Даже зацепиться было не за что, чтобы найти доказательства тому, что Эша вынудили написать это.

Ни строчки из дневника, ни слов, которые имели бы двойной смысл. Он даже подписал его своим настоящим именем, а не тем, которое, похоже, предпочитал Билли.

Чейз подтащил письмо через стол, аккуратно сложил его и засунул обратно в конверт вместе с ключом от моей квартиры.

— Прости, Эйден.

Я сидел в оцепенении, ничего не понимая.

— Когда я смогу выйти отсюда?

— Сейчас, — пробормотал Чейз. — Если ты пойдешь к нему, тебя снова арестуют.

Я понимающе кивнул. Несмотря на голос в моей голове, кричащий, чтобы я отправился напрямик к Эшу, мои инстинкты самосохранения были сильнее.

— Ты не можешь ни позвонить ему, ни написать.

Когда я не ответил, Чейз вздохнул.

— Эйден, могу я кое-что предложить?

Я сумел кивнуть, глядя на свои разбитые костяшки. Я напугал Эша. Как он мог подумать, что я хоть пальцем трону его в гневе?

— Завтра ты должен лететь в Колорадо, верно? Из-за той истории с Беннетом и Зендером.

— Будет вечеринка по случаю выхода на пенсию парня, у которого они выкупили бизнес, — кивнул я. — Но на самом деле Зендер собирается сделать предложение Беннету.

Эш должен был лететь со мной.

— Слтай к ним. Проведи время с друзьями. Исчезни из города ненадолго. Мы со всем разберемся, когда ты вернешься.

Я хотел сказать ему нет. Сказать, что не могу оставить Эша. Даже если то, что он написал в своем письме было правдой, он все равно в опасности. Он будет в опасности каждую секунду, проведенную в присутствии Билли. Но внезапно ко мне пришло четкое понимание.

— Он был прав... — прошептал я.

— Кто? — тихо спросил Чейз.

Но я не ответил. Вместо этого мои мысли вернулись к разговору с Эшем на пляже в ту ночь, когда я рассказал ему правду о смерти Дэнни.

«Ты выполнил свое обещание, которое дал ему. Ты был рядом с ним. Ты схватил его за руку и держал изо всех сил. Это все, что ты мог сделать...»

Именно Дэнни отпустил мою руку. Не существует способа спасти того, кто не хочет быть спасенным.

Я не отпускал Эша. Я бы никогда этого не сделал. Однако он сам отпустил меня.

Я не спас его.

Но не потому, что облажался.

— Он отпустил... — прошептал я, больше сам себе, чем Чейзу. Мне удалось сдержать слезы, когда я посмотрел на брата. — Ты прав. Я слетаю в Колорадо, а потом все вернется на круги своя... на круги своя...

Я едва заметил, что несмотря на мое согласие, мой младший брат отнюдь не выглядел довольным.

Глава 26

Эш

— Почему ты не в постели, милый? — Билли без стука распахнул дверь в ванную. — Разве ты не должен ждать, пока медсестра поможет тебе подняться? — поинтересовался он, передвинув стойку капельницы в сторону, чтобы встать рядом со мной.

У меня не было ни малейшего желания отвечать ему, но он, казалось, даже не замечал этого, потому что продолжал говорить практически без пауз.

— Эрик забрал твои вещи утром. Я попросил его нанести визит этому ублюдку, чтобы убедиться, что до него наверняка все дошло, но, похоже, твое письмо сделало свое дело. Сегодня утром мудака свалил из города зализывать раны.

Сердце болезненно дрогнуло в груди, когда я понял, о чем он говорит — Эйден улетел в Колорадо. Мой взгляд задержался на чернеющих синяках вокруг глаз Билли, скользнул по ране на его виске, а затем спустился к разбитой губе. Сломанный нос был полностью заклеен. В отличие от ран, которые Билли нанес мне, его травмы казались незначительными, но я все еще не мог привыкнуть видеть его таким.

Я мысленно вернулся на два дня назад, когда видел и слышал, как Эйден избивал Билли. В письме я написал ему, что испугался в тот момент.

И мне в самом деле было страшно.

Но боялся я *не* Эйдена и уж точно не *за* жизнь Билли.

Нет, я испугался того, что может случиться с *Эйден*ом, но оказался бессилён остановить его. У меня даже не хватило сил его позвать, я практически свалился с больничной койки на пол.

И в конечном итоге произошло именно то, чего я боялся.

Мне каким-то образом удалось прийти в себя через несколько минут после того, как я отключился, как раз когда копы уже выволокли Эйдена из приемного покоя. Билли, как и следовало ожидать, орал всем, кто только соглашался его слушать, что засадит Эйдена за решетку. Я тщетно пытался привлечь внимание Билли в надежде, что смогу его утихомирить, но мне ввели что-то в капельницу на руке, и через несколько секунд сознание поглотила тьма.

Когда очнулся в следующий раз, я был уже в обычной палате, а не в приемном покое, а Билли сидел в кресле рядом с моей кроватью и разговаривал по телефону. Он не заметил, что я проснулся, поэтому я вновь прикрыл глаза, стоило уловить тему его разговора.

Эйден.

— Этот ублюдок сломал мне нос и ребра. Копы хотят, чтобы я приехал в участок и выдвинул обвинения. Они сказали, что Окружной прокурор может даже расценить произошедшее, как преступление. Сукин сын сгниет в тюрьме, — едва ли не с радостью сообщил кому-то Билли.

Я усилием воли проглотил образовавшийся в горле ком, ожидая, когда он закончит разговор. Затем выждал еще несколько минут, прежде чем зашевелиться, давая знать, что уже проснулся.

А потом... я снова превратился в того Эша, которого Билли любил больше всего на свете.

Нуждающегося, благодарного и очень извиняющегося Эша. Я надавил на все нужные места и взял на себя вину за случившееся в кофейне. А затем с готовностью согласился, что нет никакой необходимости посвящать копов в то, что произошло на самом деле. Сказал, что Билли прав, это исключительно наше с ним личное дело. И только когда он склонился надо мной и прошептал на ухо, что любит меня, я сделал то, чего Билли жаждал, как умирающий жаждет следующего вдоха.

Я умолял.

— Билли, пожалуйста, я просто хочу забыть все, что с ним связано, — я даже не осмеливался произносить имя Эйдена вслух. — Это была ошибка... Я все испортил. Не хочу снова проходить через это. Мы можем просто притвориться, что ничего не было? — прошептал я, заставляя себя проглотить слезы.

— Конечно, милый. Ты же знаешь, я все для тебя сделаю.

— Но если ты выдвинешь обвинения, будет суд, верно? — спросил я. — И он расскажет всем о нас с тобой. Он начнет распространять ложь о тебе, чтобы спасти себя.

Билли застыл надо мной и мне потребовалось все мое мужество, чтобы прикусить язык и промолчать, когда он прижал пальцы к синяку на моей щеке. Я знал, это не потому что он злится на меня, а потому что я указал на то, о чем он был слишком глуп, чтобы подумать самому.

— Ты всем скажешь, что он лжет, — произнес он.

Я мотнул головой.

— Нет, Билли, пожалуйста... я просто хочу обо всем забыть. Хочу, чтобы все вернулось к тому, как было. Я... я позабочусь о том, чтобы он держался от нас подальше, если ты... снимешь обвинения. Я знаю, как это сделать.

Потребовалось немного уговоров, но Билли в конце концов согласился, сказав, что сделает все, чтобы я был счастлив. Я подавил чувство невыносимой тошноты и попросил листок бумаги. Написать письмо Эйдену оказалось самой трудной задачей из всех, что я когда-либо делал за всю свою жизнь. Заполнение запретительного судебного ордера на его имя заняло второе место в этом списке. Только внимательно перечитав мое письмо, Билли, казалось, остался полностью удовлетворен его содержанием. Когда неожиданно появился брат Эйдена, Чейз, пришлось повторить вслух все то, что у меня едва хватило сил написать. Даже после того, как слишком уверенный в себе Билли вышел за водой, я все еще придерживался плана и оставался верен своей версии событий, игнорируя разочарование во взгляде Чейза.

Стоило брату Эйдена уйти, как меня все-таки вывернуло наизнанку, и я практически выблевал все свои внутренности. Вернувшись в палату, Билли тут же позвал медсестру, чтобы та помогла мне привести себя в порядок.

Начиная с того момента я соглашался со всем, что Билли говорил мне, и старался ни разу не упоминать имя Эйдена.

Хотя не переставая думал только о нем.

Даже сейчас, когда все тело кричало от боли, а Билли легко водил пальцами вверх-вниз по моей руке, Эйден был единственным, о ком я думал. Неужели, он действительно поверил тому, что я написал в том письме? Мне пришлось сформулировать его так, чтобы все выглядело реалистично, лишь бы Билли купился на него.

Что, если оно получилось слишком реалистичным?

Не важно, потому что это ничего не меняло. Да, моей целью было заставить Билли снять обвинения с Эйдена, но это вовсе не гарантировало того, чего я в действительности хотел. Это не спасет Эйдена. Мне удалось убедить Билли, что разрушив его бизнес, он спровоцирует нездоровый интерес к себе и ситуации в целом, люди начнут задавать неудобные вопросы о том, что на самом деле произошло между ними. Но я прекрасно знал, что в ту же секунду, как только я уйду от Билли, он ни перед чем не остановится. И сделает именно то, что грозился сделать.

А это значило, что мне нужно еще какое-то время продолжать играть по его правилам. До тех пор, пока не заставлю Билли забыть о мести. Когда я уйду от него окончательно и в последний раз, мне нужно быть уверенным, что Эйден останется вне поля его зрения.

— Значит, его отпустили? — поинтересовался я, переступив с ноги на ногу на холодном кафельном полу и встретившись с ним взглядом в зеркале ванной. — Его ни в чем не обвиняют?

Билли покачал головой и провел пальцами по моей сломанной руке. На ней все еще была шина, пока врачи ждали, когда спадет опухоль от перелома, чтобы наложить гипс.

— Нет, но его посадят, стоит ему только нарушить судебный запрет. Он навсегда исчез из твоей жизни, детка.

Удалось кивнуть, хотя я изо всех сил боролся с желанием развернуться и выблевать содержимое своего желудка в унитаз.

Рука Билли внезапно вцепилась мне в волосы.

— Должно быть, ты неслабо впечатлил его, — пробормотал он, подталкивая меня вперед, пока край раковины не уперся мне в бедро.

— Что... что ты имеешь в виду?

— Эрик сказал, что среди твоих вещей оказалась пачка денег в конверте. Несколько тысяч долларов, если быть более точным.

Я сглотнул, потому что понял, о чем он говорит. Это были деньги, которые я отдавал Эйдену за аренду и расходы последние пару месяцев. Те, что копились у него на кухонном столе. Он ни разу не притронулся ни к одному доллару из той кучи.

— Интересно, что такого ты делал, чтобы заработать столько денег... — пальцы Билли крепко сжали волосы, когда он грубо запрокинул мою голову назад.

— Что-нибудь еще? — я не стал уточнять, откуда эти деньги взялись.

— Например, что? — поинтересовался Билли, угрожающе понизив голос.

Я боролся со всеми инстинктами, которые у меня только были, чтобы не задать ему вопрос, задать который умирал от желания.

Была ли там записка?

Я не мог спросить об этом. Не мог, если хотел защитить Эйдена. Я должен оставаться равнодушным. Я должен казаться счастливым Эшем, вернувшимся к единственному человеку, которого люблю.

Нет, Эштоном.

На какое-то время придется вновь перестать быть самим собой, перестать быть Эшем.

— Мой дневник, — пробормотал я. — Это единственное, что я действительно хочу вернуть.

Сказать по правде, это не было ложью, из всех моих вещей меня волновали только дневник и гитара. К счастью, они были в безопасности в кофейне, потому что в тот день, когда объявился Билли, я брал их с собой, чтобы попрактиковаться во время обеденного перерыва для предстоящего выступления на музыкальном вечере открытого микрофона. Я не сомневался, что не увижу тех денег, которые вернул Эйден. Билли забрал все наличные из моего бумажника и кредитку, оставив мне только водительские права и ключ от кофейни, который каким-то образом упустил во время своего обыска. Я понятия не имел, где мой телефон.

Впрочем, это не имело значения.

Звонить все равно было некому.

Казалось, Билли остался удовлетворен моим ответом, потому что его хватка немного ослабла. Губы скользнули по виску, потом щеке.

— Этот ублюдок так просто не сдастся, — прорычал он.

— Почему ты так считаешь? — спросил я. — Он сделал то, о чем мы просили... вернул мои вещи, держится от нас подальше. Уехал из города, ведь так?

Отвращение прокатилось по мне волной, когда Билли ткнул носом в кожу чуть ниже уха.

— Потому что он оставил тебе записку.

С трудом подавив острое желание выпытать у Билли ее содержание, я вместо этого выдавил:

— Не важно. Это ничего не меняет.

Я понял, что дал правильный ответ, когда Билли отпустил мои волосы и нежно погладил их.

— Идиот даже не смог написать приличную «не-бросай-меня» записку, — проворчал Билли, скользая губами по моей шее. — Сказал, не отпускать. Что это дерьмо вообще должно значить?

— Что? — прошептал я. — Он сказал «не отпускать»?

— Ага... *«Не отпускай»*. И все.

Пока Билли говорил, его губы скользили по моей щеке, покрывая поцелуями поврежденную кожу, но я едва замечал это, потому что сердце бешено колотилось в груди.

Не отпускай.

Перед глазами все начало расплываться. Несмотря на ту боль, которую я, несомненно, причинил ему, Эйден все еще хотел спасти меня. И в глубине души я знал, что так будет до конца наших дней. Эйден держал бы меня изо всех сил, если бы только у меня хватило смелости не отпустить его самому.

Я закрыл глаза, и когда немые слезы потекли по лицу, мне было уже все равно.

Он не отпускает.

Я проглотил всхлип.

— Все в порядке, милый, — пробормотал Билли, когда его губы приблизились к моим. — Все кончено.

Я не стал исправлять Билли, но когда он наклонился, чтобы, наконец, прижаться губами к моим в холодной, выложенной кафелем ванной, я не колеблясь отвернулся.

— Да, все кончено, — спокойно произнес я, делая шаг назад.

Более подходящего момента сложно было и представить. Эйден в безопасности от уголовных обвинений, и он послал мне сообщение, что все еще готов держаться за меня. И если он по-прежнему готов держаться за меня в этих бурных водах, то я, черт возьми, уж точно ни за что не отпущу его.

Глаза Билли сузились, и я практически видел, как крутятся колесики в его голове, пока он мысленно догонял происходящее. В следующую секунду он молниеносно схватил меня за сломанную руку, а другой ладонью зажал мне рот, вероятно, чтобы заглушить крик боли, но это движение было вполне предсказуемым. Я ожидал что-то подобное, поэтому, несмотря на агонию, пронзившую все тело, когда он вывернул мою травмированную руку, мне удалось не закричать. Тьма уже сторожила, постепенно заволакивая зрение, но я отчаянно цеплялся за краешек сознания. Тяжело дыша под плотной хваткой Билли, мне удалось подавить стоны, что klokотали в горле, как и слезы боли, которые уже готовы были беспрепятственно скатиться по моему лицу.

— Слушай сюда, ты, неблагодарный маленький засранец...

Я проигнорировал его и дотянулся свободной рукой, чтобы схватить Билли за сломанный нос, а потом с силой крутанул запястьем. Билли хрипло взвыл и оттолкнул меня. Я едва успел ухватиться за край раковины, однако не смог увернуться от кулака, который уже летел на меня. Мне удалось сгруппироваться, чтобы не рухнуть на сломанную руку, но боль все равно была ослепляющей. Я прижался ртом к плечу, пытаюсь заглушить крик, и старался дышать, преодолевая волны боли, окатывающие одна за другой. Билли пнул меня под ребра и выругался, потеряв равновесие в

крохотном и тесном пространстве. Он потянулся, чтобы схватить меня за горло, его другая рука сжалась в кулак.

— Давай же! — прохрипел я. — Ну! Сделай это! Давай!

Мои слова застали его врасплох, и на долю секунды он замешкался.

— Сколько человек видели, как ты сюда вошел, Билли? — хрипло прошептал я, когда его пальцы начали перекрывать мне воздух. — Какую историю ты собираешься рассказать им на этот раз?

В глазах Билли вспыхнул гнев, прежде чем он все-таки отпустил меня.

— Не важно, — он спокойно поправил на себе одежду. — Они купятся на все, что я им скажу.

Билли отступил и осторожно коснулся своего носа.

— Ты только что стоил этому ублюдку его бизнеса, Эштон. Посмотрим, захочет ли он тебя после того, как я с ним покончу.

Я воспользовался унитазом, чтобы подтянуться и сесть, но от этого движения закружилась голова. В какой-то момент капельницу вырвало и теперь по руке текла кровь.

— Эта палка о двух концах, Билли. Держу пари, найдется много людей, которым будет очень интересно услышать мнение твоего *кузена* тоже.

Лицо Билли на мгновение вытянулось, потом он ухмыльнулся и посмотрел на себя в зеркало.

— Продолжай повторять себе это, когда окажешься на улице ни с чем.

И с этими словами Билли ушел. Несколько долгих минут я не двигался, пытаюсь дышать сквозь адскую боль, которая продолжала накатывать на меня мощными волнами. Закрыв глаза в надежде, что меня не вырвет, я в конце концов не смог сдержаться и меня все-таки вывернуло наизнанку, я едва успел вовремя добраться до унитаза. Слезы катились по лицу, когда я неуверенно встал на ноги. Я понимал, что нужно кого-нибудь позвать, чтобы мне помогли... но затем поднял глаза и увидел себя в зеркале. И больше не смог пошевелиться.

Понятия не имею, как долго я простоял там, глядя на свое отражение, но когда наконец нашел в себе силы вновь двигаться, то не для того, чтобы звать кого-нибудь на помощь.

Не для того, чтобы вернуться в постель.

Не для того, чтобы умолять кого-то дать мне то, что уймёт мою боль.

Только одному человеку было под силу сделать это для меня.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем я смыл свежую кровь с лица и руки, а затем прополоскал рот водой. Каждая часть тела адски болела, пока я искал сменную одежду, которую Билли принес днем на случай, если меня выпишут. Это была не моя одежда, но мне было плевать. Она сделала свое дело, я смог одной рукой натянуть спортивные штаны и заправить подол больничного халата за пояс. Надеть толстовку оказалось почти невозможно, но с горем пополам мне это как-то удалось, несмотря на то, что все время приходилось сдерживать рыдания боли.

Не отпускай.

Я повторял про себя слова Эйдена как мантру, снова и снова, пока продевал руку в рукав толстовки, затем натянул капюшон поглубже на голову, закрывая лицо. Я понимал, что будет нелегко сбежать из больницы незамеченным, но разбираться придется по ходу.

Потому что никто здесь не мог дать мне то, в чем я на самом деле нуждался.

Это мог сделать только один человек.

И сейчас мне просто нужно было понять, как до него добраться.

Глава 27

Эйден

— Не против?

Я оторвал взгляд от стакана и сразу узнал мужчину, стоявшего рядом со мной.

— Прошу, — пробормотал я, указав кивком на соседнее кресло. — Джейк, верно?

Он кивнул.

— А ты Эйден, — произнес он, поднимаясь и перегибаясь через стойку, чтобы взять стакан с другой стороны бара. — Друг Беннета.

— Да, — кивнул я.

Я наблюдал, как Джейк плеснул немного бурбона в стакан из бутылки, которую я стащил из шкафчика за стойкой.

С Джейком я познакомился прошлым летом, когда мы с Беннетом привезли в горы группу ребят из гетто, которыми занимался благотворительный фонд Беннета. Джейк стал гидом для младшей группы мальчишек.

Кроме того, у него имелись чувства к Зендеру и было трудно наблюдать, как всплывает на поверхность неуверенность моего лучшего друга, когда он ошибочно полагал, что привлекательный гид по дикой природе подойдет Зендеру куда лучше.

Джейк был в некотором роде загадкой. После того, как Беннет рассказал мне о его обширных медицинских познаниях, в его поведении не прослеживалось никакой логики. Я подозревал, что Джейк вовсе не обычный гид по дикой природе, и просто не мог не задаваться вопросом, какова же его история на самом деле.

— Когда вернутся наши голубки? — спросил Джейк с легкой улыбкой.

— Завтра, — хмыкнул я. — Ты в курсе насчет предложения?

Джейк кивнул.

— Я помогал Зендеру выбирать кольцо. У парня отличные инстинкты, когда дело доходит до дикой природы, но вот его вкус в ювелирных изделиях определенно сомнителен.

Я усмехнулся.

— Ну, хотя бы место он выбрал правильно.

Зендер признался мне, что собирается сделать предложение Беннету на одном из озер, где мы разбивали лагерь во время недельного похода с парнями.

— Ты останешься здесь? — поинтересовался я, обводя рукой вестибюль туристической базы.

Небольшой бар примыкал к вестибюлю. Обычно по вечерам бармен подавал напитки, но база была закрыта на пару недель, пока переходила от предыдущего владельца к Зендеру и Беннету.

— Только на одну ночь, — кивнул Джейк. — Мы с Зендером проводим кое-какую работу на дороге, ведущей к хижинам.

Я знал, что он говорит о соседних домиках, которыми они владели в нескольких милях от базы.

— Ты живешь в горах, верно?

Еще один кивок.

— Зендер собирается продавать свою хижину?

— Не уверен, — пробормотал Джейк. — Он упомянул, что хочет сдать ее в аренду.

Мы замолчали, когда тема себя исчерпала, и сосредоточились на выпивке. Я старался не думать об Эше, но, конечно же, это была невыполнимая задача. За три дня, что прошли с тех пор, как я покинул Нью-Йорк, мне не раз приходилось останавливать себя, чтобы не сесть на следующий рейс обратно, лишь бы убедиться, что с ним все в порядке.

Выйдя из полицейского участка, я пытался сохранить решимость вернуться к тому, как жил до встречи с Эшем. Я даже отправился в один из ночных клубов, которые регулярно посещал раньше, но в тот же момент, как симпатичный невысокий твинк подошел ко мне и многозначительно положил руку на плечо, мне стало плохо, и я практически оттолкнул его от себя. Потом я вернулся домой и начал искоренять Эша из своей жизни другими способами.

И с треском провалился.

Уже невозможно будет вернуться к прежнему образу жизни.

Потому что я никогда в действительности и не был тем человеком. Тем неуязвимым парнем, который трахает всех, кто попадает к нему на глаза, скрывая себя за вуалью грубого юмора и напускного обаяния.

Эш не изменил меня. Нет... Он меня нашел. Он позволил мне быть собой, быть настоящим Эйденем, у которого было дерьмовое детство и который все еще мучился жутким чувством вины из-за потери младшего брата, не сумев его спасти. Больше не было необходимости прятаться за тщательно продуманной паутиной лжи и ложной бравадой.

Нет, я не вернусь, потому что тот Эйден постарается забыть Эша за бесконечной вереницей мужчин, кучей денег и бессмысленным одобрением в деловом мире.

А я не хотел забывать Эша.

Я все равно не смогу.

Он стал такой же частью меня, как и любой жизненно важный орган.

Теперь мне просто нужно понять, как жить без него.

Жить без жизненно важного органа? Да, удачи тебе с этим, Эйд.

Велев своему внутреннему голосу заткнуться, я потянулся за бутылкой, что стояла между мной и Джейком...

— Эйден?

... и застыл при звуке знакомого голоса, раздавшегося позади меня.

Нет... не может быть.

Я повторял себе, что этот голос звучит только в моей голове, что сознание играет со мной в свои больные извращенные игры, но что-то внутри меня все равно заставило обернуться.

За те миллисекунды, которые потребовались мне, чтобы убедиться в том, что вижу, я заметил несколько вещей.

Эш в самом деле был здесь, не более чем в десяти футах от меня – стоял в сводчатом деревянном проходе огромного дома и казался крошечным в этом большом открытом пространстве.

Его все еще с трудом можно было узнать из-за синяков и ссадин, которые сплошь покрывали кожу, и слишком большой мешковатой одежды, включая то, что выглядывало из-под нее и очень смахивало на больничный халат.

И при этом он все равно оставался самым красивым созданием, которое я когда-либо видел.

— Эш... — выдохнул я и практически спрыгнул со своего стула, когда заметил, как он покачнулся.

Я успел добраться до него раньше, чем он упал, но у меня была лишь доля секунды, чтобы сообразить, где схватить, не причинив ему при этом боли, так как на его руке все еще не было гипса. Мне удалось обхватить Эша за спину и рухнуть на колени, в то время как его ноги ослабли и подогнулись. Он придушено вскрикнул, когда сломанная рука коснулась моей груди.

— Прости... — прошептал я со слезами на глазах и прижался губами к его лбу. — Прости, детка.

Он покачал головой и заплакал, прижавшись лицом к моей груди.

— Я не хотел этого, Эйден... Я ничего такого не имел в виду. Письмо, судебный запрет... — он умолк, пытаясь сделать глубокий вдох.

Как бы сильно мне ни хотелось прижать его к себе еще ближе, я отодвинулся, чтобы не слишком давить на него.

— Эйден, дай мне взглянуть, — услышал я голос Джейка, когда тот опустился на блестящий деревянный пол рядом со мной. — Положи его.

Я кивнул, не видя ничего из-за застилающих глаза слез.

— У него сломана рука, — выпалил я. — Они должны были наложить гипс...

Я понимал, что возможно несу всякую бессмыслицу, но Джейк лишь на миг положил свою ладонь мне на плечо, а затем сосредоточил все свое внимание на Эше. Сам Эш, казалось, почти не замечал Джейка, потому что продолжал говорить со мной.

— Я пытался остановить его, Эйден. Я правда пытался...

Страх прошел меня насквозь.

— Пытался остановить от чего, детка? — спросил я.

Раздался испуганный вскрик, и, вскинув голову, я наткнулся взглядом на Лаки, стоявшего в дверях вестибюля, зажав рот ладонью.

— Эш? — прошептал он. Его свободная рука зарылась в мех Медведя. Большой пес толкнулся ему в ноги, а затем сел, послушно поджав под себя лапы.

— Лаки, мне нужен мой рюкзак из грузовика, — быстро скомандовал Джейк.

— Это Эш? — вновь потрясенно переспросил Лаки.

Прежде чем я смог ответить, Джейк повторил более настойчиво:

— Лаки, мне нужно, чтобы ты принес мой рюкзак, тогда я смогу помочь Эшу.

То ли тон Джейка, то ли его слова, вывели наконец Лаки из ступора, потому что он кивнул, поспешно повернулся и выбежал из вестибюля, а огромный черный пес последовал за ним.

— Бизнес, Эйден... Он сказал, что уничтожит твоё агентство. Я пытался остановить его, — выпалил Эш. Его лицо исказила гримаса боли, а здоровая рука задрожала, когда он попытался ее поднять. Я схватил ее и держал в своей ладони, чтобы унять дрожь.

Господи, блядь, он в самом деле беспокоился о моем бизнесе?

Не обращая внимания на руки Джейка, пока тот осматривал травмы и повреждения, я низко склонился над лицом Эша.

— Мне плевать на бизнес, детка. Пожалуйста, просто скажи, что ты в порядке.

Я знал, что это глупо, учитывая, что в порядке он явно не был, но мне нужно было знать, что не случилось ничего хуже, чем это.

Эш, кажется, уловил, о чем я спрашиваю.

— Он вывернул мне руку и ударил. Кажется, пнул... Но это все. Я должен был выбраться оттуда, Эйден. Я должен был найти тебя. Я не отпущу, Эйден. Я не отпущу... — сумел он выдавить из себя между всхлипами.

Я смутно осознавал, что Лаки вернулся и отдал рюкзак Джейку, но заставил себя абстрагироваться от всего и нежно поцеловал Эша в губы.

— Я тоже, детка. Никогда больше не отпущу.

Эш тяжело выдохнул и кивнул, а затем его свободная рука обвилась вокруг моей шеи. Я отчаянно цеплялся за него, как только мог. Я знал, что должен позволить Джейку осмотреть Эша, но мне нужно было еще хоть несколько секунд, чтобы поверить, что он действительно здесь.

Как бы плохо все ни было, если это сон, я не хотел просыпаться.

Потому что я наконец-то вернул своего Эша и все было именно так, как я сказал. Я больше никогда его не отпущу.

* * *

Джейк помог нам добраться до больницы в горах и сориентироваться в получении медицинских записей для местных врачей. Он оставался с нами все время и продолжал объяснять Эшу все спокойным уверенным голосом, пока врачи и медсестры накладывали гипс на его сломанную руку. Как только Эша перевели в больничную палату с капельницей и обезболивающими, его тело, наконец, расслабилось настолько, что он смог заснуть.

Джейк уехал с час назад, но пообещал, что вернется утром, чтобы первым делом провести нас. Я горячо поблагодарил его за помощь, а затем устроился на ночлег в кресле рядом с больничной кроватью Эша. Я сел с другой стороны от его сломанной руки и не переставая легонько поглаживал пальцы той, к которой была подсоединена капельница. Через некоторое время взял пульт и включил телевизор, максимально убрав на нем звук, чтобы дать Эшу поспать.

Должно быть, я ненадолго задремал, потому что проснулся от звука сонного голоса Эша, который просил меня прибавить громкость.

— Ты в порядке? — поинтересовался я, подняв голову с края кровати. Его лицо по-прежнему сплошь покрывали синяки, но выглядел он немного лучше, чем когда я впервые увидел его в вестибюле. За окном все еще было темно, и я понял, что сейчас раннее утро.

— Эйден, прибавь громкость, быстро, — повторил он.

Я сделал, как Эш просил, и повернулся, чтобы узнать, что он смотрит. На экране оказался мой давний сосед по комнате из колледжа, Джоуи Хэмилл, и он брал интервью у Сиенны. Той самой Сиенны, которая встречалась с Бомбардиром Флинном.

— Что? — пробормотал я.

Звук ее раздражающе-надоедливого голоса заполнил комнату, действуя мне на нервы.

— *В этом нет ничего плохого, Джо. То есть, пойми меня правильно, я настолько же свободна от предубеждений, как и все остальные. Просто, знаешь ли, хотелось бы быть в курсе, что я встречаюсь с геем. Понимаешь?*

Неверие пронзило сознание, когда до меня наконец дошло, что я вижу. Сиенна выступала по национальному телевидению, устроив публичный камин-аут суперзвезде НФЛ Бомбардиру Флинну.

Я резко обернулся, чтобы увидеть реакцию Эша. Его рот слегка приоткрылся от удивления, но в глазах мерцали огоньки.

Вытащив из кармана телефон и проверив время, я снова посмотрел на телевизор. В такой поздний час это, скорее всего, был повтор более раннего вечернего интервью.

— *Почему я, Джо? Почему Бомбардир решил разбить сердце мне, еще и таким образом?*

Я бросил взгляд на Эша. Он не сводил широко распахнутых глаз с телевизора, как будто просто не мог поверить в то, что видел.

Заговорил Джоуи.

— *Что пришло тебе в голову, когда ты узнала, что он, возможно, бисексуален? Как ты узнала об этом?*

Дополнительный балл Джоуи за исправление ее невежественного предположения, что Бомбардир гей.

— Ну, это самое смешное. На самом деле, мне было совсем не смешно, но ты понимаешь, о чем я. В новостях говорили, что он помог своему кузену после того, как несчастного парня избили. Я так переживала за этого бедного мальчика. Но потом мой друг Эрик сказал мне, что этот парень на самом деле бойфренд Бомбардира. И что они вместе уже много лет. И знаешь, о чем я подумала в первую очередь? Зачем такому знаменитому парню, как Бомбардир, встречаться со своим кузенком, когда он может заполучить кого угодно? Это просто не имеет смысла.

Я не смог сдержать смех и услышал, что Эш тоже негромко посмеивается, поэтому повернулся, чтобы улыбнуться ему. Он похлопал по месту на кровати рядом с собой, и я, не теряя времени, забрался к нему под одеяло.

— Так лучше, — он прижался ко мне и положил голову на грудь. — Намного лучше.

— Так что я отправилась в больницу, чтобы самой посмотреть, что к чему, — продолжала Сиенна. — И увидела, как они целуются. То есть, по-настоящему целуются. Буквально не отрываясь друг от друга, если уж хочешь начистоту.

— Чушь собачья! — скрипнул Эш. — Не было такого. Клянусь, Эйден, — он встревоженно глянул на меня.

— Ш-ш-ш... — я убрал волосы с его лба. — Все в порядке, детка. Я верю. Мне только жаль, что меня не оказалось рядом, чтобы помочь тебе. Я был таким идиотом. Если бы я только знал, что ты останешься в больнице один, без защиты, я бы никогда не поднял на него руку. И то, как ты смотрел на меня после...

Я непроизвольно сцепил челюсти, а в глазах защемило при мысли о том, что он все это время был прикован к больничной койке, находясь во власти Бомбардира.

— Хэй, — тихо, позвал Эш и его ладонь легла мне на грудь. — Я не тебя боялся, ты же это знаешь, правда?

Когда я не ответил, он коснулся моей щеки. Я машинально словил его пальцы, чтобы он не сильно двигал загипсованной рукой, потому что практически любое движение причиняло ему боль.

— Нет, Эйден, клянусь. Я просто пытался остановить тебя, потому что боялся, что с тобой что-нибудь случится. Как бы мне ни хотелось, чтобы Билли испытал хоть малую часть того, что пережил я по его вине, это не должно быть за твой счет.

Я поцеловал Эша в лоб, но не мог отрицать, что его слова помогли облегчить внутреннее беспокойство, не дававшее мне свободно дышать. Я жутко переживал, что теперь он боится меня. Слава богу, это не так.

— Уже не важно, все кончено.

— И судебные запреты... это все было частью игры. Я уже аннулировал свой. Я сделал это по дороге на автовокзал.

— На автовокзал? — удивленно переспросил я. — Ты что... ты приехал сюда на автобусе? — недоверчиво уточнил я. — Это же два дня пути, Эш.

— Это все, что я мог себе позволить, — тихо пробормотал он, вперившись взглядом в ярко-синий гипс на руке. — У меня не было денег. Он забрал все.

Я постарался сдержать гнев, чтобы Эш не ощутил напряжения.

— Где ты взял деньги на билет? Эмили?

Через минуту он наконец вздохнул и посмотрел на меня.

— Нет. Продал отцовскую гитару.

Я почувствовал, как мое сердце разорвалось надвое.

— Нет. *Нет*, детка... Почему ты не позвонил мне? Я бы купил тебе билет на самолет. Или ты мог бы позвонить Чейзу. Ты же знаешь, он помог бы. Ну почему? О, детка... — простонал я, прижимаясь губами к его волосам на макушке. — Мне так жаль.

— У меня не было телефона. Не было ничьих номеров, и, честно говоря, Эйден, в тот момент я даже не думал. Я просто знал, что мне нужно попасть в Хэйвен. Нужно попасть сюда, к тебе.

— Я рад, Эш. Я так этому рад.

Эш снова расслабился рядом со мной.

— Все было не так уж плохо. Коп, который помог снять судебный запрет, дал мне бутылку воды, так что я пару раз наполнял ее по пути сюда. И женщина, сидевшая рядом со мной в автобусе, поделилась картошкой фри. Большую часть пути я все равно проспал.

Я видел, как веки Эша снова отяжелели, поэтому негромко произнес:

— Поспи, Эш. Мы сможем обо всем поговорить утром.

— Мне так жаль, Эйден. Я не смог этого сделать... — вдруг прошептал он, и слезы покатались по его щекам.

— Сделать что, детка?

— Отказаться от тебя.

Прежде чем я успел ответить, он порывисто сел.

— Нет, Эш... — попытался я остановить его, но он был непоколебим, и мне пришлось поддерживать его здоровую руку, чтобы он не задел сломанную.

— Я пытался, правда пытался... — выдавил он. — Хотел выждать, пока Билли забудет о тебе, и только потом уйти, чтобы у него не было причин мстить. Но он рассказал о твоей записке, и я просто не смог... Я просто не мог потерять тебя. Я так люблю тебя, Эйден. Я сделаю все, чтобы помочь тебе спасти твой бизнес. Что угодно. Дам показания против Билли, поговорю с репортерами...

Я нежно поцеловал его, чтобы заставить умолкнуть, а затем отстранился лишь на миллиметр, выдохнув у его губ:

— Эш... — с трудом прошептал я. — Ты не мог бы повторить последнюю часть?

— Я дам показания... — начал он в отчаянии.

— Не то. До этого. Пожалуйста, боже, Эш, скажи это снова.

Наконец он немного расслабился, его глаза влажно блестели.

— Я люблю тебя, Эйден.

Я обхватил его ладонью за шею и осторожно прижался лбом к его лбу.

— Черт возьми, Эш, как же я тебя люблю. Боже... Ты просто не представляешь, насколько сильно, — произнес я, покачив головой, прежде чем снова нежно поцеловать его.

Он тихо всхлипнул и оказался в моих объятиях. Я держал его, осторожно маневрируя, пока мы снова не легли с ним на кровать.

— Мне плевать, даже если Билли и попытается уничтожить мой бизнес. Этот мудак ни хрена не смыслит в равном противостоянии. Ни в физических драках, ни уж тем более в судебных разбирательствах с учетом общественного мнения. А после того, что мы только что видели, думаю, теперь он будет чрезвычайно занят, пытаясь спасти собственную карьеру. Так что никогда больше не извиняйся передо мной за это, слышишь?

Эш кивнул, лежа на моей груди.

— А теперь сделай мне одолжение и перестань бороться с действием медикаментов, ладно?

Он снова кивнул.

— Никуда не уходи, мгм? — устало пробормотал он.

— Я здесь, детка, — я подождал, пока Эш устроится поудобней, и хотя он еще не успел уснуть, я знал, что это ненадолго.

Я снова перевел взгляд на экран телевизора и увидел конец интервью Сиенны.

— *Согласно поступившей информации, Вы предъявили Бомбардиру обвинение в физическом насилии. По всей видимости, есть запись с камер наблюдения, на которой зафиксирована физическая ссора, которая произошла между вами в вестибюле его жилого комплекса, верно?* — поинтересовался Джо.

Мой пульс ускорился. Значит, я был прав. С ней он тоже распускал руки.

Сиенна посмотрела на свои колени, а я задумался, прошла ли она хоть через сотую долю того, что пережил Эш.

— *Да. Но мой адвокат посоветовал мне воздержаться от публичного обсуждения этого вопроса.*

Я потянулся за пультом, который лежал между нами на кровати, и выключил телевизор. Затем вытащил телефон и набрал номер Чейза. Не имело значения, что была середина ночи, я хотел, чтобы он знал, что Эш со мной, не говоря уже о том, что я просто умирал от желания выяснить историю этого интервью.

— Чейз Пэрриш, — сонно ответил он. По роду нашей деятельности ночные звонки были частью работы.

— Это я. Хотел предупредить, что Эш со мной.

— Да? — голос Чейза тут же зазвучал бодрее. — О, слава богу.

Его облегчение застало меня врасплох.

— А в чем дело?

— Я искал его везде... ладно, не везде, потому что я не так уж много о нем знаю.

— Зачем ты его искал?

— Потому что хотел поговорить с ним ... э-э... кое о чем, и попытаться убедить его... — мой брат осекся.

— А это «кое-что» случайно не имеет отношения к тому, что Сиенна разыгрывает из себя обманутую любовницу в кресле Джоуи?

На том конце на мгновение воцарилась тишина.

— Да, эм... насчет этого... — начал он.

Я взглянул на Эша и по выражению его лица понял, что он все еще не спит и прекрасно слышит, о чем говорит мой брат.

— Ну, возможно, это я попросил Джоуи дать Сиенне шанс толкнуть Бомбардира под автобус. Ублюдок заслуживает этого. Никто не смеет трогать моего брата, даже пальцем, и оставаться при этом безнаказанным.

— Вряд ли он хоть пальцем меня тронул, — усмехнулся я.

— Я говорил не о тебе, Эйден, — мягко заметил Чейз. — Я имел в виду Эша.

Я почувствовал, как Эш прижался ко мне и на долю секунды заметил в его глазах влажный блеск. В горле образовался комок, мешающий говорить, но мне удалось ответить.

— Спасибо. Я твой должник.

— Позаботься о нем, Эйд.

— Обязательно.

Вскоре Эш все-таки поддался соблазну обезболивающего и уснул. Я воспользовался возможностью, чтобы написать Томасу, и попросил его попытаться срочно разыскать гитару Эша. Я знал, что она была с ним в тот день, когда на него напал Билли, так что вполне логично было предположить, что он толкнул ее где-то поблизости от кофейни или на прямом участке Сентрал Парк – Вест и 8-й авеню между больницей и автовокзалом. Я не забыл упомянуть выцветшую Вулканскую наклейку на внешней стороне чехла, в надежде, что она поможет отыскать нужную гитару. Я велел ему также проверить 54-ю Вест Стрит, так как это было недалеко от полицейского участка, в котором Эш аннулировал свой судебный запрет в отношении меня.

Внутри все сжалось, когда я осознал, что даже в том состоянии, в котором он находился – избитый, растерянный, преодолевший пешком четыре мили, чтобы сесть на автобус – он в первую очередь думал обо мне. Эш позаботился о том, чтобы у меня не возникло неприятностей, когда он здесь появится.

Блядь. Мне следовало немедленно прекратить думать о его ужасном путешествии, если я хочу успокоиться.

Несколько часов спустя, когда утренний свет только-только начал проникать через большие окна, появился Джейк, чтобы провести нас. Он с легкой улыбкой подошел к кровати и пожал мне руку. Это движение разбудило Эша, и он сонно махнул Джейку, прежде чем потянуться и вновь прижаться ко мне.

— Как у вас дела, ребята? — негромко поинтересовался Джейк. — Что-нибудь нужно? Беннет, Зендер и Лаки тоже пришли со мной. Они захватят нам кофе внизу. Для тебя без кофеина, — слегка улыбнулся он Эшу.

— Идеально, — кивнул я. — Спасибо.

Джейк оценил повреждения Эша, внимательно изучая его глаза и лицо.

— Эти ссадины выглядят лучше. Заживление не займет много времени, и шрамов, насколько я вижу, тоже практически не останется, это хорошо, — пробормотал он. — Можно взглянуть на травмированные ребра? Я быстро.

Эш задрал больничный халат, пока я крепко придерживал край одеяла, чтобы помочь ему сохранить как можно больше приличия.

Джейк нахмурился и провел пальцами по синяку.

— Гематомы выглядят гораздо лучше. Обязательно оставайся на противовоспалительных, которые назначил доктор, даже когда вернетесь домой, хорошо? Через пару часов тебя выпустят отсюда. Уверен, Беннет и Зендер позаботятся о тебе у себя на базе, но не стесняйся обращаться, если что-нибудь понадобится или возникнут вопросы.

Эш кивнул.

— Спасибо. А ты врач, Джейк? — уточнил он. — Я хотел спросить тебя об этом еще вчера, но было как-то не до того.

Джейк быстро глянул на меня, и я заметил, что он прикидывает, как лучше ответить на вопрос.

— Был когда-то... в прошлой жизни, — тихо сказал он, его глаза потемнели.

Поскольку Джейку на вид было не больше тридцати, это замечание прозвучало достаточно странно, но Эш лишь кивнул ему.

В этот момент в комнату ворвалась команда Беннета, заполняя пространство шумной болтовней, смехом и восхитительно пахнущим кофе. Я отвлекся от своего любопытства по поводу заявления Джейка, когда мы все практически задышали ароматом горячих напитков, которые передавал Лаки.

Как только его руки освободились, он подошел к кровати и осторожно положил ладони на щеки Эша.

— Прошу прощения за свой французский, но, блядь, никогда больше так с нами не поступай. Ты напугал меня до смерти.

Я заметил обеспокоенный взгляд Беннета, в то время как Зендер просто кивнул. В глазах Джейка светилось сочувствие, словно он был полностью согласен с Лаки.

— Обещаю, — произнес Эш. — Прости, Лаки. Хорошо?

— Ну, черт, — закатил тот глаза. — Тут так и просится цитата из «Стар Трек». Ты действительно хочешь, чтобы я это сделал, да? Ладно. *Я был и всегда буду твоим другом.* Ну вот, я это сказал.

Все рассмеялись, и следующий час мы провели, слушая подробности сделанного предложения. Беннет прослезился, вспоминая слова, сказанные Зендером, и продемонстрировал кольцо. Лаки, как и следовало ожидать, скорчил гримасу, когда его отцы, закончив свой рассказ, начали целоваться. Предоставив их самим себе, он сконцентрировал свое внимание на нас с Эшем, уговаривая приехать навестить его через несколько месяцев.

— Покататься на лыжах, чувак! Ты просто обязан это сделать. Зендер научил меня прошлой зимой в Вермонте, чтобы я был готов к здешнему лыжному сезону, — выпалил Лаки.

— Ладно, ладно. Ты уговорил нас, — согласился Эш. — Дай мне только несколько месяцев побыть дома и отлежаться какое-то время в постели, хорошо?

Эш бросил на меня восхитительный взгляд, который безошибочно сказал мне, каким именно образом он собирается «отлеживаться».

— Он имел в виду, дай ему оправиться от травм сначала, — уточнил я.

— Конечно, — фыркнул Зендер. — Именно это он и имел в виду.

Когда пришло время расходиться, мы напомнили, что вернемся на туристическую базу через несколько часов. Я даже не сразу заметил, что Джейка не оказалось среди нас, когда все засобирались, и мысленно задавался вопросом, в какой момент он успел незаметно уйти. К моему удивлению, Джейк вернулся примерно через час.

Нам с Эшем повезло наткнуться на марафон «Стар Трек» по телевизору. Я ненадолго выбрался из кровати, только чтобы не мешать доктору проводить последний осмотр, прежде чем она начнет оформлять бумаги на выписку, но стоило женщине выйти из комнаты, как Эш жестом позвал меня обратно к себе.

Он сделал тише звук телевизора, заметив Джейка, маячившего в дверях. Казалось, тот не хочет входить, и я подумал, он беспокоится, что помешает нам своим вторжением.

— Я просто хотел попрощаться, — сказал Джейк, протягивая руку, чтобы пожать ее мне, потом Эшу.

— Увидимся позже на базе? — поинтересовался я.

— Эм... нет, я возвращаюсь в хижину.

Он уже развернулся, чтобы уйти, но Эш быстро окликнул его.

— Джейк, подожди.

Я помог Эшу сесть, чтобы он мог лучше его видеть.

— Я просто... спасибо тебе.

— Всегда пожалуйста, — ответил мужчина. — Рад, что все налаживается.

— Зендер и Беннет говорили что-то про ужин завтра вечером... может, устроим вечер кино. Лаки уже взял в прокате все три ремейка «Стар Трек».

Джейк мгновение помолчал, а потом слегка склонил голову.

— Ремейки? — переспросил он. — Этот парень понятия не имеет, что теряет.

— Спасибо, — вставил я и Эш рассмеялся, легонько ударив меня в грудь.

— Ты мог бы помочь нам решить, кто круче: Закари Куинто или Крис Пайн, — предложил Эш.

— Вне конкуренции, — Джейк чуть нахмурился, — Боунз самый горячий, — невозмутимо констатировал он, имея в виду доктора из шоу.

Мы с Эшем хмыкнули.

— Так ты придешь? — не отступал Эш.

Я видел, как Джейк на миг задумался, и у меня возникло ощущение, что он собирается сказать «нет».

— Посмотрим, — наконец, выдал он.

Эш оставался непоколебим и, когда Джейк вновь развернулся, чтобы уйти, произнес:

— Постарайся, ладно?

Джейк на секунду затормозил у двери и спокойно заметил:

— *Черт поberi, Джим, я врач, а не волшебник.*

Мы с Эшем рассмеялись над знаменитой фразой из шоу, и через мгновение Джейка уже не было. Эш вновь устроился у меня на груди и стал искать пульт.

— Интересно, какова его история, — тихо произнес он.

— Почему ты думаешь, что она у него есть? — поинтересовался я, удивленный тем, что Эш уловил то же самое, что и я, зная Джейка такой короткий промежуток времени.

— Он носит с собой какую-то боль... это определенно история, — Эш прижался к моей груди и негромко добавил. — Ему нужен его собственный «Эйден».

— Что ты имеешь в виду? — уточнил я, легонько поглаживая кончиками пальцев его руку.

— Ему нужен кто-то, чтобы спасти его, — устало объяснил он и, прежде чем я успел хоть что-нибудь ответить, Эш задремал.

Я глянул на дверь и подумал, что, возможно, он очень даже прав.

Глава 28

Эш

— Скажи мне еще раз, что я поступаю правильно, — пробормотал Эйден.

Он не переставая дергал ногой под столом, так, что его колено подпрыгивало, и слегка нервно барабанил пальцами по потертой деревянной столешнице. Я переплел наши пальцы и крепко сжал его руку, а затем поднес ее к губам и поцеловал.

— Тебе не нужно, чтобы я это повторял, — мягко сказал я.

Эйден глубоко вздохнул и кивнул.

— Да, — согласился он.

Эйден не сводил с меня глаз, но как только дверь в кафе открылась, бросил на нее взгляд, чтобы проверить, кто вошел. Его тело слегка обмякло, когда оказалось, что это женщина с маленькой девочкой.

— Черт, — пробормотал он себе под нос, а затем вновь начал барабанить свободной рукой по столу, пока у меня сердце кровью за него обливалось.

Кофейня, которую мы выбрали для встречи с его отцом, оказалась тихой, сейчас здесь было всего несколько посетителей. Когда Эйден подошел ко мне и поделился тем, что наконец готов

выслушать своего отца, мы обдумали с ним, где будет лучше всего встретиться с Эдвардом, сразу же исключив при этом нашу квартиру, а также «Телепортируй Меня Ламте». Эйден не был готов к тому, что Эдвард окажется на его территории, а в моей кофейне существовало слишком много отвлекающих факторов, так как большинство завсегдатаев знали меня, и там стало еще более оживленно с тех пор, как я начал давать небольшие выступления три раза в неделю по вечерам и выходным.

Мы вернулись в Нью-Йорк несколько недель назад, и хотя Эйден начал спать немного лучше, его по-прежнему мучили кошмары, так что он почти смирился с тем, что они не оставят его просто так. Именно я предложил ему поговорить с профессиональным специалистом, чтобы попытаться справиться с чувством вины, которое он все еще испытывал из-за гибели Дэнни. Первый сеанс был назначен на конец недели.

Меня удивило, когда Эйден согласился встретиться с отцом, но я подозревал, что немаловажной причиной тому, что он, наконец, решил позволить ему сказать свое слово, стал звонок Эдварда после того, как тот узнал из прессы о нападении на меня и связался с Эйденом, чтобы поинтересоваться, как я.

Минуты шли, а Эйден нервничал все больше и больше. Я подвинул стул, чтобы сесть еще ближе к нему, накрыл его руку своей, а другой заправил ему волосы за ухо и прижался головой к его голове.

— Все будет хорошо, Эйден. Обещаю.

Он кивнул. Как только я переплел с ним пальцы своей сломанной руки, Эйден автоматически ослабил хватку, чтобы ненароком не причинить мне боль. Несмотря на стресс, он все равно в первую очередь сосредотачивался на моих потребностях.

— Люблю тебя, — прошептал я.

От этих слов Эйден мгновенно расслабился, а затем его губы скользнули по моему виску.

— Люблю тебя, — выдохнул в ответ он мне в волосы.

Я не был уверен, как долго мы так просидели, но безошибочно уловил, когда Эдвард наконец вошел в дверь кофейни, потому что Эйден снова напрягся. Я заставил себя выпрямиться.

Эдвард нервничал не меньше сына. Мы ожидали, что он придет с женой, но когда он подошел к нам, стало ясно, что пришел Эдвард один.

— Привет, сынок, — поздоровался он, остановившись у стола.

Эйдену удалось кивнуть, но на этом и все. Он не встал, чтобы пожать руку отцу, и к счастью, тот, казалось, не рассчитывал на подобное.

— Могу я угостить вас кофе? — предложил Эдвард, указав на наши пустые кружки.

— Нет, спасибо, думаю, нам уже хватит, — произнес я, когда Эйден так ничего и не ответил.

Эдвард кивнул и сел напротив, положив руки на колени, а я задумался, не взял ли он себе кофе по той простой причине, что иначе стало бы заметно, что его руки дрожат так же сильно, как и у его сына.

— Спасибо, что согласился встретиться со мной, Эйден, — начал Эдвард, а потом перевел взгляд на меня. — Очень сожалею о случившемся, — он глянул на мой гипс. — Хорошо себя чувствуешь?

— Я в порядке, — кивнул я ему. — Вы очень добры, спасибо, что интересовались мной.

— Ну, я видел, как ты важен для моего сына в тот вечер, когда мы... в тот вечер, когда мы встретились, — негромко произнес он, снова глянув на Эйдена.

Нога Эйдена опять начала подпрыгивать под столом, мы сидели достаточно близко, поэтому я прижался к его бедру своим. Мне было все равно, как это выглядит со стороны. Я знал, что Эйденоу это необходимо.

— Не знаю, с чего начать, — неловко признался Эдвард. — Я столько мечтал об этом моменте, но теперь, когда он настал...

Он опустил глаза, и я почувствовал укол жалости.

— Лоретта показалась мне очень милой, — заметил я. — Вы давно вместе?

Простое упоминание о жене, казалось, немного расслабило его. Он поднял взгляд и сосредоточился на мне.

— Мы поженились около года назад. Она... она спасла мне жизнь.

Пальцы Эйдена непроизвольно сжали мои. Я поменял руку, чтобы ему не приходилось беспокоиться о том, что он может причинить мне боль.

— Как вы познакомились? — поинтересовался я.

— На самом деле, через ее брата, — Эдвард перевел взгляд на Эйдена. — Он был моим куратором... в Ассоциации Анонимных Алкоголиков.

Нога Эйдена перестала дергаться, и он впервые смог сосредоточиться на своем отце.

— Анонимных алкоголиков?

— Уже 729 дней в завязке, — кивнул Эдвард.

Я мог с уверенностью сказать, что Эйден ошеломлен, однако он ничего не произнес вслух. Эдвард с трудом сглотнул и заговорил снова.

— Я начал выпивать сразу после... после Дэнни. Я говорил себе, что мне просто нужно пережить его потерю. Потом мне это стало необходимо, чтобы справляться с моим нелегким бизнесом. Потом второй развод. Потом третий. Всегда находилась причина...

Эдвард быстро обвел взглядом помещение кофейни, а затем вновь посмотрел на Эйдена.

— Но на самом деле причина была не в этом.

Пальцы Эйдена впились в мою кожу. В какой-то момент он переместил наши соединенные руки на стол. Эдвард перевел на них взгляд, и я не сомневался, что он видит, насколько побелели костяшки пальцев его сына от той силы, с которой он сжимал мою руку.

— Эйден... — внезапно прерывисто прошептал он. — Кажется, единственное, что я делаю, это лишь причиняю тебе боль.

Мужчина долго не сводил глаз с наших рук, потом поднял взгляд и посмотрел прямо на Эйдена. В его глазах стояли слезы.

— Прости меня, сынок, — прохрипел он. — За все. За ту ночь, за похороны... сейчас... — с трудом выдавил он. — Я просто... я просто хотел, чтобы ты знал, в действительности я не имел в виду того, что сказал тогда. Это была не твоя вина. Это никогда не было твоей виной.

Эйден резко втянул в себя воздух, а затем отчаянно начал перескакивать взглядом куда угодно, лишь бы не смотреть на отца. Я знал, что он пытается взять себя в руки.

Или спланировать побег.

— Я должен... я должен идти, — произнес Эдвард, вытирая глаза. Его голос был полон отчаяния, когда он прохрипел, — прости, мне очень жаль, я не хотел...

Мужчина покачал головой и уже собирался встать, когда Эйден вдруг прошептал:

— Подожди...

Это прозвучало настолько тихо, что я едва его расслышал. Эдвард, не успев полностью выпрямиться, тут же замер. Казалось, он просто застыл в этом положении, пока Эйден не повторил снова, но уже чуть громче.

— Подожди.

Я несильно сжал руку Эйдена, и он посмотрел на меня. В его взгляде застыла смесь растерянности и страха. Он сглатывал снова и снова. Как бы сильно мне ни хотелось забрать его боль, чтобы ему не пришлось больше страдать ни секунды, проходя через это снова, я понимал, что решение, в принятии которого он боролся с самим собой, должно быть его, и только его. Поэтому я сделал единственное, что было в моих силах: поднес его пальцы к губам и нежно их поцеловал. Этот жест, казалось, помог немного ослабить напряжение, потому что Эйден глубоко вздохнул.

Потом еще раз.

В какой-то момент Эдвард снова сел напротив нас.

— Я... я должен тебе кое-что сказать, — выдавил, наконец, Эйден.

Эдвард благоразумно молчал и не настаивал, когда Эйден умолк на добрую минуту.

А потом Эйдена будто прорвало. Он рассказал отцу то же самое, что и мне в тот вечер на пляже, но говорил второпях, быстро, так, словно от этого каким-то образом могло стать легче.

Хотя я знал, что это не так, потому что голос Эйдена начал искажаться, как только он дошел до того момента, где Дэнни отпустил его руку. Мою грудь пронзила боль, когда по его лицу потекли тихие слезы. Я мельком взглянул на Эдварда и заметил, как его лицо исказилось в мучительной агонии, пока он тоже молча плакал.

— Это моя вина... — выдохнул Эйден после того, как признался, что нашел в книге записку Дэнни. — Прости меня, прости меня, прости...

Я накрыл свой рот свободной рукой, когда те же два слова начали неконтролируемо срываться с его губ и уже собирался обнять Эйдена, как стул напротив нас резко скрипнул и отодвинулся, а затем Эдвард оказался рядом с ним. Он поднял сына на ноги и крепко обнял его, Эйден даже не сопротивлялся.

— Ты не виноват, — уверенно произнес Эдвард неожиданно решительным тоном.

Он повторял это снова и снова, пока Эйден продолжал извиняться, и даже после, когда Эйден наконец умолк и просто тихо оплакивал своего брата, уткнувшись в плечо отца.

А потом Эдвард сказал, что любит его и что все будет хорошо.

Я понятия не имел, как долго они так простояли, и мне было все равно. Меня не волновало даже то, что несколько посетителей кофейни время от времени украдкой поглядывали в нашу

сторону. Все, что имело значение, лишь то, что когда Эйден успокоился окончательно, он все равно не отпускал отца из своих объятий.

А отец не отпускал его.

Эпилог

Эйден

Четыре месяца спустя...

Я спрятал ноутбук в сумку и аккуратно сложил оставшиеся бумаги на своем столе. Последние несколько месяцев на работе выдались просто сумасшедшими. Как только Дельфиния, группа под названием «Lackluster», известный концертный пианист Марко Филотти и молодой бойз-бэнд «Small Crush» появились на борту практически одновременно, наше агентство быстро рвануло вперед, пытаясь не отставать.

Независимый агент по работе с талантами, которая и привела их всех к нам, стала такой неотъемлемой частью нашей команды, что мы предложили ей работу и решили расширить наши услуги от простых связей с общественностью до PR и управления талантами. Чейз был в восторге, возглавив PR-сторону, я же сконцентрировался на изучении управления талантами у Джини Юн. Она уже помогла мне заполучить певицу по имени Бин и группу под названием «Blowhole», а также Клариссу Харт – актрису из дневной мыльной оперы.

Как раз, когда я закончил собирать вещи, чтобы встретиться с Эшем на большом благотворительном мероприятии по сбору средств, в мой кабинет ворвался Томас.

— Лэрд здесь. Он не будет говорить с Чейзом, только с тобой.

— Черт, Томас. Ты же знаешь, что мне уже пора убираться отсюда, — вздохнул я.

— Знаю. Я ему так и сказал. Он клянется, что это займет всего минуту. Он выглядит так... — выдохнул Томас, уставившись вдаль.

— Красиво? — поддразнил я. — Сказочно? Горячо? Сексапильно? Так бы и трахнул?

Томас впадал в раж от многих наших клиентов, но в случае с супермоделью Лэрдом он был в этом не одинок. Все пускали на него слюни. Настолько, что даже Эш как-то в шутку поддел меня, мол, если Лэрду когда-нибудь захочется пошалить втроем, то я приглашу его к нам. Я тут же «наказал» Эша, снова и снова подталкивая его к краю наслаждения прямо там, на диване в гостиной, пока он наконец, не кончил так сильно, что забыл, о чем мы вообще говорили до этого.

— Томас, — я щелкнул пальцами, чтобы привлечь его внимание, потому что он все еще смотрел куда-то в пространство.

— Что? Прости! — спохватился он и покачал головой, чтобы развеять дымку тех определенно неприличных фантазий о прекрасной молодой модели, в которые ненадолго уплыл. — Да, сейчас его позову.

Когда Лэрд вошел в кабинет, я пригласил его присесть в кресло напротив моего стола, но вместо этого молодой человек начал расхаживать взад-вперед по комнате.

— Эйден, спасибо, что согласился встретиться со мной. Я не знал, с кем еще мне поговорить об этом.

— Никаких проблем. Что случилось? Хочешь присесть? — предложил я снова, указывая на кресло для посетителей. Наконец, он заметил кресло и быстро кивнул. Как только мы сели, он продолжил, хотя при этом непрерывно ерзал на месте.

— Ты ведь слышал о модном подиуме в Милане, верно? Тот показ, на котором я работал с Кокки Боррони?

— Да. Это был потрясающий успех.

— Для него. Это был потрясающий успех для него. Для меня это был полный кошмар.

Я постарался не закатывать глаза в предвкушении того, как избалованная супермодель пожалуется, что его ткнули шальной булавкой, когда он переодевался для выхода на подиум.

— Почему?

— Он украл мои эскизы.

Я непроизвольно наморщил лоб.

— Что ты имеешь в виду? Ты разрабатывал для него коллекцию?

— Нет. Вовсе нет. Я разрабатывал свою собственную коллекцию. Это то, ради чего я ходил в модельную школу... чему я специально учился... — его голос на мгновение оборвался, и он отвел взгляд, словно пытался взять себя в руки. — Должно быть, он видел мой альбом с эскизами или что-то в этом роде, потому что дизайн коллекции, в которую он одевал меня для шоу-показа, был моей собственной концепцией! Когда я сказал ему об этом, он отмахнулся от меня, как будто это какой-то пустяк.

— Погоди, я не понимаю. Как он мог найти твой альбом с эскизами? Думаешь, он рылся в твоих вещах за кулисами на шоу или во время примерок?

Я заметил, как Лэрд в замешательстве отвел взгляд. *Ах, вот оно что...*

— Ты спал с ним, — мягко сказал я.

— Да, — выражение лица молодого человека было непроницаемым, поэтому я не настаивал на деталях, хотя мне определенно стало любопытно, была ли это случайная связь или он состоял в отношениях с темпераментным дизайнером в годах.

— Так что ты хочешь сделать?

— Хочу показать миру, что я лучше, чем он, — упрямо сказал Лэрд. — Хочу, чтобы он появился на неделе моды в Милане в следующем году ни с чем, в то время как я появлюсь с магией.

— Лэрд... — начал я. — Ты стоишь намного больше на подиуме и перед камерой прямо сейчас, чем сможешь заработать как новый дизайнер. Кроме того, прорваться в качестве дизайнера будет действительно очень непросто, несмотря на твой успех в этой индустрии. Это вроде как у актера, играющего однотипные роли...

Я встретился с ним взглядом и увидел в нем отчаянное желание, смешанное с глубоким разочарованием. Разочарованием во мне?

— Хочешь сказать, что мое лицо может заработать больше денег, чем мой талант, — сказал он тихо. — Что я должен придерживаться того, в чем я хорош. Просто красивое личико.

— Ну...

Его лицо вытянулось, и мое сердце разбилось от той уязвимости, что отразилась в его чертах. Он начал тереть ноготь об подлокотник кресла.

Я на миг притормозил, подумав об Эше и вспомнив о том, как мало он верил в свой талант поначалу. Что, если бы кто-то предложил ему остаться работать в кафе, вместо того чтобы следовать за своей мечтой стать музыкантом? В этот вечер я бы не услышал, как он играет перед тысячами людей.

— Хорошо, Лэрд. Что от меня требуется? Скажи мне, как тебе помочь в этом?

Он вздохнул и ухмыльнулся.

— В самом деле? — прошептал он.

Это заставило меня задуматься, сколько на свете людей загнаны в угол. Да, как и большинство моделей, Лэрд был окружен целой свитой, и поклонники следили за каждым его шагом, куда бы он ни пошел, но тот факт, что он обратился за помощью именно ко мне, лишь доказывал, что его личный угол в действительности выглядел довольно пустым.

— Правда, — ответил я. — Что тебе нужно?

То, как он подался вперед в кресле и нетерпеливо потер руки, напомнило мне, каким юным он был на самом деле, несмотря на то, что уже давно работал в модельной индустрии.

— Время. И мне нужно, чтобы ты держал прессу подальше от меня, пока я где-нибудь спрячусь и создам эту коллекцию.

Я знал, что у него куча денег, так что эта часть казалась довольно простой.

— Ты собираешься спрятаться где-нибудь на частном острове? С хорошим спа?

Его глаза сузились, и он покачал головой.

— Нет. Я думал о чем-то более уединенном. Где-нибудь, где вообще не будет СМИ, и я действительно смогу быть самим собой и сам по себе. Что-нибудь вдохновляющее... окрыляющее. Есть такое на примете?

Я бросил взгляд на часы на столе. Как бы я ни хотел уделить Лэрду больше времени, мне его уже катастрофически не хватало, потому что я не мог рисковать даже минутой опоздания, когда Эш впервые встречается с семьей своего донора. После встречи он должен выступить на благотворительном концерте, который сам же и помог организовать, и все наши друзья и семья собирались там присутствовать.

— Приходи сегодня на благотворительный концерт «Пожертвуй жизнь Америке» и позволь представить тебя моему другу, Зендеру. У него есть домик в небольшом городке среди гор в Колорадо, который он сдает в аренду, это место вполне может стать именно тем, что ты ищешь. И, само собой, шансы, что там тебя найдет пресса, практически нулевые, — заверил я его, вспомнив о том, насколько сонным городком в действительности являлся Хэйвен.

Я встал и протянул ему карточку с номером своего мобильного.

— Напиши мне после концерта, и мы сможем встретиться, хорошо? Извини, мне нужно идти. Думаю, то, что ты задумал, очень интересно, Лэрд. И я буду рад помочь, чем смогу.

Он посмотрел на меня с благодарной улыбкой.

— В самом деле? Спасибо, Эйден. Ты не представляешь, как много это для меня значит.

— Всегда пожалуйста, — сказал я, выходя с ним из кабинета.

Когда мы проходили мимо стола Томаса, мой помощник остановил меня, положив руку на плечо.

— Подожди. Не забудь вот это, — подмигнул он, протягивая маленький красный подарочный пакет.

Черт, я бы убил себя, если бы умудрился забыть его.

— Напомни мне повесить тебе жалование, — ухмыльнулся я ему. — Спасибо.

* * *

К тому моменту, как я, успев сначала заскочить домой, чтобы переодеться, уже после встретился с Эшем в пустом вестибюле концертного зала, у меня оставалось всего пять минут до прибытия Роберта Колдуэлла, отца донора сердца Эша.

После того, как я постарался наладить отношения со своим отцом, Эш вдохновился этим примером, чтобы связаться с семьей своего донора, и договорился, чтобы отец, Роберт, и его сыновья пришли посмотреть благотворительный концерт по сбору средств. Он не сказал им для чего на самом деле был организован концерт, и что пожертвование в Фонд обмена органами для трансплантации будет сделано от имени Энни Колдуэлл.

Я знал, что они несколько раз говорили по телефону с тех пор, как Эш впервые связался с ним, но еще ни разу не виделись лично до этого вечера. Концерт должен был состояться через пару часов, поэтому мы решили, что это хорошая возможность встретиться с Робертом и пропустить по стаканчику, дабы познакомиться с ним и его сыновьями. Эш настаивал, что это уже слишком, но я заплатил владельцу ближайшего бара, чтобы тот сдал нам заведение на весь вечер, и мы могли бы уединиться с Робертом и его сыновьями, а позже отпраздновать после концерта.

— Хэй, детка, — поздоровался я, наклоняясь, чтобы поцеловать Эша. — Извини, я немного задержался. Как прошла твоя консультация с доктором Эпсон?

— О, вообще-то, хорошо. Я расскажу тебе позже. Она сказала, что мы можем сократить наши встречи до одного раза в месяц, если я не против. Я согласился.

— Отличная новость. Как репетиция? Я надеялся приехать чуть пораньше, чтобы посмотреть на нее.

Эш улыбнулся мне, но было заметно, что он нервничает.

— Все в порядке. Сегодня вечером ты увидишь результат.

Я взял его за руку, пока мы пересекали улицу, отделяющую нас от бара.

— Как все прошло? Все готовы? Джина сказала, у «Blowhole» немного высокие запросы. Надеюсь, они не доставили тебе хлопот.

Эш ухмыльнулся.

— Скажем так, нет ничего лучше, чем кучка восемнадцатилетних, чтобы заставить тебя почувствовать себя старым чудаком, независимо от того, насколько ты молод.

— Это правда. Помнишь, как вышибала из «Shaft» арестовал их за поддельные документы? Слава богу, он позволил мне замять ситуацию билетами на выступление Дельфинии, иначе это дерьмо разошлось бы по всему миру.

— У них потрясающий звук, без сомнения. Но они еще совсем дети, — рассеянно произнес Эш, когда мы вошли в тихий бар.

Сразу после нас вошел высокий мужчина лет пятидесяти, одетый в темно-серую рубашку для гольфа и дизайнерские синие джинсы, оглядывая помещение, как будто пытался убедиться, что находится в нужном месте.

— Роберт Колдуэлл? — спросил я.

Его взгляд метнулся ко мне, потом перескочил на Эша.

— Да, это я. Эш?

— Нет, сэр. Я Эйден Вейл. Это Эш, — сказал я, обнимая Эша за спину.

Лицо Роберта просияло, но я видел, что он, как и Эш, очень нервничает.

— Здравствуй, Эш, — осторожно произнес он.

Эш притих рядом со мной, но ему удалось кивнуть в ответ.

— Ваши сыновья присоединятся к нам, мистер Колдуэлл? — поинтересовался я.

— Прошу, просто Роберт, — поправил он меня. — Я попросил их прийти чуть позже, просто чтобы это не было слишком подавляющим... они порой могут быть немного чересчур... — сказал он с улыбкой. — Но они очень хотят с вами познакомиться.

Эш с трудом обрел голос.

— Я... я тоже. Я хотел бы извиниться, что так долго не отвечал на...

— Нет, — покачал головой Роберт. — Я все понимаю. Я просто... я так рад наконец-то встретиться с тобой. Ты даже себе не представляешь, как много для меня значит видеть тебя, зная, что в твоей груди бьется сердце моего ребенка. Видеть тебя таким здоровым и живым.

— Мне так жаль, что вы потеряли ее, — прошептал Эш.

Роберт покачал головой, а потом в какой-то момент они оказались рядом, крепко обнимая друг друга. Я слышал приглушенные всхлипы, но не был уверен, чьи именно.

Я чуть отступил назад, давая им немного пространства. Когда они наконец отстранились друг от друга, у обоих были припухшие покрасневшие глаза, но они улыбались. Эш не глядя потянулся ко мне, и я схватил его за руку так крепко, как только мог.

— Спасибо, — выдохнул Эш. — Огромное спасибо за то, что вы с Энни сделали для меня. Одного слова «спасибо» недостаточно. Никогда не будет достаточно.

— Не стоит благодарности, Эш. Достаточно знать, что моя девочка сделала что-то важное и хорошее, как всегда и хотела.

— Вы должны гордиться ею, — вмешался я. — Я бы очень хотел, чтобы у меня была возможность поблагодарить ее лично. Я не представляю свою жизнь без Эша, поэтому даже и близко не могу себе представить, через что Вы прошли, потеряв Энни.

Он улыбнулся мне и протянул руку для рукопожатия.

— Не стану лгать, это было трудно. Но теперь мы видим положительные последствия того, как ее дары спасли других.

Эш глянул на меня, и я кивнул.

— Эм... мы хотели, чтобы как можно больше людей узнало о том, что сделала Энни, поэтому этот концерт сегодня вечером... он благотворительный для «Пожертвуй жизнь Америке». Вы знаете, что это за организация?

— Да, знаю, — кивнул Роберт, широко улыбаясь. — Они помогают просвещать людей в вопросах донорства органов. Именно так Энни и узнала, что нужно делать, чтобы ее желание стало общеизвестным. Это потрясающе. Спасибо. Простое распространение информации о регистрации на донорство органов поможет спасти бесчисленное количество жизней. И я знаю, что она бы гордилась этим.

— Мы... эм... надеемся, Вы не возражаете, но средства, которые мы соберем сегодня, будут пожертвованы от ее имени, — произнес Эш.

На глаза Роберта снова навернулись слезы. Ему удалось кивнуть, прежде чем он притянул сначала Эша в свои объятия, а затем и меня.

— Спасибо, — сказал он. — Она была бы в восторге.

Я потер глаза и протянул Эшу подарочный пакет. Его глаза расширились, он бросил на меня благодарный взгляд и передал пакет Роберту.

— Для Вас, — сказал он.

Роберт, казалось, удивился, но, открыв пакет, замер. Затем прикрыл рот рукой, и лишь потом осторожно вытащил из пакета стетоскоп.

— Хотите послушать? — тихо спросил Эш.

Слезы, стоявшие в глазах Роберта, побежали по его лицу.

— Да, — воскликнул он. — О боже, да.

Эш начал быстро расстегивать верхние пуговицы рубашки, чтобы Роберт мог приложить инструмент поверх знакомого шрама на его груди. В тот же миг, когда Роберт услышал сердцебиение, он застыл, сосредоточившись на нем.

Это было нереально. Наблюдать, как отец слушает сердце своей погибшей дочери, что бьется в груди другого человека, было непохоже ни на что, что я когда-либо видел за всю свою жизнь. Интимность момента, разбивающая сердце. Надежда и облегчение. Это была невероятная смесь эмоций, которая останется в душе у всех у нас на очень долгое время, если не навсегда.

Я в очередной раз мысленно испытал невероятную благодарность за то, что мой страховой полис покрывает все нужды Эша, так что у него всегда будет лучший уход, необходимый для мониторинга его состояния. Я знал, что не все могут похвастаться подобной удачей, и именно поэтому часть средств от сегодняшнего концерта пойдет в соответствующие организации, чтобы помочь людям с сопутствующими расходами на трансплантацию.

Через несколько минут Роберт вновь обнял Эша.

— Спасибо, — снова и снова шептал он свою благодарность. А затем отступил на шаг и улыбнулся нам, вытирая лицо. — Это нужно отпраздновать. Выпивка за мой счет, — улыбнулся он.

— Ни в коем случае, — рассмеялся я. — Этот вопрос уже улажен, выпивка за мой счет, — я указал на пустой бар и ожидающего бармена.

Эш и Роберт рассмеялись и вместе направились к бару.

Я улыбнулся про себя, когда понял, насколько расширился мир Эша с тех пор, как я вошел в «Телепортируй Меня Латте» и столкнулся с перепуганным молодым человеком, который боялся мечтать о больших горизонтах.

Будь на то моя воля, а так оно и будет, я позабочусь о том, чтобы он никогда больше не испытал этого чувства снова.

* * *

Эш

Никогда не забуду выражение лица Эйдена спустя неделю после благотворительного концерта, когда ему позвонили из звукозаписывающей компании, что хотела предложить мне контракт. Мы как раз сидели в конференц-зале его офиса, доедая ланч, который я принес ему, и перемывали кости некоему придурку-квотербэку, получившему свободный контракт с лос-анджелесскими LA Rams, когда зазвонил телефон Эйдена.

Он говорил и вел себя как обычно профессионально, но глаза у него едва не вылезли из орбит, и на мгновение у меня мелькнула мысль, не требуется ли ему медицинская помощь. Как только он положил телефон обратно на стол и потер ладонями рот, я заинтересовался, что, черт возьми, стряслось.

— Эштон *В-рот-мне-ноги* Валентайн, ты хоть представляешь, кто это был? — спросил он в шоке.

Я не смог удержаться и рассмеялся над своим новым именем.

— Откуда, черт возьми, мне знать, кто это? — все еще смеясь спросил я.

— Детка, ты сделал это. Контракт с «Altscore». Думаю, кое-кто заметил тебя на концерте, и они заинтересованы в том, чтобы пригласить тебя сотрудничать с ними.

Я почувствовал, как сердце в груди зачастило, будто ненормальное.

— В самом деле?

— Да. И, зная Пола Альтмана, если он заинтересовался, заинтересуются и другие тоже. Насколько я в курсе, на том мероприятии были представители по крайней мере четырех звукозаписывающих компаний, — сказал он с ухмылкой.

— Это ты. Ты сделал это, — произнес я. Это был скорее вопрос, чем констатация факта. — Ты пригласил их прийти.

— Я всего лишь послал им приглашения, Эш, — пожал он плечами. — Я ничего не говорил конкретно о тебе. Это сделал ты сам, — он кивнул на свой телефон, лежавший на столе.

— Срань господня! — выпалил я настолько громко, что Эйден от неожиданности подпрыгнул на своем кресле, а мгновением позже вбежал Томас с огнетушителем в руках. — Срань господня, я собираюсь записать целый альбом! — закричал я еще громче.

Никогда еще лицо Эйдена не светилось от такого безграничного счастья. Он практически сиял, когда поднялся и сгреб меня в свои медвежьи объятия.

— Для тебя это лишь начало, детка. Вот увидишь, только подожди, — пообещал он. — Я так чертовски горд за тебя.

И вот он я, прикрываю смену Эмили, пока она на УЗИ с Ламонтом, и мечтаю о контракте со звукозаписывающим лейблом, но на самом деле, это всегда трансформируется в мечты об Эйдене.

Время потихоньку близилось к закрытию, пока я работал за эспрессо-машиной, готовя напитки для клиентов и поднимая взгляд каждый раз, когда звонил колокольчик на входной двери. В тот момент, когда мой мужчина наконец вошел в эту дверь, как я и предполагал, он проигнорировал несколько посетителей, стоявших в очереди, и направился напрямик к стойке, глядя только на меня, а затем склонился над ней, стирая между нами расстояние, и коснулся моих губ поцелуем. Он всегда так делал, не заботясь о том, что на нас кто-то смотрит, потом говорил, что любит меня, и лишь затем возвращался в конец вереницы людей, чтобы дожидаться своей очереди и получить вожаденный кофе. К тому моменту, как он подходил к кассе, его напиток уже был готов и просто дожидался на стойке.

Вечером мы собирались поужинать с его отцом и Лореттой, а после ресторана он пообещал мне прогулку по парку. Эйден добился большого прогресса в налаживании отношений с отцом, хотя они продвигались постепенно и маленькими шажками. Я не сомневался, что сеансы с его психотерапевтом помогли Эйдену принять отца обратно в свою жизнь и, наконец, отпустить Дэнни навсегда. Это заняло несколько месяцев, но Эйден наконец начал спать по ночам. Кроме того, прошло уже больше трех месяцев с тех пор, как ему последний раз снился кошмар о смерти Дэнни, так что мы оба надеялись, что его разум наконец-то позволил прошлому навсегда остаться там, где ему было самое место. В прошлом.

К счастью, внимание Эйдена оказалось сконцентрировано на мне не полностью, когда он подошел ближе к кассе, потому что он все же заметил красный кожаный дневник на маленьком столике рядом с тем, где встал в очередь. Эйден глянул на него, прежде чем снова посмотреть на меня. Я сделал вид, что не обратил внимания, и продолжал работать. Я уже успел попросить своего коллегу Джеффа повесить табличку на дверь и запереть ее после последнего клиента. К тому моменту, как подошла очередь Эйдена, я перегнулся через стойку, чтобы вручить ему кофе.

— За счет заведения, очаровашка, — сказал я ему, целуя в губы.

Он приподнял красный дневник.

— Он у тебя меньше суток, а ты уже оставляешь его где попало? — казалось, будто его чувства слегка задеты этим обстоятельством.

Накануне он удивил меня, подарив новый дневник. Его пальцы скользнули по моим инициалам на лицевой стороне, которые выгравировали специально для меня, чтобы это был особый подарок. Кроме того, на мягкой красивой кожаной обложке имела тисненная гравировка «*Не отпускай*».

— О, ты нашел его? Спасибо, детка, — произнес я, закрывая кассу после того, как обслужил последнего клиента. — Хэй, Джефф, ты можешь уже идти и сдавать смену. Я закончу. Просто запри за собой дверь, хорошо?

— Отлично. Спасибо, Эш, — кивнул Джефф.

— Без проблем. — Я повернулся к Эйдену. — Дай мне минутку прибраться, ладно? А пока, можешь посидеть и выпить свой кофе. Если будешь хорошо себя вести, я даже позволю тебе почитать мой дневник.

— Ты споешь мне что-нибудь из него? — поинтересовался он, слегка коснувшись моих губ поцелуем.

— Не могу, — пробормотал я, а потом напомнил ему: — Гитара дома.

Гитара моего отца стала еще одним удивительным подарком, за который я буду вечно благодарен Эйдену, потому что ему каким-то образом удалось отследить инструмент даже после того, как владелец ломбарда уже продал его.

— Значит, тогда дома, — тихо сказал он.

Я кивнул и слегка подтолкнул его, чтобы он шевелился, и я мог бы закончить свою работу.

Эйден сидел и смотрел, как я убираюсь. Последние посетители ушли, и Джефф запер за собой дверь. Я не спеша закрыл жалюзи и протер пол, прежде чем присоединиться к нему на огромном диване в углу.

— Давай же, — подтолкнул я его, прижимаясь ближе. — Прочти его.

Эйден вопросительно приподнял бровь.

— Ты уверен? Все нормально, если ты не...

— Да, я уверен. Пожалуйста.

Он открыл красную книжечку на первой странице. Там было рукописное посвящение от Эйдена, в котором говорилось, что он любит меня и никогда не отпустит. Я необычайно дорожил этим дневником и обязательно расскажу ему позже, что все то время, пока он лежал на столе, где я нарочно его оставил, я не спускал с него глаз.

Эйден перевернул страницу.

Для Эйдена

Широкие улыбки озаряют мое лицо,

Вместо беспокойства.

Страхи давно канули в прошлое —

Иссякнув после огромного количества раз,

Когда ты крепко и упорно держал меня.

Правда в том, что

Это не спасение.

И никогда им не было.

Это друг, любовник,

С которым идем по жизни вместе,

*Перетекая друг в друга.
Наконец-то,
В светлое сияющее будущее
Мы шагаем.
Как помнится мне,
Мы шли по берегу, купаясь в лучах света,
Счастливые, легкие, свободные,
Вспомнив, что привело нас сюда.
И когда мы достигнем края,
Тучи разойдутся.
Теплое солнце будет светить.
Мы будем целоваться,
Дикие и свободные.
Счастье всегда рядом,
Напоминая мне...*

Эйден Вейл, ты выйдешь за меня?

Когда он дошел до последней части, все его тело дрожало крупной дрожью. Я оседлал его колени и обхватил ладонями щеки.

— Ты серьезно? — тихо спросил он.

— Еще как, черт возьми, — ответил я с широкой улыбкой. — А ты собираешься ответить «да», так что просто давай уже, выкладывай.

— Почему ты думаешь, что я так легко сдамся? — спросил Эйден, глядя на меня сияющими глазами, в которых было больше любви, чем я мог себе представить.

— *Сопротивление бесполезно*, — дерзко усмехнулся ему я.

Эйден сгреб меня, повторяя слово «Да», пока я не оказался голым и не начал умолять под ним на диване. Его губы были повсюду на моей коже, и я едва мог дышать от желания, когда оплел его руками и ногами и толкнулся пахом, ощущая твердость его члена и силу его бедер.

— Люблю тебя, — прорычал он мне в ухо, захватывая губами мочку.

— Покажи мне, — выдохнул я, когда его пальцы обхватили мой член и начали двигаться, лаская меня.

Он избавился от штанов, все еще умудряясь пожирать поцелуями мой рот и удерживая меня на грани провала в наслаждение.

— Эйден, пожалуйста... — простонал я. — *Пожалуйста...*

Он извлек из кармана брюк маленький пакетик смазки, это единственное, что нам было нужно, поскольку от презервативов мы отказались пару месяцев назад.

Хвала небесам, мне не требовалось длительной подготовки, так что это не заняло много времени, а потом Эйден толкнулся внутрь, набирая темп, двигаясь во мне, не сводя с меня глаз и обхватив мою голову ладонями.

— *Мой*, — нежно шептал он, — мой любимый, мой Эш, мой муж...

— *Твой*, — согласился я, отпуская себя в объятиях моей безопасной гавани.

Когда несколько минут спустя я закричал от наслаждения и облегчения, то осознал, что это только самое начало нашей совместной жизни.

И я уже просто не мог дождаться, когда мы заживем ею в полной мере.

Конец

От авторов:

Отчасти, история Эша, к сожалению, очень реальна для многих людей в наше время.

Прежде всего, насилие в семье — это серьезная проблема, которая сильно влияет на ЛГБТ-сообщество по целому ряду аспектов, от родительского насилия до насилия со стороны партнеров и не только.

В США: если Вам или кому-то, кого Вы знаете, нужна помощь в решении сложной проблемы бытового насилия (будь то ЛГБТ-сообщество или нет), пожалуйста, свяжитесь с национальной горячей линией по вопросам бытового насилия по телефону 1-800-799-7233. Вы также можете найти их в интернете по адресу: www.thehotline.org

Для тех, кто проживает в других странах, пожалуйста, обратитесь к местным органам по борьбе с жестоким обращением, чтобы найти людей, которые обязательно смогут Вам помочь.

И, во-вторых, донорство органов действительно спасает жизни. На сцену с Эшем, встретившим отца своего донора сердца, нас вдохновила новостная статья, которая стала вирусной в начале года, где отец смог услышать, как сердце его ребенка продолжает биться в груди другого человека. Пожалуйста, подумайте, не хотели бы Вы зарегистрироваться как донор органов. Вы можете узнать больше информации на www.donatelife.net

Послесловие

Дорогой читатель,

Мы надеемся, тебе понравилась история Эйдена и Эша! В третьей книге серии «Поворот судьбы» мы познакомимся с Джейком и Озом. Кроме того, если вы вдруг пропустили первую книгу серии, пожалуйста, ознакомьтесь с «Утраченный и обретенный», чтобы узнать, как Беннет и Зендер получили свой второй шанс и в конечном итоге за компанию втянули в это Лаки.

Как независимые авторы, мы всегда благодарны за отзывы, поэтому если у вас есть время и желание, пожалуйста, оставьте отзыв, хороший или плохой, чтобы мы могли быть в курсе, что нравится и не нравится нашим читателям. Вы также можете отправить нам отзыв по электронной почте по адресу: sllbooks@gmail.com

Присоединяйтесь к Facebook фан-группе Слоан Кеннеди: «Sloane's Secret Sinners»

<https://www.facebook.com/groups/1760064160913779/>

Присоединиться к Facebook группе поклонников Люси Леннокс: «Lucy's Lair»

<https://www.facebook.com/groups/2017155708550087/>